

Сергей Овер

Война цивилизаций: истоки и завершение

г. Хабаровск
2006

Сергей Овер

Война цивилизаций: истоки и завершение

г. Хабаровск
2006

Автор выражает благодарность
Юрию Сергеевичу САЛИНУ,
даже расхождения во взглядах с которым
не мешали продуктивному сотрудничеству

Эта книга должна была быть диссертацией;
налет её официальности так и не удалось вытравить.

На правах рукописи

Война цивилизаций: истоки и завершение

Содержание

Введение	3
Корни Мирового кризиса	3
Постановка задач	8
Основные дуальные понятия	10
Западно- и восточно-ориентированные положения	10
Ортодоксия и ересь	18
Буквализм и аллегоризм	18
Эзо- и экзотеризм	20
Формы традиционализма и его искажений	21
Часть первая. Изгнание гнозиса	29
Внешние ереси	32
Гностики	32
Симон Волхв	36
Валентин	39
Василид	44
Сатурнин	45
Гностики и христиане	50
Назарей и ессеи	60
Отступление: Рождение Синагоги	84
Фанатизм иудеев	86
Догматика иудаизма	94
Моисей и Закон	97
Ездра и новая религия	101
Реформа Ездры	109
Завершение Отступления	112
Каббалисты	113
Филон Александрийский	124
Маркион	126
Манихеи	133
Отступление: рождение Церкви	135
Синоптики	135
Четвертое Евангелие	139
Символ веры	145
Внутренние ереси	149
Монтанисты	149
Ориген	154

Донатисты	161
Ариане	162
Несториане	169
Гностицизм в последующих веках	179
Часть 2. Реформа Традиции	188
Ислам как встречный пал	188
Мухаммед – преемник духа несторианского учения	194
Параллели с несторианством	195
Параллели с христианством	204
Мухаммед и евреи	211
Несториане в Азии	214
Противовесы Ислама	215
Аркан ад-дин	215
Другие противовесы	226
Противовесы джахилии	251
К слову	254
Основное противоречие	255
Параллели Ислама с Востоком	267
Более полное изложение восточных концепций	268
Отражение восточных концепций в Исламе	279
Часть 3. Война цивилизаций	301
Цепочка следствий	300
Кто виноват в противостоянии?	305
Возможность диалога, есть ли она?	310
Путь западной цивилизации	314
Сила и слабости современного мира ислама	323
Возможные варианты завершения войны цивилизаций	338
Мировая закулиса	348
Читателю	353
Литература	356
Приложение	363

Введение

Корни Мирового кризиса

Вряд ли кто осмелится отрицать наивысшую актуальность проблемы Мирового Кризиса, грозящего похоронить под собой остатки природы, мирового консенсуса, даже саму человечность? Если ранее последняя воспринималась как духовная общность, то ныне как сосуществование и терпимость, а завтра наверняка будет осознаваться всего лишь как одинаковый способ движения в пространстве – на двух ногах, и ничего более общего.

В чем же скрываются корни Кризиса, то и дело разражающегося очередными войнами между Западом и Востоком? Есть возможность проследить несколько основных точек зрения по данному животрепещущему вопросу. Согласно Шпенглеру, «закат Европы» есть следствие старости, омертвления, неминуемой скорой смерти, четвертой и заключительной стадии жизни Запада как цивилизации – Запад болен смертью, следовательно, обречен на вражду с Востоком, которому пока далеко до этой стадии. Для Запада в далеком прошлом осталось духовное легендарное детство времен Иисуса Христа и первых христианских общин, героическое соиздание основ государственности эпохи Карла Великого, творческое горение Возрождения, и ныне лишь тяжелая поступь Капитализма со всякими пост-извращениями, обрекшего Запад на неуемную жажду денег, вещей, наслаждений и т.п., поставившего рамки, в которых деятельность с иной целью антагонизирует с общественными установками, а потому невозможна. Однако же, позволив себе усомниться в выводах мэтра философского анализа, спрашиваем, отчего, к примеру, та же Индия, имея за своей спиной историю гораздо более длительную, нежели история Запада, никак не может войти в заключительную стадию своего бытия и бесславно умереть, исчезнуть подобно Египту или Ассирии? В чем секрет восточного долголетия, или же в чем возможная ошибочность западного пути развития; если же это только ошибка, то возможно и старость вовсе не старость, а только болезнь детства? Тем не менее, коллапсирующий бездуховный монстр находится в тяжелейшем кризисе, и этот кризис, ввиду взаимосвязанности всего живого на Земле, стал Мировым.

Шпенглеру вторит Александр Зиновьев, оценивающий омертвляющее воздействие деловой жизни Запада на общество при огромной ущербности жизни коммунальной (социальной) и полном

отсутствии скрепляющей духовной (не сентиментальной!) составляющей, которая лишь иное осознание единой религиозной парадигмы. Последнюю заменила идеология массовой культуры, насаждающая искусственную преданность фетишам Демократии: президенту, Капитолийскому холму, звездно-полосатому флагу, неким демократическим ценностям и др., а также некий «сонный» вид бойца за добро (т.е. представить себя таким воином за демократические или иные ценности возможно лишь во сне, наяву же данный тип полностью фантастичен, отчего невероятна высока востребованность фэнтези читателями и зрителями Америки, желающими уйти в мир мыслимого от мира реального, изменить в котором что-либо гигантски трудно или невозможно). Идеология, подаваемая в каждое отдельное сознание через отдельный телевизор, разделяет Запад на отдельные единицы, между собой социально разведенные до уровня безвредности для существующих режимов, поэтому надеяться на внутреннее перерождение Запада не приходится. Церковная же и конфессиональная жизнь, по мнению Зиновьева, настолько ничтожна и убога, что даже не нуждается в учете.

Резюмируя Шпенглера и Зиновьева, Кризис мира выявляется в отсутствии духовного (религиозного) тождества внутри самого Запада. Образно – то, что выдается западной идеологией за тождество, есть влечение тел без влечения духа (экономические, политические и другие сходные интересы), секс без любви, жизнь бездушных тел с искусственными фантазиями вместо духовных целей.

В моем исследовании, рассматривающем как сходные социальные, так и духовные аспекты мусульманского и христианско-еретических учений, сразу необходимо определить базовые понятия и их взаимосвязь, дабы избежать ложного толкования тех или иных выводов. Поэтому, под расхожим ныне понятием «духовные цели» я понимаю идеалы, подобно духовному Солнцу *отдаленные* от уровня совершенства усредненной личности настолько же, как любое усредненное тело на этой Земле удалено от физического Солнца, *охватывающие* собой как социум в цельности, как взаимосвязанный организм, так и каждую индивидуальность, как клетку в этом организме, *порождающие* личные и социальные цели, идущие много дальше одной человеческой жизни. Для эллинов-философов, соответственно, земным олицетворением такого идеала были Платон и его учение, для мусульман – Мухаммед, Коран и

Сунна, в понимании христиан – Иисус Христос, т.е. человеческая Индивидуальность, и Евангелие, заложившие долговременные основы развития как социума, так и каждой отдельной личности в социуме, непрерывно воздвигаемые в народном сознании на протяжении всего исторического периода. Для Запада чрезвычайно трудно определить духовные идеалы, которые бы отвечали данному определению; наличие их в общественном (нельзя даже сказать, народном) сознании мы должны признать явлением чисто формальным. То, что облики Вашингтона и Франклина присутствуют на американских денежных купюрах, не означает, что их идеалистичные отображения культивируются в повседневной жизни американского общества.

Согласно проф. Хантингтону, как бы продолжающему диалог Шпенглера и Зиновьева, корни Кризиса мира заключаются в противостоянии цивилизаций Востока и Запада, как следствии конфликта их духовных векторов. Материалистическое развитие Запада привело к внедрению им в жизнь восточных стран вслед за экономическими рычагами рычагов идеологических. Запад стал не манипулировать восточными ценностями, как это делала Англия, внедрившись в Индию, а противопоставлять им свои, западные, антагоничные восточным. Восток, колыбель всех мировых религий, имеет свои воззрения на отношения между человеком и обществом, человеком и Богом, родителями и детьми и т.д., и эти воззрения часто прямо противоположны воззрениям, сложившимся на Западе. А что еще, как не воззрения формируют суть цивилизации? Если ранее противник отбирал у жертвы место проживания, то есть благоприятную для жизни среду, в которой возрастает телесное народа, то ныне он отбирает культуру и религию – ментально-духовную среду, в которой, единственно в которой возможны комфортное существование и оптимальное развитие цивилизации. Это новый тип нападения, потому мы имеем дело с задержкой массовой реакции восточных цивилизаций, выражающейся в несогласованных и спонтанных выступлениях мусульманского мира, но рано или поздно эти выступления будут носить пандемический характер, и война приобретет тотальные формы. В таком случае, конфликт цивилизаций обречен на все большее углубление, и век XXI будет веком Войны цивилизаций, а не веком мира и сотрудничества.

Итак, говорит Хантингтон, Кризис мира заключается в отсутствии понимания между цивилизациями, обозначившими два мировых полюса – Запад и Восток. Продолжая мысль профессора, можно

добавить, что понимание исключается отсутствием духовного, читай, религиозного тождества, что очень созвучно выводам из философского анализа Шпенглера и Зиновьева, только данное тождество, точнее, его отсутствие, рассматривается уже не в приложении к Западу, а как поле и причина конфликта между Западом и Востоком.

Согласно хода исследования, никак нельзя обойти стороной взгляды Рене Генона, защитника Традиционализма, тем более, что они практически венчают выводы вышеназванных исследователей. Рене Генон видит корни Кризиса мира в отходе Запада от Примордиальной (Изначальной) Традиции, некогда общей для всех народов, населявших Землю. Запад, символически выражаясь, из Царства Качества перешел в Царство Количества, т.е. отказался от внутренней сути христианского учения, а ныне, добавим, отказывается и от внешней формы, от религии как таковой, профанируя и извращая ее в бесчисленных сектах, полностью секуляризируя то немногое, что осталось на его век. Царство Количества заключается в преследовании материальных выгод, в выполнении сугубо материалистических функций, в смене целевой ориентации для всех составляющих жизни общества, как то: науки, ставшей приложением производства и войны, философии, подводящей соответствующую базу под направления западного развития; самой религии, пестующей специфические добродетели ради сохранения тех же материальных выгод... Запад, замечает Генон, распространяясь количественно, не может не прийти в губительное противостояние с Востоком, сохранившим качественные основы Традиции как в социальной, так и в духовной жизни.

Но не все так гладко в далеко идущих выводах Рене Генона. Генон полагает, что Кризис практически произошел вследствие отказа Запада от католического вероучения, содержавшего в своих символах глубокую, ранее нераскрытую суть, тождественную с сутью восточных религий. Генон и не настаивает на возвращении к католической системе взглядов, потому как ныне нет их верных носителей, которые имели бы ключи от примордиальной символики. Однако, были ли эти носители ранее, точнее, слышала их сама католическая церковь, и если да, то кому тогда обязан мир Крестовыми походами, если нет, то имело ли значение для Запада обладать религией, суть которой он все равно не понимал и не применял в жизни?

И все-таки, вышеперечисленные исследователи приходят к одному и тому же выводу относительно корней Кризиса мира: Кризис вызван отсутствием духовного и религиозного тождества между Востоком и Западом – попросту, они разные до противоположности, им не найти общего языка, но лишь вечный конфликт, который должен завершиться уничтожением, физическим, политическим или культурным, одной из сторон. Разумеется, это уничтожение может означать единственно смену взглядов, что практически означает как смерть Запада, так и смерть Востока, ибо прими Запад восточные положения Примордиальной Традиции, он перестанет быть Западом и станет Востоком, оставаясь при этом неповторимой цивилизацией,¹ при однозначном прекращении войны. Равным образом, наоборот.

Да, невозможно не согласиться, что мир распадается во всех отношениях из-за отсутствия единого Стержня, единого «примордиального» языка. Этим единым стержнем несомненно некогда была изначальная Традиция, все еще живая на Востоке, от которой на Западе осталось только искаженное эхо. Если продолжить точку отсчета западной цивилизации до времен Древней Греции и Древнего Рима, то первый конфликт между Западом и Востоком можно усмотреть в греко-персидских войнах, а затем в сокрушительном походе Александра Македонского; ранее этого времени у нас нет данных о подобных войнах. Следовательно, греческие и римские политики, ученики древних философов, находили с Востоком общий язык, который Генон усматривает в единой символике существовавших древних западных мистерий (мистерии Кабиров, Дельфийские, Римские и др.). Духовный язык обозначал мост между цивилизациями, мост же предполагает мир и согласие, то есть то, что сегодня практически исчезло из жизни цивилизаций. Начало рушения моста символизировалось сожжением Александром священных книг парсов.

Итак, если бы удалось найти и обозначить некогда существовавший мост между цивилизациями, и даже вновь его теоретически наметить, последствия могли бы быть самыми благоприятными, хотя далеко не событиями завтрашнего дня.

---

¹ При всей сходимости религиозных взглядов мы обнаруживаем уникальность каждой из восточных культур, обусловленную неповторимостью исторических путей, по которым прошли народы, особенностями географии и природы мест компактного проживания, и др.

Постановка задач

Существовал ли духовный мост, под которым мы понимаем сходство идеалистических взглядов, определяющих социальное развитие, единый язык между Западом и Востоком? В эпоху раннего средневековья основной носителем идеологии была христианская церковь, определившая всем иным точкам зрения место если не на костре, то за пределами христианской империи. Но до того как стать единой организацией с унифицированным учением, церковь прошла долгий путь борьбы с внешними и внутренними оппонентами – гностиками, арианами, несторианами – еретиками, одним словом. По всей видимости, данный мост следует искать в еретических религиозных течениях и движениях.

Таких движений за свою историю церковь похоронила в большом количестве, не забыв позаимствовать от них ту или иную догматическую формулу, или часть культа, или часть Писания. Возможно, что именно эти группы были носителями языка, в котором нашли свое отражения как западные формы, так и восточная суть; они свободно пользовались понятиями из неоплатонической философии и из восточных религиозно-философских систем.

Эти еретические группы были как внутри церкви, так и вне ее; вначале была внешняя конкуренция, пока церковь не окрепла до попечительства над светской властью, затем стала возможной только внутренняя борьба, в рамках единого знакового поля – борьба за суть тех или иных понятий. И когда последнее массовое движение было задушено, последний, как сказали бы святые отцы, нарыв был вскрыт, церковь стала владеть учением и языком стерильными, без признаков ереси и, следовательно, восточных понятий.

Варвары разрушили Западную Римскую империю и локализовали Восточную. Они остановили на время победное шествие Церкви, оттянули на себя усилия и ресурсы, в том числе и церковные.

И вдруг на юге от Византии, из Аравийских просторов начинается победное шествие религии, подозрительно похожей на христианскую. Христианский ученый XIX века Уильям Джонс отмечал: “Мусульмане уже являются в некотором роде *неортодоксальными христианами*: они христиане, если прибегнуть к аргументам Локка, потому что они твердо верят в непорочное зачатие, божественный характер и чудеса Мессии. Но они являются *еретиками*, когда неистово отрицают, что Он является Сыном, и что Он равен Богу Отцу, о чьем единстве и атрибутах они выражают самые неожиданные идеи. Они рассматривают нашу доктрину как полное

богохульство и настаивают на том что наши копии Священного Писания были *испорчены евреями и христианами*” (цит.: 105, с. 746).

Неортодоксальные христиане, еретики... Эта религия придерживалась принципов как сходных с христианским вероучением, так и прямо противоположных. Из ныне существующих восточных цивилизационных культурно-государственных структур именно мусульманский мир пришел в наиболее непримиримые отношения с пост-христианским Западом, да и ранее борьба обретала временами напряженный характер явного противостояния: джихад, Крестовые походы, Реконкиста... Чем это вызвано, почему в роли непримиримого врага Запада не оказались (или не оказались пока) конфуцианско-буддистский Китай, или индуистская Индия, ранее имевшие враждебные отношения с Англией и Америкой?

Не означают ли факты сходных и противоположных принципов, явного и скрытого противостояния наличия особых отношений между мусульманством и христианством? Чтобы выяснить природу этих особых отношений, нам нужно понять доктринальные основы христианства и ислама. И уже сейчас ясно, что искать нужно не столько среди доисламских представлений арабов, сколько среди положений ислама, еретических с точки зрения христианской церкви, но сродственных, быть может, еретическим группам, некогда имевших бытие вне или внутри церкви.

Нам придется изучить религиозно-философские системы противников ортодоксальной церкви, прежде чем мы будем способны дать ответ относительно тех самых «особых отношений». Быть может, придется подняться выше по течению – нам нужен источник, первопричина непонимания между Восточной и Западной цивилизациями. Но прежде чем начать поиск, нужно договориться о основных понятиях.

Основные дуальные понятия

Западно- и восточно-ориентированные положения.

Суть межцивилизационных трений лежит в области основ, на которые опирается повседневная жизнь народов Запада и Востока. Следует указать на эссе полярных мировых доктрин, ибо оно определяет вектор активности цивилизаций.

Краеугольный камень, местоположение которого в духовной сфере, обладает в то же время наивысшей ценностью для данного народа. В одном диссертационном исследовании (фамилия диссертантки Кудряшова) я нашел это хорошо выраженным: «Если у европейцев главной ценностью является человеческая жизнь, что объясняется антропоцентризмом, то в странах Востока главная ценность – истина. Истина трактуется в этих странах в духе буддийской доктрины – это закон Вселенной, объективная реальность. Искажение истины приведет к стихийным и социальным бедствиям. Отсюда правдивость и искренность рассматриваются как главные качества личности. Быть искренним, в понимании восточных народов, значит говорить правду, поступать правильно, действовать в полную силу, ничего не оставляя в резерве²».

Хотя доктрина буддизма не является по времени начальной, но в восточном восприятии культура и религия не имеют линейного временного развития, то есть истинность той или иной религии определяется не временем ее возникновения и развития, а степенью неискаженности самой истины. Таким образом, Кудряшова могла вполне указывать на буддистское представление, понимая под ним восточное представление как таковое, одинаковое как в буддизме, так и в исламе.

Относительно разделения исламом данного представления не будет лишним процитировать один из комментариев Валерии Пороховой: «Если согласиться, наконец, что мир – это целенаправленное образование, имеющее осмысленное начало, и потому живет по определенному порядку с определенной целевой установкой, то, естественно, всякое живое существо, поселившееся в этом гигантском доме в качестве неотъемлемой части его, должно подчинить себя воле Хозяина дома (т.е. Богу) и должным образом вписаться в тот порядок,

---

² «Говорить правду и хорошо стрелять из лука – такова персидская добродетель» (Ф. Ницше). «Основное требование для человека – это говорить истинную правду, быть правдивым» (64, с. 41).

который Он, в виде Откровения и пророков, передал ему» (49, ком. 1728).

Однако, для нас наиболее важно указание на краеугольный камень: на Западе это человек, на Востоке – истина. Поскольку истина является основным атрибутом Бога, то на Востоке наивысший смысл жизни – в следовании Богу, истине, борьбе с ложью.

На Западе человеческая жизнь противопоставлена Богу, *жизнь тела в постижении удовольствий и комфорта преимуществоует над жизнью души в постижении истины*. В порядочной степени это следствие отвержения католического вероучения в эпоху Просвещения. Просветители были одновременно гуманисты (гомонисты), вырывавшие жизнь западных народов из-под власти профанировавшей себя Церкви. Идее служения Иегове они противопоставляли идею служения человечеству, сам же католицизм преподносили как вековечный обман, с помощью которого каста христианских священников владычествует над западным человечеством. Одни имели ввиду католицизм (Вольтер), другие шли далее, и объединяли католицизм и религию как таковую, распространяя обвинение в обмане на любые религиозные системы (Гольбах).

Освещенный столь неудачным совмещением, на Западе рождается атеизм, и уже не как форма борьбы с католицизмом, искаженной религией, нуждающейся в восстановлении традиционных основ, а как форма материализма, то есть отвержение всего, что не исследуется в диапазоне пяти телесных чувств, отвержение религии, идеи Бога, поиска высшей Истины. После рушения клерикальных уз во времена Великой французской революции и Наполеона атеизм становится знаменем светской науки, исследующей материю, истины (законы) физического мира. Духовные ориентиры западного человечества, чисто символически поддерживавшиеся ранее католицизмом, приходят в полный упадок, да и сама наука становится прикладной, то есть от фундаментального исследования природы она скатывается до прикладного приложения промышленности, работающей на удовлетворение телесных чувств и запросов западного человечества.

Нужно все же заметить, что западный мир не потерял много при отказе от католицизма. В ходе исследования будет доказано, что католицизм является иной формой иудаизма, рожденной на рубеже II и III веков в уме Иринея, лионского епископа, и поддержанной его современником и единомышленником папой Виктором. Эти ранние деятели римской католической церкви стремились к

унифицированному и в то же время отличающемуся от всех иных учению, которое разорвало бы связи их паствы с восточными и гностическими течениями, и своего добились. Они развязали войну против восточной традиции в христианском учении, и через цепь своих преемников одержали убедительную победу над ней, оторвав христианство от своего источника. Они разрушили дело христианского первоучителя, боровшегося с искажением традиции в иудаизме, и привнесли саму суть иудаизма в христианство.

В чем же она состоит? Е.П. Блаватская, исследуя Святое Святых иудаизма, показала в «Тайной Доктрине», что иудаизм отказался от высших ключей, раскрывающих духовный смысл религии как таковой, ограничившись ключами не выше физиологического³. Наивысшим стало уподобление Богу, который сочетаясь с Природой, творит все земные формы; частный смысл в жизни иудея – сочетание семейными узами и порождение потомства, а также материальная деятельность, плюс служение специфическим национальным стремлениям. Духовный труд ушел из жизни иудеев задолго до Иудейских войн. Под духовностью стала пониматься талмудическая ученость, развивавшая только земной интеллект.

Отвергнув иудеев, как недостойных слуг Иеговы, де факто убивших на кресте его Сына, церковное христианство предложило Иегове христиан в качестве более достойных исполнителей его воли. Старый Завет, состоявший в признании Иеговы богом Израиля, переписан на Новый, в котором у трех богов в единстве появляются новые фавориты. Впрочем, и боги отступают в тень, оставляя управление своему Наместнику, поставленному на папский престол через апостолическую преемственность. Папа становится высшим толкователем христианства, фактически непогрешимым (в конце XIX века, на ультрамонтанистском соборе – официально непогрешимым), солнцем истины. От служения Христу христиане унижаются до служению папе, вместо Бога во главе угла оказывается Антропос, да еще и далеко не лучший из представителей человеческого вида. Таким образом, еще до отказа от служения католическим интересам западный мир имел антропоцентризм краеугольным камнем – опять же, фактически.

Хотя монашество было признано идеалом христианского служения, христианской жизни, католицизм превратил монахов в заправских мастеров всевозможных материальных дел: посредников, налоговых сборщиков, воинов, управляющих имуществом, землями и

³ Фактически, наука позже повторила этот отказ, и наивысшим сейчас для нее является исследование, приносящее капитал.

народами, и т.п. Борьба конвентуалов и спиритуалов и разгром последних в монашеском ордене Франциска Асизского убедительно показали, что духовные (спиритус) идеалы не являются таковыми для католических монахов, но всецело служение материальным интересам – христианство по форме, иудаизм по духу.

Давно уже исследователями, имя которым легион, доказано, что на Западе человечество стремится к материальному, а на Востоке – к духовному. То, что Запад де факто отказался от католицизма (притворные протестантские традиции в Америке не больше чем дань истории – как фетиш королевского дома в Англии, давно уже не делающего погоду), ничего особенно не изменило, так как отказ произошел фактически от власти жреческой касты в пользу свободы действий и собственности. Отказавшись от католицизма, западный мир лишь сменил распорядителей материальных благ, желая стать самовластным и невозбренным (законным, конституционным) слугой материи.

У католиков и иудеев бог имеет формы человека, если не телесные, то ментальные (способ мышления, действий, специфика желаний и чувств); иудеи и христиане, таким образом, поклоняются человеческой тени, имеющей бытие в некоем воображаемом духовном мире. В следствие этого всё, что имеет природу выше человеческого диапазона, отвергается и не признается. Западный мир был обречен на духовную деградацию, и при смене веры с Иеговы на материю положение приобрело только законченность, завершенность абсурда. Абсурд же заключается в следующем: любое движение, допустим, электрический ток, или движение электронов, возникает как следствие разности потенциалов – от меньшего к большему; духовное движение, то есть развитие лучших качеств в человеке, возможно также при разности потенциалов, и если на отрицательном полюсе мы имеем человека с виду, посередине – усредненную человеческую личность, то на положительном мы должны иметь Сверхчеловеческую Не-личность, имеющую сверхчеловеческие качества, по происхождению и по сравнению с которыми человеческие являлись бы тенью тени от тени. Фактически, имею ввиду Субстанцию, единое духовное поле, обозначаемое как Плерома, Полнота Бытия у гностиков, Ади-Будда (Первичное Мировое Сознание; нирвана как состояние слияние сознания и Сознания) у буддистов, – проявляющееся наиболее сильно в наилучших своих проводниках, Иисусе Христе или Будде, в частности, однако же, и в каждом человеке, в зависимости от уровня

духовной готовности. Имея на одном полюсе человека, на другом – ментальную проекцию человека же, западная цивилизация оказалась доктринально лишенной духовного движения; если оно и совершалось, то вопреки царствующей католической доктрине, но не благодаря ей. Впрочем, для Запада лучше, словами одного из средневековых пап, сказка об Иисусе Христе, чем реальный поиск и следование духовным идеалам; в противном случае, одно движение подорвало бы мощь другого, и великая западная цивилизация оказалась в учениках у восточной – возможно ли вытерпеть это или даже хотя бы теоретически признать для идеологов самоубийственного западного движения?

Теперь становится проще понять причины неотвратимости столкновения цивилизаций. Восток, вооруженный своими метафизическими философиями, рассматривает человека как соединение духа и материи, как душу, колеблющуюся на земной плоскости между восхождением и падением, способную на одухотворенные и на низменные действия – то есть непостоянную величину, полезность которой определяется степенью проявления духа, но не материи. «Если человек властолюбив и честолюбив и не любит ближнего своего, верующего в великого Аллаха, то нравственная ценность такого человека ничтожна», уверяет Мухаммед (64, с. 142). Западный человек в глазах восточного – жертва майи, иллюзии, раб материи и слуга сатаны⁴, нечто слишком малое на весах духа, чтобы это было достойно уважения. Если бы Запад не влезал в дела Востока, пытаясь навязать свою гегемонию, этот взгляд означал бы не более презрения. В нашем же случае презрение стремительно переходит в ненависть. Восток, имеющий духовные ориентиры, настойчиво вытесняемые Западом в зоне своих геополитических интересов, имеющим ориентиры материальные, не может даже нейтрально относиться к агрессору; тепло и холод, встречаясь, всегда вызывают ветер.

Основными значимыми положениями на Востоке являются признание неминуемой ответственности человека за свои деяния (закон кармы в буддизме и индуизме, предопределение в исламе), логически переходящий в необходимость неоднократных воплощений в физическом мире для достижения совершенства (закон реинкарнации в буддизме и индуизме, гласное или негласное признание возможности перевоплощения в некоторых мусульманских общинах).

⁴ У гностиков сатана – владыка материального мира, а дьявол – бездуховная материя. Это будет далее показано на примере учения Сатурнина.

В христианстве закон причин и следствий, признававшийся некогда ранними отцами церкви, отвергнут официально на одном из Вселенских Соборов. Разумеется, он не мог ужиться вместе с догматом о Христе, искупившем на кресте грехи всего человечества, и передавшем свою силу ликвидировать человеческие грехи, то есть уничтожать следы плохих деяний, по апостолической линии всем священникам⁵. Таким образом, правоверный христианин в надежде на благость и произвол своего Господа может откладывать свое раскаяние, оставаясь полным преступником, хоть до конца жизни – главное, в целях Спасения, успеть перед смертью пригласить священника с причастием к постели (что довольно смешно).

Согласно закона причин и следствий, все последствия любых дел возвращаются к человеку неминуемо, и убийцу убивают, у вора воруют, доброму воздают добром – не обязательно в этой жизни. Главное, что ни один человек не в силах «простить» следствия. В Коране явно осуждаются христианские «вяжущие» пастыри:

Ты обратил внимание на тех,
Кто величается хвастливо?
Но нет! Один Господь лишь может знать,
Кто и какой похвалы достоин;
И им обид не причинят
Даже на вес тончайшей плевры,
(Что прикрывает желобок на финиковой кости).
Смотри, как ложь на Господа они возводят!
Довольно в этом явного греха! (4:49-50)

Думается, строку «и им обид не причинят» возможно понимать как «и им спасения или прощения не дадут»; в таком случае все логично увязывается – епископы, хвалящие или порицающие там, где они ничего не знают, прощающие то, что не в силах сделать, возводящие ложь на своего Первоучителя, будто бы он дал им эту власть.

Оказавшись от доктрины прощения грехов и мнимого спасения иррациональными действиями церкви, западная цивилизация опять же ничего не приобрела. Как всегда, с водой был выплеснут и

---

⁵ От Закона причин и следствий в Евангелиях остались только отголоски, но – остались! К примеру, у Матфея часто заявляется о несогласии с Законом, т.е. с Законом Моисея, и в то же время Иисус утверждает нерушимость Закона: ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится всё» (Мф. V, 18). Здесь или Матфей противоречит самому себе, или речь идет о разных Законах. Если Иисус фактически сам нарушает Закон Моисея, исцеляя в субботу, то он может возвеличивать только Закон кармы, нерушимо воздающий за каждое деяние – до конца космического цикла. Таким образом, вставка «или пророков» стихом выше, призванная привязать слова Иисуса к Закону Моисея, шита белыми нитками.

ребенок, и потуги западных философов сотворить светский этический комплекс натолкнулись на отсутствие все того же идеала. Последней попыткой была инвертация гитлеровской пропагандой идей Ницше о Сверхчеловеке. Ницше до безумия ненавидел идеологию христианства, идеологию декаданса – власти слабых и ничтожных людей, и в противопоставлял ей образ восточного чела и учителя одновременно: «Я – перила моста над бурным потоком: держись за меня тот, кто может держаться! Но костылями не стану я вам», – так говорит Заратустра-учитель человеку (чело-ученик, век – вечный; «вечный ученик»), который есть «нечто, что должно преодолеть» ему же самому. Ницше призывал человека к Сверхчеловеку через путь силы и власти, но в его понимании это был путь не внешней силы и не мирской власти, но действительно восточный путь борца с самим собой за власть над самим собой. Гитлер также призывал изжить в человеке – человеческое, но пустота заполнялась вовсе не божественными сверхчеловеческими качествами, но их прямой инверсией, от жестокости и ниже.

Более приемлемым выглядел Моральный кодекс строителя коммунизма. Он был действенен, пока не было идеологического противовеса Холодной войны, под влиянием которого даже вожди скатились до идеологии потребительства, знаменуя тем самым, что человек – величина непостоянная. Идеализированной вершиной была личность Ленина, борца за счастье человечества. Западным идеологам было нетрудно осмеять образ, высокопоставленных носителей которого после войны становилось все меньше и меньше, противопоставив эфемерезированному альтруизму «разумный эгоизм, как критерий истины». Ныне в России катится волна строительства храмов и храмищ, искусственно увеличивается роль церкви в жизни общества, однако, нет живых примеров действенности идеологии христианства, нет превышающего потенциала на том конце духовной лестницы.

На мусульманском Востоке хотя и не провозглашается власть кармы над живущими, однако действие этого закона Коран объясняет иным способом, и назначает награду за хорошие дела, наказание за плохие. Так видно из следующего примера:

Творящим доброе – добро с избытком.
Ни мрак и ни бесчестие их лица не покроет...

Творящим зло воздастся злом
По соответствию ему,
Бесчестие покроет их... (10:26-27)

Настоятельная необходимость творить добрые дела, сражаться за добро проходит красной нитью по Корану. «Мы нигде не находим в Коране признания отвлеченной, чисто теоретической веры: Мухаммед нигде не разделяет веру от дел веры... О вере, которая не выражается ни в каких добрых делах, в Коране даже не упоминается...», – убеждена Валерия Порохова, переводчица смыслов Корана. С этой необходимостью связываются и новые воплощения; хотя практически каждый отрывок из Корана может быть оспорен мусульманскими знатоками Корана, мне имеет смысл приводить их без поправки на то или иное толкование:

... И вот тогда не будет разрешение дано
 Таким, кто не уверил в Бога,
 Ни оправдать себя в том мире,
 Ни искупить вину, *вернувшись в этот мир*,
 И милость им оказана не будет. (16:84)

И кто посеять (и взрастить плоды)
 Для жизни будущей желает,
 Тому мы увеличим сей посев.
 Но кто желает сева (и плодов) в сей жизни,
 Тому Мы предоставим (долю) от него,
 Но в жизни будущей ему нет доли. (42:20)

В своих комментариях на один из спорных аятов Валерия Порохова отмечает: «Глагол «йюид» несет одновременно два значения: сначала уничтожить, а потом вновь воспроизвести. На мой взгляд, этот излюбленный мусульманскими философами аят полон глубокого мистического смысла: здесь просматривается и великолепная диалектика мироздания, и непрерывное проявление Господней истины, Его воли, кто по Своему всеведению определяет меру воздаяния согласно степени благочестия на основе полнейшей справедливости. Как знать, может быть, именно здесь, в этом аяте кроется идея предоставления Господом душе человеческой второго шанса жизни... ведь столь важный догмат о повторном воскресении души в человеческом образе, благодаря которому любовь, милосердие и справедливость Господни становятся *действительно понятными* нашему человеческому духу, был изъят из христианского вероучения лишь на Константинопольском соборе 553 г. по чисто политическим соображениям, следуя настоятельным требованиям императора Юстиниана I...» (48, комментарий).

Как бы то ни было, человек без дел исламом равнозначно признается неверующим. Без философской разработки это положение становится вратами, которыми пользовались и пользуются исламистские экстремисты, подобные хариджитам и ныне ваххабитам; мусульманам, в силу сектанской разобщенности, всегда не хватало учителей с суфийской мудростью, подобным общепризнававшимся верховным гуру сикхов.

Ортодоксия и ересь

Одно положение вытекает из другого; ортодоксия, разумеется, не всегда отрицательное явление, равно как и ересь не всегда несет положительные сдвиги сознания. В нашем случае, ортодоксальными считаются сторонники христианской церкви, имеющей учение, лишенное восточно-ориентированных положений. Основной принцип ортодоксов заключается в бездумном следовании данному учению, отвержение рациональных попыток проникнуть в его основы. Их противниками являются еретики, имеющие «другой взгляд, мнение», т.е. ересь, на то же самое учение, и выстроенную на этих «еретических» положениях религиозно-философскую систему. В их числе есть представители сект с учением, имеющим внешне христианские формы, основы которого, тем не менее, не лежат в области учения ортодоксальных христиан, но скорее в области каббалистического иудаизма и восточных мистических учений – это гностики; в числе еретиков также представители внутренних христианских сект – ариан, несториан и др., – имеющие взгляды, сходные с гностическими. Противостояние ортодоксов и еретиков на христианском фронте закончилось отступлением последних – в пески Аравии, в частности.

Буквализм и аллегоризм

В любой религиозной системе, вовсе не обязательно лишь среди «людей Писания», есть поклонники духа и буквы, то есть буквального и аллегорического толкования своих учений. Меж ними редко мир, чаще война, и не всегда словесная. У иудеев даже по писаниям прослеживается противостояние элохистов и иеговистов, позже – война назареев и ортодоксальных иудеев; в Индии есть посвященные внешнего храма и внутреннего, и первые знают наизусть тысячи аллегорических текстов Вед и Пуран, и вряд ли нечто более, вторые – суть аллегорий; в христианстве поклонники буквы, которая «убивает», давно проделали это действие над поклонниками духа, который «животворит» (2 Кор. III, 6), и все

основные перипетия этой войны будут ниже обсуждены; у мусульман есть свои ортодоксальные буквалисты и неортодоксальные рационалисты,⁶ и первые, извечно и не без успеха пытающиеся вывести формулу правоверия в свою пользу, известны как сторонники таклида («подражание»), вторые – как поклонники иджтихада («собственное усилие»). Даже по дословному переводу читателю должна быть понятна суть противостояния: одни уповают на старину, на древних мутакаллимов, установивших фикхи и шариат, исписавших сотни томов тафсиров, доказывая, что понимать Коран нужно так, как слышится, а не так, как думается, другие – призывают мыслить, искать глубокое знание, менять закостеневший уклад, в общем, развиваться, пусть это и будет связано с уходом от пасторальной картинки первой уммы.

В сущности, это борьба сознания, боящегося выйти из рамок, с сознанием, рвущимся в постижение неизвестного. Аллегориями мыслит Восток, буквальным восприятием отличается Запад. Иногда аллегорический подход называть эзотерическим силу того, что он вскрывает глубинные слои Писаний.

В этой работе я показываю мусульманство как реакцию аллегористов на борьбу с буквалистами в христианской среде, и как аллегористы, проявлявшиеся вблизи или внутри церковного христианства то одним углом учения, то под другим, и исчерпав фактически свои возможности в неравной борьбе с ортодоксально христианским государством, не упустили свой шанс на просторах Аравии. Известно, что многие христиане приняли ислам (что доказывает сущностную идентичность их религиозной системы и ислама), а иные секты, и в частности несториане, всячески поддерживали Мухаммеда. Коран среди «людей Писания», как представляется в этом свете, вряд ли разумеет просто христиан или иудеев – скорее, несториан и монофизитов, чьих общин было много в Азии, а также некоторые иудейские секты. Влияние

---

⁶ «Персидский суфий Низами писал: «Во рту поэта спрятан ключ от сокровищницы». Тайный язык служил защитой от вульгаризации образа мышления, доступного только тем, кто понимал его, а также от обвинений в ереси или гражданском неповиновении. Ибн аль-Араби, представший перед мусульманской инквизицией в Алеппо, в ответ на обвинение в ереси заявил в свое оправдание, что его произведения метафоричны, и их главная цель заключалась в том, чтобы показать божественное совершенство человека, достигаемое с помощью религиозной любви. В качестве прецедента он сослался на эротическую «Песнь песней», включенную в иудейское священное писание, которую фарисейские мудрецы толковали как метафору любви Бога к Израилю, а католические авторитеты считали ее метафорой любви Бога к своей церкви». (39, с. 7)

неортодоксальных христиан видится мне также в социальных реформах Мухаммеда.

Эзо- и экзотеризм

Эти два дуальных положения связаны с буквализмом и аллегоризмом. Эзотерики полагают, что все традиционные учения имеют несколько смысловых уровней, прохождение на которые осуществляется через обретение соответствующих ключей (или, правил) чтения аллегорических, т.е. иносказательных легенд, преданий и мифов. Обретение ключей осуществлялось через древние посвянительные институты Мистерий, либо через собственное внутреннее постижение ученика. Таким образом, эзотерики считают внутреннюю сущность учений, говоря языком Павла, «животворящим духом», т.е. смыслом, объясняющим мертвую букву учений. Данная суть является эзотерической, т.е. внутренней, сокрытой и неразглашаемой; буквальное прочтение любых религиозных Писаний традиционных религий является экзотеризмом, доступным широким народным массам.

Рене Генон в своих трудах исследовал символизм, оставшийся в Писаниях или культе католической церкви. Он полагал, что шествуя дорогой тайн древнего символизма, избранные могут добиваться раскрытия врат древней Инициации. Однако, открытие врат, считал Генон, дело неземное, а значит, подобно возвращению весны, неподвластное людским, даже самым духовным чаяниям. Их открытие означало бы учреждение Мистерий древности и мировое признание их учредителей и их знаний, а значит, их справедливого права на власть над человечеством, прямую или косвенную. Разумеется, их власть означала бы однозначное свержение современных правителей-материалистов, сторонниками какого бы из остаточных традиционалистских институтов они себя не считали – фактически, массовое прозрение и революцию мирового масштаба, возможность которых в настоящее время фактически и ставил под сомнение Генон.

Восток в настоящем своем состоянии активно или пассивно борется, само собой разумеется, не против демократического государственного устройства или неких демократических ценностей, но против торжествующего материализма и его невежественных правящих носителей, опустивших Запад в окончательную фазу духовной деградации, самоубийственную для него и убийственную для восточных цивилизаций.

Формы традиционализма и его искажений

Термин «традиционализм» заимствован мной у Рене Генона, при этом слово «примордиальный» опущено, поскольку традиционализму мною придается именно «примордиальный» смысл, что само собой разумеется. Под Примордиальной Традицией Рене Генон понимал истинные положения и понятия, некогда заложенные учредителями Мистерий во всех религиях; понятие Примордиальной Традиции равнозначно понятию Тайной Доктрины в философских трудах Е.П. Блаватской. Отхождение от этих основ является искажением Традиции.

Хотя термин заимствован, однако же нет нужды перечислять все основные понятия, которые исследовал Генон. Во-первых, он *только коснулся* некоторых граней Традиции, во-вторых, коснулся *только некоторых* граней. Традиция нуждается в пристальном изучении; в силу ее глубины, то есть многих надрациональных уровней восприятия, данный процесс необъятен. Например, можно назвать некоторые принципы, которыми Традиция проявляла себя в вопросах семьи, брака, воспитания детей, наследования, и это будет только социальный срез, и чтобы пояснить его, нужно идти внутрь вопроса дорогою вскрытия смысловых уровней. Можно указать определенные взгляды на физические процессы, на отношение силы и материи, звука и цвета, световых корреляций, и это будет только физический срез, но он будет непонятен до конца, если не указать восточно-философскую основу основ, корень материи и силы, а это уже далеко не принятый научный подход, и доказательства вряд ли будут приняты. А есть еще внутренне необъятный этический комплекс, учение о политике и государстве, религиозная система, в которой уживаются монотеизм и пантеизм, и они не менее глубоки и загадочны, чем хотя бы учения о принципиальном строении человека или человеческих рас. Поэтому нам есть смысл попутно вскрывать нужные аспекты и формы традиционализма в процессе исследования, и указывать на их искажения.

Зная о существовании Традиции, нельзя сказать, что та или иная религия возникла тогда-то или тогда-то; внимательное исследование убеждает нас в том, что у народа, в среде которого рождается якобы новая религия, уже были заложены те или иные основы, затем искаженные в веках, и восстановленные тем или иным реформатором-«основателем религии». Будда, *кшатрий*, не изобретал своей метафизической философии, но лишь выдал то, что было записано в ранее сокрытых Упанишадах. Его оппоненты брамины

были вынуждены открыть сокровенное учение Упанишад, пусть даже после тщательной редакции и удаления компрометирующих их частей. Несколько позже *брамин* Шри Шанкара вывел философию Адвайты из того же источника, и она как две капли воды похожа на буддистскую метафизику, что подтверждает вывод о ранее существовавших в индуизме основах, искаженных браминами в своих корыстных корпоративных целях.

Иисус Христос устанавливал церковь на некоем камне, и полагал, что «врата ада не одолеют ее», и христиане убеждены в том, что их учение совершенно отлично от всех других учений, которые по отношению к церковному христианству либо жалкая компиляция, либо дьявольский транс-временной плагиат (в случае, когда тот же буддизм, в котором обнаруживается масса деталей, сходных с христианскими, имел неосторожность появиться ранее христианства). Разумеется, между учением христиан и учением их Первоучителя должна наблюдаться существенная разница, хотя бы в силу того, что Иисус был назареем, представителем секты, конкурировавшей с ортодоксальным иудаизмом фарисеев и саддукеев, следовательно, каббалистом; учения многих гностиков, в которых Первоучителем также назван Иисус Христос, гораздо более имеют прав на преемственность (и совершенно не иррационального апостолического плана!), потому как их системы выстроены на каббалистических понятиях, тщательно вырезанных в Новом Завете. Иисус Христос боролся против сокрытия саддукеями и фарисеями истины, имея ключи от которой они сами не входили и другим не давали (Лк. XI, 5), и потерпел поражение в неравной борьбе. Вокруг его жизни и смерти гностики выстроили мистический аллегорический ритуал, скопированный с изменениями отцами церкви, искавшими культ и систему⁷; аллегория стала фактом, и бог родился среди навоза, став главным действующим лицом «сказки, которая полезна» церкви. Но в какую главу этой сказки не заглянул бы взгляд исследователя, он несомненно увидит в ней следы буддизма, индуизма, зороастризма, митраизма и каббалы, то есть останки былых основ, ставших камнями иллюзорной крепости в основании христианства.

Мухаммед пришел не на пустое место бороться с языческими воззрениями арабов. Судя по Корану и хадисам (изречениям Мухаммеда), Азия некогда имела *единую империю*, собирателем которой являлся уважаемый и почитаемый в Азии царь Давид, и *единую религию*, о чем говорят *единообразные легенды* у всех

⁷ См. статью «Синоптики».

азиатских народов, в том числе и у евреев, и *единая кибла* азиатов на Иерусалим, «дом молитвы всех народов», установленная Давидом и измененная для мусульман Мухаммедом на Мекку, где находится *единый Храм* азиатов, Кааба, основанный *единым* для азиатов патриархом Ибрахимом (Авраамом). Мухаммед только восстанавливал, а не заново учреждал древние принципы Традиции, которые извратили евреи, переписавшие азиатскую историю как собственную национальную, и позабыли арабы.

Коран указывает на цепь посланников, утверждавших данную Традицию у других народов. Хотя среди них Коран называет Моисея и Иисуса, однако утверждает, что их последователи исказили Традицию. Относительно Традиции народы называются верными (Традиции) или неверными. Таким образом, исследование снова приведет нас к выводу о том, что новая религия – это хорошо искаженная старая.

Ex Oriente Lux, говорили иллюминаты, и именно на Востоке мы можем обнаружить в той или иной степени сохранности многие аспекты традиционалистского общества. Однозначно ими являются:

- общинный строй;
- примат духовного сословия над политическим;
- происхождение политического сословия из духовного;
- государственная религия (т.е. религия, стоящая на основах государственности, однако, не имперская церковь средневековой Германии), как основа традиционалистского государства;
- единство верующего и гражданина в одном лице;
- преемственность религиозной традиции, и др.

Если сравнить обозначенные традиционалистские принципы с западными, мы без труда обнаружим, что они диаметрально противоположны, а потому вопрос о причине конфликта между Западом и Востоком объясняется сам собой. К примеру, если бы не постоянная деятельность Запада по развалу мусульманского сообщества (а равно всех других азиатских сообществ и государств), по нивелированию принципов традиционалистского общества, и если бы не вековые усилия мусульманских теоретиков-буквалистов по удержанию своих обществ в вековых оковах неизменности (у любых принципов есть неизменная суть, но оболочка их должна меняться под воздействием движения времени, народного сознания, требований эпохи), те же мусульманские государства являли бы явный пример преимущества над западными в плане устойчивого

развития и внутренней гармонии. Отметим несколько примеров в пользу этого утверждения.

а) Налицо единство политической и религиозной идеологии (Мухаммед утвердил общину верующих и граждан одновременно). Принципы ислама являются действительными духовными ориентирами в жизни подавляющего числа граждан, что неизменно называется западной идеологией признаком фанатизма и фундаментализма. В то же время Запад не может противопоставить на своей территории никаких реальных противовесов, кроме материальной заинтересованности, возможности карьерного роста (потворства тщеславию и честолюбию), да откровенных черных миазмов, производных неумемной жажды власти и богатства. Религия в мусульманских странах является уделом «людей веры», для которых важны не светское положение, но религиозные заслуги. Даже в государствах с американским марионеточным режимом типа Турции правители вынуждены делать скидку на религиозный тонус масс, на заявления религиозных лидеров. Пренебрежение этим привело к революции в Иране, режиму талибов в Афганистане, постоянной нестабильности в Пакистане, и т.д. Вместе с тем государства, руководствующиеся принципами ислама, внутренне более или менее стабильны, чему примером Иран, Сирия и другие.

б) Устойчивость прослеживается не только на уровне духовных движущих принципов, но в реальной бытовой жизни. В противовес западному ростовщичеству многие исламские государства – Судан, к примеру – ввели беспроцентный займ для свой граждан; осуществляется свобода экономической деятельности.

в) В ответ на претензии феминисток можно заметить, что женщины исламского мира принимают все большее участие в политической государственной жизни, избираются в высшие правительственные органы. Дети имеют право на бесплатное базовое образование. Есть бесплатное медицинское обслуживание малоимущих слоев населения.

г) Интересное явление представляет собой исламская семья. Во-первых, практически сохранились признаки большой патриархальной семьи; есть сильные родовые связи. Исламские поселки представляют собой устойчивые родовые сообщества, практически земледельческие и скотоводческие общины. Сильна роль старейшин. Отношение к детям прямо противоположно западному: на Западе в первую очередь имеются ввиду принципы быта, превалирующие над деторождением, отчего западные семьи, точимые ко всему червями насаждаемого

разврата, имеют редко когда более одного ребенка. Семьи мусульманских народов имеют первым принципом деторождение и воспитание достойных мусульман, практически воплощают завет Пророка:

Потеряны для Бога те,
Кто убивает собственных детей
По глупому невежеству и безрассудству...
...Детей своих из страха обеднеть не убивайте,
Прокормим Мы и вас, и их... (6:140, 151)

Западная семья чаще всего из страха перед трудностями и бедностью идет на реальное детоубийство, аборт, в то время как на Востоке даже в условиях сильнейших жизненных трудностей семьи практически всегда многодетны.

Если мы обратим внимание на индийское или китайское общества, обнаружим порядочное сходство ситуации во многих приведенных примерах, что позволяет отнести восточные общества к традиционалистским типам, с соответствующими оговорками.

Что же мы видим на Западе?

а) Религия внешне послушно следует за политикой, однако, история масонских обществ, в которых состояли и состоят многочисленные представители высших эшелонов власти западного мира, дает все предпосылки сомневаться в этом. Римская церковь изначально научилась седлать политическую власть, и, добившись развала европейской государственности, безраздельно правила Европой до эпохи Реформации. Борясь с идеями Лютера и пытаясь настичь ускользающую власть, она создала в своей среде орден иезуитов, члены которого были не связаны никакими конфессиональными путями и могли внешне исповедовать любую религию, внутренне оставаясь верными генералу своего ордена и, номинально, главе католической церкви. Вобрав в себя самых умных и самых подлых представителей рода человеческого, иезуиты постепенно прибрали к рукам воспитание подрастающего поколения элиты западного мира. Став воспитателями, а затем советниками глав государств, они постепенно обратили протестантские государства к унии с Римом и его тайной политикой.

Не пренебрегали иезуиты и интеллигенцией. Для честолюбивых и любопытных дворян, землевладельцев и промышленников они создали тайные масонские ложи, в которые вовлекались все, но затем ранжировались согласно светского состояния. Устройство этих лож было скопировано иезуитами с ранее действовавших тайных обществ

типа ордена тамплиеров или розенкрейцеров: философия служения миру (для первых ступеней; далее все более и более прозаично), степени посвящения, преданность мастеру ложи, масонские легенды вроде мистерии Хирама Абифа и т.д.

Постепенно орден иезуитов прибрал власть в Римской церкви, и генерал иезуитов стал владыкой папского престола, хотя внешне им оставался и остается папа, опекаемый кардинальским конклавом.

На рубеже 19 и 20 веков происходит сращивание сионизма, отпрыска иудаизма, и масонских лож, при том, что цели у этих организаций изначально были одинаковыми – власть. В этой ситуации трудно определить, собака машет хвостом, или хвост собакой, то есть религиозные институты политическими, или наоборот. Однако, вместо вопроса «как?» мы должны задать вопрос «зачем?». На одном фланге целью сращивания религиозной и политической власти подразумевалось благоденствие мусульманской общины, на другом – благоденствие правящей группы, мировой закулисы, руководящей политическими и религиозными процессами. В этом плане четко прослеживается искажение традиционалистского смысла объединения власти. Впрочем, для публики Запад декларирует разъединение властей.

В России блистательным тому подтверждением послужит существовавшая до захвата власти большевиками масонская ложа «Великий Восток народов России», подчинявшаяся, разумеется, «Великому Востоку Франции». В ней состояли едва ли не все члены четвертой Государственной Думы; ядро этой ложи во главе с Керенским руководило февральским переворотом. Внешне Дума разделялась на фракции, яростно пикировавшиеся на думских сессиях – по сути, разыгрывавшие политический спектакль, поскольку внутренне все эти фракции, исключая большевистскую, были объединены ложей, ее целями и задачами. Не успели господа масоны прийти к власти, как тут же, повинувшись свои кукловодам из Франции, провозгласили войну до победного конца и отрядили несколько эшелонов с хлебом и другим продовольствием во Францию – и это при хлебных очередях в Петербурге. Тайное общество – блистательное изобретение Рима, позволяющее объединить правящую элиту, интеллигенцию, правоверных и военных воедино, и это изобретение вряд ли выброшено на свалку истории; вопрос о разделении властей, политических или религиозных, должен быть снят сам собой.

б) Западное общество со времен русской революции успело измениться дважды. На Западе нет и в помине капитализма, пишет А. Зиновьев, есть мощнейшая система по выжиманию из всех людей труда, способностей, талантов независимо от личного богатства, есть система принудительной погони за прибылью, которая и не прибыль вовсе, а средство выживания в далеко не равном противоборстве с финансовыми молохами-банками и иными монополистами, явными и тайными. На Западе практически не осталось типа капиталиста-воротилы, владельца несметных состояний. Крупные владельцы остаются владельцами лишь номинально, фактически без права распоряжения своей собственностью, уступив правление и саму собственность в руки финансовых и производственных управляющих и советов акционеров. Что касается рядового человека из числа «золотого миллиарда», то о нем и говорить нечего. Западный человек стал винтиком в машине, которая непонятно кому принадлежит – толи “незримой руке” Адама Смита, толи кучке таинственных людей, вечно остающихся в тени, от которых непонятно что ожидать, массового дефолта и инфляции или разрешения на всплеск деловой активности.

Однако, нажива любой ценой – однозначный закон западного общества, и со времени вывода Маркса, что капиталист не остановится ни перед каким преступлением ради выгоды в сотню процентов, в этом плане не изменилось ничего.

в) Если по одну сторону поставить паранджу (которая, кстати, давно заменена на платок во многих мусульманских странах), а по другую эротические фильмы по ТВ по вечерам, на чьей стороне окажется больший моральный урон? Конечно, в отношении эмансипации женщин на Западе сделано все, и сверх того. Женщины являются руководителями государств и правительств, ведут бизнес и занимают место судей, и в этом плане мусульманским государствам есть куда двигаться.

г) Не так давно в США школьным половым воспитанием занималась Ассоциация планирования семьи из Амстердама. Характерно, что из самого распущенного в половом отношении города мира, где признан однополый брак, разрешены наркотики, разрешены любые сексуальные контакты в общественных местах, выбрана организация, пропагандирующая презервативы как средство «планирования семьи», и признающая семью в любых «нетрадиционных» формах. Разумеется, после работы вышеназванной организации количество абортвов вместо того, чтобы

понизиться, резко возросло, был опущен возрастной порог вступления подростков в половую жизнь. Обсудив результаты, Конгресс запретил уроки полового воспитания в школах. Вслед за американскими коллегами также поступили и российские, запретив начавшийся в школах эксперимент с участием все той же организации.

Есть ли на Востоке проблема, с которой бы хотела справиться Ассоциация планирования семьи? Разумеется, есть – многодетность, «нежелательные дети». Если бы у этой Ассоциации были бы возможности, она стерилизовала бы 90% восточного населения. Проблема за малым – в обретении этих возможностей. Пока же стерилизация с успехом применяется на Западе.

Какие уж в этом свете старейшины, какая патриархальная семья, сохранялись бы малые семьи, процент распада которых в первый же год брака неуклонно растет. Разумеется, говорить об общинном характере не приходится совершенно. Ведь характерно то, что хотя Запад декларирует гражданское общество, граждан как таковых в нем нет. Как верно отмечал А. Зиновьев, есть масса разрозненных людей, не объединенных ни работой на общее благо, ни даже семьей, есть сотни миллионов изолированных друг от друга личностей, платящих налоги и ходящих на выборы, и на этом основании считающихся гражданами. Возможны ли там общинные отношения, кроме как на уровне хиппи⁸? Запад совершенно истребил центростремительные силы, заменив их законопослушанием и фетишем демократических ценностей. Если завтра там поколеблется власть, порядок рухнет сиюминутно, и от общества не останется ни одного признака. Колебания власти на Востоке дело привычное, но неискusstvenные центростремительные силы тем не менее держат традиционные общества в самых критических ситуациях. В чем здесь разница между Западом и Востоком? Разумеется, в отношении к традиционалистским формам, к Традиции как таковой.

Таким образом, обсуждены основные дуальные понятия, которые будут красной линией проходить через всю работу, освещено отношение к ним на Западе и на Востоке. Дополнительные аспекты этих понятий будут вскрываться по ходу исследования.

---

⁸ Видимо, и этот тип общины показался западным властям опасным. Общины хиппи были разогнаны в свое время молодцами спортивного вида с бейсбольными битами в руках.

Часть первая. Изгнание гнозиса

Итак, на сегодня мы имеем западную и восточную цивилизации, разделенные бурным потоком непонимания. Задачей исследования будет пройти по временному берегу как можно дальше, дабы обнаружить либо мост, некогда соединявший оба берега, либо его одинокие оставшиеся опоры. Наиболее явственно конфликт между берегами замечается сразу же по приходу к власти Мухаммеда: началось вырезанием и изгнанием коварных еврейских племен, продолжилось завоевательными походами арабов-мусульман, на что Запад ответил позже Крестовыми походами и Реконкистой, затем наступило время турок-османов, захвативших Византию, оплот восточного христианства; ближе к нам английская экономическая экспансия и соответствующее сопротивление (Турция, Иран, Китай), захват евреями Палестины и образование Израиля, и, наконец, американская программа охраны «демократических ценностей», грозящая перерасти в тотальную войну Запада и Востока. Для нас, безусловно, наиболее важен узел завязывания противоречий, но вряд ли он скрыт в деятельности Мухаммеда. В его время Персия воюет с Византией; войны берегов были и ранее – со времен древнегреческих деятелей Фемистокла и Мильтиада (V век до н.э.), развязавших Греко-персидские войны.

В эллинский период завязывается этот узел, именно тогда начинают расходиться берега цивилизаций. Поскольку исследование в основном касается раннего христианства и отчасти иудаизма, было бы непозволительно уделять много места и времени для описания эллинского периода, тем более, что Запад и Восток, существовавшие тогда как географические понятия, не стали еще понятиями цивилизационными. Не эллинизм сделал западные народы Западом. Эллина все еще находились под влиянием философии Платона; работала и просвещала эллинский мир его школа, Академия. Эллина были восприимчивы к восточной мудрости. Почему? Философия Платона – это рациональное исследование идей Пифагора, усвоенных последним от индийских гимнософистов. Платоникам легко было овладеть восточной метафизикой, потому что суть платоновской философии – восточная.

Хотя Александр Македонский и прошелся по Персии мечом и огнем, хотя, опьяненный учением оппонента Платона Аристотеля, сжег священные книги персов (Вендидат), однако, эллины оставались восприимчивыми к восточному мышлению, и между ними и

восточными народами, которыми они частично владели, еще не произошло разделения на религиозном и философском уровне.

Западообразующим народом волею судеб суждено было стать евреям, а точнее, секте иудеев. Это вполне можно подтвердить соответствующими положениями иудаизма, точнее, их отсутствием. В иудаизме нет закона причин и следствий, но есть воля Иеговы, которая может меняться вслед за требованиями людей; разумеется, в Писании есть многочисленные остатки вроде этого: «Делай добро благочестивому, и получишь воздаяние, и если не от него, то от Всевышнего (Закона. – С.О.). Нет добра для того, кто занимается постоянно злом» (Сир. XII, 2-3). В иудаизме нет положения о перевоплощениях – единственно спор саддукеев и фарисеев о бессмертии души позволяет нам судить о некоторых его следах. В иудаизме нет высшего и несказуемого Принципа, в любой восточной системе являющегося центральной Точкой, стоящей над всеми Проявлениями, от которого человек, как и любое другое Проявление, кроме непосредственного (Абрахас гностиков, Ади-Будда буддистов, Брахман ведантистов и т.д.), находится столь далеко, что совершенно нефилософски говорить о возможности видеть его или слышать. Для иудаизма вопрос о Абсолюте не стоит совершенно, он вытеснен концепцией рупа-Бога, особо благосклонного к евреям. Восточная концепция единства Бога и человека¹ уродливо преобразована в учение о божественных частицах, которыми Бог наделил евреев, и только их одних, вследствие чего не-евреи могут называться людьми довольно условно.

Что касается других восточных положений, раскрыть их нам придется позже. Теперь же можно только упомянуть о них. Многоуровневая система бытия (не только земля, рай и ад, но множество миров, известных в индуизме и буддизме) подробно расписана в Каббале² как азиатический, бриатический и другие миры, но ортодоксальными иудеями не принимается, а только «новаторами», изыскивающими способы возвысить иудаизм за счет Каббалы. Семиричность³ осталась в культовом Саббате, дне седьмом, цикличность⁴ – в поучениях Проповедника Экклесиаста. Дух и Материя символизированы Яхином и Боазом, двумя колоннами

¹ С. статью «Более полное изложение восточных концепций»

² Эзотерическое учение противников иудеев, назареев. Ныне Каббала взята на вооружение иудаизмом, не без основательной переделки и толкования в свою пользу

³ Концепция, согласно которой любое явление имеет семь уровней восприятия, низшим из которых является физический.

⁴ Закон эволюционного движения по восходящей спирали, повторяющиеся сегменты которой называются циклами.

Храма, но философски вопрос не существует, разве что в форме борьбы Иеговы против всего остального мира. Личные духовные усилия, столь ненавистные иудеям на примере назареев, погребены Синагогой, хотя при этом считается, что всякий иудей напрямую разговаривает с Иеговой. Аллегоричность Писаний почти не обсуждается – приемлемо только буквальное толкование.

Таким образом, в иудаизме оказывается полностью ликвидированным эзотерический уровень; в попытке добиться совершенного монотеизма уничтожена даже ангельская иерархия, обитель всех метафизических сил и душ. Иудаизм стал резко отличной религией, лишенной всех восточных положений, и в силу этого религией народа, проведшего разделительную черту между собой и остальным смертным миром. Иудеи разрушили мост с Востоком, стали его идейным противником – Западом.

Преемниками иудеев посчитали себя церковные христиане, иудаизм стал источником при формировании их учения, столь же отличного и непримиримого. У христиан расчищенное место между Богом и видимым миром заполняется сонмом святых, ангелами и архангелами, Богородицей и прочими фантастическим персонажами, проследить рождение которых, в принципе, не составляет труда в контр-иудаизме. Под последним я разумею учения идейных противников иудеев – назареев и их учеников гностиков. Христианство перехватило знамя Запада, провозгласило сатанинскую природу всех иных религий, кроме иудаизма, развязало многочисленные войны, самой профанацией религии привело к атеизму и материализму, полярности и противостоянию с Востоком, которое мы имеем на данный момент.

Теперь есть потребность перейти к обсуждению учений идейных противников ортодоксальных христиан, работавших за пределами и в пределах знакового поля последних. Для нас чрезвычайно важным будет изучение смыслового наполнения подчас сложных аллегорических систем «еретических» сект и внутренних церковных движений гностической направленности. Эти смыслы рано или поздно вполне отразятся в исламе, и без знания их происхождения невозможно ни понять причины мусульманско-христианского противостояния, ни найти реальные корни ислама, его истоки и сущность.

Также необходимо выявить то, что было похоронено, то, чего лишил себя Запад и равно то, что ему стоит вновь возвратить, дабы сохранить саму жизнь. Ведь через нарастающую конфронтацию,

равно как через материальный способ существования Запад обрекает человечество как в случае победы, так и в случае поражения на неминуемое уничтожение или деградацию, что примерно одно и то же.

Внешние ереси

Гностики

Когда появились гностики, сказать точно невозможно; можно только уверенно отнести их к течению христианских каббалистов платонического гнозиса. Ярким отличием христиан-платонистов от христиан-иудаистов является пограничная черта Ветхого Завета; здесь расходятся всеразличные ответвления как в сторону союза с иудаизмом, в числе которых ортодоксальное церковное христианство, так и в сторону союза с восточными религиозно-философскими системами, в числе которых наиболее известные гностические школы Валентина, Василида и Сатурнина (см. схему-приложение в конце книги). Гностики однозначно отвергают иудейское наследие, придают Иегове черты племенного божества, отводят ему место среди самых низших Эонов своей системы, и в этом они согласуются с назареями.

Мы имеем два основных источника для изучения гностицизма – библиотека коптских рукописей из Наг Хаммади, обнаруженная в декабре 1945 года крестьянами близ древнего поселения Хенобоскион (ныне район Наг Хаммади) в Верхнем Египте⁵, а также апологии ранних отцов христианской церкви Юстина-мученика, епископа Лионского (Лугудунского) Иринея, Тертуллиана, церковного историка Евсевия и Епифания. Разумеется, коптские рукописи имеют превалирующее значение над христианскими апологиями в силу хотя бы предвзятости христианских отцов.

До какой степени «святые отцы» толковали на свой лад учения гностиков по их собственным писаниям, можно увидеть из перевода одной и той же мысли двумя церковными отцами. Выражение Василида «я говорю для одного из тысячи», правильно переведенное Иринеем, Епифаний подает следующим образом: «Люди – это мы, остальные – свиньи и псы». (Иринея, I, XXIV, 6, Епифаний XXIV, 5, цит: 113, с. 93). Поэтому подходить к писаниям церковных апологетов следует предельно осторожно.

В последнее время после этапа изучения рукописей из Наг-Хаммади исследователи опасаются обозначать гностиков одним идентифицирующим названием. В силу того, что во времена Валентина «христианство предстает перед нами лишь в виде

⁵ Есть еще частная библиотека Мартина Бодмера из 19 папирусных и пергаментных кодексов, найденных также в Верхнем Египте после Второй Мировой войны; в ней есть источники II и III веков, но она, по всей видимости, малодоступна к изучению.

неполноценной дроби, знаменатель которой известен (это так или иначе понятая и ставшая объектом веры личность Иисуса Христа), а числитель, который эту дробь конкретизирует, остается вне поля зрения» (106, с. 255), или, поскольку в это время невозможно представить, до какой степени один христианин отличался по своим воззрениям от другого (Ренан), наш отечественный исследователь раннего христианства А.Л. Хосроев предлагает разделить гностиков на собственно гностиков и гностицистов. В ряды первых он ставит Климента Александрийского, а следовательно и Оригена, его ученика и сменщика на посту в Дидаскалии, александрийской Огласительной школе, т.е. образованных христиан внутри становящейся ортодоксальной церкви с их осторожным обработанным гнозисом образца Филона-иудея; под вторыми Хосроев понимает валентинцев и согласных с ними единомышленников с их по сей день неразгаданной религиозно-философской системой – в чистом виде, либо адаптированной к восприятию верующих масс образца Маркиона.

До, пожалуй, середины III века возможно было находиться внутри церковных общин и частично придерживаться гностических понятий, хотя бы благодаря несведенному канону⁶, но чем ближе ко времени легализации, тем круче закручивались гайки нетерпимости – шла унификация канона и изгнание гнозиса. Таким образом, на мой взгляд не имеет смысла усложнять проблему гностицизма, и вводить разделение на гностиков и гностицистов, т.е. на церковный гнозис и гностицизм – первое суть малая и разбавленная часть второго. Просто не стоит обращать слишком большого внимания на понятийно сложные ангельские (эонические) иерархии Валентина и единомышленников. Ведь Логос Оригена суть Logos-Слово Валентина и Филона Александрийского, и конечно же не Иринея. Хотя бы потому, что Ориген был учеником неоплатоника Аммония Саккаса и соучастником в тайнах гнозиса Плотина, как пишет ученик Плотина Порфирий (74, с. 653).

Обращать внимание нужно на другое: «... их (гностиков) влияние в истории христианства было первостепенным. Они образовали мост, по которому множество языческих обычаев проникли в церковь. Они сыграли в пропаганде христианства капитальную роль. Именно путем гностицизма христианство проявилось сначала как новая, жизнеспособная религия, имеющая культ, таинства, силу проявления

---

⁶ «На раннем этапе развития христианства не было четкой разницы в отношении к произведениям, которые затем стали каноническими, и тем, которые получили название апокрифов» (89, гл. 2.2.), т.е. одни общины использовали в богослужениях «Пастырь» Ермы, другие нет, одни читали «Книгу Еноха», другие считали это невозможным.

в искусстве. Путем гностицизма церковь примкнула к античным таинствам и привила себе то, что понравилось народу... Эkleктизм и неблагодарность католической церкви тут проявились в полном объеме. Отвергая бредни гностиков и предавая их анафеме, православие получило от них множество удачных указаний по предмету народного благочестия... Первая христианская археология вся гностическая... Даже их метафизика в значительной мере заставила с собой считаться; вере пришлось сделаться рассудочной». (113, с. 88-89) Обращать внимание нужно на это, а также на другое.

Иринея очень настаивает на том, что гностики противоречат сами себе и друг другу, а значит, их учение ложное, не заслуживающее внимания, уступающее унифицированному христианскому. С преимуществом унификации соглашается и А.Л. Хосроев, полагающий, что гностики «...не стали подлинными философами. Из-за своего ярко выраженного религиозного индивидуализма, отсутствия единого авторитета, единой организации и культа, стремления черпать из различных традиций с тем, чтобы, в конечном счете, сплавить этот конгломерат в свою собственную религиозно-философскую систему, эти люди так и не смогли (да и не желали) придать своему специфически понятому христианству какую-либо унифицированную форму». (104, с. 167-8). Напрашивается вопрос: не считает ли А.Л. Хосроев, что унификация, авторитет, организация и прочие якобы преимущества сделали христиан философами? И сделали ли они их философами? При всей их страсти принимать на веру, не рассуждая, отказывая человеческому уму в прирожденном праве мыслить над тайнами мира? Выдающиеся христиане были философами вопреки унификации, это очевидно. Разве Ориген, родись он в языческой семье, не стал бы стоиком, и не написал бы нечто замечательное, не меньшее по значению, чем «О Началах»? И, наоборот, Эпиктет, родись он в христианстве, неужто не размышлял бы «в чем наше благо»? Не система делает сильного и творческого человека, но он меняет ее.

Относительно эkleктизма – этот камень совершенно не в тот огород. Эkleктиком и собирателем культа была именно церковная организация, присвоившая столько из гностических и восточных систем, что этот список вряд ли уместится на одном листе. И первое, чего не хватало в церковном учении – Бога – Иринея откровенно ворует у гностиков.

До Иринея из Юстина-Мученика узнаем, что многие новохристианские секты признавали Иисуса обыкновенным

человеком, и вовсе не богом, и это согласуется даже с церковными евангелиями. Иисус неоднократно заявляет, что он только человек. «Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» – Мф. XIX, 17, – тем самым Иисус указывает на свое положение по отношению к Богу: кто угодно, но только не Бог. Когда Иисус совершает исцеление, народ дивится человеку, которому Богом дана власть совершать исцеления – эпизод Мф. IX, 8. В Четвертом Евангелии Иоанна называют человеком, посланным от Бога, то есть приравненным к Иисусу. Сам Иоанн называет Иисуса человеком, и полагает, что всё, что делает Иисус суть миссия, данная ему «с неба» – разговор Иоанна со своими учениками, Ин. III, 27. Иисус называет себя человеком в разговоре с иудеями – Ин. VIII, 40. Когда иудеи ставят Иисусу в вину, что он представляет себя Богом, Иисус в ответ всех людей приравнивает к богам, то есть себя ставит на одну ступень с людьми – Ин. X, 33. Пилат, восторгаясь Иисусом, называет его Человеком, как принято называть человеком с большой буквы какого-нибудь героя – Ин. XIX, 5. Даже исцеленные Иисусом люди называли его не Богом, но человеком – Ин. IX, 11. Хотя послания Иоанна считаются написанными христианами третьего поколения, т.е. примерно в 130 г. н. э. в Эфесе, однако и там Иисус назван праведником (1Ин. II, 1, 29).

В учениях гностиков существовал высший Эон – Христос, который соединяется с Иисусом после крещения в Иордане, согласно Евангелиям. Кроме того, существовал, по-видимому, гностический солярный миф о Христе, умершем и воскресшем на третий день, миф, общий многим азиатским учениям – к примеру миф о Адонисе, точно также умершем и воскресшем, или миф о Митре, боге культа, распространенного в Римской империи в первые, заметим, века христианства. Также умирают и воскресают Озирис, Аттис и Дионис. Ириней отождествил человека Иисуса и Христоса-Эона под одним лицом – и Бог был готов. Оставалось только спрятать концы в воду, то есть избавиться от гностиков и Первоевангелия, тех самых Источника Q, Евангелия Евреев или Истины, с которых были списаны/сделаны синоптические копии – с Иисусом Христом как главным действующим лицом. Все остальные действия церкви по поводу истребления гностиков и гнозиса, разрушения религиозных памятников являются выполнением задачи, возложенной на церковь не первым, но самым успешным борцом с ересями Иринеем, епископом Лионским⁷.

⁷ До сочинений Иринейя столь ярко выраженной и четко обоснованной агрессии против иных христианских школ мы нигде не встречаем. Сочинения, скажем, Юстина Мученика

Однако, сокрыть в совершенстве свои источники, да еще и навечно – это оказалось для церкви непосильной задачей. Первым, по-видимому, Георг Смит, археолог, исследовавший культуру Вавилона, указал в «Халдейском отчете» о том, что история о Моисее была списана с вавилонской истории о царе Саргоне. Свод «оригинальной» религии впервые поколебался, и с того времени дрожал уже непрерывно, когда тот или иной ученый обнаруживали источники происхождения элементов культа иудаизма и христианства. Я полагаю, что накопленных доказательств уже хватает для запуска цепной реакции и окончательного подрыва и обрушения свода догматизма, скрывающего внутри себя оригинальную религию Христа, тождественную Традиции. Осталось только расположить их в правильном порядке.

Итак, действительно ли у гностиков не было единого авторитета, философии, действительно ли они были эклектиками, не имеющими ничего своего за душой, даже согласной внутри себя и единой для разных гностических школ системы? Мнение Иринея и Хосроева относительно гностиков нужно проверить. Для чего? Если их учения не разнятся между собой, но согласуются, имеют общий философский базис, можно будет выйти на единые традиционалистские основы гностицизма, проследить их вектор и происхождение. Затем, указав гностические основы в христианском учении, будет легко понять причины их искажения – причины отхода от Традиции, и последующего их Ренессанса в Исламе. Сначала исследуем учения ведущих учителей христианского гнозиса.

Симон Волхв

Пожалуй, самый ранний противник христианских отцов, отмечен в «Деяниях Апостолов» как домогающийся у апостолов христианского посвящения за деньги, из-за чего покупка пастырских должностей стала именоваться симонией. Описанная в «Деяниях» (глава VII) победа апостолов над Симоном ярко сказочна, впрочем, и сами «Деяния», долгое время не принимавшиеся в новозаветный канон, относятся всеми научными исследователями первых веков христианства к подложным и поздним. Христианскими писателями Симон считается основоположником «лжеименного гнозиса». Книга

представляют собой апологию сложившихся христианских заблуждений, противопоставленных языческим системам, исповедовавшихся на территории Римской империи; относительно обоснования и сказать особо нечего – зачастую его апологии переходят в бред душевно больного человека, трясущегося перед inferнальными тенями языческих богов-демонов.

учеников Симона Волхва была использована ересиологом Ипполитом Римским (II-III в. н.э.), учеником Иринея Лионского, в труде «Философумена», однако, в русском переводе и издании этого мне найти не удалось. Я привожу его аннотацию согласно книге Л.П. Карсавина «Святые отцы и учителя Церкви».

«Есть Первоначало всего: духовного, душевного, материального. Это – ... «беспредельная мощь»... Первоогонь – «все видимое и невидимое, все словесное и немое, все счислимое и всяческое число. Он – вполне и совершенно разумное, объемлющее, высказывающее, постигающее и созидующее все, что может быть разумеемо. Он – без конца и без предела» (52, с. 20). Огонь, сокрытый покровом Молчания (Sige), когда желает раскрыться, проявляется как самосознающий Ум-Nous и Помышление-Ериноia. От этой пары-Сигизии рождается вторая пара, Глас-Имя, и третья, Разум-Мысль. Мысль возжелала познать замысел Отца-Огня и «своими силами создать мир, соответствующий Первоогню и Молчанию, средоточием которого... должен был стать человек. Этим она отъединилась, отпала от Отца. Она произвела архонтов и ангелов. Но они, унаследовав от нее, своей матери, ее непокорство, полонили ее и, вселив в материю, принудили к бесконечному ряду перевоплощений... Освобождение Мысли-Елены (Елена – спутница Симона, персонификация Мысли. – С.О.) связано с освобождением мира, в котором законодательствуют и правят вдохновители пророков еврейских – ангелы. Но, враждую друг с другом, ангелы являются виновниками всех бедствий мира: войн, убийств, насилий. Когда мера этого зла переполнилась, сошла на землю «Великая Сила Божия»... и явилась людям как Дух (Святой Дух, так как в оригинале Карсавин приводит слово Пневма. – С.О.) среди язычников, как Сын (Иисус Христос) среди иудеев, как Отец в лице самого Симона, освободителя Елены и мира». (52, с. 21)

На примере этого учения, переданного далеко не в чистом виде, все же можно вывести основные положения, от которых отталкиваются последующие гностические школы:

– Первоначало – Непознаваемое, Не Имеющее Образа и Качеств, Беспредельное, Вмещающее в Себя все;

– Первоначало сокрыто покровом Молчания, Первоmaterией, в то время Первоначало невозможно даже назвать Первичным Духом, потому как оно не имеет качеств;

– некогда существовало лишь Первоначало под покровом Молчания, и, следовательно, Мира не было;

– Мир имеет отсчет от явления Ума-Nous и его женского двойника Эпинойи, которыми проявляется Первоначало в Первоматерии;

– Nous и Epiñoia рожают вторую пару, а вторая пара рождает третью пару. В принципе, неправильно применять слово «рождать», но лучше «проявлять». Это восточная доктрина Эманаций, согласно которой высшее сознание содержит в себе низшее, которое из него исходит, эманурует, т.е. проявляется при посредстве высшего сознания, но не рождается от него. Низшее сознание является частью высшего, и самым высшим сознанием, находящимся в условиях усеченного бытия. Низшее сознание вечно стремится к высшему, и может быть им поглощено, т.е. изъято из усеченного бытия в бытие более полное; при этом низшее сознание идентифицируется с высшим и фактически им становится. Мир, таким образом, есть стремящаяся вниз, в материю, эманация Бога, и будет поглощена Богом в конце времен; и сама материя есть эманация духа, его постепенное угасание и забвение в грубеющих стадиях нисхождения;

– Первоначало проявляется тремя стадиями, или тремя парами; эти пары (за исключением первой) в свою очередь, эмануруют другие пары, и вместе со своими непосредственными Эманациями-Эонами составляют собственно Бытие, прилегающее к Первоначалу, но его (кроме Nous'a, первой Эманации) не знающее;

– последняя из этих Эманаций является причиной материального мира, так как, желая познать Первоначало, отъединяется от Бытия в не-Бытие, в материю; эта Эманация будет вечно стремиться в исходное состояние, но лишь тогда взойдет в него, когда освободится от власти материи ее косвенное творение – человек;

– творение человека не принадлежит ни Первоначалу, ни другим Эманациям, включая последнюю; исходя из развернутого учения Симона в других гностических системах понятно, что творцами человека являются ангелы и архангелы, сотворенные последней Эманацией; но без ее помощи их творение безжизненно, и именно она дает ему, человеку, жизнь;

– между ангелами существует вражда, являющаяся причиной вражды в мире людей;

– из Бытия в мир людей спускается некая Эманация, известная среди симониан как «Великая Сила Божия», а среди других гностиков как Христос или Спаситель; он наставляет избранных и через них дает учение, благодаря которому они и следующие за ними спасутся от власти ангелов. Симониане полагали, что Симоном движет именно

эта Сила, и что она проявляла себя в Иисусе и в великих философах язычников.

В учениях других ведущих гностических школ мы будем наблюдать отражение этих основных положений, которые неизменно повторяются, хоть и под разными именами, под которыми, вероятно, подразумеваются разные аспекты одних и тех же Эонов (божественных Идей, проявлений Истины).

Валентин

Считается исследователями самым образованным гностиком; получил образование в школах Александрии. Прибыл в Рим в 140 году, его школа имела многочисленных учеников, распространявших его учение по всей Римской империи. Умер на Кипре в 160 году. О его системе мы знаем в основном из книги «Против ересей» Иринея, епископа Лионского. Систему Валентина Ириной передал наиболее полно, о точности же говорить не приходится.

Учение Валентина использует символы и образы, схожие с христианскими. Однако, «когда их (гностиков. – С.О.) обличали текстами Писания, они возражали, что Писание искажено. Также смело они отвергали и апостольские предания... У них было, по-видимому, Евангелие, которое они называли Евангелием правды. Евангелия Христова они, действительно, не знали». (112, с. 71). Как это они его не знали, спрашиваем, когда «возражали, что Писание искажено»? Ренан употребил не то слово, вместе «не знали» следовало сказать «не признавали». Потому что имели свои Писания, свою систему.

Религиозно-философская система Валентина венчается Нерожденной Глубью, Bythos, окруженной Молчанием, Sige. Bythos по Ириной является Первопричиной мира, его Отцом (Propator). По всей видимости, Ириной намеренно совмещает в один Эон – два. Bythos, по названию – и во всех языках: на котором писал Ириной и на который тут же мог быть перевод, а именно на греческом и латинском – женский аспект, и не может быть Первопричиной мира, так как женский аспект всегда пассивен. Значит, выражение Иринея «сперва существовал какой-то совершенный Эон, которого называют Первоначалом (Proarch), Первоотцем (Propator) и Глубиной (Bythos)» (42, кн. 1, I, 1) говорит о мужском аспекте Propator и женском Bythos. Отсюда, его следующее выражение «Эта Глубина некогда вздумала произвести из себя начало всех вещей, и это произведение, которое она вздумала породить, как семя в утробу матери положило в сосуществовавшем ей Молчании» (там же) является фальсификацией,

потому как женский принцип не может и «ложить семя», и «быть матерью» одновременно, равно как абсурдна идея разделять один женский аспект на два, и полагать, что у Мира была две Матери.

Главное свойство Духа – креативность и активность, следствие Материи – восприятие и пластичность, т.е. восточная идея Пуруши и Пракрити, отраженная в сонме индусских богов и их жен. Так и Bythos принимает в себя идею мира от Propator, и зарождает в себе Сына, Ум-Nous. Но дух не может существовать без материи в мире дуализма, поэтому одновременно с Nous рождается Истина, Alethia. Nous производит из себя Слово-Логос, и в свою очередь становится Отцом. Через Логос и его женское отражение Жизнь, Zoe получила начало вся Полнота Бытия, Плерома – мир Божественный, в отличии от мира человеческого, который в Плерому не входит, но вечно в нее стремится. Логос производит первого Человека, Antropos и Церковь, Ecclesia. Bythos, Sige, Nous и Alethia являются первоначальной Четверицей (Тетраэдр), вместе с Logos, Zoe, Antropos и Ecclesia – Восьмерицей (Октаэдр). Logos и Zoe произвели десять Эонов, Antropos и Ecclesia – двенадцать; всего тридцать Эонов.

Премудрость, Sofia, самый младший Эон из Тридцати, произведенный от Antropos и Ecclesia, желая объять необъятное, постигнуть величие Отца, стала неудержимо распространяться, и была бы поглощена Отцом, но удержана силой Предела (Крест, Ставрос), Эона без пары, произведенного Отцом, в себе⁸. Плод же страсти Софии-Премудрости, названный Помышлением, Sophia-Накамоht, остался вне Плеромы. Nous, желая привести Эоны в порядок, произвел Христа, Christos и его женское отражение Святой Дух, Pneuma. «Христос наставил их относительно естества четы и научил их быть довольными понятием Нерожденного, и возвестил между ними то познание об Отце, что он невместим и непостижим, и его нельзя видеть или слышать, и он познается не иначе, как только чрез Единородного». (42, кн. 1, II, 5)

---

⁸ Интересно отражение этого гностического положения в гностическом Евангелии от Марии. Петр спрашивает Спасителя о грехе, и Спаситель отвечает: «Нет греха, но вы те, кто делает грех, когда вы делаете вещи, подобные природе разврата, которую называют «грех» (стр. 7). Он называет причину болезней и смерти – иллюзию («любите то, что вас обманывает»), порождающую страсть. Эта страсть распространялась бы столь же бесконечно, сколь ее прообраз Sophia-Накамоht, и для того и «благо сошло в вашу среду к вещам всякой природы, дабы направить ее к ее корню» (там же), т.е. направить страсть человека вверх, к своему Прообразу-корню. Действительно, Христос внутренний (личная совесть) или внешний (общественная мораль) останавливает безудержное распространение страсти в человеке: как в небесах, словами восточной мудрости, так и на земле.

К Sophia-Nakamoht спустился Параклет-Спаситель и произвел из ее страсти стихии, душу мира, и это вещество названо душевным. В союзе со спутниками Параклета она создала вещество духовное. Далее, она породила Демиурга, который стал творцом физического бытия. Демиург возомнил себя богом и позже сказал через пророков – нет бога, кроме меня – таким образом, Демиург есть бог евреев⁹. Низший мир, физический, во власти материи-дьявола, которую (которого) называют тварью Демиурга, а самого владельца – Миродержителем. Демиург породил семь миров-небес и одновременно Эонов, и человека в последнем из миров. Душа и тело человека образованы Демиургом, а дух свой тайно от Демиурга, но при его посредстве, человек получает от Sophia-Nakamoht.

Люди различаются по преимуществу вещества: физического (вещественного), душевного или духовного. Первые – не спасаемые, т.е. жизни после смерти не имеют, так как вещественное не принимает духовного, и жить в духе не может; вторые находятся в становлении и выборе, и если более склоняются к духовному посредством веры и хороших дел (к примеру, христиане), то спасаются, а если живут по законам животного мира, без веры и хороших дел, то разделяют судьбу людей вещественных. Наконец, люди духовные живут жизнью Духа; Ириней, во всей видимости, в этом вопросе переворачивает учение Валентина, так как заявляет, что духовные, т.е. гностики, могли делать все, что хотели, даже мерзкие поступки, и при этом полагали, что спасутся, так как они духовные, «ибо как золото, положенное в грязи, не теряет своей красоты, но сохраняет природные свои качества, и грязь не может ничего дурного причинить золоту: так и они, по их словам, до каких ни унизятся вещественных деяний, ни малого не потерпят вреда, и не утратят духовной сущности». (42, кн. 1, IV, 2)

Логичнее выглядело бы следующее: духовным людям нет нужды в слепой вере, у них вера разумная – они созерцают или ощущают духовные явления, что недоступно людям душевным, и для них нет нужды заставлять себя творить хорошие дела, так как в этом заключается их жизнь, и по другому жить они не могут – на то они и духовные. Разделения людей на духовных и душевных придерживался и ап. Павел, заявляя, что «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить

⁹ Согласно с учениями других гностических школ, можно предположить, забегая вперед, что Демиург – это общее название ангельских (Эонических) иерархий, творивших видимый мир; следовательно, правильнее будет сказать: бог евреев из числа Демиургов

духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1Кор. II, 14-15). Кого же тогда осуждает Ириней?

Миссия Иисуса состояла в спасении людей душевных, качающихся меж добром, т.е. верой и добрыми делами, и злом, т.е. вещественной жизнью. От Sophia-Накамоти он был наделен духовным, от Демиурга – душой и телом. Причем тело его было составлено из душевных элементов, и хотя причастным к страданию, но и в то же время было спасаемым; следовательно, в нем не было ничего физического. Символизированный голубем, Спаситель соединился с ним при крещении. Следовательно, Спаситель, находящийся в Плероме, никак не мог страдать, не имея в себе даже духовного, поэтому, когда заявляется о страданиях, то речь идет о человеке, а когда утверждается, что мессия не страдал, то речь идет о Спасителе-Параклете, высоком Эоне, действовавшем через земного человека Иисуса¹⁰. Таким образом, под физической оболочкой скрывался не один действующий; через личность Христа говорила и Мать, и Спаситель, и Демиург, поэтому все, что касается Мессии-Спасителя-Иисуса, далеко неоднозначно: гностики разделяют все, что написано в писаниях, именно таким образом. Ведь Иисуса можно одновременно считать и сыном Демиурга, то есть сыном Иеговы, и сыном высшего Эона Параклета-Спасителя. Когда Иисус называет иерусалимский храм «домом молитвы всех народов», то он мог говорить как проводник еврейского Демиурга, которому этот храм был посвящен иудеями (впрочем, он мог иметь ввиду и прошедшее время Давида, азиатского владыки, которого почитают и арабы-мусульмане, некогда наравне с евреями составлявшими народное тело давидовой империи и молившихся в иерусалимском храме); когда же он говорит общечеловеческие истины, то гностики вправе приписывать их Спасителю. Гностики все-таки чтили именно Спасителя, но уже Ириней намертво присоединяет Иисуса к Иегове, единственному, по его словам, и высшему богу, фактически проповедуя иудаизм. С его времени Спаситель как Эон был отвергнут, но стал просто еще одним именем Иисуса Христа, «сына Божия»¹¹.

¹⁰ Здесь, по-видимому, скрывается разгадка исламского докетизма. Коран утверждает, что Иса не умер, но его смерть и страдания были лишь иллюзией (4:157).

¹¹ Однако, сам Иисус опровергает Иринейя у Матфея (XXII, 41-46). Иисус спрашивает у фарисеев, чьим сыном должен являться Христос (Мессия), на что фарисеи заявляют: сыном Давида. Тогда Иисус приводит им Псалм, в котором Давид по вдохновению свыше говорит: «Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих», т.е. пока у Бога не останется врагов, и всякий Его примет – речь явно идет о конце человеческого цикла, в котором Закон (кармы, Матф. V, 18) будет

Когда духовные люди усовершенствуются в знании всего духовного, наступит конец мира. Sophia-Накамото войдет в Плерому и обретет свою мужскую половину. Вслед за ней войдут в Плерому и люди духовные, их души станут невестами Ангелов. Демиург займет место своей Матери, и в нем обретут высшее бытие праведники. Таящийся в мире огонь воспламенится и уничтожит его.

Гностики были и до Иисуса. Иисус их объединил для создания церкви, которую составляют гностики. Таково учение Валентина и его ученика Птолемея. Оно фактически повторяет сценарий учения Симона Волхва, при этом четко прослеживаются следующие *восточные* идеи:

- дуальность в проявленном мире, т.е. действующий Дух и облекающая его сила Материи, ноль, делающий единицу десятью;

- Миры суть Эоны-Ангелы, они же Небеса, индусские Локи – не столь место, сколько состояние сознания; одновременно, определенный диапазон на материальной шкале, образующий мир, в котором обретают бытие подобные по уровню сознания;

- идея Мессии в точности повторяет идею Аватаров, объединенных Сознаний земного просветленного человека и высшего Духа: одного из Дхиани-Будд, или даже Ади-Будды в земном Будде, который пятый по счету у буддистов (в этой Расе), двадцать пятый – у джайнов (со времени рождения человечества). У индусов Вишну восстанавливает мир и справедливость через своих Аватаров Кришну, Раму и других; последним же, десятым по счету, индусы ожидают Калки Аватара;

- сотворение физического мира – дело низших ангельских Иерархий; Первопричина Мира не знает физического мира, так как Беспредельное не может познать предельное, равно как и наоборот. Таким образом, существующий мир является иллюзией, плодом физических, душевных и иных чувств, и реален только для обладающих ими. Высшее Сознание Дхиани-Будды не может спуститься непосредственно на землю, так как не имеет в себе ничего физического и не способно ощущать этот мир, поэтому Дхиани могут учить только через единиц, способных подняться в духе до наивысшего из возможного для земных людей состояния сознания. В силу этого идея высшего Эона, воплотившегося на земле под именем

исполнен, и который ознаменуется приходом Мессии. Если Иисус был сыном Давида, Христом и Мессией одновременно, то почему он полагает, что не мог Христос быть сыном человека, Давида? Только потому, что Иисус не считал себя ни Христом, ни Мессией, и полагал, что Христос – выше Давида, как Эон выше смертного человека.

Иисуса Христа, с восточной точки зрения абсурдна, и отвергается всеми гностическими школами;

- земля – последний из миров; в индуизме над земной сферой 32 Локи. У Платона земля – впадина мира;

- 33 Локи индусов очень похожи 30 Эонов Валентина, плюс София-Ахамот и Демиург, и все они располагаются над Землей, вместе – 33 мира;

- человека творят разные ангелы; одни дают душу, вторые осеняют искрой Духа, делая человека разумным. В индуизме это Лунные и Солнечные Питрисы (Предки), Бархишады и Агниташватты;

- человеческий дух бессмертен; душа обретает бессмертие, если ведет праведную жизнь, и разделяет судьбу тела, если ведет жизнь телесную, животное-чувственную; тело является орудием и одеждой души и духа, не имеет собственного существования, а некоторыми индуистскими школами даже не принимается за принцип; они начинают отсчет составляющих человека с низших аспектов души;

- у этого мира есть начало, будет и конец, и он будет сожжен огнем; люди духовные обретут Нирвану (Полноту Бытия, в некоторых переводах, что идентично переводу Плеромы); праведники обретут Рай (Дэвачан, земля богов), злые погрузятся в состояние непреходящего ужаса (Авичи).

Таким образом, видим, что практически все учение Валентина, идентичное учению Симона Волхва, построено на восточных идеях. Учения других учителей гностиков в целом повторяют те же идеи.

Василид

Написал 24 книги, посвященных толкованию евангелий, возможно, несинаоптических – ни одна из книг не уцелела, да и не могла уцелеть, потому как неизвестно, в каком виде были евангелия во время Василида, и в каком измененном виде они подошли ко времени Константина. Наверху системы Василида Верховный Бог Абракас, рождающий 7 Совершенств, в числе которых уже известные нам Nous, Sofia и Logos. Совершенства разворачивают творение из 365 Эонов-миров, последний из которых Земля. Повелитель Земли – Иегова. Иегова и демиурги распределяют меж собой народы, и Иегове достаются евреи. Он захотел подчинить своему народу все остальные, и Демиурги вынуждены объединиться против Иеговы. Для прекращения распрей Бог посылает Nous, называемый Христом, с поручением избавить людей от власти демиургов. Nous привлек к себе личность по имени Иисус, но сам не воплощался. Вместо Иисуса

был распят Симон Киренский. Душа одна получает спасение, тело тленно.

Имя Бога суть обычная анаграмма, но в то же время и мужской аспект, который Ириной тщательно вырезал у Валентина. Талисманы с этим Именем очень частое явление в первохристианских временах; Ириной говорит, что ученики Василида занимались волхованием, то есть магией, которая включает в себя искусство управления стихиями с помощью Имен высших Сил-Эонов. Семь Совершенств вместе с Абрасакс – Октаэдр Валентина, и имена Эонов одинаковые. Развернутый до 365 Эонов-миров – наверняка, новая грань, которая пропущена Валентином. Иегова на своем месте, и ту же функцию выполняет Христос, только не упомянуто, что Христос рожден Nous, но их взаимосвязь налицо. Очень четко прописано, что Иисус земной человек, привлеченный Христом, который не страдал. Под именем Симона Киренского понимается некая идея, так как ученики Василида говорят, что те, кто веруют в бестелесного и нестрадавшего Христа, освобождены от власти демиургов, но под их властью находятся «верующие в распятого», т.е. в земного Иисуса – полновесный намек на христиан, «душевных» людей, находящихся в ведении Демиурга (Демиург у Валентина владеет душевным веществом), и не понимающих духовной идеи Спасителя.

Сатурнин

Он и Василид – ученики Менандра, сирийского учителя¹², поэтому их системы схожи, также соответствуют в различных аспектах системе Валентина. Сатурнин называет Вершину Мира как Валентин – Глубь, *Bythos*. Ей противостоит дьявол, т.е. абсолютно физическая материя. Это царства добра и зла. Они смешиваются на пограничной полосе, на которой Демиурги, среди которых Иегова, создают планеты и делят над ними власть. *Bythos* открывается Демиургам на мгновение, и преследуемые Высшим Образом, Демиурги создают человека, но их постигает неудача – человек получается подобным червю, ползающему по земле. Из Плеромы человек осеняется искрой Разума, и становится разумным, встает на ноги. Люди сотворены злыми и добрыми (физическими и духовными). Христос спасает человечество, но борьба людей добра с людьми зла, которым помогают демоны, не прекращается. Люди добра живут вечно. Брак и деторождение – от Сатаны. Под Сатаной Сатурнин по преимуществу понимает бога иудеев.

¹² Менандр же является учеником Симона Мага, поэтому сравнивать учения Василида и Сатурнина с учением Симона Волхва не имеет смысла – они идентичны

Итак, есть Bythos, Первоматерия, и есть материя-дьявол – действительно два полюса мира. Только Сатурнин несколько больше распространяется о людях физических, находящихся под властью материи и материального, т.е. дьявола. Они в силу своей природы антагоничны людям духовным, и в мире потому всегда между духовными и физическими идет борьба. Поскольку есть пограничная полоса, на которой смешивается царство добра и зла, то можно предположить, что мир дьявола простирается вниз от мира физического, т.е. от земли, настолько же, насколько вверх простираются миры, сотворенные прямо или косвенно Богом. Таким образом, вниз идут инфра-физические миры, вверх – ультра-физические. Души людей физических могут после смерти уходить вниз, людей душевных вверх или вниз, духовных – вверх. Воплощения, следовательно, могут быть сверху и снизу, отчего и образуется дьявольское человечество той или иной степени заматериализованности, и духовное той или иной степени одухотворенности. Отметим момент, что у гностиков есть своеобразные представления об аде – нам нужно проследить источник этих представлений или хотя бы параллели в других религиозных системах.

Демиурги у Сатурнина во множественном числе (как Элохимы в Книге Бытия), что дает повод предположить, что Демиург Валентина суть общее название иерархий Эонов, творящих землю и отчасти человека.

Показательный момент сам того не желая отмечает Ириней: «... говорит Сатурнин, что некоторые пророчества произошли от ангелов, сотворивших мир, а другие от сатаны, которого он принимает за ангела - противника мироздателей, преимущественно же Бога иудейского. (42, кн. 1, XXIV, 2) Прекрасно видим, как совпадают учения Валентина и Сатурнина, даже не смотря на попытки Ириней доказать, что в учениях гностиков них нет ничего между собой согласующегося. Обе школы полагают, что пророчества могут исходить из разных источников, и обе считают, что бог евреев является подслужебным лицом, находящимся в иерархии ангелов далеко не в первом разряде.

Кстати, наряду с ангелами в учении Сатурнина присутствуют демоны, и это наверняка существа, антагоничные Эонам и населяющие инфра-физические миры. Далее, интересно, что Демиурги творят человека под Высшему Образу. Другие гностики утверждали, как передает Ириней, что мир и человек сотворены по

высшим подобиям, неким Прообразам, Идеям – вполне платоновская идея. Завершающее творение человека происходит не от Демиургов, но свыше – также согласуется с Валентином. Итак, учение Сатурнина ни в чем не противоречит учению Валентина, только разворачивает его в отношении борьбы добра и зла.

Кстати, о дьяволе. Ясно, что это бездуховная материя, и все ее порождения. Но вот Сатана... Ренан из транскрипции Иринея учения Сатурнина – «брак и рождение детей, по их словам, от сатаны» – выводит, что брак дурен, а Сатана и дьявол синонимы. Сатана в переводе «противник», и мы встречаем у Карпократа, гностика, следующее любопытное заявление (опять же в хитрой транскрипции Иринея): «... под противником понимают они одного из ангелов, находящихся в мире, которого они называют дьяволом, говоря, что он существует для того, чтобы приводить погибшие души из мира к верховному начальнику, - его называют они первым из мироздателей, - а он передает такие души другому ангелу, который ему служит, чтобы заключать их в другие тела, ибо тело, по словам их, есть темница. Слова: "не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки" объясняют они так, что никто не уйдет от власти ангелов, сотворивших мир, но до тех пор переселяется из тела в тело, пока не испытает всякого рода дела в этом мире; и его душа возносится потом, когда она не имеет более никакого недостатка, свободно к Богу, Который выше ангелов, сотворивших мир». (42, кн. 1, XXV, 4)

Похоже, дьявол и сатана – это разные понятия; через немного времени они сольются в христианском сознании¹³, но пока дьяволом называют мир, сатана же исполняет иные функции: он противник Бога, приводящий погибшие души на суд к «верховному начальнику», «мироздателю». Последний же отдает их другому ангелу, и тот заключает их в новые тела, т.е. в новое воплощение. Один в один читаем у Платона: «Когда человек умрет, его гений, который достался ему на долю еще при жизни, уводит умершего в особое место, где все, пройдя суд, должны собраться, чтобы отправиться в Аид с тем вожатым, которому поручено доставить их сюда. Обретя там участь, какую и должно, и пробывши срок, какой должны пробыть, они возвращаются сюда под водительством другого

¹³ Досадно, но даже ученый Ориген пытался совместить оба понятия, и придать им личностное бытие. О Сатане он пишет так: «Вследствие этого падения он и был назван князем мира сего, т.е. земного обиталища... даже весь мир (миром я теперь называю это земное место) во зле лежит (Иова 5. 19) и именно в этом отступнике» (Ориген «О Началах», стр. 76)

вожатого, и так повторяется вновь и вновь через долгие промежутки времени» (72, «Федон», 107e-108a). Видим ту же идею перевоплощения, но только не для погибших душ, как пишет Ириней, а для несовершенных. При этом у Карпократа (или у Ириней?) выпущен эпизод с промежуточным состоянием, который Платон называет Аидом – хороший пример того, как одна школа передает одни грани одного и того же учения, а другая – другие, и эти грани могут соприкасаться, могут пропускаться, но логика от этого не страдает.

Сатана приводит душу на суд, и возможно выполняет на нем роль прокурора, как это отражается в христианских мифах. Следовательно, он влияет на наказание – в данном случае наказанием является новое рождение, – и брак должен каким-то косвенным образом зависеть от сатаны. Так что ничего дурного в гностическом сатане нет, кроме того, что он одевает в новые земные тела несовершенных людей. Поэтому Сатурнин и говорит: брак и деторождение – от Сатаны. По всей видимости, в этих гностических и платоновском учениях начало христианской легенды о сатане (а также идеи превосходства монашества и безбрачия над мирской жизнью), который у них становится идентичным дьяволу, и вместе с тем некое существо, отпавшее от Бога, владыка над сонмом чертей, одновременно змей в райском саду (еще одна аллегорическая притча, связанная с Сатаной), искушающий Адама и Еву, и по инерции и традиции вечный искуситель праведников. Поскольку христианские отцы не имели четкой системы, кроме некоторых догматов, сделанных примерно по такому же сценарию, они могли сочинять на гностические и библейские сюжеты все что угодно и как угодно, потакая суевериям невежественных масс – без всякой опоры на логику.

Еще один интересный момент отмечает Ириней у Сатурнина: "Они говорят, что они не суть более иудеи, но еще и не христиане; и не должны высказывать открыто свои таинства, но молчанием хранить их в тайне». (42, кн. 1, XXIV, 6) Первое – последователи Сатурнина бывшие иудеи, второе – Сатурнин явно под словом «христианин» подразумевал нечто иное, нежели последователей епископальных общин, но некое более совершенное состояние. Само собой разумеется, если Христос является совершенством, то «христианин» должен быть как можно более уподобленным Христу, и единственно в таком прочтении можно понимать наполнение Сатурнином понятия «христианин». Все таинства гностиков, которые они обязаны «хранить в тайне», должны быть направлены к

достижению такого внутреннего и внешнего состояния: боговдохновенного мудреца и нищего. "В кумранской идеологии впервые пробила себе место идея замены избранничества целого этноса избранничеством индивидуальным..." (3, с. 225) – так по другому выражает эту же мысль И. Д. Амусин, и это относится не только к бывшим ессеям-кумранитам, но и к тем, кто вывел эту идеологию из замкнутых общин, повинувшись завету Иисуса Христа распространять идеи существовавшей в Азии древней Традиции, удушенной в иудаизме. Значит, возвращаясь к задаче уподоблению Богу, у гностиков для этого должны были быть система и путь, возможно, буддистского образца¹⁴, но поскольку гностики сохранили их в тайне, мы о них можем только догадываться.

Относительно первой части цитаты из Иринея можно заметить, что установившимся мнением среди специалистов, занимающихся данной проблемой (И.С. Свенцицкая, И.Д. Амусин и др.), является положение о переходе ессеев и назареев, общин контриудейской направленности, в «Новый Завет». Далеко не все эти общины восприняли образ Иисуса Христа за образец, достойный подражания. В Кумранской общине, к примеру, был свой боговдохновенный учитель, в общинах иоаннитов, бывших назареев, чьи взгляды отображал «Кодекс Назареев» (III-IV вв. н.э.), известный через Бардезана (Бардезианская система), таковым считали Иоанна Крестителя, а Иисуса Христа, фетиша епископальной церкви, наоборот считали фальшивый Мессией, Нэбсо, творением Духа "Семи ко злу расположенных звезд", Фетахила¹⁵. Однако, все общины считали Иисуса простым человеком, а не богом¹⁶.

Те, кто были учениками Иисуса, либо те, кому были близки его революционные и реформаторские взгляды, основали (или реформировали) свои общины, объединенные вокруг имени Христа. «Назарей являются иудеями, чтящими Христа как справедливого человека и пользующиеся так называемым Евангелием от Петра», пишет Филострат (IV в. н. э.); следовательно, среди учеников Иисуса Христа были и назарей, и ессеи; они приняли новое эстравертное направление, их общины стали открытыми, а учения свободно

¹⁴ «Разумнейшие люди греко-восточного мира... начинали знакомиться с буддизмом... Вавилонское манихейство, которое является в III веке продолжением гностицизма, было в значительной степени проникнуто буддизмом» (112, с. 79-80).

¹⁵ При этом в «Кодексе назареев» почитается Христос-Эон, «Руль и Виноградная Лоза».

¹⁶ «Например, согласно писаниям одной из наиболее ранних христианских групп — эбионитов, чье учение и название восходит к кумранской общине, Иисус считался человеком, сыном Иосифа и Марии» (90, гл. 2.2.)

распространяемыми, хотя и не всегда адекватно понимаемыми в силу своего аллегорического характера.

Последователи Сатурнина уже не иудеи – по сути, «но еще и не христиане». То состояние, к которому они стремились, было фактически похищено у них нарождавшейся церковью, объединявшей в большей степени эллинские общины (и, следовательно, менее знакомых с гнозисом бывших ессеев и назареев, либо знакомых понаслышке, и потому представлявших прекрасный материал для деятелей типа Ириней) и называвшей – незаслуженно – себя христианской, а своих последователей – христианами.

Что ж, разногласий среди ведущих гностических учителей не обнаружилось, а раз разногласий не существует, то не это ли признак единого источника, пребывающего в учениях гностиков в разных транскрипциях, но неизменном смысле?

Гностики и христиане

Отношения гностиков и епископальных христиан довольно сложные. Ириней и другие христианские апологеты того времени не раз упоминают, что многие гностики входили в те или иные общины, но были изгоняемы, затем снова привлекаемы, и снова уходили. Их противники ставят дело так, будто бы гностиков тянуло к массам, к власти над ними, но тот же Маркион образовал церковь, по численности ненамного уступавшей разрозненной епископальной – была ли ему нужда уже по ее созданию чего-то домогаться от иудействующих христиан, невежественного теста, на котором Ириней впоследствии замешал свои хлеба? По всей видимости, гностики пытались удержать в церковных общинах выталкиваемое знание, удержать от построения практически новой религии на искаженной назарейской основе, дать солярному мифу метафизический смысл взамен буквального.

При всей их неудаче им все же многое удалось; как замечает Ренан, и культ, и таинства, и этический комплекс, и многое другое пришло в ортодоксальную церковь через гностиков. Первые состоятельные и культурные христиане пришли в епископальные общины по большей части через гностиков; ведь только гностикам с их образованностью и культурой возможно было вести на равных диалог с цветом римской языческой среды. Далее ортодоксы сплоченно выжимают гностиков из городов, попутно копируя их внешний культ, и обращенные культурные христиане становятся их достоянием. Элита притягивает элиту, купечество затягивает купечество – цепная реакция, в общем.

«Первобытное христианство... было слишком просто; и именно гностики сделали из него религию. Таинства, в значительной части, были их созданием. Их помазания, в особенности на смертном одре... священное... миропомазание (первоначально нераздельная часть крещения), присвоение чудодейственной силы крестному знамени и некоторые другие элементы христианской мистики, идут от них... Множество верований, праздников, символов гностического происхождения сделались... католическими». (112, с. 84) – как же можно согласиться с А.Л. Хосроевым, становящимся на сторону христиан относительно унифицированного учения и культа, когда они были «усвоены» христианами из гностических и восточных систем?

Те люди, которые стояли у истоков христианской культово-этической системы, понимали, что на простом отрицании гностических учений далеко не уйти. Им нужны были если не плагиат, то прямое заимствование, иначе шатающееся здание бессмыслиц, не скрепляемое цементом философии, рухнуло бы по происшествии небольшого времени от своего зарождения. Мелитон, епископ сардский, живший во времена Марка Аврелия, являющийся первым составителем канона Ветхого Завета и толкователем многих произведений из него, хотя и «оспаривал по пунктам... толкования восточных ученых», однако, и сам «имел значительную склонность к аллегорическим и мистическим толкованиям, и возможно, что затерявшееся (не спроста! – С.О.) его сочинение под заглавием «Ключ» было уже одним из тех сборников преобразовательных объяснений, посредством которых старались устранить антропоморфизмы библейского текста и заменить слишком простое значение значением более возвышенным» (112, с. 102)

И другие отцы церкви не прочь поменять еврейского Иегову на Высший Принцип, бесформенный и бескачественный. Попутно заметим их дохристианское образование: «Феофил, епископ антиохийский... был как и Атенагор (защитник догмата о воскресении мертвых. – С.О.), обращенный эллинист... По Феофилу христианство заключается *в сердце; страсти и пороки мешают видеть Бога. Бог не вещественен и бесформенен; он открывается в делах своих*». (112, с. 212) Однако же, это буква в букву буддизм, Веданта, даосизм, неоплатонизм и другие формы восточной философии:

Дао де Цзин: «Что же суть Единое?... Тянется, не прерываясь ни на миг, а по имени не назовешь, круг за кругом все в него возвращается,

а вещей там никаких нет. Вот что называется: *иметь облик, которого нет, обладать существованием, не будучи вещью*» (27, стих 14)

Бхагават-Гита: «Брахман, Дух, не имеющий начала, находится вне существования... Он пребывает в мире, пронизывая всё. Отраженный в деятельности всех чувств, Он сам не имеет чувств. Он лишен всех привязанностей и все же поддерживает всех... Он вне и внутри существ, Он подвижный и неподвижный... Он далеко и близко. Он – неделимый, но кажется разделенным в существах. Он – свет светов. Он вне всякой тьмы... Он пребывает в сердце всех существ» (17, с. 88)

Плотин дополняет: «Высочайшее Первосущее... проникает и удерживает собой все прочее, пребывая неизменно в самом себе... То «везде», в котором оно всегда есть, – оно само... его единство не исключает, а, наоборот, производит и обуславливает множественность сущего... Того же воззрения придерживались и древние мудрецы» (74, VI, 4)

Упанишады относительно страстей и пороков: «Не отступающий от дурного поведения, беспокойный, несобранный мятущийся разум, поистине, не достигнет его (Атмана. – С.О.) даже с помощью познания... Кто не наделен распознаванием, чей разум никогда не сосредоточен, чувства у того не знают узды, словно дурной конь у колесничего... кто непонятлив, неразумен, всегда нечист (в душе. – С.О.), *тот не достигает* того места (Атман. – С.О.), откуда он больше не рождается» (96, Катха Упанишада, с. 104-105).

По всей видимости, «обращенные эллины» суть бывшие платоники, гностики, знакомые с учением буддистов, и ученики назареев, вставшие на сторону христианства из неких побуждений личного или социального плана. После легализации христианства их число должно было необыкновенно умножиться – может, они спасали свой социальный статус, либо просто не желали разделять судьбу александрийских неоплатоников вроде философа Ипатии, убитой христианами. Так мне дает право думать появление культа у христиан именно в IV веке.

Сами гностики многое отвергали в бессвязной мешанине церковного христианства. Не говоря уже о метафизическом учении, принимаемом невежественными епископами и их паствой буквально, гностики не разделяли ни стадного стремления своих оппонентов к мученичеству¹⁷, ни культа, вытекающего из мученичества и

¹⁷ «Василид, Гераклеон высказывались против неумеренных почестей, воздаваемых мученикам» (112, с. 69)

основанного на смешном догмате воскресения тел¹⁸ – культура поклонения «гнилым костям», словами Мережковского.

Они постоянно вступали в споры со всевозможными апологетами новых христианских басен и «когда их обличали текстами Писания, они возражали, что Писание искажено». (112, с. 71). И раз уж Василид пишет 24 книги толкований на некие явно не церковные Евангелия, значит, существовали действительно гностические Евангелия, ставшие образцами для синоптических – хотя бы потому, что гностические появились ранее. Евангелие правды, еще называемое Евангелием евреев, пытался в свое время переводить Иероним, но тот текст от Матфея, что некоторые исследователи пытаются выдать за перевод Иеронима Евангелия евреев, существовал ранее Иеронима, значит, он не мог принадлежать Иерониму, и следовательно, Иероним не перевел Евангелие от евреев, либо не дал переводу ход.

Стоит упомянуть и об обличениях текстами Писания. Многие отцы церкви прибегали к писаниям вовсе не для выяснения истины, но для подтверждения своих заблуждений. Если Ориген, филигранно владея Писанием, исследует в основном этические и метафизические вопросы, то апологеты церкви, как закрытой для плюрализма организации, подобные Тертуллиану, стараются разрушить авторитет конкурентов, прибегая к откровенным искажениям смысла Евангелий. Тертуллиану вовсе не важно, что мог бы сказать по тому или этому поводу сам мнимый «основоположник» – он смело выдергивает цитаты, пренебрегая контекстом. К примеру, в книге «О прескрипции (против) еретиков» он пытается доказать, что у Павла, как и у других апостолов, не существовало учения иного, нежели того, что было известно отцам церкви: «...безумие... настаивать, что они не всё всем открывали, ибо одно-де они передавали открыто и всем, другое – тайно и немногим». (47, с. 118). В подтверждении этого положения, которое разрушает претензии «еретиков» на более верную преемственность и наличие сокрытых (по смыслу) учений, подобных учению Валентина или Бардезана, Тертуллиан ссылается на Иисуса Христа, который «...Сам заповедал: если что услышите во тьме и тайно, то проповедуйте при свете и кровлях» (Мф. 10, 27). Однако, Иисус, именно в данном случае, не имел ввиду

---

¹⁸ «Действительно, видимые части тела, которые мертвы, не спасутся, но только живущие (живые, т.е. одухотворенные (душа) в одном смысле, и незримые – в другом. – С.О.) части тела, которые существуют в них (в мертвых, т.е. в теле. – С.О.), воскреснут» (гностическое Послание к Регину, или Трактат о воскресении; по электр. версии на сайте <http://barnascha.narod.ru/books/>).

необходимость для апостолов раскрывать тайные поучения; цитата обращена против скрытных держателей иудейской традиции, насколько это очевидно из Евангелия, и предписывает апостолам открыто обличать фарисеев и саддукеев, не оставлять проблемы (по всей видимости, иудаизма как такового) закрытой¹⁹. Какое прекрасное упражнение для софистов: хочу – так представлю, хочу – в ином свете. И вовсе уже не истина важна, а корпоративный церковный дух, который нужно отстоять даже путем откровенной лжи. Иезуитам было где родиться и у кого учиться!

Что касается моста к восточным религиям, я уже довольно убедительно доказал наличие восточных религиозно-философских идей в основании учений ведущих гностических школ, и буду доказывать это и далее. Впрочем, не нужно вглядываться столь глубоко, когда этот мост можно увидеть на поверхности. «Индия и в особенности буддизм были известны в Александрии. От них заимствовали переселение душ, взгляд на жизнь, как заключение души в темницу тела, теорию последовательных освобождений» (113, с. 85). «Религии, не имеющие ничего общего с христианством, вавилонские культы, быть может, отпрыски буддизма, были зарегистрированы и занумерованы ересеологами, как христианские секты...Разумнейшие люди греко-восточного мира... начинали знакомиться с буддизмом, и хотя еще далеко были от того времени, когда жизнь Будды стала жизнью христианского святого (св. Иосафат. – С.О.), но о нем упоминается не иначе, как с уважением. Вавилонское манихейство, которое является в III веке *продолжением*

¹⁹ В Евангелие от Матфея фраза «о говорящих на кровлях» могла попасть из Евангелия от Фомы, ставшего известным после опубликования рукописей из Наг-Хаммади (II кодекс). Там она звучит следующим образом: «Иисус сказал: То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника (и) не ставит его под сосуд и никто не ставит его в тайное место, но ставит его на подставку для светильника, чтобы все, кто входит и выходит, видели его свет» (Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии, стр. 219 – 262, пункт 38). Здесь речь идет, возможно, о том, что доктрины, переданные через Иисуса, не должны были стать уделом закрытых сект. Их следовало нести в мир («Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает» – там же, п. 10), однако, «от уха к уху», то есть тайно, для избранных, не отдавая на толпу). Значит, то общеизвестное учение ортодоксальной христианской церкви, выдаваемое Тертуллианом за учение Иисуса Христа, не могло быть учением «избранных», следовательно, Христа. В любом случае, Тертуллиан принимает желаемое за действительное, или попросту привирает. Кстати, если в Евангелие от Матфею логия про «говорящих на кровлях» попала из Евангелия от Фомы, то налицо пристрастная редакция: в ортодоксальной Евангелии нет указания возвещать узнанное на ухо шепотом «другому уху», зато есть указание смело «проповедовать», радуясь, похоже, неминуемой смерти; впрочем, на учение христиан саддукеи внимания бы не обратили, оно ничем им угрожать не могло, но вот Иисус вряд ли бы посылал своих учеников на крест, под камни или на тайный нож.

гностицизма, было в значительной степени проникнуто буддизмом» (112, с. 79-80).

Буддизм был занесен в эллинский мир во время правления в Индии царя Ашоки (264-228 гг. до н.э.). Сохранившаяся надпись того времени прославляет деяние Ашоки: «И это самое важное завоевание, по мнению Его Величества, завоевание по Закону; и это также осуществлено Его Величеством и в своих собственных владениях и во всех соседних царствах на шестьсот лиг в окрестности – даже там, где проживает греческий царь Антиох, и за владениями Антиоха, где живут четыре царя, называемые по-разному: Птолемей, Антигон, Мегас и Александр». (цит: 7, т. 1, стр. 219). Из надписи можно сделать заключение, что буддистские проповедники распространяли восточные (буддистские) взгляды в европейской части империи Александра Македонского и в Египте. Множество скульптур Будд и Бодхисаттв в Азии дало науке повод назвать культуру того времени ирано-парфо-буддистской (4, кн. 2, с. 271). Сохранились диалоги с буддистскими мудрецами царя Менандра, правившего Персией и частью Индии. Памятник буддистской проповеди сохранился даже в Ирландии.

Кто теперь может проследить, как и с кем пришли идеи буддизма в римскую империю? Те же гностики «признавали некую тайную традицию, которая досталась им не только от библейских (например, Адам, Сиф и т.п.), но и от других мудрецов прошлого (Зороастр, Зостриан, Аллоген, Никофей, Гермес и т.п.) (106, стр. 168).

Были у гностиков и единомышленники в рядах становящейся церкви. Климент Александрийский «слово *гностик* он употребляет в хорошем смысле, как равнозначащее со словом христианин; во всяком случае, он далеко не имел к новым (?) идеям ненависти Иринея, Тертуллиана...» (112, с. 82). Ориген оперирует гностическими идеями; «александрийская философия в III, IV и V веке пропитана тем, что можно назвать духом гностицизма, и она завещает арабской философии начало мистицизма, которое тою будет развито». (112, с. 82). Вот и окончание моста, прокинутого гностиками от восточных религий в мусульманство. Хотя гностики сошли с арены борьбы, у них осталось достаточно последователей внутри церкви, и именно они были той закваской, которая постоянно взбуживала церковное тесто. Далее мы увидим, что те же ариане и несториане практически один в один проповедовали и отстаивали гностические идеи.

Это говорит о том, что традиционная истина, поднятая на знамя «сынами Света» и пронесенная Иисусом Христом через всю свою жизнь, могла быть вмещена в любые формы, отражена в разных философских системах, и то, что они сгнули, а точнее, были выкорчеваны церковными христианами, никак не свидетельствует в пользу последних. Общая иллюзия довлеет над исследователями, не проникшими в дух «еретического», равно как и церковного христианства – они априори отдают пальму *преемственности* церковному христианству (видимо, по простому факту его наличия): от исторической личности Иисуса Христа, через его учеников – которые, вроде бы как само собой разумеющееся, входили в церковную организацию – минуя иные секты первых христиан, посредством святых отцов церковной, опять же, ориентации, при охраняющей и разъясняющей функции епископов и их соборов. Победителей, мол, не судят!

То, что эта сеть рвется изначально, уже на уровне епископов, чьи должности презирались в ранних общинах в духе «Дидахэ», их мало волнует; свои разъяснения они предпочитают вести со слов Иринея, Иеронима, Евсевия и Тертуллиана, переложенных на более менее секуляризованный язык популяризаторами вроде Эрнеста Ренана. Ведь никто из создателей церковного христианства и в мыслях никогда бы не произнес (хотя наверняка это знал), что у Иисуса Христа могли быть иные ученики, нежели 12 апостолов, чрезвычайно похожие на 12 знаков Зодиака; что церковная версия, которая нам известна, есть всего лишь шаблонная стилизация Евангелия от евреев и высказываний Иисуса Христа (см. «Евангелие от Фомы»), что единый сюжет Евангелий представляет собой так называемый солярный миф, вокруг которого накручены разрозненные исторические и псевдоисторические эпизоды²⁰.

Преемственность если и была, то не в области правильного усвоения учения Иисуса Христа, а в области ассимиляции (если не прямого воровства) культовых особенностей у различных конфессий, отправлявших богослужение в Римской империи в первые века нашей эры. Культы Атгиса и Кибелы, Сераписа, Митры, Адониса, Изиды, различных назарейских ответвлений по всему Востоку (койноби, терапевты, эвионимы, офиты, наасены, коллиридийцы, орфики) были для христиан обширнейшей нивой, с которой можно было жать веками – от элементов метафизической системы²¹ до праздников.

²⁰ См. статью «Синоптики».

²¹ Эвиониты, христиане за сотню лет до Иисуса: "Иринея отмечает, что учение эбионитов - старое, древнее учение о непорочном зачатии" (89, 66). Офиты: Символизировали

Давайте и мы вместе с Ренаном соберем плоды заимствований христианами от иных культов.

«*Крещение* совершенно заменило обрезание, которому у евреев оно только предшествовало... За крещением следовало *возложение рук* – еврейский обряд при посвящении в раввины. Это называлось крещением Духа; без него крещение водой почиталось недостаточным» (112, 286).

«*Исповедь*, или признание в грехе, уже применяющееся у евреев, было первым условием христианского покаяния» (112, 287).

«*Способ погребения* был все тот же, что и у евреев: тело, завернутое в саван, погружалось в саркофаг, в виде корыта, нередко со сводчатой крышкой» (112, 290).

«Культ Изиды получил свободный доступ в Грецию с IV века до Р.Х. Весь Греко-римский мир был им буквально завоеван. Этот культ, каким мы его видим в Помпейской и Геркуланумской живописи, с *тонзурированным* и *безбородым* духовенством, в *облачении* в роде наших стихарей, очень походил на наше богослужение. Каждое утро сistr, также как и наши колокола, сзывал богомольцев на своего рода обедню, с *проповедью*, *молитвой за императора и империю*, *опрыскиванием* Нильской водой и отпуском. *Вечером* также была *служба*... Были... *шествия по улицам*... Иногда они *нищенствовали* в чужеземном одеянии. Это было нечто в роде братств, кающихся в южных странах... К этому присоединяются *чудеса* в доверенном кругу, *проповеди*, *посвящения*, горячие *моления*, *крестины*, *исповеди*, кровавые *покаяния*. Посвящение внушало восторженную *приверженность*... к *Пресвятой Деве*. *Очищения*, *искупления* поддерживали возбуждение души. Между участниками... устанавливались чувства нежного *братства*. Они все становились отцами, сыновьями, братьями и сестрами одни других. Эти маленькие франкмасонства с условными пропусками... создавали тайные и глубокие связи» (112, 309-310).

«Один восточный бог в особенности угрожал в одно время успеху христианства... В первобытной арийской мифологии Митра одно из имен солнца... В греко-римском мире о нем слышали в первый раз около 70 года до Р.Х.... Его сходство с христианством так

Христоса-Эона (который, разумеется, не был Иисусом, поскольку офиты поклонялись ему до предполагаемого рождения христианского бога) Змеем, почитали как символ Мудрости. "Этот змий доброты, с головой, увенчанной короной, помещался на вершине креста и был священным знаменем Египта" (Бонвик "Egyptian Belief", цит. 13, 330). Называли своего Офиса (Змия) Спасителем. Наасены: также как и офиты были змиепоклонниками, считали созвездие Дракона символом своего Логоса, Христа.

поразительно, что Иустин и Тертуллиан усматривают в нем сатанинский плагиат. Культ Митры имеет *крещение, евхаристию, Агапы, покаяние, искупление, помазания*. Он устанавливал между посвященными *братскую связь...* Были *степени, порядок последовательного посвящения*, со странными названиями, последовательные *испытания, странный пост, страхи, бичевания*. Эти упражнения развивали *холодное благочестие*. Верили в *бессмертие посвященных, в рай для чистых душ. Таинство чаши*, столь сходное с христианским причащением, *вечерние собрания*, похожие на собрания наших благочестивых братств в «пещерах» или небольших молельнях, многочисленное духовенство, в состав которого допускались женщины... Можно сказать, что если бы рост христианства был остановлен какой-нибудь странной болезнью, мир обратился бы к культу Митры... Для его поражения потребовались страшные удары, которые нанесла ему христианская империя» (112, 311-313).

«*Таинства* были обычной формой этих чужеземных культов и главной причиной их успеха. Посвящения оставляли глубокое впечатление...» (112, 314).

«Восточные культы располагали... большими денежными средствами... Жрецы там пользовались большим значением, чем в латинском культе; они составляли духовенство, подразделяющееся на *ордена, священную дружину, удаленную от мира*, живущую по особым правилам. Облик у этих жрецов был важный, теперь бы сказали, церковный. Они носили *тонзуру, митры и особый костюм*» (112, 314). Надо еще добавить подразделение на внутренний и внешний храм ведических религиозных систем, чтобы понять, откуда у христиан черное и белое духовенство.

В общем, не знаю как добрые пастыри, но добрые воры – это поточнее будет. И ведь уже не возникает вопроса, к чему христианской церкви понадобилось тотальное истребление «языческих» «еретических» культов – концы в воду, и все дела! Как после такого Мамаевого побоища, учиненного христианскими монархами вроде Юстиниана восточным культам, обзрев пустыню, по которой ветер времени долизывает последние остатки древних культов, не отдать пальму преемственности церковному христианству?

Что касается учения Иисуса Христа, могло ли бесконечное уместиться в безобразно конечное, защитники которого уверяют всех и вся, будто бы то, что они имеют, есть всё, что было поведано

Христом – всё, и ни словом больше? Конечно, почитав произведения Нового Завета, похожие одно на другое как две капли воды, и признав ненароком их боговдохновенный характер, склонишься так подумать. Склонишься, если не будет с чем сравнить. А сравнить ныне есть с чем.

Безусловно, могли наряду с церковной шаблонной формой существовать иные вариационные формы метафизического учения Христа, прошедшие обработку в горниле специфических назарейских и ессейских представлений, между тем как «еретические» секты, как правопреемники данных форм, отвергали иудейскую традицию совершенно. Они смело пользовались после разгрома иудейского государства своими собственными парадигмативными образами и понятиями, усвоенными частично также при посвящениях в другие азиатские системы, отчего их системы ныне представляются эклектической коллекцией замысловатых терминов и неизвестных исследователям религиозных понятий. А.Л. Хосроев расписывается в непонимании существовавших в пограничном состоянии «еретических» идей и понятий, когда говорит, что они, гностицисты-гностики, находясь, по его мнению, внутри церковного христианства, тем не менее «не переставали искать какие-то свои духовные пути» (106, с. 195). Какие-то...!

Дух учения являет собой сплав идей, которые могут быть выражены через различные образы методом аналогии – при посредстве философского языка или без него, на «бытовых примерах», словами А.Ф. Лосева, который открыто презирал такой способ (странно, зачем ему было братья за перевод Платона, сплошь оперировавшего «бытовыми примерами»); они равно могут выражены на русском и идише, на греческом и сирийском. Для исследователей физических форм довольно трудно допустить возможность понимания сути учений гностиков, минуя языковую преемственность. Он встает перед серьезным затруднением, когда обнаруживает факты свободного проникновения манихеев в круги египетских неоплатоников и успешного прозелитизма – каким образом сирийцы-манихеи, не владея философским языком, могли соблазнять своим учением образованных неоплатоников? при всем при этом им, манихеям, не суждено было стать «подлинными философами» (106, с. 167). По всей видимости, соблазн происходил не на уровне прекрасной эллинской речи, но на уровне идей, которые могут быть одинаково изложены на разных языках.

Возвращаясь к истинному духу учения Иисуса Христа, мы (не обращая внимание на проблему физического бытия этого человека) должны согласиться, что данный дух учения вовсе не обязательно мог быть помещен исключительно в иудаизированные формы, выбранные церковными христианами – ведь истина не может быть на их стороне только потому, что они победили физически всех своих конкурентов при помощи своей сильной организации и владения умами светских правителей. Поток христианских идей, извечно циркулировавший в Азии²², усиленный Иисусом Христом (Иисусом Богочеловеком, другими словами, ибо «Христос» суть воплощение Божества, растворение человеческого в божественном – идея индуистского Аватара, буддистского Будды, исмаилитского Махди), был попросту задушен церковным христианством. И мы, подобно археологам, вынуждены теперь реставрировать учения гностиков, на которые опирались более поздние восточно-ориентированные церковные партии, по обгорелым папирусам Наг-Хаммади или по извращенным до предела строчкам христианских авторитетов вроде Иринея.

«Если бы христиане не обременяли себя «Откровениями» маленького народа и не приняли бы Иегову Моисея, – гностические идеи никогда не назвали бы ересями: будучи избавлен от своих догматических преувеличений, мир бы имел религиозную основу, основанную на чистой платоновской философии, и, наверняка, что-то от этого выиграл бы», пишет Е.П. Блаватская (10, т. 2, с. 129). Можно сказать, что христиане вынуждены были глядеть на гностиков, преемников философии каббалистов и назареев, глазами иудеев, и поскольку назарейская философия считалась иудеями времен Иисуса еретической, то и первоначальное христианство ветви Петра, мало чем отличное от фарисейства и знакомое с назарейством не многим лучше Нафанаила (Ин. I, 46), полагавшего, что ничего хорошего из Назарета (точнее, от назарея) ожидать не приходится, правомерно было настроено против гнозиса, ложного в их глазах знания. В таком случае, не в среде ли назареев стоит искать истоки христианства?

Назарей и ессеи

Ессеи и назарей, две загадочных секты, контактировавших с иудеями. Если о ессеях еще можно найти информацию – по большей части у Иосифа Флавия, – то назарей суть настоящие *homilies incog-*

²² И это не только извечное ожидание иудеями Мессии-Христа, но, скажем, назарейская (затем, арианская) концепция возможности достижения состояния Христа любым человеком: «пойдите, посмотрите Человека, ... не Он ли Христос?» – Ин. IV, 29; назарейское евангелие переставило бы слова: «не Христос ли он?»

nito. Ессеи воспринимаются историками как одна из иудейских сект. Пламя войны, повергшей иудеев в рассеяние, бросает неявные отблески на ессеев. Только последние находки – ессейские свитки в Кумранских пещерах – дают возможность сделать более или менее определенные выводы о взаимосвязи ессеев и иудеев, ессеев и христиан. Назареи же по сей день находятся в исторической тени – ни истории, ни письменности, за исключением некоторых приписываемых им источников. Тем не менее, «всех христиан в то время называли назарейми», признает Елифаний, и это большое свидетельство связи назареев и первых христиан. «Не только отдельные элементы вероучения первых христиан, но и их организация во многом восходят к иудейским сектам, существовавшим в Палестине» (90, гл. 2), и это неоспоримый факт. Мы по многим признакам его нащупываем, но ясной картины по-прежнему не существует.

Что там говорить, сами Основатели христианства, Иисус, Иоанн Креститель и ап. Павел, напрямую подозреваются в назарействе. Относительно причастности к назарейству последнего свидетельствуют иудеи, а уж им-то, чуявшим и ненавидевшим назареев за версту, мы можем доверять в таком вопросе. Павел, прижатый в Кесарее иудеями, оправдывается перед римским правителем: «Но в том, признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я служу богу отцов моих» (Деян. XXIV, 14). Он говорит, что верит в учение, которое они, саддукеи и фарисеи, считают ересью. Не христианство же он имеет ввиду, которое еще как ересь не выделилось, да и не успели бы послужить ему отцы Павла. Ранее обвиняющий иудей называет Павла представителем назарейской ереси, и Павел подтверждает это. Далее он ловко играет на разногласии между саддукеями и фарисеями в споре о воскресении мертвых, и на этом добывает себе свободу. Значит, Павел – назарей, с той только оговоркой, что верит в Иисуса-пророка, хотя может быть, он имеет ввиду не Иисуса, а Христа, божественного Эона («разве только то одно слово, которое громко произнес я» (Деян. XXIV, 21), обнаружив для тех, кто услышал его, себя как назарей. О причастности к назарейству Иисуса и Иоанна Крестителя чуть позже. Пока есть смысл больше узнать о ессеях, и таким образом открыть одно неизвестное, чтобы по нему вычислить оставшиеся.

Итак, «среди религиозных течений, групп, сект была одна, учение и организация которой имеют непосредственное отношение к истокам христианства. Это ессеи, о которых рассказывают древние

авторы (Иосиф Флавий, Филон из Александрии, римский писатель Плиний Старший) и к которым, по мнению большинства ученых, принадлежали члены религиозной общины, чьи рукописи, а затем и поселения были обнаружены в районе Мертвого моря после второй мировой войны. Община эта обычно называется в научной литературе кумранской (по имени местности Вади-Кумран, где впервые случайно арабскими пастухами были найдены спрятанные в пещере рукописи). Рукописям этой общины, описанию ее поселений, раскопанных археологами, посвящена обширная литература». (2, гл. 1). Разумеется, кумранская община была одна из многих общин, поскольку, как свидетельствует Иосиф Флавий, ессеи «живут везде большими общинами» (41, стр. 203).

Интересно, к кому были ближе ессеи – к гностикам или к иудеям? Во всяком случае, мы имеем свидетельство, что гностики пользовались Евангелием от евреев. Само его название – Евангелие евреев – указывает, что оно произошло от евреев. Поскольку гностики называли Иегову, еврейского племенного бога, одним из низших Эонов, то явно, что Евангелие от евреев, которым пользовались гностики, не могло быть написано иудействующими евреями, исповедующими Иегову как высшее Божество, иначе их Евангелие было бы отвергнуто гностиками. Оно могло быть написанным ессеями-эбионитами, которые «соглашаются, что мир сотворен Богом; но в отношении к Господу они того же мнения, как Керинф и Карпократ» (42, кн. 1, XXVI, 2), Керинф же в своем учении разделял Иисуса и Христа, то есть человека и Эон.

Ессеи-эбиониты похожи на кентавров – полуиудеи, полухристиане. Свенцицкая пишет, что эбиониты считали Павла отступником, "соблюдали обряды Закона и образ жизни иудеев" (89, с. 66), и в то же время имели свои идеи о Христосе. Какого рода были эти идеи? "Несколько особняком среди свидетельств об учении эбионитов стоят слова Епифания о том, что они (эбиониты) отрицают, что он (Христос) – человек. ...они считают Христа архангелом, правившим всеми ангелами, а не порождением Отца" (89, с. 80), и в этом ничего удивительного и «особнякового» нет, насколько мы уже в силах это понять. Однако, «они считают Христа архангелом, правившим всеми ангелами, а не порождением Отца» – значит, все-таки при всех своих иудейских обрядах и исполнении Закона они ставят Отца, то есть Иегову, ниже Христа! Теперь понятно, почему гностики пользовались источниками ессеев – в силу сходства позиций. А поскольку гностики появились во II веке, встает вопрос, кем гностики были ранее?

Александрийскими философами? Тогда почему их системы столь новы даже для александрийцев? Ответ может быть только один – ессеями, знавшими тот же источник, что и Филон, но более глубже.

Почему я так думаю? Если гностики пользовались источниками ессеев, значит, их учения были в сущности идентичными. Обратим внимание, что гностики имели свободу передвижения и общения, они легко сходились с людьми римской веры, общались с христианами, в то время как ессеи вели замкнутый образ жизни. Однако, ессеи были неоднородны, в ессеистстве насчитывалось два или более течений. И если одни до времени Иринейя могли остаться в пределах своих общин, то другие могли выйти из общинных пределов. С целью прозелитизма. Впрочем, у нас есть два ярких представителя ессеев: Иисус и Иоанн Креститель.

"Ирод стал опасаться, как бы его (т. е. Иоанна. — И. С.) огромное влияние на массу, вполне подчинившуюся ему, не повело к каким-либо осложнениям". (90, гл. 2.3). Из этого следует, что Иоанн породил определенное массовое движение, плюс имел учеников (ясно даже из Евангелия, где он посылает своих учеников к Иисусу²³), то есть школу. «Иоанн Креститель явился своего рода посредником между кумранским учением, которое было доступно только избранным, и теми проповедями, которые были адресованы более широким массам и из которых выросло затем христианство. Можно предположить, что Иоанн отказался от строгой замкнутости кумранской общины и перешел к открытым проповедям, за что и поплатился жизнью» (там же).

Иисус принимает крещение у Иоанна, и вслед за этим выходит на широкую проповедь. Логично предположить, что если после общения с Иоанном Иисус начинает выполнять то же, что и Иоанн, разве что на более высоком уровне (обещает крестить не водой, а Святым Духом), значит, Иисус был, грубо говоря, из той же команды и разделял те же взгляды, что и Иоанн Креститель. И тот, и другой готовят нарождающийся массовый протест против иудаизма, готовят если не переворот, то реформу. Главное – они выходят на иудейские массы, чего до них, по всей вероятности, никто не решался делать. Вот первое выступление из пределов общины. Иисус даже позволил умащивать себя маслом, хотя ессеи, по свидетельству Иосифа

---

²³ Штраус справедливо усомнился в данном факте, поскольку чего бы ради Иоанну Крестителю было сомневаться в столь явном божественном знамении, бывшем при крещении Иисуса, и надеяться на свидетельства учеников, добытые ими у Иисуса. Тут либо никаких сомнений не было, и ученики не посылались, либо «крещение Иисуса никаким чудом не ознаменовалось» (109, п. 68)

Флавия, гнушались еля, видя в жесткой коже честь для себя. Таким образом, Иисус не считает себя связанным какими-то ограничительными обетами. Равно как и в Индии аскеты, достигшие ступени Парамахамсы («Лебедь в Вечности»), не считали себя связанными никакими браманскими установлениями, и брамины, в отличие от иудейских жрецов, признавали это.

После того, как «тузы» были биты, на проповедь вышел человек, более близкий к массам, и невозможно не предположить, что он не состоял в той же команде, поскольку учил тому же и делал то же самое. Павел, по версии христиан, был обращен видением Христа, и после этого стал его апостолом. В отличие от Петра и остальных учеников Иисуса Христа ему нечего было сказать о жизни своего вдохновителя, поскольку он ее (и его) попросту не знал. Что тогда ему оставалось благовествовать? Что Иисус Христос суть бог и верующие в него спасутся? Вряд ли бы в таком случае его деятельность вышла бы за пределы его жизни. Если бы, скажем, Адвентисты Седьмого дня проповедовали конец света без опоры на христианскую традицию, их секта распалась бы сразу после неудавшегося конца света, который они назначали несколько раз, но безрезультатно. Однако – живут и процветают. Так и учение Павла, которое вовсе было не о «Иисусе Христе, Сыне Божиим», вряд ли бы укоренилось, если не опиралось на более древнюю и устоявшуюся традицию, нежели христианская версия жизни и миссии Иисуса Христа. Этой традицией могло быть только есеевское или назарейское учение.

Евангелие от Марка уверяет: "... нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради меня и евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной" (X, 29-30). Из этого следует, что «команда» была явно многочисленной, имела дома и земли, матерей и детей. В обозримом пространстве Палестины таковой «командой» могли быть только есеи. В Уставе Кумранской общины в день проклятия Велиала есеи располагаются «по уставу, один за другим, по тысячам и сотням, пятидесяткам и десяткам» (97, II, 21-22) Поскольку Иосиф Флавий разделяет есеев на две группы, и одна из них осуждала брак, то Иисус, а вместе с ним и все указанные лица были выходцами из второй группы есеев, допускавшей брак и рождение детей, хотя это не значит, что они конфликтовали с отрицавшими брак.

Отношение ессеев к иудаизму «отражено в отрывке из Евангелия Луки, сохранившемся в одной рукописи, но не вошедшем в канонический текст. Там рассказывается, что Иисус увидел человека, работающего в субботу, и сказал ему: "Человек, если ты знаешь, что делаешь, будь благословен, но если ты не знаешь, ты проклят, как не соблюдающий закон" (90, гл. 2.3). Свенцицкая полагает, что Иисус хвалит человека, который работает «ради благих целей». Какие же это благие цели могут быть у иудея, работающего в субботу? Ни одна из таковых целей для иудея не может перекрыть нарушения Закона, кроме сознательного протеста против этого Закона, против иудаизма. Таким образом, «будь благословен», если революционер, если принадлежишь к идейным сторонникам нового массового движения, и «ты проклят», если не имеешь ввиду реформы иудаизма, но просто небрежен в выполнении Закона. Кстати, Иисус в этой аграфе представлен явно не всезнающим богом, но сомневающимся человеком. Понятно, почему эта аграфа не вошла в Евангелие от Луки.

Вернемся к религиозной системе ессеев. Они полагали Христа выше Иеговы, считали Его Архангелом над ангелами, то есть высочайшим Эоном. Кто же тогда для ессеев был Иегова? Ответ предельно потрясающ – Велиалом! Иисус спорит с иудеями относительно их происхождения. Иудеи говорят, что их отец – Авраам. На что Иисус отвечает: «если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал». (Ин. VIII, 39-40) Наконец, он говорит им прямо: «Вы делаете дела отца вашего... Ваш отец Дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». (Ин. VIII, 41, 44) Иисус имеет ввиду, что иудеи не понимают его слов, не могут понять, как люди физические не могут понять человека духовного, но вовсе не бросает им христианское обвинение в связях с владыкой чертей. В другой раз он резко отвечает Петру: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». (Мф. XVI, 23) Таким образом, Иисус разделяет божественное и земное, и над божественным ставит Бога, Отца, над земным – Сатану²⁴. В этом он полностью согласуется с гностиками. Следовательно, обвинение в

²⁴ Заметим, у гностиков Сатана и дьявол – разные понятия, но так как христиане это не знали, они могли дать какой угодно перевод: Сатана, дьявол, Вельзевул, Велиал – для них все едино.

адрес иудеев и в адрес Петра неоднозначны: иудеев он обвиняет в служении материальному и бездуховному, Петра – в потворстве эгоизму, в личной слабости.

Наконец, вдохновляя учеников нести Традицию в мир, передавая ее «от уха к уху», Иисус призывает их не бояться своих противников, держателей иудейских догматов, стремящихся уничтожить любого, кто имеет ключ к их доктринам: «не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не осталось бы узнано» (Мф. X, 26). Стихом же ранее он называет «хозяина дома», т.е. хозяина иудеев-доктринеров – Веельзевулом! По смысловому значению Веельзевул равен Велиалу. Доктринеров же Иисус называет слугами Вельзевула. Если ессеи своими темными братьями, служащими Велиалу, подразумевают саддукеев, все становится на свои места – Иегова суть Велиал, он же Вельзевул, он же Дьявол.

Осталось только вспомнить, что назареи называли иудеев народом недоносков, а Иегову – богом²⁵ недоносков. Правда, трудно угадать в Евангелии, где назарей, где самаритянин, где ессей. Иисуса называют Самаритянином, и он не протестует (Ин. VIII, 48). В данном эпизоде речь идет не о национальной принадлежности Иисуса, так как самаритяне такие же евреи, как и иудеи. Речь идет о идейных разногласиях. Иудеи ненавидели самаритян; в Самарии находился город Назарет; Иисуса иудеи по сей день называют Га-Ноцри, уроженцем Назарета, а иногда и попросту назареем. Видимо, между ессеями и назареями *de facto* большой разницы не существовало. Ессеи жили «везде большими общинами». Назареи укрывались в самаритянских селениях. Иисус ходил там и там. Но если с ессеями у фарисействующих иудеев сохранялся некий нейтралитет, то к назареям иудеи относились ярко враждебно. Эта ненависть распространялась и на самаритян, так как они, по всей видимости, не только давали приют назареям, но и разделяли их учение, а также были лояльны к юпитерианской вере, то есть к римлянам. В свою очередь самаритяне не принимали иудеев. К примеру, Иисуса не приняли в одном самаритянском селении в силу того, что он имел вид человека, путешествующего в Иерусалим (Лк. IX, 52-56). Этими параллелями я только хочу акцентировать внимание, что ессеи и назареи по идеологической шкале были где-то рядом. Во всяком случае, из «Кодекса назареев» это превосходно видно, о чем позже.

---

²⁵ Все-таки иеговистам не удалось до конца уничтожить даже в Торе свидетельства о том, что Иегова не есть Бог, Верховный Первопринцип, но только «Ангел Господень». Именно так Иегова назван в Исходе (Исх. III, 2).

Молитвы ессеев Иосиф Флавий называет «древними по происхождению» (41, с. 204) – возможно, намекает на большую древность культа ессеев, чем иудаизма? Ведь если бы ессеи молились иудейскими молитвами, Иосиф вряд ли что-либо вообще написал об их молитвах. Но не только древними молитвами примечательны ессеи. «Желающий присоединиться к этой секте... получает предварительно маленький топорик...» (41, с. 205). Именно этот двусторонний топорик привлек мое внимание. Выдается неопитам топорик для прозаических нужд: «в другие дни (кроме субботы. – С.О.) они киркообразным (двусторонним. – С.О.) топором... выкапывают яму глубиной в фут, окружают ее своим плащом, чтобы не оскорбить лучей божьих, испражняются туда и вырытой землей засыпают опять отверстие...» (41, с. 207) Точно такие же топорики мы находим на Крите. «Во дворце Миноса в разных местах (в том числе и в тронном зале) встречается изображение двустороннего топорика... в одной из пещер, где, по преданию, родился Зевс, в расщелинах между сталактитами и сталагмитами было обнаружено бесчисленное количество миниатюрных двусторонних топориков». «Двойная секира с острием по-гречески называется «лабрис», потому можно предположить, что именно отсюда происходит слово «лабиринт», который первоначально называли «дом двойного топора» – дворец царя Миноса, – ведь именно там на каждом шагу встречается эта характерная эмблема» (51, с. 200).

Уж не с Крита родом секта ессеев? Почему бы и нет? Еще несколько символов и названий, как полагают Эванс и Дмитрий Мережковский, были принесены в Палестину с Крита. «Критское племя Кидонов, как мы узнаем из Гомера, обитало у светлых потоков Ярдана» Имя его перенесено в Палестину: здешний Иордан – Ярдан критский. Память о том сохранилась в имени одного из притоков Иордана – Krith, нынешний Kilt, у Иерихона» (59, с. 189). Имя могло быть перенесено с Крита в память о бывшей родине.

Дальше – больше. «В Кноссе был найден древний языческий крест, гладкий, из бело-серого волокнистого мрамора, восьмиконечный, равнобедренный... схожий с нашим христианским крестом... Кносский крест относится к середине или к началу второго тысячелетия – временам до-моисеевым... Кносский крест даже более похож на нынешний христианский, чем на Голгофский – орудие римской казни». «С Крита, – полагает Эванс, – крест занесен в Палестину...» Когда и кем занесен? «Керетимами», kheretim, по еврейскому подлиннику Библии, «критянами», kretoi, переводу LXX

толковников, или «кафторимами», *kaphtorim*, поселенцами с о. Кафтора, *Kaphtor*, египетского *Keftiu*, того же Крита, – племенами, столь часто упоминаемыми в Библии, а также «филистимлянами», *Peleschtim* египетских памятников (Палестина – Филистимия), тоже критским племенем». (59, с. 186-188). Те, кто имели в своем символическом арсенале крест, обнаруживают себя позднее как поклонники креста. Но это не были известные нам церковные христиане, которые отождествили древний крест с римским орудием казни и приписали ему чудотворные животворящие свойства.

До середины II тысячелетия на Крите была мощная цивилизация, централизованное государство, влиявшее на всё Средиземноморье. Дважды критская цивилизация переживала потрясения, после последнего исчезла. Куда? Наиболее вероятные направления – Греция и Палестина. В Грецию, возможно, был второй исход, после которого у ахейцев появился военный флот, армия, резко взлетел уровень производства и искусства. «Связи с Грецией и проникновение критской культуры на материк в XIV- XV вв. до н.э. были настолько интенсивными, что некоторые ученые считают возможным говорить о подчинении Криту не только Аттики, но и Арголиты и других областей Греции. Эти утверждения спорны и, на наш взгляд, маловероятны. Но отрицать культурное влияние Крита на крупные центры материковой Греции (Микены, Тиринф, Пилос) не приходится. Многие металлические и гончарные изделия, бесспорно завезены с Крита, а другие так точно имитируют критские, что трудно сказать, где сделаны эти вещи: на Крите или в Греции?» (35, с. 100).

Первый же исход, похоже, был именно в Палестину. Критское производство до первого исхода еще не было сильно развитым, и критяне принесли с собой по большей мере духовное наследие, что и отразилось в символике и топонимике: крест, топорик-лабрис, Ярдан-Иордан. Известно даже место проживания «кафторимов»: «и Аввеев, живших в селениях до самой Газы, Кафторимы, исшедшие из Кафтора, истребили и поселились на месте их» (Втор. II, 23). Наконец, «кафторимы», оказывается, никто иные, как филистимляне, с которыми беспрестанно воюют евреи: «Господь разорит Филистимлян, остаток острова Кафтора. Оплешивела Газа, гибнет Аскалон, остаток долины их» (Иер. XLVIII. 4).

Почему оплешивела? После того как иудеи захватили в 108 году до н.э. гору Гаризим, на которой стоял город Самария, иудеи могли истребить на ней лес, библейские кедры, но это вряд ли, так как книга Иеремии относится к более раннему периоду. Блаватская полагает,

что Кедрами Ливанскими в Палестине называли адептов, то есть аскетов большего духовного уровня, а тех, кто только рождался духом (только прошел посвящение в Мистерии) – младенцами. Следовательно, тех, кто не были готовыми родиться духовно, назареи могли называть недоносками, то есть иудеев, живших земными «дьявольскими» делами и не понимавших духовные идеи. При таком прочтении выходит, что Иеремия (или кто-то за Иеремию) радуется избиению самаритянских (=назарейских) адептов.

Итак, критяне есть «кафторимы», дошедшие до Газы и поселившиеся там, то есть на территории поздней Самарии, принесшие с собой топорик-лабрис, топонимику (Ярдан-Иордан), будущий христианский крест и многое другое. Даже чисто географически они идентифицируются с назареями. «Назар» – отделенный, и мы знаем, что ессеи жили отдельными общинами, своим отдельным укладом и, очевидно, отдельным сокрытым культом. Они не могли выставлять культ напоказ, так как от этого зависела их жизнь, они придерживались сокрытия «ради Правды тайн познания» (97, IV, 6). Ессеи были внутренними назареями, внедрившимися, так сказать, в иудейскую среду. Иисус и Иоанн Креститель обнаружили себя как назареев-самаритян, в силу чего погибли²⁶.

За что же шла война? Как всегда, за самое главное. За Бога. Или за его имя. Имя Иеговы, иудейского высшего божества читается Иава, или Иао, согласно Теодорету, что представляет собой тайное имя финикийского бога Мистерий. Исследователь иудаизма Фюрст пишет: «Древнейшее имя Бога Yаhō, которое пишется по-гречески Ιαω, не принимая во внимание его производных имен, по-видимому, было древним мистическим именем Превышнего Божества семитов... в древней религии халдеев... называлось Ιαω, которое подобно еврейскому Yаhō было сокровенно и несказуемо... Финикийцы имели

---

²⁶ Назарейская традиция выглядит более древней, нежели ессейская, и в таком случае назареи, вероятно, являются учителями ессеев. Это подтверждает, к примеру, неожиданное поведение Павла сразу после обращения. Павел был гонителем христиан, но в то же время «неумеренным ревнителем отеческих преданий» (Гал. I, 14). В другом месте (Деян. XXIV) мы выяснили, что этими отеческими преданиями могли быть только назарейские взгляды. Возможно, Павел говорит в «Послании к Галатам» о иудаизме, а в «Деяниях» – о назарействе. Итак, после своего обращения Павел отправился не в Иерусалим на поиски апостолов, а в Аравию и Сирию – не на поиски ли назареев? Почему не ессеев? Возможно потому, что ессеи считали Павла отступником, вышедшем за пределы общины и отвергшем Писание. Следовательно, он шел к тем, чья традиция была древнее, нежели ессейская – все-таки ессеи слишком много переняли от иудеев.

Превышнего Бога, имя которого обозначалось тремя буквами и было тайно, и оно было Іаω». (10, т. 2, с. 252).

В Азии все боги рождались, как ни странно, в Ниссе. Диодор пишет: «Дионис воспитывался в Ниссе, в счастливой Аравии; он был сыном Зевса и назван по отцу... и по месту воспитания Дио-Нис (Дио – родительный от «Зевс». – С.О.). «Дио» у евреев «Иове», Иове из Ниссы». Читаем в Ветхом Завете: «И устроил Моисей жертвенник (Господу) и нарек ему имя Иегова Нисси» (Быт. XVII, 17). Авсоний добавляет: «Древние называли меня Бахусом; в Египте меня считали Озирисом; Мусиане именовали меня Пханкасом; в Индии меня почитали Дионисом; Римские мистерии называли меня Либером; арабское племя – Адонисом». (10, т. 2, стр. 256). Арабское племя – Адонисом! Езра, реформатор иудаизма, или, точнее, его основатель, списывает у арабов историю 10 колен, выдав ее за историю евреев – отчего бы не сделать список с бога? Адонис арабский – Адонай еврейский? Назареи остерегают: «Ты не должен поклоняться Солнцу, которое называется Адунай, ... чье имя есть также Кадуш и Эл-Эл. Этот Адунай выберет для себя народ и соберет его в толпы (то есть поклонение ему будет экзотерическим)... Иерусалим станет убежищем и городом недоносков, которые будут совершенствовать себя (обрезать) мечом... и будут обожать Адуная" («Codex Nazaraeus», I, 47, цит.: 10, т. 2, стр. 109).

Имя Іаω можно проследить и далее, в восточную индийскую систему. «В санскрите мы имеем Іаh и Іаwа, или Джа-а и Джага, и это проливает свет на происхождение знаменитого празднества (в Индии) колесницы Джага-натх, обычно называемого Джаггернатх... Среди индийских храмов самыми священными считаются храмы Джаггернатха. Это божество равно почитается всеми сектами Индии, и Джаггернатха зовут «Владыкой Мира». Он – бог Мистерий, и его храмы, наибольшее количество которых находится в Бенгалии, все имеют пирамидальную форму» (10, т. 2, с. 252, 255)

В общем, из символогии понятно, что Иегова только иудейский слепок с Іаω, халдейского бога, идентичного, в свою очередь, финикийскому Іаω и, возможно, даже индуистскому Іаh (Іаwа), а иудаизм есть искаженная древняя религия, некогда общая для Финикии, Халдеи и Израиля, подогнанная под интересы иудейских жрецов-иеговистов, изобретателей иудейского племенного божества²⁷. Именно их, книжников и фарисеев, обвиняет Иисус в

²⁷ Имя Бога означает нечто большее, чем просто буквы. Чтобы понять толкование этих букв иудеями, достаточно прочесть главу Sancta Sanctorum в «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской. Из этой же главы превосходно видно противоречие между толкованиями

отходе от Писания в пользу Предания, от настоящих Книг Моисея в сторону Танаха и собственных талмудических толкований: «вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф. XV, 1-6). Следовательно, все действия Иоанна и Иисуса должны были быть направлены на восстановление первоначальной религии, сохранившейся у назареев и ессеев. Именно это учение Иисус мог называть Евангелием, т.е. «Благой вестью» (например, Мк. I, 14-15), но не собственное учение – собственные даже у таких великих людей только интерпретации первоначальной Традиции, попытки восстановить которую принимаются ими время от времени у разных народов.

В свою очередь, поздние назареи называют бога христиан ложным мессией, творением Нэбху-Меркурия, «ко злу расположенного духа». «Настоящий Христос в Кодексе назван Третьей жизнью, Он - "Руль и Виноградная лоза", что идентично с Христом из остатков Евангелия (Ин. XV, 1). В католической церкви Христос также называется Повелителем Эонов». (13, с.196). Чтобы было понятно, о чем собственно речь, здесь следует изложить доктрину назареев. Опорой в этом будет «Кодекс назареев», относимый к III веку н.э. В русском переводе мне не удалось найти «Кодекс назареев», поэтому пришлось опираться на отрывки «Кодекса», приведенные в «Разоблаченной Изиде» Е.П. Блаватской, либо на ее транскрипцию учения назареев.

«Верховный Владыка великолепия и света, блестящий, сияющий, раньше которого никакой другой владыка не существовал, называется Корона (венец); Владыка Ферхо, непроявленная жизнь, существовавшая в первом извечно, и Владыка Иордан – дух, живая вода Милосердия. Он тот единственный, через которого мы можем быть спасены... Эти трое представляют троицу в *abscondito*.

Вторая троица составлена из трех жизней. Первая есть подобие Владыки Ферхо, через которую он проявляется, и этим вторым Ферхо является Царь Света – Мано (*Rex Lucis*). Он есть небесная жизнь и свет, и он старше, чем Архитектор неба и земли. Вторая жизнь есть Иш Амон (Плерома), чаша избрания, содержащая зримую мысль *Jordanus Maximus* – типа (или его доступное пониманию отражение) прообраза живой воды, которые есть «духовный Иордан». Третья жизнь, которая произведена двумя другими, есть АБАТУР...

Эта последняя третья Жизнь является Отцом Демиурга Фетахила, Творца мира... Фетахил является едиnorodным, отражением Отца, Абатура, который производит его, взглядываясь в «темные воды», но

Владыка Мано, «Владыка возвышенности, Господь всех гениев», выше, чем Отец, в этом каббалистическом «Кодексе» – один чисто духовный, другой материальный. Так, например, в то время как «единородным» Абатура является гений Фетахил, Творец физического мира, Владыка Мано... также производит «единородного», Владыку Лехдайо, «справедливого Владыку». («Кодекс Назареев», II, с. 45-57, цит.: 10, т. 2, стр. 190-191).

Уже только этого хватает, чтобы узнать три продвижения, известные нам по системам гностиков: Владыка Мано – Иш Амон – Владыка Абатур. Они соотносятся в системе Валентина с Nous – Logos – Sofia. Над Миром стоит Владыка Ферхо, соотносимый с Отцом-Propator.

Роль Софии-Ахамот выполняет Фетахил. Он является сыном Абатура, как Ахамот – дочерью Софии.

Как Nous производит Христа, которым упорядочивает Плерому, так и Владыка Мано производит Владыку Лехдайо, «справедливого Владыку». Справедливость же, насколько нам известно из Платона, есть соответствие своему предназначению и месту в мире (обществе). Эоны, по Валентину, нуждались в наставлении, и тогда Nous произвел Христа, который «научил их быть довольными понятием Нерожденного, и возвестил между ними то познание об Отце, что он неместим и непостижим, и его нельзя видеть или слышать, и он познается не иначе, как только чрез Единородного». (42, кн. 1, II, 5) Это произошло после того, как София попыталась самостоятельно познать Отца, пренебрегши Иерархией более высоких Эонов. В этом состояла несправедливость, и Христос ее восстановил. Значит, Христос Справедливый идентичен Лехдайо, «справедливому Владыке».

«Фетахил есть Демиург, и его отец сотворил видимую вселенную из материи через него (10, т. I, с. 309)... Наконец, завершив свою работу на земле, Фетахил снова поднимается к своему отцу Абатуру». (10, т. 2, стр. 192) Также должна подняться в Плерому София-Ахамот, творец физического мира, в конце времен.

«Дух «семи ко злу расположенных звезд». Он (явно аспект Абатура) производит Сол (Солнце), Астро или Spiritus Venereus (Венеру), Нэбу или Ложного Мессию (Меркурий), Син (Луна), Киун (Сатурн), Бэл (Юпитер) и Неринг (Марс). По всей видимости их групповое имя и есть Фетахил», полагает Блаватская. У Валентина Демиург порождает семь миров-небес, и человека в последнем из них. Также в «Кодексе» Фетахил стоит над семью звездами-мирами.

Фетахил также причастен к сотворению человека, как и София-Ахамот. И у обоих ничего не получается. «Фетахил, одна из “сил”, сидит в “грязи” (материи) и хочет знать, почему живой огонь так изменился» (10, с. 249), когда он попытался оживить человека.

«И чтобы противодействовать влиянию семи «к плохому направленных» принципов (звезд. – С.О.), потомков Духа, Кабар Зио, могущественный Господь Сияния, порождает семь других жизней (основных добродетелей), которые сияют своим собственным образом и светом «с высоты» (Кодекс Назареев, III, 61) и таким способом восстанавливают равновесие между добром и злом, светом и тьмой» (10, с. 250-251), а человек становится разумным и обретает свободу выбора.

Как в воде в «Кодексе» отражается гностическая легенда о Иисусе, соединившемся в Христосом. С одной только поправкой: в роли пророка Света выступает не Иисус, а... Иоанн Креститель²⁸! «В тайне, «в собрании блеска, освещаемом МАНУ, которому искры блеска обязаны своим происхождением», гении, живущие в свете, «поднялись; они пошли на видимый Иордан к текучим водам... Они собрались на совещание... и вызвали Единородного Сына нетленного образа, которого невозможно постичь размышлением, Лехдайо, справедливого Владыку, и произошел от Лехдайо, справедливого Владыка, кого жизнь сотворила по его слову» («Кодекс Назареев, II, с. 211, цит.: 10, т. 2, с. 191).

Долго ли, коротко ли, «Иоанн, сын Аба Саба-Захария, зачатый его матерью Анасабет в ее сотом году отроду²⁹, крестил уже в течении сорока двух лет, когда Иисус Мессия пришел на Иордан, чтобы быть крещенным крещением Иоанна... Но он исказит учение Иоанна, изменив крещение Иордана и исказив изречения справедливости». («Кодекс Назареев», I, с. 109; Dunlap: Ibid, XXIV, цит.: 10, т. 2, с. 112) Разумеется, не Иисус исказил учение Иоанна, а его лже-последователи. Однако, из этого отрывка ясно, что Иоанн-Креститель однозначно был назареем – великим учителем назареев, раз его производят от Логоса-Лехдайо. Следовательно, его ученик Иисус также должен был быть назареем. И если «Кодекс» объединяет

²⁸ В определенной мере это подтверждает и сам Иисус: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя» (Мф. XI, 11).

²⁹ Захария, разумеется, не священник иудеев, хоть и можно так подумать, но Душа Евреев. Она бесплодна, не производит Пророков, потому что евреи не принимают их. Захария молит о даровании Пророка, и Ана, Небеса дают Иоанна. Христиане довольно вольно делают из него Предтечу своего Аватара, мотивируя лишь тем, что Иисус проходил Посвящение у Иоанна. Назареи же славят именно Иоанна, Героя-Подвижника.

ортодоксальных христиан и Иисуса, значит, его составители не соприкасались с Иисусом.

Из общего же порядка изложения мы можем уже заключить, что система назареев была идентична системе гностиков. Следовательно, источник гностических представлений обнаружен. И если мы ставим знак равенства между системами назареев и гностиков, то в это равенство может быть включена пока малоизвестная нам система ессеев.

Как пишет И. Д. Амузин, «тщательное изучение уже опубликованных рукописей позволяет установить многочисленные черты сходства между кумранской и раннехристианскими общинами, но наряду с этим и существенные отличия. К чертам сходства относятся: единство времени и места возникновения этих движений и этническое тождество их участников; сходство некоторых социальных принципов и черт внутренней организации; общность некоторые идеологических основ (дуализм, предопределение и избранничество), сходство в общественно-религиозной практике обоих движений (постепенный разрыв с официальным культом, отказ от жертвоприношений, одинаковый подход к смыслу ритуальных омовений), сходный метод интерпретации ветхозаветной литературы и наличие многих сотен уже установленных текстуальных, фразеологических и терминологических совпадений в кумранской и новозаветной литературах, общность самоназваний кумранской и раннехристианских общин и многое другое.

К важнейшим отличиям следует отнести прежде всего отсутствие в кумранской общине даже намеков на основные догматы христианства (троица, воплощение и др.). Если для кумранской общины учитель был избранником бога, мессией, воскресение которого ожидалось, то для христиан Иисус Христос мыслился сыном Божиим, воплощением самого бога, приход которого однажды уже свершился. Кумранская община была общиной замкнутой, строго оберегавшей «тайны» общины и поэтому избежавшей миссионерской деятельности, в то время как христианские общины были открытыми для всех и проводили широкую миссионерскую деятельность. Христианство, пришедшее на смену религиям отдельных племен и народов, разрушило разделявшие людей этнические и государственные перегородки и отказалось от религиозной и национальной исключительности, в большой степени свойственной иудаизму. Вместо кумранской проповеди ненависти к врагам раннее христианство провозгласило своим принципом всеобщую любовь, в

том числе и к своим врагам. В новозаветной литературе можно даже обнаружить скрытую полемику против некоторых принципов, разделявшихся кумранской общиной» (2, гл. 2).

И вполне понятно, откуда эти различия. Во-первых, Троица – запатентованное изобретение Никейского Собора, а Сыном Божиим Иисус официально стал с подачи Иринея – ранее у всех просвещенных христиан и не-христиан он числился человеком-пророком. Значит, этого никак не могло быть у кумранитов. Впрочем, сам И.Д. Амусин пытается объяснить различия примерно также: «Однако не следует упускать из виду, что все эти черты, отличающие христианство от кумранской общины, стали присущи христианству гораздо позднее в результате серьезной трансформации социального и этнического состава и соответственно идеологии раннехристианских общин. Если отмеченные отличия между христианством и Кумраном хорошо объясняются стремительной эволюцией христианства, то чем объяснить поразительные совпадения, которые трудно отрицать? Ясно, что о простой случайности здесь не может быть и речи. К тому же все кумранские сочинения написаны до 68 г. н. э., все известные нам христианские — после 68 г. н. э. ... в порядке рабочей гипотезы можно сказать, что идеология кумранской общины представляет собой уже не официальный иудаизм, но еще и не христианство в том виде, в каком оно выступает перед нами во II в. н. э. В тоже время идеология кумранской общины — это, очевидно, один из важных элементов, из которых создавалось ранее христианство I в. н. э.» (2, гл. 2) Вот это гораздо более серьезный вопрос – откуда у кумранитов и христиан сходство в культе и учении? И нет ли плагиата со стороны христиан – церковных христиан, так как они появились несколько позже общин кумранского типа.

Один в один с Амусиным соглашается И. Свенцицкая: «Члены этой религиозной общины, существовавшей во II в. до н. э. — I в. н. э., удалились в пустыню и создали замкнутую религиозную организацию. Они исповедовали иудаизм, но считали, что жречество осквернило Иерусалимский храм нечестием, исказило божественное учение. Именно поэтому кумраниты порвали отношения с храмом и стали называть себя "Новым союзом" (или "Новым заветом"), поскольку старый союз с богом, старый Завет, был, по мнению кумранитов, нарушен сторонниками ортодоксального иудаизма. Два других самоназвания общины, встречающиеся в кумранских рукописях, — "община нищих" или просто "нищие" — отражали ее

социальный состав и отношение к богатству членов общины. Следует отметить, что слово "эвйоним" ("нищие") употреблялось впоследствии в качестве самоназвания некоторыми ранними христианскими группами, не порывавшими еще с иудаизмом. Кумраниты называли себя также "сынами света" — в противоположность "сынам тьмы", к которым они причисляли все остальное человечество, а также "простецами", "немудреными" в отличие от профессиональных законоучителей, фарисеев, которые брали на себя смелость толковать законы и предписания священных книг» (90, гл. 2.1).

Единственно я хотел бы возразить против вывода, что эбиониты, называя себя «сынами света», считали человечество «сынами тьмы» — за волосы притянуто, абсолютно! Как правильно замечает И.Д. Амусин, «точно так же называют себя христиане в евангельских текстах (Ин. 12, 36; Лк. 16, 8). Лучше всего противопоставление «сынов света» «сынам тьмы» видно из Первого послания к фессалоникийцам (5, 5): «Ибо все вы сыны света и сыны дня: мы не (сыны) ни ночи, ни тьмы». Среди произведений, обнаруженных в 1945 г. в Египте (деревня Хенобоскион), оказалось также апокрифическое Евангелие от Фомы. В нем Иисусу приписывается следующее изречение: «Иисус сказал: Если вам говорят: откуда вы родились? — скажите им: мы родились от света, там, где свет сам родился... Если вам говорят: кто вы? — скажите: мы его сыновья и мы *избранные* отца, который жив» (2, гл. 2). Это поздние христиане считали себя «сынами света», а всех остальных — «сынами тьмы», но ессеи, как мы увидим это позже, «сынами тьмы» считали своих оппонентов, ортодоксальных иудеев, и более того, похоже, своих бывших братьев по секте, саддукеев.

Итак, сходств между христианами и ессеями хватает, равно как и различий. Чем же обусловлены те и другие? Ереселогоги, писавшие о ессеях, жаловались на замкнутость общин ессеев, в силу чего их учение было нелегко узнать и ересь трудно заклеить. Однако, не может не возникнуть предположения, что общины «сынов света» были не столь уж и замкнутыми, раз мы находим явные аналогии в раннехристианском движении — они были замкнутыми избирательно, так вернее будет сказать. И замкнутость эту можно объяснить следующим образом. Иезуиты в свое время показали отличный пример профанации учений. Они не могли бороться с закрытыми масонскими ложами, куда им не было входа, но они воспользовались услугами масонов-ренегатов и, опираясь на выуженную от них

информацию, создали лже-масонские общины, породив то, что стало известным под общим именем франк-масонства. Ныне в рядах франк-масонства, по некоторым сведениям, в одних только США людей больше, чем их было в компартии Советского Союза. Само собой разумеется, что идеология плагиат-масонства совершенно отлична от идеологии масонства изначального. Образ же действия может повторяться в истории сколько угодно, и мы вполне можем предположить, что именно таким образом появилось публичное христианство, конкурировавшее некоторое время с «сынами Света» – иезуиты были раньше Лойолы, равно как были всегда и перебежчики из одного лагеря в другой. Для настоящих «сынов Света» новые христиане должны были быть не более приятными, чем «сыны тьмы», то есть идеологи ортодоксального иудаизма. Следовательно, новым христианам никогда не светило не только ближе сойтись с назарейями и ессеями (койнобионами, терапевтами и др. формами назарейства), им никогда было не узнать их настоящих писаний и понятий, но оставалось довольствоваться тем, что уже было уворовано. Впрочем, новая церковь к этому и не стремилась. У нее была возможность ознакомления с «Евангелием евреев», но св. Иероним, которому довелось перевести его с арамейского, решил, что данный перевод будет не на здравие, а на погибель новой церкви и ее догматики.

Взглянем на внутреннее устройство есеевских общин согласно устава Кумранской общины. Мы знаем, что ессеи отвергали удовольствия и презирали богатство, некоторые секты пренебрегали браком, желая достичь победы над страстями. Отсюда, как минимум три отличительные предрасположенности есеев отчетливо отпечатались в христианстве: христианство ставит безбрачие превыше всех добродетелей, а черному монашеству оно вообще противопоказано; православное христианство (особенно в среде черного монашества) гораздо в большей степени, нежели католицизм, пронесло презрение к богатству; трубный, хотя и безрезультатный глас о любви к ближнему является визитной карточкой христиан всех конфессий и направлений. Наконец, монастырский уклад и епископство также наверняка усвоены кафоликами от есеев. Как пишет Иосиф Флавий, у есеев «в каждом городе поставлен общественный служитель специально для того, чтобы снабжать иногородних одеждой и всеми необходимыми припасами» (41, с. 203), и у христиан епископы первоначально играли роль распределителей церковного имущества, наделенные правами передавать средства в помощь нуждающимся. Тайнственный

топорик-лабрис также не был забыт христианами: набалдашник епископского посоха удивительно напоминает двустороннюю секиру!

В Кумранской общине учителями были жрецы и левиты, их статус и функции несколько различались. Жрецами называли совершенных аскетов, составляющих высшую группу в общине. Поскольку упоминается преимущество духовных жертв над физическими («дух святости ради вечной истины, ради искупления вины преступления и греховного отступничества и ради (божьего) благоволения к стране, (большого), чем из-за мяса всесожжения и жертвенного жира, ведь возношение словесное ради правосудия — подобно приятному (аромату), справедливость и совершенство пути подобны предложению хлебной жертвы благоволения» (97, IX, 3-5), то вряд ли жрецы приносили жертвы физические. Сам их путь нравственного очищения, изучения Закона, Истины являлся жертвой — они жертвовали всем тем, без чего обычные люди жить не могут: семьей и половыми отношениями, мясной пищей, даже, если не в первую очередь, своими чувствами. Они были образцами для подражания, и в общине, где гнев на своего собрата карался отлучением на порядочный срок, от их совершенства зависело практически все.

Далее, левиты. Они участвовали в обряде проклятия людей Велиала (параллель: дьявольское человечество Сатурнина). По всей видимости, левиты являлись держателями культа. Их место было рядом со жрецами. Вполне возможно, что двойное священство перешло к христианам, чтобы затем смениться пышной иерархией священнослужителей. Из «Дидахэ», документа эллинской христианской общины, явствует, что у этих первохристиан были учителя и пророки. И если учителя есть трансформированные жрецы, то пророки, возможно, странствующие левиты, слышащие голос Бога, или наоборот.

Епископы в «Дидахэ» не на почетном месте, но даже презираемы — думается, не сами епископы, а епископские обязанности хранителя общей казны и имущества христианской общины. Всего через несколько десятилетий положение дел изменится, и епископы в эллинских христианских общинах будут судить о верности взглядов учителей и о истинности высказываний пророков, а затем уничтожат тех и других. Последний бой пророки и учителя дадут во время движения монтанистов, о чем ниже.

Интересно, что в Уставе членов кумранской общины называют сыновьями Садока: «вот законы для руководителя, ... чтобы исполнять волю Бога, ... и взвесить сынов Садока по их духу» (97, IX,

12-14). Садок, или Задок, согласно Иосифу Флавию был первым первосвященником в храме Соломона, то есть во времена, много предшествовавшие вавилонскому пленению. Это имя часто упоминается в иудейских и каббалистических источниках; возможно, что речь идет не об одном Садоке, и само это имя является титулом. От Садока ведут свое происхождение саддукеи... и ессеи. Саддукеев Блаватская называет сектой ученых философов; совершенно точно известно, что саддукеи занимали все высшие должности, будь то первосвященники или судьи. Однако, их обвиняет Иисус, что они «взяли ключи разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали» (Лк. XI, 52), то есть знали истину, но скрывали ее. По всей видимости, ядро ессеев составляли люди из расколовшейся секты саддукеев. Одни выбрали власть над людьми, другие – власть над собой. Первые стали столпами ортодоксального иудаизма, соблазнившись царством Велиала, вторые остались действительными учителями Израиля. Произошло это во время выступления ордена саддукеев против власти Маккавеев. Саддукеи стояли за компромисс между Торой и эллинской философией; Маккавеи опирались на фанатичных и невежественных фарисеев, считавших Тору единственной на свете мудростью, а описанные в ней персонажи и события безусловно реальными. По всей видимости, окончательно все точки над *i* расставил Александр Янай, истребивший в течении 5 лет внутриусобных войн около 50 000 евреев. Эта страшная война отражена в Евангелии как истребление 40 тысяч младенцев. Поскольку при римлянах ни одна смертная казнь не могла быть осуществлена без ведома римлян, и столь массовое убийство тем более (и уж конечно детей, ведь и убийство сотой части от этого числа вызвало бы мощный бунт против Ирода, которого ортодоксальные иудеи царем не признавали, так как он был поставлен римским императором, а не самим Иеговой, т.е. «не по чину Мельхиседека»), то дело наверняка происходило до завоевания Палестины Помпеем, то есть до 63 г. до н.э. К тому же, как мы знаем, под младенцами подразумевались не дети, а духовно рожденные младенцы, то есть последователи назареев. Именно после этой войны фарисеи утвердили себя в роли безраздельных владык иудеев. Тогда же (или до войны, если допустить возможность раскола среди «сынов Садока», ослабление ордена и войну как следствие) саддукеям пришлось окончательно выбирать, и «сына Садока», как видим, разошлись в своем выборе.

Одного только упоминания в Уставе о букве «нун» (97, X, 4) хватает, чтобы определить кумранитских учителей как каббалистов. Разумеется, определение «каббалист» возникнет позже, и мы можем назвать кумранитов сторонниками устного эзотерического учения, не признававшегося иудеями.

Учение о буквах, изложенное позже в «Сефер Йецире», было, по всей видимости, известно кумранитам явно не вследствие прочтения ими рукописного варианта этой книги, которого в их время не существовало, но вследствие устной передачи традиции. Следовательно, они были носителями древней устной традиции. Эта традиция включала в себя не только метафизические понятия, но и конкретные исторические: «руководителю (надлежит) объяснять и обучать всех сынов Света *истории всех сынов человеческих* (97, III, 13). Заметьте курсив! Не единой историей евреев могли, по всей видимости, похвалиться ессеи, но знанием истории других, если не всех, народов.

Итак, назареи и ессеи являлись носителями древней традиции – по всей видимости, искомой Традиции. Незаконное ответвление от Традиции представляет иудаизм. Пока иудаизм находился в своих собственных границах, носителям Традиции не было нужды выходить за пределы еврейских народов – собственно евреев-иудеев и самаритян, в нашем случае. Как только вековой спор был вынесен Павлом за обозначенные пределы, настало время для назареев и ессеев обнажить свои прежде сокрытые доктрины, и выйти в римский мир в облики гностиков. В принципе, гностиками могли быть представители не-еврейских народов, ученики традиционалистов.

Еще отметим тот интересный факт, что в рядах гностиков, а потом и основателей и последователей различных контр-христианских сект было множество сирийцев. Сирийские легионы воевали на стороне римлян в Иудейских войнах, на территории Сирии нашли прибежище несториане и монофизиты, именно там была благодатная почва для эзотерических исламских сект. По всей видимости, эту почву готовили в свое время назареи. Более замечателен по отношению к данной работе тот факт, что фактическое обращение Мухаммеда Бахирой произошло именно в Сирии. Сирию (Шам) Мухаммед называл землей, над которой Ангелы простерли крылья. Мухаммед указал на эзотеризм ислама в Сирии, то есть на то, что ключи от внутреннего Ислама хранились в Сирии: «Внутренняя часть Исламского мира в Шаме» – из хадиса от Сулме ибн Нуфейл. В хадисе от Абдуллаха ибн Амра (да будет над ним мир) говорится:

«Расулаллах сказал: (да благословит его Аллах и приветствует). Видим, что основная часть Книги отнята у меня из-под подушки, посмотрел и вдруг некий яркий свет отвел ее в Шам, если там начнутся заблуждения, то этим светом проливается туда и вера». В хадисе, переданном от Абу Дарды, говорится: «Расулаллах сказал (да благословит его Аллах и приветствует), что тот, кто защитит один город на этой святой земле земли он будет причислен к Божьей Охране, а кто защитит одну приграничную область он будет равен ведущему священную войну». В хадисе от Абу Амама говорится: «Одна община из моей уммы придерживается истины и одерживает победы над врагами, и пока не повелит Бог, они будут в таком же духе». Спрашивали: Расулаллах, где они? Ответил: «В Бейт ал-Муккадасе и его окрестностях». Бейт ал-Муккадас находится в Сирии. По всей видимости, именно в Сирии находилась Отделенная мечеть, аль-Акса, с которой произошло вознесение Мухаммеда на седьмое небо, а не в Иерусалиме³⁰. Первым завоеванием мусульман, отметим, также была Сирия. Наконец, Мухаммед также называл эту землю «землей великого собрания и воскрешения» – это прямое указание на существование Мистерий в Сирии во времена

---

³⁰ О месте «Отдаленной Мечети», которая мистически существовала якобы в Иерусалиме, стало известно, наверно, от Умара, второго праведного халифа, по приказу которой и была построена аль-Акса. Заметим, что Мухаммед ни разу не был в Иерусалиме, предел его странствований – Дамаск в Сирии. Но если не в Иерусалиме была «удаленная Мечеть», то где же? В обозримом пространстве этим местом могла быть только Сирия, и в дальнейших строках я привожу этому доказательство. Теперь вопрос: что есть «удаленная Мечеть»? Удаленная – значит, сокрытая от людских глаз, тайная. Мечеть – суть Храм, Храмом же эзотерически, если доверять Е.П. Блаватской, посвященные называли Общину, вокруг которой возрастал народ, или, «тело ... [народа]» и его нравственность» (13, с. 483). Нравственностью в народе может быть, опять же, только сплоченная Община, вокруг которой все и держится. При отсутствии такой Общины ее может заменить партия, аристократическая элита, на худой конец несколько праведных людей, голос которых не умолкает и к которому прислушиваются. Следовательно, в Израиле Соломон строил отнюдь не Храм, но Общину верных и народ вокруг нее (кстати, откуда кедрь-посвященные – не с Ливанской ли горы, которая в Сирии?)? Вознесение Мухаммеда могло начаться из тайной Общины верных, которая могла быть только в Сирии. Именно в ней Мухаммед руководил молитвой пророков. (83, с. 34). Зачем же было помещать «Отдаленную Мечеть» в Иерусалиме? Возможно, кому-то было нужно, чтобы эта Мечеть оказалась в настоящем вавилонском столпотворении Азии – в Иерусалиме. Кому-то было нужно, чтобы мусульмане, иудеи и христиане сцепились в трудно разделимый клубок, и в таком случае, лучшего места для «удаленной Мечети» нельзя было придумать. Как и лучшего повода для мирных передышек. С другой стороны, существует известная эзотерическая практика, когда вместо реального явления взору непосвященных представляется заменитель; таким образом, дабы тысячи верных не искали нерукотворную мечеть в Сирии, их поклонению была предложена рукотворная Аль-Акса в Иерусалиме. Возможно и еще одно толкование «Отдаленной Мечети» – это внутренний уровень сознания, на котором «я» объединяется с «Я».

Мухаммеда, на действующий эзотерический институт посвящений. То, что Мухаммед, возможно, был посвящен Бахирой, несторианским монахом, вполне соотносится с действительностью – несториане были революционерами в христианской церкви, изгнанными из ее рядов в V веке; их учение, как это будет ясно в дальнейшем, идентично арианскому и гностическому, а следовательно, ессейскому и назарейскому. То, что несториане обустроились в Сирии, говорит в пользу того, что там уже существовали Мистерии, и они были ессейскими или назарейскими. За Сирию шла жестокая война крестоносцев и мусульман, но завоеванная сразу после смерти Мухаммеда земля Шам и по сей день находится под протекцией мусульман (частично под Израилем) и ждет своих исследователей.

Самарии же повезло гораздо меньше Сирии. Самаритяне первые принимали на себя гнев экзальтированных братьев по крови; их основной город Самария, выстроенный на горе Гаризим был захвачен фарисейскими войсками при Маккавейском бунте и разрушен. Позже Ирод Великий построил там Себастию, возможно, отдав таким образом долг иудеев перед самаритянами³¹. Отметим, что самаритяне поддержали римлян в Иудейскую войну; «пять когорт самаритян и эскадрон кавалерии входили в состав армии императора Клавдия. Верность Риму дорого обошлась ее (Самарии) жителям: иудеи опустошили Самарию, разрушили ее города, в том числе и Себастию» (88, с. 64). Фактически, иудеи под корень вырезали своих братьев по крови. Почему? Потому что самаритяне так и не приняли иудаизм стандарта Ездры, а оставались, как и Павел, преданными религии своих отцов. Как свидетельствует Иосиф Флавий в «Иудейской войне», конец междуусобной войны между Александром Янаем и его противниками в Иудее закончился тем, что Янай загнал остатки своих противников в г. Бемеселис, и разрушив последний, восемьсот пленников распял в центре Иерусалима, а жен и детей казненных изрубил на их же глазах. После этого оставшиеся оппоненты Яная в количестве 8000 человек перебрались «через границу Иудеи» (41, с. 35-36) – по всей видимости, именно в Самарии они нашли укрытие. И

³¹ Вообще деяния Ирода Великого заслуживают более тщательного рассмотрения. Ирод – это первая большая попытка ассимилировать иудеев. Был жесток к иудеям. Возможно, среди заговорщиков были его дети и жена, чьи жизни он не пощадил. Однако, смело привносил эллинскую культуру в Иудею, строил города нового типа с полисным самоуправлением, а в них дворцы, театры, термы, отстроил ту же Самарию, возводил храмы эллинских богов и Августа. Вместе с тем укрепил Храм. Все говорит в пользу широты взглядов Ирода, его эклектического ума. Приписываемое ему избивание младенцев суть аллегорическое совмещение, и на самом деле принадлежит восхваляемому иудеями царю Александру Янаю (Янусу, Двуликому).

самаритяне поплатились за дружбу с назаряями, за свою древнюю веру. Ныне самаритян осталось ныне не более 500 человек, и вина в истреблении целого народа, возможно, не только иудеев, хотя и преимущественно иудеев. Живут последние самаритяне в основном в Наблусе, близ своей священной горы Гаризим. Было бы более чем интересно прочесть Тору самаритян, этот древнейший в мире манускрипт, написанный, если верить публицистам М.и Ю. Сусликовым, на древнееврейском языке – чтобы сравнить с Торой иудеев.

А сравнить нужно чрезвычайно! Потому как не одни самаритяне заявляют себя потомками Моисея, есть и другие народности, покинувшие основную расу до реформы Ездры, то есть до рождения собственно иудаизма. К примеру, крымские евреи – караимы, имеют веские основания называть себя потомками истинных детей Израиля (Блаватская пишет, что караимы считают себя потомками саддукеев, и это вполне укладывается в нашу теорию). Караимы имеют собственные Книги Моисея, и называют их единым настоящим Законом. Блаватская пишет, что караимы не соблюдают Саббат, т.е. иудейскую субботу, отдыхая в пятницу, причем пятница у них совпадает с днем последней вечери Иисуса, что также имеет значение – ведь караимы признают Иисуса и Мухаммеда великими Пророками. Ю. Полканов, описывая современных караимов, пишет, что караимы празднуют субботу (75). Есть ли здесь противоречие, или караимы стали праздновать субботу уже в советское время? Тем не менее, караимы не признают ни Тору иудеев, ни Талмуд. Караимский учитель Анан бен Давид (совершенно еврейское имя!) из Багдада «объединил верующих, признававших Ветхий Завет и отрицавших божественное происхождение последующих устных его толкований» (75, с. 32), то есть отрицавших Предание иудеев. Видимо, речь также идет не о Ветхом Завете, но о Торе, то есть о Пятикнижии Моисея – ведь остальные книги входят в Пророки (Небиим) и Предание (Кетубим)³². Иудеи объединяют эти разделы в общий Танах, контр-иудеи должны, по идее, разделять.

В культе и верованиях караимов замечаются элементы, отмеченные в Ветхом Завете. К примеру, девственницы не могут посещать храм до замужества, и это также остается обычаем иудеев. Христиане гордятся, что мать Иисуса еще до зачатия ввели в Храм, что является невозможным для иудеев явлением, следовательно, этого не было. Есть в караимском культе и контр-иудейские

³² Иисус упрекает Иудеев: «Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» (Матф. XV, 3)

элементы. Иеремия (или Ездра устами Иеремии?) осуждает евреев, молившихся в дубравах; у караимов «показательно поклонение священным дубам родового кладбища» (75, с. 33). Другим анти-иудейским признаком является признание двух Отцов, двух Богов – Улуг-Ата, Великого Отца, и Каргал-Ата, Отца-Проклинателя. В последнем, однако, без труда обнаруживается проклинающий Иегова, следовательно, в первом – Верховный Принцип Мира.

Наконец, «черные евреи» из Кохина, Южной Индии. Эти евреи «ничего не знают ни о вавилонском племени, ни о десяти «утерянных племенах»..., чем доказывается, что евреи, должно быть, пришли в Индию до 600-го года до Р. Х. — имеют свои Книги Моисея... И эти Книги и Законы значительно отличаются от нынешних свитков. Также они написаны не квадратными еврейскими буквами (полухалдейскими и полупальмирскими), но архаическими буквами... совершенно неизвестными никому, за исключением их самих и небольшого количества самаритян». (11, с. 158).

Итак, есть назареи и ессеи – не иудейские секты, действительные носители Традиции в Палестине, от которой сам иудаизм является сектой, т.е. религией, лишившейся корней, что подтверждается культом еврейских народностей, исповедующих нереформированную религию евреев до-вавилонского образца.

Этой статьей поставлен знак равенства между доктринами гностиков, ессеев и назареев. Однако, чтобы следующая статья была более понятна, нам стоит расставить некоторые точки. Ранее я назвал евреев западообразующим народом, в данной статье показал противостояние назареев и иудеев. По всей видимости, нужно более точно обозначить причины противостояния и определиться со временем рождения иудаизма, дабы снять ряд вопросов.

Отступление: Рождение Синагоги

Как справедливо заметил Дуглас Рид, мы изучаем историю русского народа, американского, французского, индийского, египетского и т.д., но в прицеле исторической науки никогда не было истории евреев. Так как для историков важна полнота исторической картины мира, этот пробел, по крайней мере, досаден, а по большей вызывает вопрос.

А если это не вопрос, то сразу возникает проблема: существует ли еврейский народ? Не является ли национальность «еврей» пустым словом, за которым не существует национальной идеи? Ведь под понятием народ мы понимаем историческую общность людей,

объединенную религией, культурой, языком и местом проживания. Объединяет ли евреев религия? По исследованиям еврейского историка Р. Рывкиной в России синагогу никогда не посещали 77% евреев, а 22% бывали там редко. Следовательно, лишь 1% евреев могут с полным правом называть себя иудеями, а 1/5 российских евреев – в той или иной степени разделяющими положения иудаизма. Каким же образом евреи объединены одной верой, коей они официально гордятся и всемерно защищают? Относительно культуры основательно вовлеченных в еврейскую культуру среди российских евреев – около 3%, слабую вовлеченность отметили 4-7% респондентов, и 90% отвергли свою причастность к «национальной» культуре. Значит, и культура не объединяет евреев. Язык, думаю, упоминать не стоит. Далее, 84% российских евреев назвали Россию своей страной. А как же Израиль? Отчего в Нью-Йорке, скажем, проживает евреев почти столько же, сколько и в «земле обетованной»? Или Израиль и «священная земля Палестины» также не являются объединяющим фактором? Выходит, Израиль – искусственное создание, и не будь мощной финансовой поддержки США, а также перемещений, выколотых из немецкого народа, то кто бы жил из евреев в Палестине? По всей видимости, 1-3% евреев, а точнее, иудеев, т.е. иудейская секта, взявшая ныне на себя ответственность представлять всех евреев.

Так есть ли еврейский народ? Остается ответить на последнее определение народа, как исторической общности, и если таковая не подтвердится, то вопрос можно решать автоматически решенным.

Какие же задачи необходимо будет решить в процессе исследования? Сразу надобно заметить, что тема иудейской истории не имеет исследователей, чьи выводы и способ исследований считались бы общепризнанными. Некоторыми историческими школами эти темы вовсе считаются завершенными. Отсюда вытекает скудность исследовательского материала. Практически, исследователям не на что опираться, кроме мифов. Поэтому зачастую ничто, кроме логических заключений, не может подвести исследователя к раскрытию тайн еврейской истории. Конечно, имеются работы, подобные «Спору о Сионе» Дугласа Рида, «Международному еврейству» Генри Форда и т.п., но однобокий взгляд этих авторов на проблему дает все основания усомниться в их выводах. На этих книгах можно стать закоренелым антисемитом, но вовсе не получить верное представление о вопросе. Ощущение такое (касается по большей мере «Писем сионских мудрецов»), что мировая

закулиса применяет евреев в качестве живого щита: когда всё, построенное этими деятелями на зыбких эгоистических и корпоративных началах рушится, евреев кидают на растерзание, что позволяет закулисе оставаться в тени. Именно для этого и пишутся, думаю, подобные обличительные книги.

Другие работы, подобные «Еврейскому вопросу» Ф. М. Достоевского и «К еврейскому вопросу» К. Маркса, более построены на эмоциональном фундаменте; хотя они дают пищу для размышлений и даже бросают иногда свет в самые сокровенные тайны истории евреев и иудейской религии, все же не могут стать объективным материалом, на который мог бы опереться беспристрастный исследователь истории. Таким образом, необходимо прорваться через аллегоричность и мифологичность еврейской истории (если еврейская история существует вообще).

Трудность выбранной темы в том и заключается, что по ней нет авторитетных критических трудов, признанных историками. Сама тема стоит на отшибе и является, прямо скажем, Terra Incognita. Войти в нее, с одной стороны, почетно, с другой опасно вероятностью обвинений в антисемитизме. Раньше обвиняли либо иудеи, называющие себя обще евреями, либо оплаченные ими, но теперь, после долгой обработки американской общественности с одной стороны, и панамериканизма с другой даже среди свободомыслящей российской интеллигенции утвердилась мысль о определенной грешности даже думать в этом направлении. Ренан же констатирует, что антисемитизм является характерным признаком глубоких натур, и ведь не бравады ради глубокие исследователи мировой истории, будь то Арнольд Тойнби или Карл Маркс, отдавали еврейскому вопросу свое внимание. Но уже в прошлом веке высказаться по еврейскому вопросу означало подвергнуть себя шквалу критики и проклятий, а в этом веке, с занятием евреями ключевых постов в европейских, американских и российских эшелонах власти, а также в журналистике, и вовсе стало равнозначным подвигу Галилео Галилея сказать инквизиции «и все-таки она вертится», если пока не Джордано Бруно.

Фанатизм иудеев

Наиболее интересным периодом, открытым, к тому же для изучения, является период Иудейских войн, которые вел Рим против Иудеи в I-II вв. н.э. Римляне вообще воевали редко, придерживаясь принципа дипломатии, заложенного Сципионами: если над Римом пошел дождь, то в Афинах должны раскрыться зонтики – образно.

Римляне вполне допускали автономию в своей империи, и иудейским царям Ироду и Агриппе вполне удавалось ее реализовывать. Агриппа, сын Аристовбула, ставленник Гая Каллигулы, даже почти достроил третью обводную стену вокруг Иерусалима, и как убеждает Иосиф Флавий, «если она была бы окончена, римская осада не могла иметь никакого успеха» (41, 2. XI. 6). Взамен автономии и безбедного существования в отсутствии внешнего врага римляне требовали, в общем-то, немного: лояльность императору, выражающейся в священных требах и жертвах в его честь, налоги и помощь в военных действиях, по преимуществу, карательного характера.

Правда, имело место навязывание культа императора, а в вопросах веры евреи были особенно уязвимы. Но даже Понтий Пилат, твердолобый солдафон, был принужден отступить от своего намерения утвердить императорский культ после того, как иудеи пятеро суток пролежали на земле, а когда Пилат стал угрожать и «дал знак солдатам обнажить мечи, тогда иудеи, как по уговору, упали все на землю, вытянули свои шеи и громко воскликнули: скорее они дадут убить себя, чем приступят закон (Моисея)... Пилат отдал приказание немедленно удалить статуи (императора) из Иерусалима» (41, с. 212).

Вторую попытку навязать культ императора предпринял Калигула через полководца Петрония, и Петроний был также в замешательстве, хотя и рисковал своей жизнью. Калигула, на иудейское счастье, умер, чем последним дал повод усмотреть в его смерти (как всегда, в подобных случаях) факт покровительства Иеговы над своим избранным народом.

Причина войн, по-видимому, заключалась в том, что при всех уступках римлян к побежденным, при всем их щадящем режиме евреи однозначно тяготились своим положением, неизменно называя его скотским и рабским. Но если же мы начнем раскопки более глубоких пластов, то окажется, что названная причина вполне годится быть следствием, и не более – феноменом, а не нуменом.

Рассмотрим несколько ярких примеров, иллюстрирующих отношение евреев к римлянам. Если евреи еще кое-как терпели римское светское правление, то приближение римлян к Храму, религии, любая попытка духовной экспансии (или либерализма в сторону римлян со стороны иудейских царей) отвергались ими весьма решительно. Значит, основная причина Иудейских войн лежала в области религиозных воззрений иудеев.

На праздник опресноков один из солдат охраны, стоявший на галерее Храма, повернулся к нему задом и продемонстрировал свое отношение к иудеям и их святыням. Последние разразились таким негодованием, что римляне были вынуждены подвести тяжеловооруженных солдат. Как только иудеи увидели их, они бросились в страхе к выходу. В организовавшейся давке было задавлено около 10 тысяч человек. Даже если цифра, приведенная Иосифом, завышена в 10 раз, все равно размер бедствий (и народных чувств) ужасает.

Чуть позже один из римских солдат, найдя случайно Тору, порвал священную для иудеев книгу. Ярость последних была столь велика, что во избежание восстания солдат был *казнен римлянами!*

То настроение иудейских умов, что дает Иосиф, далеко не полно, и Ренан собирает такие образцы фанатизма, от которых становится не по себе даже нам сейчас, не то чтобы римлянам в те времена. Сикарии, кинжальщики, считавшие себя «единственными наследниками обетования Израиля, возлюбленного Богом «бедняка»... дошли до такой степени экзальтации, какая только была известна в истории... Для них было достаточно услышать, что какой-либо необрезанный упомянул о Боге или о Законе, чтобы постараться захватить его наедине и предложить ему на выбор: или подвергнуться обрезанию, или умереть»³³ (110, с. 180-181).

Окончательной каплей, переполнившей чашу терпения иудеев, что и послужило началом первой Иудейской войны (66-70 г. н.э.), было ограбление Флором, заместителем римского правителя Иудеи, храмовой казны. Он взял из нее 17 талантов, особенно не утруждаясь объяснением своих действий. Когда иудеи достаточно распалились, он подвиг их к сопротивлению словами: «пусть же (иудеи) докажут свою любовь к свободе не только на словах, но и с оружием в руках» (41, с. 237). Флору было нужно прикрыть войной свои беззакония, и он знал, на какие болевые точки иудеев нужно надавить, чтобы вызвать нужную реакцию.

Двумя веками ранее иудеи демонстрировали те же самые качества, поступая идентично. «При Селевкидах, – пишет Ренан, – Антиох Епифан считал своим долгом всюду воздвигать образ Юпитера Олимпийского, как символ своей власти. Тогда вспыхнуло первое великое восстание иудеев против светской цивилизации. Израиль терпеливо переносил лишение его всякого политического значения со

³³ Не менее потрясает фанатизм мусульман, ярко проявившийся после скандала с комиксами в датской и французской прессе. При таких настроениях и спички достаточно... атмосфера начала Иудейской войны!

времен Навуходоносора, но он потерял всякую веру, когда увидел, что опасность грозит его религиозным учреждениям. Раса, вообще не особенно воинственная, была охвачена припадком героизма; не имея регулярной армии, ни полководцев, не ведая никакой тактики, она победила Селевкидов, отстояла свое богооткровенное право и создала себе второй период автономии» (110, с. 173-174). Что ж, иудеи уже имели успех, и вдохновляемые им, желали повторить его, надеясь на помощь Бога, то есть на свою религиозную экзальтацию, в происхождение которой они полагали божественное начало.

Та степень экзальтации, которую иудеи показывали до первой Иудейской войны, мало идет в сравнение с фанатизмом иудеев во время самой войны. Вера, как я уже отметил, бывает сознательной и неразумной. Веру эссеев было бы правильнее назвать знанием: после поражения они легко расстались с иудейской экзотерической оболочкой, воплотив суть своего учения в христианские символы и аллегории. Они сделали то, на что, к примеру, фарисеи никогда бы не пошли.

Но и фарисеи по сравнению с сикариями и другими «разбойниками» сущие мудрецы. Во всяком случае, они делали поправки в своих поступках, продиктованных религиозными убеждениями, на действительность. Они понимали, что сражаться с римлянами вряд ли возможно, что Иудея только небольшой островок посреди, в общем-то, стабильной империи – с одной стороны, и что он окружен народами-врагами иудеев, которые с удовольствием помогут римлянам, а не восставшим. «Ненависть, которую евреи внушали свои соседям... была достаточно сильна, чтобы возбудить против них врагов не менее опасных, нежели римские легионы» (110, с. 188). Речь Иосифа Флавия, которую он вкладывает в уста царю Агриппе, достаточно хорошо передает воззрения фарисеев и саддукеев по поводу первой войны, за тем исключением, что Иегова у Флавия на стороне язычников, с чем фарисеи и саддукеи не согласились бы из принципа.

Та масса иудеев, что вела войны и «закончила» их, имела веру абсолютную. Образцы абсолютной веры, отметающей все разумные поправки, отметающей сам разум, показывает Иосиф Флавий в «Иудейской войне». Абсолютная вера закрывает от человека опасности и лишает его страха, но она и ставит его в самые безвыходные ситуации, успокаивая глупостями, типа «с Богом возможно всё». Она придает ему невероятное мужество и силу, но несколько поражений вгоняют верующего в сильнейшее смятение и

парализуют волю не только к сопротивлению, но и к жизни. Именно такие смятения разбивали иудеев на партии и сталкивали их лбами; римлянам только оставалось наблюдать, как иудеи уничтожают друг друга, свои припасы и свой город. «Еще раньше, чем вспыхнуло междоусобие в Иерусалиме, было уже раздвоено население провинции... Едва только эти люди вздохнули свободно от ига римлян, как они уже поднимали оружие друг против друга... В первое время война разгоралась между семействами, еще раньше жившими не в ладу между собой; но вскоре распадались и дружественные между собой фамилии; каждый присоединялся к своим единомышленникам, и в короткое время они огромными партиями стояли друг против друга» (41, с. 390). Одна партия, состоявшая порядочной частью из сделавших выводы из многочисленных поражений от римлян, бравших города за городами, уже считала за лучшее покориться римлянам, потому что так хочет Бог. Другой партии, зелотам-ревнителям, закрывала глаза безумная вера, а поражения (и наби) укрепляли их в мысли, что Бог медлит с наказанием, но потом его месть римлянам будет ужасна; эти люди полагали, что неистовой бескомпромиссностью они идеально служат Богу, даже участвуя в избиении своих родственников, не имевших такой веры.

Отчаянная война в Иерусалиме была затеяна руководителями нескольких группировок подобного рода – Иоанном из Гисхалы, Симоном из Гезары, – в результате которой партия мира во главе с первосвященником Ананом была истреблена. Потом дело дошло до войны группировок между собой. Еще раньше зелоты подбили на «священное очищение города» идумеян, сродственный народ, но когда идумеяне увидели настоящее положение дел, то зелоты лишились последних союзников. В конце войны мятежники держались больше на отчаянии, чем на вере – все равно умирать. Но самые убежденные даже сражаясь на подступах к Храму продолжали неистово верить, что вот-вот Иегова прострет свою могучую длань и начнется кара Небесная над посмевшими истреблять «избранный народ». «Во время этих невероятных бедствий вера и фанатизм евреев оказались более пламенными, чем когда-либо. Вера в то, что храм не может быть разрушен, была непоколебима. Большинство было уверено, что как весь город находится под особым покровительством Иеговы, то его невозможно взять. Пророки распространяли среди народа вести о скором избавлении. Уверенность в этом отношении была так велика, что многие, которые

могли бы спастись, оставались, чтобы увидеть чудо Иеговы» (41, с. 379).

Как же евреи должны были быть поражены, когда увидели горящие ворота Храма? То горели не ворота, а их неразумная вера, рушилась их экзальтация, способность к сопротивлению. И опять же вера заставила многих склонить головы под римские мечи: Бог предал Израиль, всех евреев за грехи – жить незачем. Что уже тут говорить о перерыве в богослужении, когда римляне подступили к Храму, и за мечи взялись священники? «Перерыв в богослужении в глазах евреев был таким же важным явлением, как если бы остановилось движение планет» (41, с. 381).

За века воздействия иудаизма народное сознание мутировало самым необратимым образом. Лучше всего по этому поводу пишет Спиноза, приводя воззрения евреев-современников. Это мнение относится к иудеям времен Иудейской войны гораздо в большей степени, чем к современникам Спинозы, потому что на закате Иудеи эти воззрения в народе в большинстве случаев были абсолютными: «... всегда из религиозного или благочестивого побуждения, или (как толпа выражается) из преданности к Богу, (евреи) относят всё к нему. Ведь если, например, они получили от торговли деньги, то говорят, что они Богом им посланы; если они желают, чтобы случилось что-нибудь, то говорят, что Бог расположил их сердце к этому; если также они додумываются до чего-нибудь, то говорят, что это им Бог сказал» (93, с. 47). Отсюда, если мысль о войне возникла в голове иудея, то войне должно случиться, но если мысль о сдаче в плен, то так тому и быть. Таким образом, вера делала из иудеев неуправляемую и легко сбиваемую с толку массу, влекущуюся по первому побуждению. «Так как чернь остается одинаково жалкой, она потому никогда не остается спокойной надолго, но ей более всего нравится то, что ново и в чем она еще не успела обмануться... «ничто не властвует лучше над толпой, чем суеверие» (93, с. 33).

И не было больших вредителей среди иудеев, чем наби, пророки. Это были обычные ничтожные людишки, в коих характерная особенность иудеев, подмеченная Спинозой, была доведена до абсурда. Любую ересь, что возникала в их голове, они толковали как Божье откровение; убежденность в собственной правоте делала наби неиссякающими источниками суеверий. Увлекаемые наби, иудеи искренне считали, что не нужно ни военных познаний, ни военной дисциплины, как необходимой составляющей любой армии, коль с ними Бог; они «хвалились, что они выше всех, и даже обыкновенно

презирали всех, а следовательно, и общее всем знание» (93, с. 63). Даже когда пылал храм, и некий пророк возвестил: «Бог велит вам взойти к храму, где вы узрите знамение вашего спасения» (41, с. 592), нашлось порядка 6000 безоружных иудеев, которые поверили ему; все они сгорели в огне на галереях храма.

По сей день пророков хватает в Израиле; с распущенными пейсами и жгучим тяжелым взглядом, они слоняются по синагогам, и их «труд» оплачиваем правительством. Конечно, они отрабатывают содержание, потому что не успеет религиозное чувство созреть в каком-либо молодом еврее, они убедительно ему докажут с помощью вековых национальных суеверий, что именно Бог Израиля есть источник его веры, и служить вековым национальным суевериям — самая благородная обязанность неофита³⁴.

---

³⁴ Наби эксплуатировали одну интереснейшую психическую особенность евреев. Назареи называли евреев «недоносками» — должна же быть причина такому прозвищу? У недоношенных детей есть какая-то ущербность в физическом отношении. У евреев как у народа есть такая ущербность в духовном плане. Все индоевропейские народы имеют 3-5% интеллектуалов, которые составляют мозг нации, в еврейском же народе интеллектуалы составляют до 15% — это компенсация за духовную ущербность. В чем же она заключается? Евреи дали миру процентов 15-20 % нобелевских лауреатов в области точных наук, но не дали со времен рассеяния и двух великих философов, писателей и поэтов, живописцев — кроме Баруха Спинозы, извергнутого из иудейской среды, да Шолом Алейхема, пожалуй, некого и припомнить. Это говорит о отсутствии в среде евреев эйдетического мышления — высшего типа мышления у людей. В этом евреи равноценны некоторым другим народам, к примеру, неграм, что дали миру множество музыкантов, артистов и политических деятелей, но ни одного великого философа или писателя. Эйдетическое мышление раскрывает для человеческого познания ультимативную природу как человеческой души, так и души человечества, позволяет познать метафизическую сущность и явлений, выявить скрытые духовные законы социума, воспринимать религию не как экзотерическую оболочку, какой она предлагается для народа, а как концепцию духовного преобразования, и таким образом не принимать положений религии (и высказываний разного рода пророков) на веру, но проводить через собственное осмысление, и т.д. Разумеется, эйдетическим мышлением большой силы могут обладать единицы, великие индивидуальности, рождающиеся в этом народе в малом количестве, но их труд в разных сферах жизни народа позволяет нации, а вместе с ней и миру, продвинуться выше, стать организованнее, утонченнее, совершеннее. Для нации же важно воспринять и востребовать этот труд, чтобы он не прошел впустую, т.е. большинству членов национального сообщества требуется такое же мышление, хотя и в малой степени, чтобы понимать плоды мышления своих великих людей и применять к действию. Так как иудеи отвергли элохистов, из среды которых мы можем привести множество философов («Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших», Мф. XXIII, 29-32), а после рассеяния отвергали своих религиозных реформаторов и неординарных мыслителей, то я и делаю вывод об отсутствии у них эйдетического мышления («Се, оставляется вам дом ваш пуст», Мф. XXIII, 38). Ведь какой народ еще отличался избиением своих лучших сынов и спокойным

Другими продуктами мутированного мышления, сыгравшими роковую роль в истории еврейского народа, нужно назвать zelотов, сикариев и других «ревнителей»-фанатиков. Иосиф Флавий называет их разбойниками, единственно виновными в войне, а вслед за ним попугайничают остальные. Совершенно ошибочное заключение, которое оправдывает и иудаизм, и иудеев. Я попробую доказать неправоту Иосифа Флавия на ярких, как он сам полагает, примерах.

Во-первых, разбойники захватили храм, устроили в нем бойню, справляли в нем нужду, Иоанн из Гискалы переплавил священные металлические вещи в храме – эти люди считали, что только их вера самая преданная Богу, и только они достойны распоряжаться самым святым в Израиле, храмом. К тому же они полагали, что Храм Бога – это Вселенная, а не храм Соломона, и иллюстрировали свои взгляды соответствующими действиями.

Во-вторых, разбойники грабили население Иудеи, были его сущим бичом – отчего же тогда разбойники и в более спокойные времена могли грабить десятилетиями? Только потому, что были поддерживаемы этим же населением, и не выдаваемы им. Потому что это не разбойники, а религиозные экзальтанты, которые обрушивали свои фанатичные порывы на своих же соотечественников за то, что они не пылали таким же религиозным жаром. Они были привечаемы такими же «продвинутыми», отчего и разбойничали по много лет, хотя бы от них и страдала вся округа.

В-третьих, разбойники довели Иерусалим до крайней степени, сами выступая палачами невинного народа и города – эти люди стояли до конца в своих убеждениях, и убивали сразу же тех, кто смели высказывать сомнения в их действиях, в победе, в возмездии Иеговы над римлянами. Ведь разбойники давно бы уже сдались, или вступили в торг с римлянами за свою жизнь, а эти стояли до конца, до самой смерти. «Смерть мы презираем, – восклицали они, – смерть гораздо приятнее нам, чем рабство. Но пока мы еще дышим, мы будем причинять римлянам столько вреда, сколько у нас хватит сил и возможностей. Нашим городом мы нисколько не дорожим, так как мы... все равно должны погибнуть; что же касается храма, то Бог имеет лучший храм – вселенную. Однако мы еще надеемся, что и этот храм будет оберегаем тем, кто в нем обитает. С ним в союзе мы осмеиваем всякие угрозы, от которых действительность еще далека, ибо исход дела в руках божиих». Это великолепная речь, речь героев!

Неужели что иное, как не религиозное убеждение могло двигать такими людьми?

В-четвертых, «разбойники», как только почувствовали себя хозяевами в Иерусалиме, не только глумились над простыми жителями, не только отбирали у них все съестное, но иногда одевались женщинами, и в таком виде расхаживали по улицам – они персонифицировали героев своих мистерий. Божество часто изображалось двуполым: Венера с бородой Юпитера, Юпитер с грудями Венеры. Это идея неотделимости Бога от Природы, Разума от Материи. Она была низведена у иудеев до самого низкого, физиологического трактования. “Два слова, из которых составлено имя Иеговы (Jod и Heve, в физиологическом ключе фаллические символы), содержат первоначальную идею муже-женственного начала, как источника зарождения... совершенный ... принимает также форму начала рождения, в виде гермафродита” (“The Source of Measures”, 159, цит.: 12, II, с. 586). Еврейские Кадеши, участники храмовых мистерий, устраивавшие оргии, служат ярким подтверждением этой “религиозной мысли”. Моисей завещает, что “не должно быть блудницы (Кадешим) из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых” (Втор. 23.17). Осия возмущается против сладострастного культа: “вы сами на стороне блудниц (кадешим) и с любодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет... Отвратительно пьянство их, совершенно предались блудодеянию; князья их любят постыдное. Охватит их ветер своими крыльями, и устыдятся они своих жертв” (Ос. IV, 14-19). В общем, весь букет страстей, получившийся от буквального применения символики. Если толковать имя Иеговы в физиологическом ключе, то так и выходит: стремящийся уподобиться (угодить) “Господу” должен стать гермафродитом, сочетая в себе мужское и женское начала. Разве существует для этого иной способ, чем способ кадешей? Забавно, что поздние масоны, вполне проникнутые еврейскими доктринами, ввели в свои системы 18-й градус, “Рыцарь Кадеш”. Разбойники лишь вынесли храмовые мистерии на улицы, посчитав себя, похоже, святыми и достойными своего бога людьми.

Итак, одной из причин поражения иудеев в войнах можно назвать абсолютную веру в Божественный промысел; эта вера не позволяла ни усомниться мятежникам в их правоте, ни делать необходимые корректировки. Она отдала массы иудеев под начало самых неразумных, самых экзальтированных.

Снова приходим к выводу, что причина войн лежала в области религиозных воззрений иудеев. Войны были подготовлены многочисленными провокациями иудейского фанатизма как со стороны римлян, так и со стороны иудейских царей.

Догматика иудаизма

Что являлось причиной фанатизма иудеев? Чему или кому обязан еврейский народ своей невыносимой и неразумной экзальтацией? Ведь она никуда не исчезла и по сей день, ею диктуются поступки как обычных евреев (да, евреев, а не только иудеев, потому что религиозные принципы за тысячелетия стали частью культуры, парадигмы этого народа), так и государственных деятелей Израиля, и не только Израиля. Необходимо указать положения, которые являются принципами (пусть даже бессознательно) для одних и религиозными догматами для других.

1. ЗАВЕТ. Религия иудеев пронизана монотеизмом, т.е. верой в единую Божественную Сущность, и эта вера национального характера. Иегова – еврейский племенной бог по сути, но иудеи придерживаются иной трактовки: Иегова – бог всех людей, но из всех племен и народов он выбрал лишь иудеев; иудеи – избранный народ, поставленный Иеговой превыше всех других народов. Иегова наделил евреев большими способностями, дал им нечто сверх разума, дал им заповеди на скрижалях и т.д. и т.п., чем обошел остальных людей.

Истоки божественного благоволения иудеи производят от Авраама, неизвестным образом угодившего Иегове. Авраам становится прародителем еврейского народа: «И сказал Господь Аврааму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую я укажу тебе; и я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные»; «От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли»; «Я Бог Всемогущий; плодись и умножайся; народ и множество народов будет от тебя, и цари произойдут от чресел твоих» (Быт. гл. XII, XVIII, XXXV).

С Авраамом Иегова заключает договор: Авраам и его народ чтят Иегову и поклоняются лишь ему, и никаким богам более: «...и поставлю завет мой между Мною и тобой и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду богом твоим и потомков твоих после тебя; и дам тебе и потомкам твоим после тебя

землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом» (Быт. XVII, 7-8).

2. ОБЕТОВАНИЕ. Из предыдущей цитаты ясно, что обещанием («обетованием») за соблюдение договора будет земля, отдаваемая евреям во владение, земля Ханаанская, на которой жили другие народы. В случае нарушения договора Иегова грозит отнятием земли.

3. ЗАКОН. Суть почитания бога заключается в следовании всем указаниям, которые есть в Законе Моисея. Приводить все указания не имеет смысла, так как их несколько десятков, а с указаниями Мишн – более 600-т; они регламентируют каждый шаг верующего в областях культа, семьи, торговли, дара и т.д.

4. ИЗБРАННИЧЕСТВО. В случае успешного исполнения Закона и проживания в земле Ханаанской Иегова гарантирует, что поставит иудеев над всеми народами: «Если ты, когда перейдете за Иордан в землю, которую Господь Бог ваш дает вам, будешь слушаться гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сего дня, то Господь бог твой поставит тебя выше всех народов земли... Поразит пред тобой Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя... Поставит тебя Господь [Бог твой] народом святым Своим, как клялся тебе и отцам твоим, если ты будешь соблюдать заповеди Господа Бога твоего и будешь ходить путями Его; и увидят все народы земля, что имя Господа [Бога твоего] нарицается на тебе, и убоятся тебя... и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы [и будешь господствовать над многими народами, а они над тобой не будут господствовать]. Сделает тебя Господь Бог твой главой, а не хвостом... если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего... и не отступишь от всех слов, которые заповедую вам сегодня, ни направо, на налево, чтобы пойти вслед других богов и служить им» (Втор. XXVIII).

Веря в эти догматы, иудей не может не чувствовать себя избранником, не ощущать свой народ царственно отличным от других народов. Поэтому, владычество римлян переносилось иудеями чрезвычайно тяжело и не могло не окончиться глобальным катаклизмом. Впрочем, иудеи терпели светское владычество, повинувшись мнению наби о каре Иеговы за нарушение Завета, но как только римляне стали переходить границу культа, тут же началось сильнейшее противостояние, разрешившееся войной. Со стороны иудеев это была священная война за веру отцов, в ходе которой они показывали чудеса храбрости и религиозного безумия. В этом свете

утверждения Иосифа Флавия о разбойниках-тиранах, как о причине войны и поражения, не имеет под собой основания.

Этими религиозными положениями духовная сила людей была направлена в неверное русло. Жрецы, стоявшие за догматикой, думали о своей власти над народом. Вера, с которой обошлись не лучше, чем с детскими ступнями китайских девочек, уродливо изменила еврейское племя: разуму было отказано в познании мира; евреи-иудеи не внесли ничего нового вплоть до торжества науки в XIX веке, а сама наука была изгнана с позором перед пророчествами невежественных наби.

Каждый глубоко верующий иудей стал ощущать себя десницей и гласом Бога, и народ как таковой распался на сотни тысяч самостоятельно мыслящих и чувствующих личностей, не признающих над собой власти иной, нежели власть Бога. Неоднократно было отмечено, что иудеи представляли собой народ, плохо поддающийся управлению. Николай, друг Архелая, одного из царей иудеев, защищая Архелая перед императором, «изобразил иудеев народом трудноуправляемым и склонным к неповиновению своим царям» (41, с.197). Эрнест Ренан уточняет: «Подобному социальному состоянию часто дается название теократии и это верно, если разуместь под этим термином, что основной идеей семитических религий и созданных ими государств является царство Бога, познаваемого как единого владыки мира и всеобщего верховного правителя; но теократия у этих народов не есть синоним владычества священников. Священник, в собственном смысле этого слова, играет невидную роль в истории иудаизма и ислама. Власть принадлежит представителю Бога, тому, кого Бог вдохновляет, пророку, святому мужу, тому, кто получил свою миссию свыше и кто подтверждает ее чудесами и успехом... Гражданской, царской власти, в сущности, почти нечего делать в такой социальной организации» (110, с. 174).

Иудаизм сделал евреев невыносимыми, настоящими изгоями человечества, привил им дух «ограниченный, высокомерный, враждебный... цивилизациям, враждебный всему остальному человеческому роду, приписываемый всеми поверхностными наблюдателями еврею, как его основную сущность» (110, с. 176). Этот дух замкнул иудеев в своем народе. Там же, где они должны были жить среди других народов, иудеи настаивали на отгороженном поселении, воздвигая гетто, таким образом самостоятельно устраивая себе резервации.

Этот дух вызвал первую иудейскую войну, этот дух не позволил прекратить войны до полного разрушения Иерусалима и царства, этот дух сделал евреев вечно гонимыми, вечно отгораживающимися стенами гетто, и вечно стремящимися к власти во всех отношениях над другими народами. Как господин стремится восстановить status quo в мятежном поместье и никогда не успокоится, пока этого не произойдет, либо пока он сам не будет убит, так и евреи, уверенные в своем божественном предназначении править всеми народами, всегда добивались этого права и всегда будут добиваться, доколе жив иудаизм, а вместе с ним сектантский иудейский дух. Их вера промодулирована ложными идеями, и так как вера есть естественное свойство людей (у 95-99% человечества в той или иной форме), неугасимое и вечное, такими же неугасимыми и вечными становятся для евреев идеи избранничества, боговдохновенности, мирового господства. «Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих» (Ис. XLIX, 22-23); «и будет остаток Иакова среди многих народов как роса Господа, как ливень на траве, и он не будет зависеть от человека и полагаться на сынов Адамовых. И будет остаток Иакова между народами, среди многих племен, как лев среди зверей лесных, как скимен среди стада овец, который, когда выступит, то попирает и терзает, и никто не спасет от него» (Мих. V, 7-8)

Конец XIX века ознаменовался появлением сионизма, выстроенного на крайностях иудаизма. Идеологию сионизма такой видный ученый-историк, как Арнольд Тойнби называет более худшей, нежели идеология фашизма. Сионизм стал государственной политикой, но появился он не в одночасье. Его истоки прекрасно видны в Иудейских войнах. По всей видимости, нужно вскрыть исторические корни религиозной мотивации иудеев и евреев прошлого и настоящего.

Моисей и Закон

Ренан утверждает: «Причина кризиса лежали в древности, и самый кризис был неизбежен. Закон Моисея, создание экзальтированных утопистов, одержимых великим социалистическим идеалом, людьми, меньше всего интересовавшихся политикой³⁵, этот закон, подобно

³⁵ Оставим эти утверждения на совести Ренана, увлекшегося красивой фразой. Он забыл, похоже, и про Елисея, и про Ахава, и про прочих пророков, смело устраивавших политические перевороты сами, или через своих учеников, про Исайю, предвещавшего не

исламу, принадлежал исключительно гражданскому обществу, сложившемуся параллельно с религиозным обществом. Закон, установившийся, по-видимому, в той реакции, какую мы находим в VII веке до Р. Хр., даже и независимо от ассирийского завоевания, должен был привести к взрыву и полному распадению небольшого царства потомков Давида» (110, с. 172-173). Допустим, что виноват Закон Моисея, догматичный и непримиримый. Прежде чем рассмотреть его характер, следует проследить его историю. Для этого мы сделаем небольшое отступление, целью которого будет выявление истинных авторов Закона, а следовательно, виновников религиозного фанатизма иудеев.

Уже то, что Закон приписывается Моисею, ставит его легитимность для историка под сомнение: слишком фантастична история Моисея, чтобы допустить существование подобного человека, и, следом, его законодательное наследие. Во всяком случае, в том виде, как это преподносится в Пятикнижии. Первое серьезное возражение последовало от Георга Смита, археолога, откопавшего ассирийские таблички. Он писал:

«В дворце Сеннахерба, в Куюнджике я нашел другой любопытный отрывок истории Саргона, переведенный мною и опубликованный в «Трудах Библейского археологического общества», т. I, ч. I, с 46. В тексте говорится, что Саргон, один ранний вавилонский монарх, родился от родителей-царей, но был спрятан своею матерью, которая унесла его на Евфрат и поместила в ковчеге из камышей, изнутри покрытом горной смолой, вроде того, в котором мать Моисея спрятала свое дитя (см. Ис. II). Саргона обнаружил человек по имени Акки-водонос, который усыновил его, и впоследствии он стал царем Вавилонии. Столицей Саргона был большой город Агади — называвшийся семитами Аккад и упомянутый в Библии как столица Нимрода (Быт. X, 10). Там он царствовал сорок пять лет. Аккад лежал вблизи города Сиппара, на Евфрате, к северу от Вавилона. Время Саргона, которого можно назвать Вавилонским Моисеем, соответствует шестнадцатому веку, или, возможное, более раннему».

Г. Смит в своем «Халдейском отчете» добавляет, что Саргон I был вавилонский монарх, царствовавший в городе Аккад около 1600 г. до Р.Х. Имя Саргон означает правильный, истинный или законный царь.

праведника Иисуса Христа, но царя Езекию, и других. Спиноза утверждает, и обоснованно, что Моисей ставил целью Закона вовсе не утвердить социалистические утопии, но научить евреев повиноваться власти верховного жреца ли, правителя.

Эта любопытная история изложена на фрагментах табличек из Куянджика и гласит следующее:

1. Я царь Саргон, Царь могущественный, Царь Аккада.
  2. Моя мать была царского рода, отца своего я не знал. Брат моего отца правил странюю.
  3. В городе Азупирану, лежащем на берегу Евфрата.
  4. Моя мать, царевна, зачала меня; в трудах она родила меня.
  5. Она положила меня в ковчег из камыша и горной смолою запечатала выход мой.
  6. Она пустила меня на реку, не поглотившую меня.
  7. Река понесла меня: к водоносу Акки принесла она меня.
  8. Акки, водонос, в сострадании принял меня, и т. д., и т. д. ...
- А теперь из «Исхода» (II):

«Более не могли долее скрывать его (мать Моисея), взяла корзину из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положивши в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки».

«Событие это, как предполагают, произошло около 1600 лет до Р. Х. — говорит Георг Смит,— немного ранее эпохи, приписываемой Моисею. Так как мы знаем, что слава Саргона достигла и Египта, то вполне правдоподобно, что рассказ этот имел связь с событиями, изложенными в «Исходе», ибо каждое, совершенное однажды действие, стремится повториться» (12, II, с. 252).

В дальнейшем, когда непредвзятому научному уму было позволено вольно прочесть Пятикнижие, возражения об авторстве Моисея посыпались как из рога изобилия. Когда же выяснилось, что Пятикнижие было написано двумя разными школами, элохистами и иеговистами, это вовсе поставило точку в затянувшемся споре ученых с теологами, во всяком случае, для историков. По сей день, не смотря ни на Ездру и его школу, ни на масоретскую редакцию поздних раввинов, ни на христианские переводы «с пристрастием», в первой книге Торы, Книге Бытия отчетливо прослеживается влияние древних авторов, как за красками иконы обнаруживается более раннее письмо. Некоторые моменты можно заметить только в Торе, написанной на еврейском, другие – даже в христианском Ветхом Завете. Вот по примеру на каждый из случаев.

1. «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло» (Быт. III, 22). В Торе не «Господь Бог», разумеется, а «Элохим», не имя, но существительное множественного числа. Следовательно, перевод такой: «И сказали Элохимы: вот, Адам стал как один из нас». Впрочем, даже «один из Нас» говорит о

множественности Богов. Выходит, Иеговисты внесли культ антропоморфного «единого» Иеговы (хотя их Иегова постоянно говорит о богах других народов), наложив его на более древний политеизм Элохистов (так условно называют последователей поздней и ранней школ).

2. О сотворении людей говорится дважды и по-разному. В первой главе: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (Быт. I, 26-28).

Во второй главе: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему... И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт. II, 18-22).

Что можно заметить? О сотворении людей говорится дважды и по-разному. В первом случае творят людей, «их», благословляют плодиться и размножаться; во второй главе творят сначала Адама, потом женщину. Глава вторая повторяет главу первую, одно редакция дополняет вторую, одна школа накладывается на другую.

Поскольку перевод первой главы гуманизирован, так сказать, то и не подумаешь, что вместо мужчины и женщины в Торе – Сакр и Нкабве, мужской и женский половые органы, благословляемые на размножение. Виден физиологический подход, чувственный, приземленный³⁶.

Итак, ранняя школа Элохистов, существовавшая, условно, до Ездры, придерживалась политеизма. Политеизм не подходил для возникновения догмата Избранности и исходящих положений.

³⁶ Первая глава «Книги Бытия», пишет Блаватская, в образах повторяет доктрину восточную Эманаций, согласно которой Непознаваемое (Парабраман у адвайтистов Индии, Эйн-Соф у каббалистов Израиля) открывается (проявляется) Духом («Дух Божий носился над водой», Быт. I, 1). Дух выявляет из себя Материю и, отражаясь в ней, творит Непроявленный Мир, Плерому. У каббалистов, еврейских Посвященных, Кэтер («Венец») излучает из себя Хокму («Мудрость»), Хокма эманурует Бину («Разум»). Геометрически: Единый, Точка, испускает Луч, становящийся левой стороной Треугольника (Хокма), который, однако, проявляется лишь тогда, когда из левого ребра выявляется правое (Бина), чтобы в союзе дать Основание. Трое Сефиротов (Кэтер, Хокма, Бина) эмануруют еще Семь, чтобы дать в итоге Десять, нижайший из которых Малкут («Царство», физический мир) – вполне согласуется с гностиками. Десять – это ЮО (Дух и Материя, их единство), или ІАО, весь мир, изошедший из Троицы-Треугольника. ІАО превращаются в Уаһо, имя Бога древних Мистерий, родоначальника многочисленных богов древних народов, в том числе Иеговы иудеев. У христиан стараниями христианских каббалистов одно к одному: Отец дает жизнь Сыну, Христу, который восседает одесную от Отца, а рождается через Непорочное Зачатие, Эманацию от Марии (от Марэ, материя).

Поздняя школа, Иеговистская, пошедшая от Ездры утверждала монотеизм, религию ревнивого человекоподобного бога – на умирающем (лучше, умерщвляемом) теле старой религии. В настоящее время только изучение религиозных книг самаритянской и других древних еврейских ветвей, которые придерживаются нереформированного иудаизма, способно пролить свет на изначальные догматы Элохистов, древнюю доавилонскую религию. В реформированном же иудаизме, носителями которого являются большинство верующих евреев и сионисты, в частности, мы имеем дело с переработкой элохистского наследия. Мы не знаем, что оставили от Моисея Элохисты, и вынуждены что-то выискивать от Моисея у Иеговистов, что вовсе неблагодарное занятие. О каком Законе Моисея вообще может идти речь, если Моисей только белый холст, на котором что-то нарисовали Элохисты, а затем сверху намазали Иеговисты? В данное время он всего лишь подпорка иудаизма, не более.

Элохисты хранили свою доктрину, передавая ее устно, пока не случилась необходимость (видимо, в связи с прогнозируемым рассеянием) ее частично записать на рубеже I века раввинам Симеону бен Йохаю и его сыну Елезару. После основательной профанации этой доктрины иеговистом Моисеем де Леоном ее экзотерическая часть стала известна в переложении этого ученого иудея 13 века как Каббала. Но дабы «привязать» элохистов к имеющимся источникам, будем в дальнейшем называть их каббалистами. Подробнее о воззрениях каббалистов ниже.

От Моисея следует отвлечься, раз он играет совсем не главную роль в исторической трагедии. Давайте поищем иных актеров.

Ездра и новая религия

Дуглас Рид полагает, что основы Закона и легенда о мстительном божестве были заложены во Второзаконии и у Иезекииля, написание же Второзакония им отодвигается, возможно, за век до плена, как первая книга будущей Торы. Особенных доказательств он не приводит, но отчего тогда Закон не наблюдаем ни у самаритян, ни у других еврейских племен?

Книга Иезекииля делится как бы на 2 части, одна из которых вполне в духе Второзакония, а другая несомненно каббалистическая – колесо Иезекииля. Позже из устного предания Каббала станет письменной, и первая книга ее, «Зогар», или «Небесное Сияние» излагает мироздание по Иезекиилю. Ясно, что в книге каббалист совмещен с левитом искусственно. Левиты нагрузили на плечи

уважаемого евреями пророка свои догмы, подперли их его авторитетом, точь в точь как в случае Моисея. Действительно, писание Иезекииля переделано наиболее сильно, что и дало повод Риду назвать Иезекииля автором Закона.

Но ведь также был дополнен Иеремия, из писаний которого ясно, что Закон был написан позже Иеремии. Из всех перечисленных прегрешений евреев, как то поклонение на холмах в дубравах или неисполнение Саббата, самым тяжелым были, если верить Иеремии, человеческие жертвоприношения:

«И устроили Высоты Ваалу, чтобы сжигать сыновей своих во всесожжениях Ваалу, чего Я не повелевал и не говорил, и что на мысль не приходило Мне; за то вот, приходят дни, говорит Господь, когда место сие больше не будет называться Тофетом, (место в долине Геенна, близ Иерусалима. Отсюда – геенна огненная, прообраз ада – согласно Блаватской), или долиной сыновей Енномовых, но долиной убиения» (Иер. XIX, 5-6).

Если с преступлением левитским определились (а не за такие же преступления могущественная держава ацтеков с сотнями тысяч воинов была разгромлена несколькими сотнями конквистадоров?), и духовная причина пленения ясна, небезынтересно опять-таки узнать, что через Иеремию Иегова призывает евреев... заботиться о Вавилоне! Кроме того, проклинает лжепророков и гадателей, призывающих или не идти в плен вавилонский, или вырываться из него: «... заботьтесь о благосостоянии города, в который я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир... да не обольщают вас пророки ваши, которые среди вас, и гадатели ваши... ложно пророчествуют они вам именем Моим: Я не посылал их» (Иер. XXIX, 7-9).

Слыханное ли для иудеев дело – молиться за Вавилон, преувеличивать состояние его, когда весь иудаизм пронизан ненавистью к иноземным народам, сам же Вавилон блудница и мерзость? Явно Иеремия не разделял взгляды поздних иеговистов. Только после рассеяния раввины вынуждены были сформировать два общих для евреев закона:

– симпатизировать и, по возможности, помогать партии или стране, более сочувственно относящихся к евреям;

– законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае, не соблюдать³⁷.

³⁷ А. Дикой «Русско-еврейский диалог», с. 8. Дикой уверяет, что эти законы были выведены историком С.Я. Лурье.

До рассеяния даже такие вполне иезуитские положения не могли существовать в атмосфере неистового фанатизма, поставившего стену между евреями и другими народами. В Псалмах от имени Давида (?) левиты дают свою оценку вавилонскому плену, в котором, если честно, они были рабами настолько же, как и в средневековье – со своими участками, хозяйством, рабами и т.д.:

«При реках Вавилона сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе... дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам. Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. СXXXVI, 1-9).

Была ли еще более человеконенавистническая религия, чем иудаизм? Злостью к любым народам горят мысли левитов, и невозможно иудеям ни молиться о благосостоянии народов, ни увеличивать его. Правда, вряд ли левиты говорят о детях – это было бы уже слишком. Мы уже знаем, кого называли «младенцами», то есть левиты молятся о низложении вавилонских жрецов-магов, которые, видимо, связывали им руки.

Не менее Иеремии левитами дополнен Исаия – пятнадцатью главами, в которых он, якобы, восхваляет Кира, называя его помазанником Иеговы, повторившем едва ли не подвиг Моисея, что вывел евреев из столь ужасного плена. Разумеется, Исаия не мог знать Кира, потому что жил до и во время Езекии, царя Иудеи, во время завоевания Израиля Ассирией – до вавилонского плена, уж точно. С Кира начинается история искусственно созданного племени иудеев, бытие Закона и его человеконенавистнических идей, поэтому левиты и воздают ему честь, хотя, как будет скоро понятно, совершенно напрасно.

Дуглас Рид убежден, что в плену левиты сумели установить свое господство над умами евреев, сумели сбить их в замкнутые общины, а затем, после освобождения, заставить их строить Иерусалим с храмом. Что, мол, вероятно существовали другие течения, но победило самое фанатичное и радикальное, уже жившее по Второзаконию и заветам Иезекииля. «Левиты и их «закон» остались победителями, и с ними началось истинное порабощение евреев: порабощение их законом расоворелигиозной ненависти, единственное настоящее пленение в еврейской истории» (84, гл. 6). В общем-то, довольно притянутая за волосы концепция, вразумительно ничем не доказанная.

Если евреев поработили именно за лихоимства левитов, то почему этим левитам было дозволено установить вновь власть над евреями в

плену? Почему их вообще не истребили, как истребили жрецов у ацтеков за их человеческие жертвоприношения? Христиане навязывали побежденным народам христианство, почему же религия вавилонских магов не была навязана евреям? А может, все так и было?

Итак, евреям было, якобы, разрешено вернуться в Палестину, но и по сей день не ясно, с чего бы так Киру было раздобриться и волноваться о каком-то не совсем симпатичном племени? И отчего-то далеко не все евреи кинулись в «землю обетованную»?... Или ее вовсе не существовало тогда в религиозном сознании евреев, а была просто бог весть когда утраченная родина, о которой через три поколения и думать позабыли? Это после рассеяния Палестина держалась в сознании иудеев, но ведь именно как религиозный фактор, именно как «земля обетованная» самим Богом!

Возвращение состоялось в 538 году до н.э., пришло порядка 42 тысяч человек. Иисус, сын Иоседеков и Зоровавель, сын Салафиилов записаны как религиозные вожди, сразу начавшие по прибытии строительство храма, в чем им как могли мешали самаритяне через персов.

И вот, в 458 году до н.э. появляется главное действующее лицо – Ездра, «книжник, сведущий в законе Моисеевом» (1Езд. VII, 6). Странно, конечно, что появился он через 80 лет после возвращения – разве не нашлось на то время другого книжника, способного объяснить Закон, и евреям пришлось ждать едва ль не век, за который они порядочно, если верить Ездры и Неемии, нагрешили? Заметим, что Навуходоносором II было уведено в плен около 10% евреев, остальные же 90% оставались на своих землях. Вопрос: отчего у 90% евреев не сохранились ни Закон, ни иные основные предписания, но все эти «ценности» перекочевали в Вавилон – не родились ли они там, в Вавилоне? Отчего Ездра фактически сталкивается с народом-«белым листом», на котором не зафиксировано ни единого основного иудейского догмата – были ли, проще, евреи знакомы с этой религией до Ездры, или они стали жертвой в войне иеговистов за власть над душами? Причем, иеговисты и элохисты – не были ли они частью более обширных интернациональных школ, действовавших в империи Давида?

Удивительно, что прибывает Ездра не только с богатым сбором от евреев, оставшихся в Вавилоне, но и с повелением Артаксеркса II к местным персидским властям: «... все, чего потребует от вас Ездра-священник, учитель Закона Бога Небесного, немедленно давайте:

серебра до ста талантов и т.д.» (1Езд. VII, 21, 22). Кто такой Ездра, чтобы ему оказывалась государственная поддержка? Ясно сказано – Ездра-священник, учитель Закона Бога Небесного. Во-первых, какое дело местным властям и самому Артаксерксу II до какого-то еврейского книжника-левита и религиозного закона ничтожного еврейского племени, чтобы помогать этому книжнику нешуточными средствами? Артаксеркс II боялся мстительного Бога Израилева? А с чего ему бояться племенного еврейского бога, когда он находился под защитой персидских богов и магов? Во-вторых, почему Ездра назван учителем Закона Бога Небесного? Почему не «Бога Авраама, Исаака, Иакова», не «Бога Израиля», не Иеговы, наконец? И Неемия, продолжатель дела Ездры, при опасности тут же говорит не о Боге Израиля, но о Боге Небесном. Проще, не являлись ли Ездра с Неемией халдейскими вавилонскими жрецами, служителями халдейского Бога Небесного? И именно как жрецам-магам им была оказана всемерная помощь государства? Если так, то они не были евреями, но принадлежали к духовному сословию империи, настолько сильному и влиятельному, пишет Е.П. Блаватская, что царь нового государства сделал Вавилон одной из столиц.

Тогда зачем нужно царю персов помогать магам устанавливать иудейский Закон, который обособит евреев от других народов и создаст условия для появления нового, причем, враждебного государства? И было ли так?

Интересно имя одного из еврейских вождей – Зоровавель, или Зоробабель, «семя Вавилона». Очень, замечает Блаватская, еврейское имя!³⁸ Не был ли Зоробабель также персидским должностным лицом, начальником новой колонии, а евреи только рабочими, рабсилой, выходцами из этих мест, немного знающими их и местные языки. Потому Ездра намеренно восхваляет Кира в Торе, чтобы ввести в заблуждение – это была просто колонизация Палестины, в которой Иерусалиму было уготовано стать форпостом. Он строился и расширялся при Неемии, и евреи жаловались, что работа на строительстве отнимает у них возможность трудиться на себя. Кто же тогда Ездра с его Торой, которую именно он возвещает евреям? «Этот самый Ездра может быть в один прекрасный день оказаться Азаром, халдейским жрецом... ренегатом, который вследствие своего желания

---

³⁸ Т. ал-Харири-Вендель указывает, что арабы в древности называли своих детей по имени идолов, которым поклонялись: Абд-ал-Узза, слуга ал-Уззы, к примеру. То есть имя как знак почитания, поклонения. Однако, не один араб не дал бы своему ребенку имя, связанное с объектом ненависти. Вряд ли бы это сделал и еврей.

стать правителем и чтобы создать этнархию, – восстановил старые, утерянные еврейские Книги по-своему» (11, 160).

В этом был убежден и Климент Александрийский: «Так как священные писания погибли в плену у Навуходоносора, то Ездра, левит, священнослужитель, во времена Артаксеркса, царя персидского, стал вдохновенным, проявив пророческие способности, восстановил опять древние священные Писания» (Климент Александрийский. *Stromateis*, XXII, цит. 11, с. 161). «Божественное вдохновение», разумеется, другое название злонамеренной фантазии у Климента Христианского. Точно такое же «вдохновение» посещало Хилкию-первосвященника, который «нашел» книгу Закона во время царя-реформатора Иосии (639-609 гг. до н.э.); если же читать между строк, это указание на союз иеговистской школы и светской власти, совершивших переворот. «Выполняя предписания этой книги, Иосия приказал искоренить культы всех богов, кроме Яхве, уничтожить все храмы и святилища (даже святилища Яхве), кроме иерусалимского, и умертвить «всех жрецов высот» на территории бывшего северного царства. Реформа явилась попыткой внедрения полного и безусловного единобожия, централизации культа Яхве для укрепления царской власти...» (22, с. 105).

Заметим, что до победы жрецов Яхве-Иеговы на территории Палестины были восточные культы, вектор которых указывал на страну-экспортер: Асторет-Астарты из персидских земель, Адона-Амона из египетских, Ваала-Баала-Бэл'а из Вавилона и др. Таким образом, Ездра создал новый культ, стал адептом унифицированного учения и селекционером искусственного народа, о чем далее.

Ездра прибывает в Иерусалим и первым делом приказывает разорвать евреям родственные связи с женами, взятыми из соседних народов. Опять вопросы: когда Зоровавель строил храм и самаритяне предложили свою помощь, почему евреи отвергли самаритян, равно как и другие народы, ибо они, евреи, избранные, и им мерзость соприкасаться с иноплеменными, но когда дело коснулось женитьбы, то евреи как ни в чем не бывало берут себе жен-самаритянок, совсем не опасаясь осквернения? Тут или не было инцидента с самаритянами относительно храма и самаритянского доноса в Вавилон, или не было иноплеменных браков, потому что одно с другим не вяжется (уж как им, бедным, было идти из Вавилона без женщин, это совсем невозможное дело; у них должны были быть свои женщины, и они не нуждались в самаритянских, и если выходили за них, то не по нужде для продолжения рода, а по причинам более естественным – как

представители родственных племен, видевших в перекрестном браке возможность улучшить кровь). Скорее, не было первого, потому что какая нужда Зоробабелю строить евреям храм, а если он строил храм государственной персидской религии, как начальник персидской колонии, то кто ему мог это запретить?

Ездра настаивает на разрыве «нечестивых» браков и исправлении греха «в глазах Господа», но настолько ли был уже страшен и силен Закон, чтобы ради него евреи отвергли своих родных жен, а также детей, от них рожденных? Если Закон появился только-только, в чем убеждено большинство исследователей, то это было бы нереально, и только власть и сила Ездры, вавилонского жреца, могла встать над семейными узами. Ездры, полагаю, нужен отделенный народ, замкнутый и легкий в порабощении.

Дело Ездры продолжил Неемия, категорически запрещая перекрестные браки, которые евреи в отсутствие Ездры вновь заключали. У Ездры сказано, будто бы евреи сами решили расторгнуть браки. Если это так, то отчего они после смерти Ездры поменяли свое решение? Или дочери Ханаана были невыносимо красивы? Просто: ослабла власть, и все возвратилось на круги своя. Говорит Неемия: «И в те дни я видел Иудеев, которые взяли себе жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок, и оттого сыновья их вполнину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, а некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей их и за себя» (Неем. XIII, 23-25). Дополнительно узнаем, что иудейский язык, похоже, появился при новаторах Ездры и Неемии³⁹. Халдеи не могли выдумать иной язык; значит, иудейский был транскрипцией халдейского, с национальным колоритом. Заметим, что все попытки проследить еврейский язык за время Ездры не увенчались успехом.

Неемия отбирал новых служителей Закона – «восстановил службы священников и левитов» (Неем. XIII, 30). От Ездры и Неемии, от их спутников, помогавших им, от нового жречества пошли фарисеи (от «фарс», «парс»). Если судить по названию этой секты, вряд ли она зародилась у этнических евреев. Евреи, выходит, просто были третьим сословием, жертвами властолюбия жрецов Вавилона. Как Ездра и Неемия, жрецы были персами, и только позже были

³⁹ Израильтяне после провозглашения Израиля освоили иврит в рекордное время – не в первый раз, выходит!

замещены сформировавшимися еврейскими религиозными фанатиками.

Конечно, Ездра не выдумал заново Священное Писание евреев, но просто переделал его в соответствии со своими целями. Первым к этому выводу пришел Бенедикт Спиноза: «Если мы теперь обратим внимание на связь и содержание всех этих книг, то легко заключим, что все они написаны одним и тем же историком, желавшим написать о иудейских древностях от первого их начала до первого разрушения города. Эти книги ведь так взаимно связаны, что по одному этому мы можем распознать, что они содержат только один рассказ только одного историка. Ибо, как только он прекращает рассказывать про жизнь Моисея, он переходит к истории Иисуса так: «И случилось после того, как умер Моисей, раб Божий, что Бог сказал Иисусу» и пр. И, окончив ее смертью Иисуса, он таким же переходом и связью начинает историю Судей... присоединяет книгу Руфь... первую книгу Самуила... не окончив еще истории Давида, он присоединяет первую книгу Царей... вторую книгу. Потом соединение и порядок исторических рассказов также указывают, что был только один историк, поставивший себе известную цель: он ведь начинает рассказ с первого появления еврейской нации, потом говорит по порядку, по какому случаю и в какое время Моисей издавал законы и предсказывал им многое; потом, каким образом, согласно с предсказаниями Моисея, они вступили в обетованную землю (см. гл. 7 Втор.), овладев же ею, они перестали соблюдать законы (Втор. XXXI, 16), вследствие чего их преследовали многие бедствия (Втор. XXXI, 17). Далее рассказывается как они пожелали избрать царей..., у которых дела оканчивались благополучно или несчастливо постольку, поскольку и они соблюдали законы..., и наконец, автор рассказывает о падении государства, как предсказывал об этом Моисей. Остальное же, что несколько не служит упрочению закона, он или совсем обходит молчанием, или отсылает читателя к другим историкам. Итак, все эти книги клонят к одному, именно: научить изречениям и постановлениям Моисея и доказать их посредством хода событий... мы заключаем..., что все они (книги) были написаны только одним историком. Кто же именно он был, это я не могу показать так ясно; подозреваю, однако, что это был сам Ездра, и есть некоторые солидные данные, на основании которых я делаю догадку. Ибо так как историк... доводит историю до освобождения Иехонии и, кроме того, прибавляет, что тот обедал за царским столом в продолжении всей его жизни..., то отсюда следует, что раньше Едры

он не жил. Но Писание ни о ком из живших тогда, кроме одного Ездры, не свидетельствует..., что он прилагает свое старание к отыскиванию закона Божия и приведению его в порядок... Эта книга (Второзаконие) была первая из всех, про которые я сказал, что он написал... она содержит законы отечества, в которых народ больше всего нуждается, а также потому, что эта книга не соединена с предшествующей никакой связью, как все остальные, но начинается самостоятельным предложением: «Вот слова Моисея» и пр. А после того как он окончил ее и научил народ законам, тогда, я думаю, он приложил старание к тому, чтобы написать всю историю еврейской нации...» (93, с. 212-216). Заметим, что Ездра не мог высосать историю еврейской нации из пальца. Он попросту переделывает азиатскую и общечеловеческую историю, замещая все действующие расы и народы евреями, имея целью оболванить облюбованный народ.

Итак, реформатор древней религии найден, теперь осталось проследить, как его идеи утвердятся исторически, как выкорчуют остатки древней восточно-азиатской системы и как изуродуют народ, их исповедующий.

Реформа Ездры

Особой новизны в учении Ездры не было, потому оно без особого сопротивления было усвоено евреями. Имя Бога осталось тем же, что и при Давиде, т.е. выстроенным на буквах Йод, Хе, Вау и Хе, с разнообразной транскрипцией – ИВНН – Яхве, Иахве, Иах, Иеховах-Иегова. Только запросы его разрослись, и «обетования» умножились: евреи стали избранными (интернациональными иеговистами), Палестина завещанной, а народы – предназначенными в конце концов быть под властью иудеев, то есть сторонников иеговистов. Если же принять во внимание, что имя «Иудея» и «иудеи» были давно распространенными в Азии, и вовсе не принадлежали евреям, то не евреям предназначалась власть над народами, а... Тот же Йемен раньше иногда называли Иудеей, а Сиам Иудией, и в Индии была Айдохья, храм Соломона мог быть храмом Солом, или Мира, коих было без числа, имена Савл и Давид распространены в Афганистане и по всей Персии. Я хотел этим сказать, что «обетования» Ездры относились не к евреям, а к иудеям, т.е. последователям возможно, более древнего учения и школы, чем мы думаем, а в нашем случае больше к его держателям, т.е. жрецам Ездры, правящему сословию над евреями.

Ездра являлся установителем многих нововведений и религиозных законов. Например, Субботы, или Саббата. Иудейский Саббат был, возможно, и до Ездры, хотя, просмотрев Псалмы Давида, я не нашел никаких упоминаний о субботе, кроме названия Псалма 37 «В воспоминания (о субботе)», где, впрочем, о субботе также ни слова. Поэтому есть некоторые основания считать Саббат нововведением Ездры.

Оригинален ли Саббат? По преданию, Бог сотворил то, что желал сотворить за 6 дней и в день седьмой успокоился от трудов своих, что и завещал иудеям. Саббат был камнем преткновения среди раввинов-толкователей, и, как сообщает Ориген, их измышления превосходили всякую меру невежества: один говорил, что в этот день иудей не должен вставать с кровати, другие – что не должен завязывать шнурки на обуви, третьи – проводить день в том положении, в котором он их застал, и т.д.

Суббота, как день недели, посвящена Сатурну, изображаемому как старец, аскет. Саббат в одном смысле переводится как «старость». Два других значения более интересны. «В старом коптском языке Сабе означает мудрость, ученость. Современные археологи нашли, что еврейский саб означает седоголовый, и потому день Саба должен быть тем днем, в который «седоголовые люди» или «старейшины» племени имели привычку собираться вместе для совещаний или жертвоприношений». Таким образом, шестидневная неделя с седьмым, Саба или Сапта-днем, пришла к нам с глубочайшей древности» (10, II, с. 354-355).

Седьмой день, начинавший новую фазу Луны (древние праздники привязывались к Солнцу и Луне), был священным для жрецов, днем их собраний и священнодействий. Отсюда и почитание числа семь. Таким образом, евреи имели праздник, уходящий корнями в глубокую древность, за пределы бытия их религиозной системы. Возможно, Саббат был установлен Ездрой только для иудеев, т.е. жрецов, но потом стал «достоянием» всех иудеев, т.е. верующего народа. Ведь бывает так в истории: жрецы носят имя своего Бога, а затем народ усваивает имя своих жрецов и многие их праздники, установления – брамины, к примеру, стали собирательным именем индусов, а инки-жрецы теперь инки-народ, и даже русские, по одной интересной гипотезе, стали русскими через ассимиляцию самоназвания своего избранного жреческого сословия. Вполне так могло быть в Иудее.

Еврейская история, излагаемая по Пятикнижия, Книгам Судей и Царей, была переписана Ездрой. Моисей, Соломон – возможно, это не более, чем идеальные образы, носители народной или жреческой мудрости, выставленные на поклонение, но не имеющие личной истории. Если применить математический ключ, то окажется, что Моисей является каббалистической пермутацией Иеговы, потому что числовая сумма имени Моисея 345, а Иеговы 543 («The Source of Measures», цит: 12, II, с. 587). Возможно, возникнет сомнение по поводу таких методов исследования, но они лишь восстанавливают каббалистические методы (Темура, Гемантрия, Нотарикон и др.), с помощью которых и создавались религиозные загадки и аллегории. Почему бы не пройти древним путем?

С Соломоном в каком-то смысле еще проще. Имя его, Сол-Ом-Он составлено из трех слогов, трех Имен Бога у разных народов. В уста его вложена мудрость веков. Соломон может быть таким же реальным царем евреев, как Вьяса – автором «Махабхараты». «Вьяса» на санскрите «толкователь», «открывающий», и разные «Вьясы» написали «Махабхарату» и собрали Веды, основали одну из школ индийской философии Миманса; в Пуранах упоминается о 28-ми Вьясах. В общем, из Соломонов, идеальных царей древности, Ездра делает Соломона, царя иудейского.

Относительно колен, или 10-ти израильских родов: кто их видел, кто их знал, кто о них писал? Кроме как в Торе, нигде больше никаких упоминаний. И это очень удивительно. Подумать только, один Соломон истратил на постройку пресловутого храма 8000 миллионов золота, жил с великой роскошью, превосходящей царствование Кира и Креза, но все осталось незамеченным и не оцененным историческими анналами, отличными от иудейских! А ведь Соломон поклонялся и другим богам, а значит, имел контакты с чужестранцами, за что его империя, якобы, была разрушена в наказание после его смерти Иеговой; он принимал других царей – царицу Савскую, к примеру, – так отчего же слух о столь великом и мудром царе не прошел по всему подлунному миру? Кстати, то же Геродот, родившийся в 484 году до н.э., ни словом не обмолвился и израильтянах, хотя и описал все известные на тот момент народы. Были ли тогда израильтяне, или это самоназвание появилось еще позже? Очень удивительно! Но...

«Птолемей, говоря в своей девятой таблице о Каболит'ах или племенах Кабула, называет их Aristophyli, аристократическими или благородными племенами. Афганцы называют себя Бен-Израиль,

детьми Ис(са)раиль от Исса, «женщины и также земли», сынами Матери Земли. Но если вы назовете афганца Яхуди (еврей), он убьет вас. Имена предполагаемых двенадцати племен евреев и имена настоящих двенадцати племен афганцев тождественны. Но так как афганцы гораздо древнее, (всяком случае их арабская группа), нежели израильтяне, то никто не должен удивляться, встречая такие племенные имена между ними, как Юссуфцик, сыновья Иосифа в Пунджоре и Бунере, Заблистани (Зебулон); Бен-Манассе, сыновья Иосифа среди Кхожар-Тартар; Исагури – или Иссашар, ныне Ашнагор в Афганистане и др. Все двенадцать имен, так называемых двенадцати племен, суть имена знаков Зодиака, как это вполне доказано теперь. Во всяком случае, имена древнейших арабских племен, будучи вновь переведенными, дают имена знаков Зодиака, так же и имена мифических сыновей Иакова. Где следы двенадцати племен еврейских? Нигде. Но есть след, и очень глубокий, что евреи пытались обмануть народы с помощью этих имен...» (12, II, с. 252).

В чем же проявлялся этот обман? Вот один из примеров: «Что же Иосиф нам рассказывает? Он говорит, что Птолемей Филадельф, захотев прочитать еврейский Закон по-гречески, написал Елеазару, первосвященнику евреев, прося его прислать к нему по шесть человек от каждого из двенадцати племен, которые должны сделать для него перевод. Далее идет поистине волшебный рассказ, который удостаивает нас Аристеас, об этих семидесяти двух из двенадцати племен Израиля, которые, будучи заперты на одном острове, завершили свой перевод ровно в семьдесят два дня и т. п. Все это очень поучительно, и почти не осталось бы причин сомневаться в правдивости этого повествования, если бы в нем не играли роль «десять потерянных племен». Как могли эти племена, потерявшиеся между 700 и 900 годами до Р. Х., послать каждое по шесть человек спустя несколько веков, чтобы удовлетворить каприз Птолемея и после этого сразу исчезнуть с горизонта? Чудо, поистине!» (11, с. 161).

Таким образом, от Ездры евреи-иудеи получили новый культ, с идеальными персонажами и переиначенным смыслом, праздниками, «национальную» историю, выкроенную из мировой, а также 11 дополнительных колен, их которых доподлинное известно только левитское, от Левии, нещадно эксплуатирующее изначальное и единственное, Иудино, и много других интересных вещей.

Завершение Отступления

Относительно изложенного в Отступлении можно сказать, что еврейского народа, как исторической общности, не существует, а существует секта иудеев, приверженцев искусственной религии; эта секта была создана персидскими жрецами на основе всеобщих азиатских религиозных представлений. Секта имела время и возможности для изменения сознания еврейского народа, насильно выделенного из вавилонской диаспоры еврейских пленников: после завоевания Александром Македонским персидской державы Иудея отошла под греков; когда империя Македонского развалилась, Иудея оказалась во владении Антиохии, более слабого государственного образования. К этому времени секта уже владела сознанием народа, что отмечает, к примеру, Диодор (I век н.э.): «Евреи не смешиваются с другими народами, а смотрят на них как на врагов». Таким образом, евреи как религиозная общность существовали менее пяти веков, а как народ – лишь до вавилонского плена, из которого они не вынесли ни религии, ни языка, ни культуры, ни даже истории, если не считать историей мифы, событийность которых практически не подтверждается историей смежных народов.

Причинами Иудейских войн, завершившихся рассеянием, причиной противостояния назареев и иудеев являются религиозные догматы иудеев, введшиеся в кровь и плоть евреев. Они были внедрены, по всей видимости, основным искажителем азиатской Традиции, Ездрой, персидским священником, ставшим первосвященником у отделенных евреев. В долгой войне, продолжавшейся более трех столетий, его последователи взяли верх над назарейскими представлениями и над самими назареями, истребив попутно родственных евреям самаритян. Однако, наследие назареев не совсем исчезло, но было сохраняемо ессеями, тайными назареями. Положения Каббалы, какие дошли до нас после многочисленных переделок и пересказов, позволяют проследить мировоззрение тайных назареев, оставшихся в живых после рассеяния. Вряд ли они были конкурентами христиан, так как жили среди иудеев. Однако, анализ положений Каббалы еще раз может привести нас к одному и тому же источнику – к восточным системам.

Каббалисты

Вообще, сравнительный анализ Каббалы и гностических систем я считаю затруднительным. Дело в том, что на русском языке Каббалу

пока прочитать невозможно (наверняка перевод есть, но сохраняется для «верных»), зато есть Каббала в 20-ти томах на языке оригинала, которую можно взять на специализированных сайтах (к примеру, <http://barnascha.narod.ru/books>).

В Европе в XIX веке и раньше выходили переводы Каббалы, например, в книгах Розенрота “Liber Mysteriorum” и “Kabbala Denudata”, из которых цитирует Блаватская, есть отдельные части Каббалы в трудах Пико де Мирандолы, Элифаса Леви, Папюса, Фабра де Оливе. Есть масса современных иудейских толкований, которые в силу своей предвзятости не могут считаться научными, как то труды популяризаторов Каббалы Филиппа Ш. Берга или Михаэля Лайтмана. Единственный сайт на русском языке, посвященный изучению Каббалы – http://www.kabbalah.info/ruskab/index_rus.htm – содержит в основном труды школы Лайтмана. Та «Книга Зоар», которая имеется на этом сайте, представляет собой лишь отрывки из «Зогара», составной части Каббалы, с обширными комментариями самого Лайтмана. В принципе, и этих небольших отрывков вполне хватит, чтобы провести сравнительный анализ.

Но перед этим необходимо сказать о каббалистических трудах. На сегодня из теоретических трудов каббалистов на слуху только «Зогар» («Сияние») и «Сефер Йецира» («Книга Творения»), составляющие Каббалу. Первую книгу иудеи приписывают Симеону бен Йохаю, выдающемуся раввину⁴⁰, жившему на стыке эр, вторую книгу – самому Аврааму. До XIII века иудеи в массе не знали о существовании Каббалы, и в общем-то, не нуждались в ней. Все интерпретации Торы ученых раввинов опирались на более ранние толкования, входящие в Мишна Ришона и Мишна Ахрона. Вся совокупность комментариев и предписаний входит в общий сборник Талмуда. Каббала представляла с самого начала альтернативное направление, по своему разъясняющее Тору и все загадки мира и людей – с помощью аллегорий, что было всегда крайне негативно воспринимается ортодоксальными иудеями, отстаивавшими буквальный смысл Писаний.

В XIII веке Каббала появляется из небытия благодаря испанскому раввину Моисею де Леону. Моисей де Леон совершил нечто похожее на деяние Ездры (а до него – Хилкии), также вытащившего Закон из-за пазухи. Многие исследователи, и в первую очередь Спиноза, доказывают, что Закон Ездры не является Законом Моисея, но представляет собой сплав истинных сведений и привнесенных,

⁴⁰ Разумеется, Симеон Бен Йохай признается одним из столпов иудаизма, в то время как является передатчиком до-иудейской Традиции.

причем общий вектор воздействия этого наследия оказывается в пользу привнесения, то есть сектанства, служившего личным целям Ездры и корпоративным целям его школы иудаизма.

По аналогии, явившаяся Каббала, в чем уверена Блаватская, представляет собой точно такой же сплав. И способ создания этого сплава также остался неизменным. Например, повествование в «Зогаре» часто ведется от третьего лица, и повествуется о событиях, в которых Симеон бен Иохай присутствует опосредованно – например, в случае моления раввинов Хия и Иосифа о возможности видеть Симеона бен Иохай. Точно также от третьего лица ведется повествование в Торе о Моисее, который якобы написал Тору.

Как сообщает W.W. Westcott в «Теософском словаре», «дабы опровергнуть теорию, что «Зогар» является древним в своей целостности, отмечено, что в нем упомянуты крестовые походы; что цитируется гимн Ибн Гебиrolа, 1050 г. н.э.; что о предполагаемом авторе, Симеоне Бен Иохай, говорится как о более великом, чем Моисей; что в ней упомянуты гласные точки, вошедшие в употребление, лишь когда раввин Моха (570 г. н.э.) ввел их, чтобы утвердить произношение слов в помощь своим ученикам, и, наконец, что в нем упомянута комета, которая появилась в 1264 г., что можно доказать на основе контекста». (13, с. 177)

Отсюда, нельзя совершенно доверять Каббале, особенно в тех положениях, когда она противоречит гностическим системам. Например, когда читаем *«управляющий всем морем по имени Рахав ... благословляет святое имя Творца и обязуется поглотить все, с первых дней творения, и собрать все вместе в себе, когда все народы соберутся против святого народа, и вода осушится, и пройдет Израиль по суше»* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, пункт 5) – понимаем, что это совершенно иудейская мысль, которая противоречит всем гностическим положениям⁴¹. Переведенный «под Тору» «Зогар» был нужен иудеям, взявшим Каббалу на службу Талмуду. Современные хасиды очень технично пользуются Каббалой для доказательства божественности и избранности народа Израиля, его полного превосходства над другими народами, и для доказательства других сходных положений, что вряд ли могло прийти в голову настоящему автору «Зогара». Таким образом,

⁴¹ Впрочем, если воспринимать Израиль как избранное, то есть «духовное» – по Сатурнину – человечество, осушение вод – как победу над материализмом (mater – материя, иллюзия), то, возможно, речь идет о неких апокалипсических временах, и это очень сходно по звучанию с документом ессеев из Наг-Хаммади «Война Сынов Света против сынов тьмы».

адептами иудаизма Каббала представляется в подтверждение Закона и Завета, используется в качестве опоры иудаизма.

Христианские ученики иудейских раввинов переводили «Зогар» с наименьшим пристрастием, и каббалистическая троица становилась троицей христианской. Однако, и через вековые сектантские наслоения даже сегодня вполне возможно разглядеть реальные остовы этой древней религиозно-философской системы. Они же, эти остовы, указывают на восточное происхождение каббалистических доктрин. Впрочем, вначале нужно указать на явное подтверждение Каббалой доктрин гностиков.

В «Каббале» в главе 4 «Имена Божии» Папюс дает 10 имен; «каждое из этих имен выражает особое свойство Бога, то есть активный закон природы и один всеобщий центр действия» (69, с. 138). Эти имена идут в следующем порядке:

1. Эхие(х)
2. Иа(х)
3. Иехова(х)
4. Эль

... и так далее. Как видим, имя Иехова(х), получившееся от прочтения еврейских букв йод, хе, вау и хе, стоит на третьем месте, и вовсе не на первом. Таким образом, Иегова подслужебен первому и второму имени. Имена соотносятся с Сефиротами (Архангелами христиан). Как пишет Папюс, «Зогар сравнивает десять сефиротов с десятью прозрачными сосудами различных цветов, через которые блещет, под десятью разными видами, центральное пламя Единицы-Синтеза» (69, с. 166). Нет никакого сомнения, что еврейские Сефироты суть гностические Эоны. И если первое имя (свойство) Эхие(х) соотносится с Сефирой Кэтер, Коронай, второе имя Иа(х) принадлежит Сефире Хокма, Мудрости, то третье имя Иехова(х) есть свойство Сефиры Бина, Разума.

У этого имени несколько вариантов звучания – Иехова(х), Иеве, Иегова; вряд ли они означают различные функции, скорее просто являются фонетическими вариантами либо масоретской уловкой. На с. 153 дается вариант написания имени Иеве в треугольнике, а на с. 165 говорится, что данное начертание обозначает «священное слово Иегова», что указывает на тождественность этих имен.

Наконец, «Иеве – совокупность мужского и женского начал, вечно порождающих живущую вселенную» (69, с. 171). Из этого ясно, что Иегова (явно не личность, но «совокупность... начал») является творцом «живущей», или, как сказали бы христиане, «тварной»

(сотворенной) вселенной, мира. Это не Источник, из которого изошло Бытие, Плерома, так как этот Источник не имеет в себе двойственности, все той же «совокупности мужского и женского начал»⁴², но является единым и однородным центром Непроявленного мира, Плеромы. Тогда как Иегова является центром Проявленного мира, где все двойственно, так как изошло из природы Творца-Иеговы. Эту двойственность Блаватская видит как союз Йод, мужского начала, и Нева(х), женского начала, которые ничто иное, как совокупность разумов, населяющих (образующих) Проявленный мир.⁴³

Однако, Иегова присутствует в первой Троице Сефиротов. По мысли гностиков, творение осуществляется тремя шагами, и Бина является третьей Эманацией. Плерому составляют чистые качества-свойства, не имеющие в себе двойственности, Иегова же двойственен. Эта загадка опять же разрешается с помощью гностических систем. София порождает Софию Ахамот (Sophia-Nakamot) – у Валентина, Владыка Абатур является отцом Фетахила, творца мира и людей – у назареев («Кодекс Назареев» Бардезана), третья сизигия Разум-Мысль разделяется на Разум, остающийся в сфере Отца-Первоогня, и Мысль, отпадающую от Первоогня и создающую мир, «средоточием которого... должен был стать человек» – у Симона Волхва («Философумена», цит. 52, с. 20-21). Таким образом, самый низший Эон Плеромы у гностиков является Отцом Создателя мира, и хотя сам входит в Плерому, его отражение уже двойственно. У гностиков этот Эон всегда находится в связи со своим творением. У евреев-каббалистов, по всей видимости, Бина-Разум объединен со своим отражением Иеговой, и рассматривается в совокупности.

Из изложенного ясно, что Иегова был богом фарисеев, или, как говорит Блаватская, племенным богом евреев. Ученые евреи знали, что Иегова – не первое звено в иерархии Сефирот. Они понимали, что имя Иеговы, помещаемое ортодоксальной иудейской школой на вершину Бытийной лестницы, использовано в полном смысле для

⁴² Единица, согласно гностиков, имеет пару, которая, тем не менее, есть более низшая Эманация; Иегова двойственен внутри себя

⁴³ Интересно, что Иегова «привязывается» к горе Синай и к луне Син; его эмблемой часто является луна. Выражение «подлунный мир», по всей видимости, имеет несколько большее описательное значение, нежели только мир под физической луной. Это действительно мир Проявленный, включающий в себя и многие невидимые миры, населенные развоплощенными разумами, которые эллины звали обще предками, ларами, а индусы разбивали на великое множество категорий, указывая на основное качество, их объединяющее – форму, «рупа». Выше рупа-миров у индусов располагаются арупа-миры, обитатели которых не имеют формы, но являются «дыханиями».

разжигания национализма в крайней религиозно-экзальтированной форме. Их война против синагоги была проиграна, но приход Иисуса Христа вновь оживил – впрочем, вряд ли вначале значительно – их надежды. После того, как чаша пролилась через край, и Павел вынес давний спор за пределы еврейской общности, контр-иудейские школы – нет, они не перешли в христианство, но – трансформировали свои представления, а вскоре и вовсе отделились от иудеев. Их Христос не был Иисусом Христом, богом последовавшей христианской церкви. Он был противником Иеговы, посланцем Плеромы, их старым знаменем. Но новой христианской религии это знамя не подошло.

Итак, какие сходства мы наблюдаем между системой каббалистов и системами гностиков, а также восточными доктринами?

1. У гностиков Плерома образуется тремя парами-сизигиями, последовательно исходящими друг из друга, тремя шагами. Первую Троицу каббалистов составляют Кэтер, Хокма и Бина.

2. Над метафизической Троицей стоит *Byhtos*, Нерожденная Глубь, Непознаваемое; у каббалистов над первой Троицей стоит Эйн-Соф, Непознаваемое («Ничто-Ничто»).

3. Схема Сефиротов, которая одинаково дается у всех исследователей и популяризаторов Каббалы, идентична гностическим эоническим системам. Проявленный физический мир исходит из мира метафизического, непроявленного. Метафизический мир обозначается тремя Сефиротами⁴⁴ (даже названия Сефирот, Ум и Разум, согласуются с названиями Эонов), проявленный – семью. Вместе они дают число десять. У гностиков Плерома образуется тремя шагами, и это число три. Демиург-Иегова, создающий семь миров, и землю в последнем из них, дает число семь. Вместе также получается число десять.

Далее я буду приводить избранные места из перевода «Зогара» М. Лайтмана и проводить соответствующие аналогии.

4. *«...ростки – это отцы, вошедшие в разум и вошедшие в будущий мир, в бина, и скрытые там. И оттуда выходят скрытые и скрываются в истинных пророках».* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Кто создал это», пункт 5).

Речь о ростках будущего в человечестве, о носителях великих идей, двигающих историю нашего мира. Хотя иудеи были бы убеждены, что речь дело касается только их пророков, тибетские

⁴⁴ «Эти три сефирота стоят над Бездной, разделяющей Идею и Форму; они составляют Троицу, Триаду, Триединство, это начальная форма, от которой происходят все материальные существования» (28, с. 438)

буддисты признали бы здесь изложение своей доктрины о «тулку», великих воплощениях. Но главное в том, что «бина» назван будущим миром. И у Валентина мы находим следующее воззрение – когда духовные люди усовершенствуются в знании всего духовного, наступит конец мира; Sophia-Накамоти войдет в Плерому и обретет свою мужскую половину. Вслед за ней войдут в Плерому и люди духовные, их души станут невестами Ангелов (см. статью «Валентин»). Плерома называется миром будущим, куда войдет лучшее человечество – аналогично в «Зогаре». С тем различием, что утверждается о вхождении в Плерому лучших людей в прошлом (в Нирвану у буддистов можно войти в любой момент времени, если удастся пробудить в себе природу Будды); также, Плерома у Валентина в данном случае не дифференцируется. Но последним «шагом» Валентин называет Первого Человека (Antropos) и Святое Собрание (Ecclesia, Церковь). Своим Прародителем иудеи считают Авраама, и полагают, что в конце мира будут взяты в его «клоно»; без труда в Аврааме угадывается Antropos (Человек) Валентина. Таким образом, в этой точке будущего человечества сходятся каббалисты, гностики и даже ортодоксальные иудеи.

5. *«Есть в нем вопрос, чтобы спрашивал человек, исследовал, чтобы видеть и знать все ступени, до конца всех ступеней, до малхут».* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Кто создал это», пункт 8). Малкут в Каббале – физический мир Земли.

Это призыв к исследованию всего, что находится в мире («все ступени»), от малкут до первой сефиры. Точнее, наоборот. Можно, конечно, подумать, что автор ошибся, ведь исследование идет снизу вверх. Но здесь может быть также выражена восточная доктрина, утверждающая последовательное падение сознания в материю, из высших сфер в низшие – с задачей возвращения после обретения знания и опыта, раскрытия в каждом носителе мирового сознания внутренней потенциальности, божественности, сверх-разума. Впрочем, это одно из аллегорических прочтений, но буквально же мы видим именно призыв к обретению знания и опыта, к исследованию. Как это противоречит иудаизму и его побочной ветви христианству! Ведь адепты данных систем считают человеческий разум явлением греха, не меньше. Они полагают, что на первой и единственной позиции в человеке должна стоять вера – разумеется, в догматику данных систем. Разум, способный поколебать догмы и разрушить их, объявлен врагом, исследования и познание объявлены греховным действием. Конечно, эта крайняя точка зрения, но представители

других воззрений среди иудеев и христиан только увеличивают количество позиций, на первом же месте неизменно оставляя веру, с ее решающим словом во всех вопросах – веру в догматику своих церквей.

Гностики были однозначно исследователями, признававшими совокупность веры и познания. Их вера опиралась на опытно установленные критерии, которые были также не запрещены для познания. Как видим, каббалисты с ними совершенно согласны. И это восточная точка зрения, гласящая, что разум является как виновником человеческих несчастий, так и средством для спасения и выхода из круга бесконечных воплощений в рупа-мирах.

6. *«Бойтесь Моей святости» – это точка, стоящая в центре, которой нужно бояться более всего, потому что ее наказание – это смерть, как сказано: «Прегрешающие в ней умирают». Кто они – эти прегрешающие? Это те, кто вошел в пространство окружности и квадрата и согрешил. Потому сказано «Бойтесь!» Эта точка называется «Я», и на неё есть запрет раскрывать её, называемый АВА"Я. «Я» и АВА"Я – это одно целое». («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Погонщик ослов», пункт 85). АВА"Я – один из вариантов произнесения четырех букв, составляющих имя Иеговы, заключающийся в обратном прочтении букв. («Вошла буква вав и сказала: «Хорошо мною создать мир, потому что я буква из твоего имени АВА"Я». Ответил ей Творец: «Вав! И тебе, и букве хэй должно быть достаточно того, что вы находитесь в Моем имени», (там же, трактат «Буквы раби Амонасаба», пункт 35)*

Как можно понять, «я» человека идентично «Я» Иеговы, или просто Иегове. Это чрезвычайно важный момент. Каббала утверждает тождественность (в высшем смысле) Творца и его творения – человека, утверждает божественность человека. Иудеи, и вслед за ними христиане, отводят человеку роль игрушки в руках бога, роль существа, отличного от Творца, поэтому обреченного пресмыкаться перед своим Творцом, выпрашивая спасение. В свое время ариане восстали против этого догмата, утверждая, что человек имеет право на жизнь вечную, поскольку он внутренне божественен, и раскрытие этой внутренней потенции неизменно приведет его к жизни вечной. Ариане умаляли роль церкви, как просительницы перед ликом Творца за спасение христиан, попросту отрицая эту функцию, так как человек в силах был сам добиться искомого

спасения. Воззрения ариан были всецело восточными; на личном спасении основаны буддизм, индуизм, даосизм.

Призыв бояться греха тем, кто вошел в точку, стоящую в центре, то есть достиг самосознания, понятен тому, кто знаком с восточными доктринами. Все усилия учеников, скажем, Благородного пути направлены к выходу из бесконечной череды перевоплощений. Произойти это может через создание условий, способствующих озарению – известных, как Аштанга (восьмеричная) йога – и осознанию собственной природы Будды, самосознанию. В системе Адвайта-веданты этот результат обозначен совершенно конкретно – осознание природы собственного «Я», тождественной природе «Я» Мира. Тот, кто достиг этого, освобождается из цикла воплощений, однако, может воплощаться в человечестве сознательно, с определенной миссией – пример боддхисаттв, не уходящих в Нирвану, остающихся с человечеством. Однако, «прегрешающие в ней (в точке «Я») умирают», то есть отбрасываются вновь в череду воплощений, в мир людей, в состояние сознания, которое по сравнению с обретенным Сознанием равнозначно смерти по сравнению с жизнью.

7. «Самый уважаемый из тридцати – это высший, получающий свыше и передающий вниз, получающий и приближающий. Но не являющийся к трем, а те являются к нему и отдают ему все сердце, но он не является к ним». («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Погонщик ослов», пункт 103).

Речь о 30 Эонах. Ключом к этому пункту служит система Валентина; Плерома состоит из 30 Эонов, венчается Nous, кроме которого никто не знает Первопричины Мира. В Каббале Nous отражается всеми признаками в Кэтер, венце, который есть «получающий свыше (свет) и передающий вниз» от Первопричины Мира, Эйн-Соф, во все Эоны. Три, к которым он не является, могут быть только вне Плеромы, вне высшей Троицы Кэтер-Хокма-Бина. Следовательно, речь может идти о Проявленном мире. Если снова привлечь на помощь философию Востока, то можно предположить: Три есть высшие принципы человека, человеческая Индивидуальность, опирающаяся на Четыре, земную четырехпринципную Личность. Поскольку Четыре относятся к земле и телу, то те, кто живут этими принципами, не могут ни познавать духовные вещи, ни быть спасенными – физические люди в системе Валентина. Три высших принципа, согласно гностикам и восточным системам, человек получил Свыше, и только живя ими, он может

пережить земную жизнь, «спастись» или «попасть в рай», говоря христианским языком. В таком случае этот пункт «Зогара» является указанием на личный путь каждого человека к высшему Принципу Мира. С этим согласны гностики, считавшие, что сотворение человека – дело низших Богов, и верховный Принцип к творению человека отношения не имеет, то есть *«он не является к ним»*. Этот высший Принцип по отношению к Эйн-Соф является Сыном, и... только Сын знает Отца, только через Сына можно прийти к Отцу – на разные лады повторяет Евангелие.

8. *Нижний райский сад, в нем стоят все праведники, одетые в драгоценные украшения, подобные по свойству и виду тем украшениям, в которых они были в этом мире, что называется, в том же виде, как люди в этом мире, согласно действию человека в этом мире. Стоят там и улетают по воздуху оттуда, поднимаются на собрание в высший райский сад, летают там, омываются в росе чистой реки Афарсэмон, нисходят и парят внизу, в нижнем райском саду.* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Погонщик ослов», пункт 109).

Идентично представлению гностиков о рае для праведников и рае для духовных: «Sophia-Накамоht войдет в Плерому и обретет свою мужскую половину. Вслед за ней войдут в Плерому и люди духовные, их души станут невестами Ангелов. Демиург займет место своей Матери, и в нем обретут высшее бытие праведники». (см. изложение учения Валентина). Хотя праведники в «Зогаре» могут жить в обоих райских садах, тем не менее, зачем тогда два сада, когда хватило бы одного для одной категории праведников – значит, праведников должно быть также две категории; одни показываются как люди, вторые – как *«сияние высшего света»* (там же, пункт 110). Попутно выясняется каббалистический аналог Плеромы и Нирваны – *река Афарсэмон*.

9. *«И все друзья, находящиеся в свадебном зале невесты в эту ночь, следующую за праздником Шавуот, обязаны вместе с женихом стоять под хупой и быть с ним всю ту ночь, и веселиться с ним исправлениям невесты, т.е. учить Тору, затем Пророков, затем Святые писания, а затем и мудрость, потому что именно эти исправления и есть украшения невесты. А невеста исправляется и украшается ими и весела с ними всю эту ночь».* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Ночь невесты», пункт 125)

Отличный пример видимой вставки. «Исправление невесты» «расшифровывается», когда в этом нет совершенно никакой нужды.

Понятно, что исправление невесты есть улучшение нравственности народа, невесты Логоса, но Моисей де Леон, либо другой иудей, внесший свое «т. е.» и стремящийся обратить остатки «Зогара» на службу Талмуду, здесь явно переусердствовали. Каббала насквозь аллегорична, и уже только это должно говорить в пользу вражды каббалистов и талмудистов. Следовательно, с чего бы каббалисту Симеону бен Иохою рекомендовать к изучению доктрины своих противников? Уж ладно Тору, но остальные «святые» творения Ездры каббалист бен Иохай рекомендовать к изучению не стал бы.

Конечно, христиане поняли бы «невесту» как церковь. «Невеста» проходит через новозаветные писания, крупным планом дана в «Апокалипсисе». Из этого можно сделать вывод, что Иоанн, или другой автор «Апокалипсиса», могли также разуть не христианскую церковь, которая к 70-м годам н.э. еще не успела народиться, но еврейский народ. Именно о евреях, по всей видимости, печется апостол. Кумранские источники, в частности, «Устав общины», обнаруживают чаяния ессеев. Ессеи считают, что их народ погряз в преступлении перед Истиной; «согласно всем этим правилам, (следует) утвердить дух святости ради вечной истины, ради искупления вины преступления и греховного отступничества и ради (божьего) благоволения к стране» (97, IX, 3-4), ессеи «описывают лукавства сынов Израиля и все преступления их вины, и их грех под властью Велиала... проходящие в Завете исповедуются вслед за ними, говоря: «Мы лукавили, ... нечестиво поступали мы [и отц]ы наши до нас поведением нашим...» (97, I, 23-25).

Но наибольший интерес вызывает образ ночи, ночи невесты. Ночь – бдение невесты перед браком. Одновременно, ночь – владычество темных сил, а в восточной философии – эра мирового зла, Кали Юга. Возможно, «Зогар» утверждает, что еврейский народ, «невеста», находится под властью сил зла. Ессеи считают, что евреи находятся под властью Велиала. Их апокалипсическую ненависть к «сыновьям преисподней», властвующих над евреями, затем переймут христиане, распространившие свою ненависть на Римскую империю и императоров – христиане, как всегда слышавшие звон, но не знающие где он. «Зогар» утверждает, что праведники должны быть вместе с народом, печься о нем, и верить, что ночь скоро сменится днем и... свадьбой. Гностики также веруют, что придет время разделения «агнцев и козлищ», которое всем воздаст по заслугам. Пока же идет битва между дьявольским и духовным человечеством. Таким

образом, «Зогар», гностики и восточные представления согласуются в вопросе ночи.

10. *«Говорит об остальных в мире, которые не слушаются Творца и которых Он не желает слышать? Но они по всей земле сделали линии, т.е. эти вещи делают линию из находящихся наверху и из находящихся внизу. Из одних – создаются небосводы, а из других, из их возвращения, создается земля. А если скажешь, что они же кружатся по миру на одном месте, говорится, что и в конце мира они. А потому как создались из них небеса, кто же находится в них? Вернулся и сказал: «Для солнца есть там укрытие в них. Это то святое солнце, называемое з’а, там его место поселения и нахождения. И украшается оно ими».* («Зоар» с комментариями М. Лайтмана, трактат «Ночь невесты», пункт 141-142)

Вот и полное доказательство правоты гностиков в вопросе о Иегове, боге евреев. Этот пункт говорит о тех, «кто не слушается Творца и которых Он не желает слышать», то есть о тех, кто выше Творца-Иеговы, чего Иегова не желает признать. Валентин говорит, что Демиург возомнил себя богом и сказал через пророков – нет бога, кроме меня. В силу этого он был обречен враждовать с высшим Эоном – Христом. Создание духовного человека также осуществлялось, согласно гностикам, только посредством Иеговы (Валентин) или без него (Сатурнин), потому что в нем не было того, что делало человека человеком, но только ползающим червем (Сатурнин), и этой силой человек был наделен от матери Демиурга-Иеговы (Валентин) или из самой Плеромы (Сатурнин).

Комментарий «т.е.» можно смело опустить, так как он вводит в заблуждение. «Остальные в мире» создают небосводы и земли – они те неподвижные сферы, которые по Платону кружатся на месте, что повторяется в «Зогаре». «Говорится, что и в конце мира они» следует понимать, что эти Сущности, или будем называть их гностическим именем Эонов, являются высшими принципами своих миров⁴⁵. Более того, само солнце находит укрытие в них, «и оно украшается ими», следовательно, Солнце не является творением Демиурга-Иеговы, но тех, кто выше его.

В данных пунктах «Зогар» совершенно согласуется с гностиками. Определенно ясно, что он был написан противниками иудеев, и вышел из той же среды, из которой вышли гностические представления. Этой средой однозначно была изначальная религия

⁴⁵ Подводит еврейская традиция обратного письма и обратного взгляда на вещи, по которой начало мира считается его концом. Впрочем, если смотреть снизу вверх, считая земное положение началом, то все правильно.

евреев, единая с религией азиатов, разделившаяся на иудаизм и контр-иудаизм. «Зогар» отразил постепенную трансформацию этой религии в представления иудеев, ессеев, назареев, гностиков ... и христиан. Очевидно, что «Зогар» согласуется с восточными положениями, и был изначально выстроен на них, искусно упрятанных под маску аллегорий.

Филон Александрийский

Эту статью следовало поместить перед гностиками, согласно времени деятельности Филона Александрийского, чаще называемого Филоном Иудеем. Но в данном порядке изложения идеи Филона, оказавшего определенное влияние на трансформацию гностических представлений, будут более понятными, выпуклыми.

Филон не был учителем христианского гнозиса, он создал, в некоторой степени, его архетип, и одновременно был связующим звеном между платоническим гнозисом, христианством и иудаизмом.

Филон обожал Платона, но еще больше он был иудеем. Религия, вобранная душою с детства, всегда наносит неизгладимый отпечаток на все дальнейшее творчество человека. Но, наверно, это был удачный случай, когда иудей, обычно с крайним негативизмом относящийся к культуре других народов, был пленен философией эллинов. Эта философия открыла глаза Филона, и он увидел, как много общего она имеет с его религией.

Религиозно-философские представления Филона можно посчитать эклектическим звеном между эллинизмом, иудаизмом и христианством. Он сделал надмирный Принцип личным... впрочем, так считает проф. Лосев. Филон только-то и делал, что доказывал, что все личностные качества Иеговы не более чем аллегории. Также и все события, описанные в Книге Бытия, носят аллегорический характер. Возьмем эпизод с Авраамом, описанный в Книге Бытия, XV, 12, согласно которого был заключен Завет между еврейским народом и Иеговой: «При захождении солнца крепкий сон напал на Авраама; и вот напал на него ужас и мрак великий». Ужас, греческое *extasis*, означает здесь, по Филону, вдохновение; Авраам... был охвачен даром пророчества, а непосредственный характер этого божественного воздействия подчеркивается словами «при захождении солнца», то есть, по толкованию Филона, без посредства ума» (53, с. 158-159) Если дальше следовать в предложенном русле, то вполне жертвоприношение Авраама окажется отражением индийской легенды о жертвоприношении Вишвакармана, потому как

под Авраамом наверняка не следует понимать физического человека, но Логос азиатской расы; и рождение сыновей и дочерей тогда становится рождением народов этой расы, из которых рождение Иакова будет означать рождение еврейского народа. Все это совершенно неплохо. Только с поправкой, что Филон, как истинный иудей, посчитал бы индийскую легенду плагиатом из Ветхого Завета, тех, кто дал ей жизнь – учениками Моисея, и т.д. Ведь у иудеев две забавные мании: считать свой народ избранным, а всех мудрецов человечества – бледной тенью от Моисея, Соломона и Давида.

Вернемся к надмирному Принципу, который Филон отождествил с библейским Иеговой. «То, что в греческой философии и религии были такие концепции божества, которые ставили его высоко над миром, это для нас не новость... Одного мы только мы до сих пор не встречали в греческой философии. Мы не встречали нигде этот надмирный принцип в виде личности», – удивляется Лосев (53, с. 104). Замечание крайне верное. Даже в индуизме, религии сотен миллионов богов, надмирный Принцип назван Парабраманом, Парабраманом. И если Браман уже не имеет формы, то Пара, «то, что выше», «то, что по другую сторону» – этот Принцип и вовсе несказуем, бескачественен. Эйн-Соф Каббалы, Витос гностиков – Принцип лишь упоминался, как Тишина перед рождением Мира. Но... Филон был влюблен в Тору, влюблен в иудейскую мудрость, до степени, что даже Гомера делал ее учеником. Впрочем, и это противоречие разрешается Филоном: «Филон и утверждает, что если в Писании и говорится о Боге как об отце, воспитывающим своих детей, то это сказано только для назидания и вразумления..., на самом же деле Бог выше и любви, и блага, и красоты, совершеннее чем добродетель, прекраснее, чем красота... Такой Бог может быть познан только в порядке постепенного восхождения от чувства к уму, но и тогда мы познаем не само Божество, но только обнаружим самый факт его существования... Поэтому у Бога, собственного говоря, нет имени, но его можно назвать только сущим (to on, ho on; евр. Иегова), как он и сам называет себя Моисею...» (53, с. 160)

Его представления могли вполне заимствовать учителя христианского гнозиса. К примеру – Ориген, который связал Логос с именем Иисуса Христа. Однако, Ориген был учеником Аммония Саккаса, и уж ему ли было не знать, что ни Надмирный Принцип, ни первое Проявление не могут быть личностями? И Ориген не допустил такой ошибки. Личность Иисуса он сделал посредником между человеческим телом и Логосом-Христосом, в то время как учение

ортодоксальной церкви, в целом сформировавшейся к 200-му году н.э., полагала Иисуса Христа Сыном библейского Иеговы, Богом, рожденным на земле от земной женщины. Церковь низвела Бога до земных страстей, сделала его человеком, и это было преступлением против истины. В борьбе с Церковью последовательно погибли все здравомыслящие, философы – в первую очередь. И многие из них будут проповедниками гнозиса – в христиано-иудейских формах, отлитых Филоном и Оригеном.

Беда в том, что эти формы в их философской красоте не могли постичь во всей полноте ни современники Филона и Оригена, ни наши современники. Даже профессор Лосев, величина в академических кругах, расписывается в непонимании Филона: «Если мы остановимся на с трудом обозримой массе повествовательного, экзегетического, моралистического и даже поэтического материала у Филона, мы мало что уразумеем в этом соотношении идеи и материи...» (53, стр. 1).

Итак, первое, чем стал известен Филон, так это войной с буквализмом. Как и ученый иудей Аристокл до него, Филон утверждал аллегорический подход к прочтению священных Писаний; мало того, именно аллегорический подход – к прочтению Торы. Это был вызов ортодоксальному иудаизму, готовившемуся к череде последних схваток с римской империей, с культурой и религией вообще. Если ученые саддукеи, религиозная элита иудейского народа, и могли согласиться с Филоном, то фарисеи, невежественные фанатики и рабы буквализма, явно считали Филона еретиком в высшей степени. Впрочем, и саддукеи вряд ли желали, чтобы их философское достояние, «ключи разумения» (Лк. XI, 52) к Торе, хранившиеся ими в тайне, были отданы на всеобщее пользование. Противоречить же иудеям было страшно, хотя бы в силу быстрой расправы. Их фанатичная экзальтация уже достигла своего пика, и была готова вылиться на римский мир. Так что то, что привычно было бы слышать от ученого эллина, было революционным в устах иудея.

Для нас Филон важен тем, что к нему прислушивались христиане. Эллинская мудрость была для них запретной и демонической (стоит только почитать Юстина Мученика, чтобы убедиться в этом), но размышления Филона Иудея находили отклик в христианской среде. Хотя философская система гностиков была куда сложнее и пространнее системы Филона, тем не менее и для гностиков Филон мог быть мостиком к христианству, к публичной философии.

Филоном «человеческая душа трактуется как частица самого божества» (53, с. 111), что затем будет обосновано гностиками. Это граница, до которой посмел дотянуться Ориген, была полной ересью с точки зрения иудаизма и христианства, хотя бы потому, что являлась восточная мысль: я есть Он, Он есть я. Пусть потом ап. Павел скажет «вы – боги», пусть Иисус Христос воздаст хвалу миротворцам, что нарекутся «сынами Божиими» (Мф. V, 9) и призовет человек быть «сынами Отца вашего Небесного» (Мф. V, 45), каким и был Иисус сам, все равно человеческая душа не будет признана имеющей божественную природу ни иудеями, ни христианами, но – «тварью», сотворенной игрушкой в руках Бога, без природного права на Спасение из уз телесности.

«Ни бог не антропоморфен, ни человеческое тело не подобно богу. Бог – это чистый дух, и человеческое тело не является подобным божеству, а слова «Бог создал человека по своему образу и подобию» относятся только к божественному нусу, отблеском которого является душа» (53, с. 117). Далее Ориген прекрасно разовьет мысль, как человеческая душа, шествуя путем правильных умозаключений, может реализовать в себе потенциал мирового Ума.

Желание гностиков отделить Бога от телесного мира, и даже от архетипичного «умопостигаемого (мыслимого) мира», также мы находим у Филона. Он пишет, что «сначала Бог создал мыслимый мир, а потом по бестелесному и божественному образцу создал мир телесный» (53, с. 116) «Умопостигаемый мир есть не что иное, как Слово Бога, уже создающего мир. Ибо умопостигаемый город есть не что иное, как мысль архитектора, уже помышляющего построить город, замысленный в уме». Это эссенция философии Платона – мир Идей, Аретипов, по образцу которого создан мир физический. И это архетип философии христианских поклонников гнозиса – Оригена, в том числе, с его концепцией Логоса, Слова Бога.

В то время как Бог внемирен, Он пронизывает все, проникает в каждый атом, «управляя всем благим и должным», словами Платона. «Миром правит божественное провидение, ибо всегда Создатель проявляет заботу о деле рук своих в силу общего и необходимого для всех закона природы: как и родители заботятся о своих детях» (101), вторит Платону Филон. В этом нет никакого противоречия, если рассматривать вопрос с позиций восточной философии. Бог является высшим Принципом, Принципом самой жизни во всем, что есть в мире, Принципом потенциальным или реализованным. Он потенциален для камня, растения, животного, кинетичен для

человека, реализован для Эона. Ведь, согласно восточной философии, человек должен стать духом (Ангелом, Эоном, Дхианом и т.д.), а дух – Богом.

Мир Идеи-Архетипов не является некоей абстракцией, или бессознательным механизмом, с помощью которого Бог верстает мир; «идеи... становятся силами, отчасти персонифицируются и мыслятся как ангелы, которые возвещают волю божью» (53, с. 117). Вот и Мир Эонов! Только он настолько соподчинен Богу, настолько проникнут своей божественной работой, что мыслится неотделимым от Бога. «Субъект-объектное тождество первоединого действительно оказалось стоящим вне всего и выше всего, где оно стало светиться в каждой мельчайшей частице бытия и где, самое большее, можно было бы говорить только о иерархии бытия с точки зрения первоединства, только об эманациях этого первоединого, но где оно не отступило от своего однажды занятого положения ни на одно мгновение в сторону». (53, с. 106).

Далее Лосев, резюмируя Филона, пишет: «Стремление же Филона – вообще упразднить всякое посредничество между богом и человеком, что особенно заметно в его учении о логосе» (53, с. 141). Для Лосева «остается неизвестным, понимать ли логос у Филона как единственную в своем роде личность, или как родовое понятие для всех вообще посредников между богом и миром» (53, с. 109). Разумеется, Логос не есть ни личность, ни индивидуальность, но также Принцип, который может быть выявлен как в единстве, так и во множестве. Принцип нечетности делает нечетными все числа, начиная с единицы и далее через одно. Если Логос сравнить с Нечетностью, то вполне понятно, куда делись Эоны: они оказались поглощенными Логосом в состав его Единства.

Нет, Филон далеко не первым заявил об аллегорическом ключе к Писаниям, о душе как о частице Бога, о Логосе, как о посреднике, которым творятся миры, сначала «умственный», затем физический, о Логосе, как Архетипе всего живого в мире. Это заявляли и до него. Филон – ближайшее звено от эллинизма к христианству, крепящее Восток и Запад, выкованное в горниле иудаизма молотом восточно-ориентированного платонизма. Именно этим ценно это звено. И не только для христианства, но и для иудаизма, раздираемого меж ортодоксальным фарисейством и еретическим назарейством.

Теперь мы должны упомянуть о «еретических» движениях, более ближе чем гностики и каббалисты стоявших к церковным общинам.

Во всяком случае, они пользовались теми же понятиями, но видели в них подчас иную суть.

Маркион

Маркион – ученик гностика Кедрона из Рима. Богатый судовладелец из Синопа, он был сыном епископа христианской общины этого города, и можно сказать, вырос в атмосфере нерассуждающего христианства. Однако, увлекся стоическими идеями, его «пламенная любознательность, живость мысли и образованность показали опасными» (113, с. 190) не только в Синопской церкви, откуда он был, по всей видимости, вытеснен отцом, но и в Риме, «где умственное превосходство... мало ценили» (там же). Римская община отказалась даже от богатого вклада Маркиона.

Затем, Кедрон вносит ясность в строй мысли Маркиона, его идеи выстраиваются в систему, и эта система, разумеется, гностического характера. В ней есть и от ессеев с их осуждением брака, и от сирийских гностиков с их идеями о царстве материи-дьявола, противостоящем царству Света-Христа, и даже от чисто восточных систем, подобных буддизму, с их теориями перевоплощений душ, стремящихся к совершенству. Даже Ренан признает известную стройность системы Маркиона, ее доступность при отсутствии сложного гностического символизма, что не могло не работать на массовость новой «жизнеспособной и прочной» (113, с. 187) церкви Маркиона, которая выросла «рядом с той, которая уже называлась «вселенской церковью, великой церковью» (там же). Правда, сомнительно, чтобы общины епископов уже заявили о вселенском характере организации, который до времени Иринея и римского епископа Виктора вряд ли был осознаваем.

В лице Маркиона у гностиков был шанс выстроить фундамент-учение и стены-церковь, дабы подвести здание под крышу гностической системы. Маркион организывает свою церковь вовсе не из желания власти, но в попытке дать христианству учение, очищенное от абсурдных доктрин. Он более четко и сильно, чем кто-либо до него, провозгласил идею Павла об отмене для христиан иудейского Закона, как закона еврейского племенного бога, «закона Агари», словами Павла. Маркион поставил перед собой задачу совершить поистине подвиг Геракла по очищению авгиевых конюшен; за время, минувшее со дня смерти Павла, христиане, в числе которых было большое количество «правоверных» евреев, все время скатывались если не к следованию Закону (после поражения

последнего иудейского восстания бар-Кохбы Адрианом и драконовских законов императора против иудеев это было равносильно смерти), то к заимствованию многочисленных иудейских идей в простую христианскую систему. Эти заимствования Маркион считал недопустимыми.

Более того, отцы христианской церкви шли на изменение существовавших посланий Павла и добавление к ним новых (и не только от Павла); в процессе евангельского творчества они создавали все новые компилятивные сочинения, выдаваемые за богооткровенные писания. В них Иисус устойчиво приобретал функции бога на земле, переставал быть просто пророком, а Христос, эманация Ноос, становился человеком, а не атрибутом и силой Божества без формы и каких-либо земных качеств – Христос сливался с Иисусом, становился эдаким гибридом с запутанной миссией. Маркион считал недопустимым приспособлять христианские доктрины «к способностям их слушателей, путем выдумывания бессмыслиц для слепых в соответствии с их слепотой, для глупых в соответствии с их заблуждениями», как негодуяще писал фактический создатель «вселенской церкви» Иринеи.

За основу Маркион берет Евангелие от Луки, и выбрасывает из него все элементы, связывающие его с иудаизмом. Иисус перестает быть сыном Иеговы и продолжателем традиции служения еврейскому богу Авраама, Исаака, Иакова⁴⁶, теряет родословную от «ветви Давидова», перестает быть еврейским Мессией, посланцем Иеговы, и, видимо, более не твердит при каждом удобном случае, что все, что он делает – «предвозвещено». Теперь это была «жизнь чистого эона... у Иисуса не осталось ни предков, ни родных, ни предвозвестников, ни учителей». (113, с. 192-193). По всей видимости, Маркион разделил Христоса-Эона и Иисуса-человека (не мог не разделить), и сделал второго проводником воли и учения первого, т.е. пророком – в соответствии с гностическими идеями (см. учение Василида, Валентина и Сатурнина). Как верно замечает Ренан, «если бы мы знали Иисуса только по подобным текстам, то можно было бы усомниться, действительно ли он существовал, и не был ли фикцией а ргіогі, свободной от всякой связи с действительностью» (там же). На это мнение можно посмотреть и с иной стороны: отцы церкви практически «сделали» Иисуса Христа, сына плотника и девы Марии, самодостаточного сына Иеговы, не привязанного ни к ессеям, ни к

⁴⁶ Иегова у Маркиона – демиург, творящий землю и физических людей, и Закон Моисея есть его творение; Маркион один в один повторяет гностические положения Василида и других гностиков.

назареем, пришедшего «исполнить Закон»⁴⁷, чьи слова и деятельность полны противоречий. Они сотворили основу своей власти, и эта власть основана на абсурдном образе, в который можно только слепо верить, но который разрушается при малейшем размышлении. Со времени Маркиона церковь была просто обязана отделиться от гностиков, назареев, эбионитов, чьими писаниями в измененном виде она пользовалась, и изгонять из своих рядов любого вольнодумца, наделенного способностью логически мыслить.

Ренан ошибается, что «Маркион предполагает двух богов, одного доброго и кроткого, другого строгого и жестокого» (113, с. 191). Гностики никогда не делали столь абсурдного вывода, что у мира есть два бога, т.е. две Первопричины. Они считали Иегову одним из Эонов, т.е. эманаций Первопричины. Ко всему, Первопричина у них никогда не причастна ни к делам мира, ни к его созданию, но только эманурует Силы, которые, в свою очередь, дифференцируются (аспектируются) в нисходящем беге «творения», пока не достигается уровень, на котором дух и материя уравниваются, т.е. имеют равные силы. Именно на этом уровне эволюционируют люди, вечно выбирающие между добром (т.е. божественным) и материальным (т.е. дьявольским), создающие своими действиями причины и подпадающие под их следствия. Здесь, практически между молотом и наковальней, рождается человечество, познающее добро и зло, имеющее тела от материи, и души от демиургов, подобных Иегове, и искру духа с самых высоких уровней Бытия. Юстин-мученик жалуется, что «некто Маркион из Понта, который и ныне еще учит верующих ему, признает другого какого-то бога, который выше Творца» (114, 26); Маркион отводит Иегове-Творцу вовсе не первое место в ряду Эманаций Первопричины, которая и есть собственно Бог, то есть Дыхание Мира.

По Маркиону, «тела не воскресают (отвержение доктрины воскресения тел. – С.О.); только души истинных христиан вновь получают существование. Души, однако, не одинаковы, и достигают совершенства лишь путем целого ряда переселений» (113, с. 192), что есть восточное учение.

Маркион не только удалил вставки в Евангелии, он также добавил эпизод с сошествием Христа в ад и спасением «проклятых личностей

---

⁴⁷ Отцы церкви настаивают, что Закон был дан Моисеем верно, но искажен фарисеями и саддукеями, но в таком случае им следовало бы поступить по-маркионовски, и предъявить взору христиан Закон, чистый от иудейских новаторств; если они не могут это сделать, то их заявления, а следовательно и апостольская линия преемственности от Авраама через Моисея и Иисуса Христа, оказывается притянутой за волосы.

Ветхого завета». Возможно, Маркион пользовался некими гностическими писаниями, из которых позже народилось церковное Евангелие от Никодима.

Маркион отказался от всех «апостольских» посланий, а послания Павла, которого именно он впервые назвал апостолом, и следовательно, ввел в число продолжателей дела Иисуса, освободил от поздних вставок. По сути, он был реаниматором дела Павла, очистителем его идей, легших в основание христианства. Он дал опору для создания оплота просвещенного христианства. Его церковь исчезла в неравной борьбе с христианским государством, но существовала едва ли не до VI века.

Отцы-основатели «вселенской» церкви Ириней и Тертуллиан, их продолжатели Иероним и Епифаний ненавидели Маркиона более, чем кого-либо. Ведь никто более сильно, чем Маркион, не оттенял их абсурдную догматику, более понятно не преподал идеи гностиков, более решительно не вычленил из невежественных басен учение Иисуса – не бога, но пророка, в чем совершенно был убежден Мухаммед. Значит, никто более и не заслуживал ненависти церковных отцов, чем Маркион, основатель конкурирующей церкви. Ириней и Тертуллиан пишут особые труды, посвященные опровержению учения Маркиона, но ни один из этих трудов до нас не доходит по причинам вполне понятным: в опровержении могли быть эпизоды, которые отсутствуют либо искажены в современных евангелиях, и ко всему, опровергнуть систему можно лишь при полном ее изложении, а это уже чревато реанимацией идей этого великого «ересиарха».

Наконец, будет кстати заметить, что римляне не преследовали гностические «еретические» секты, имевшие, по всей видимости, внутренне согласные с эллинским учения – валентинцев, маркионитов и других. Иначе, с какой стати римлянам было ставить памятник Симону Волхву на берегу Тибра, и признавать его божественность? Секты же эллинских христиан преследовались, и именно за их учение. Рим делал это правильно с позиций государственности, так как христиане представляли собой декадентскую и разлагающуюся массу, заражавшую третье сословие, собственно народ; распространение данного учения сыграло крайне негативную роль в истории Римской империи, павшей больше под деморализующим духом христианства, чем от дубин варваров.

Манихеи

Верили в двойное творение, два вечных принципа. Хотя церковь отвергла манихейство как соперничающую секту, однако, двухпринципная система, весьма хитро проведенная в догматике, тем не менее является Яхином и Боазом христианских систем любого толка. Манихеи полагали, что душами человечество одарил Принцип добра, а телами – Принцип зла, таким образом, они разделяли человека на душу и тело основательно. Данная концепция совершенно восточная. Индусы, полагаясь на Пураны, считают своими Солнечными Предками Агнишваттов, Владык огня, одаривших темные души людей мыслящими принципами⁴⁸; поскольку любой принцип восточных религиозных систем многоаспектен, Агнишваттов можно встретить под именем Манаса Дхиани. «Дхиани» суть совершенные Существа, имеющие природу созерцающих Разумов, первое же имя указывает, в рассматриваемом нами аспекте, на их причастность к Творению «умов» (манас – ум), т.е. сознательных человеческих душ. На другом фланге индусы видят Бархишадов, Лунных Предков, одаривших человечество телами и чувствующими душами. Они эманировали из себя эфирные образы; последние, постепенно огрубившиеся и уменьшившиеся в размерах, индусы видят ныне в качестве физических носителей своих бессмертных душ. Тела становятся источниками зла, потому как являют вечный соблазн для душ: притяжение формы, власть вкуса и осязания над разумом, а вместе с телами Принцип зла, по идее, должен распространяться на тех, кто причастен к их сотворению.

Мани, основатель данной секты, придал Принципам добра и зла христианские формы. В отличие от манихеев католики полагали, что как тело, так и души сотворены совершенным Богом, что предельно конфликтует со здравым смыслом. Христианский Принцип добра в таком случае приобретает чувственность и форму, становясь просто Большим Человеком, которому можно присвоить все человеческие пороки. В «противники» же Принципу добра христиане придают некое «тварное» существо бывшей ангельской природы, которое, будучи обиженным на своего Создателя и его приоритетные творения, т.е. людей, соблазняет последних всяческими способами внешнего характера. Христиане вынуждены оживлять тела при Страшном суде (совершенно абсурдная идея), постольку поскольку

⁴⁸ «...в тот день, когда вы вкусите их (плоды древа, стоящего посреди рая), откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо..., потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих...» (Быт. III. 5-7)

они суть формы Бога и в иных формах человек для них не существует. Разделяющим же восточные положения достаточно доставить на Последний Суд бессмертные души, которые, будучи прощенными, ожидает Воскрешение (обретение более высшей разумной формы, пробуждение в Божественное (реальное) Бытие, по сравнению с которым земная жизнь подобна смерти (иллюзии, заблуждению), а земные тела – гробам с костями); души, отягченные неискупленными грехами, ожидает «смерть вторая», «душевная».

У манихеев в целях указания пути спасения Солнечный Христос сходит на землю и принимает вид человека, однако, тело его было призрачное, и страдания кажущимися.

Манихеи оказались жизнестойкими. Уходя от гонений, они основывали общины в разных землях. По имени манихейских ученых Павла и Иоанна Самосатских зовется ветвь манихеев павликиане. Остатки вероучений манихеев можно найти, по всей видимости, в Армении, откуда они были переселены во второй половине X века во Фракию. От манихеев, возможно, ведут происхождение богомилы (Болгария), катары и альбигойцы (Южная Франция); во всяком случае, их учения очень близки друг другу. Еще в XI веке были известны евхиты, другая манихейская ветвь (см. статью «Гностицизм в последующих веках»). Впрочем, нельзя исключать возможность параллельной инициации.

Отступление: рождение Церкви

Синоптики

Церковь родилась тогда, когда был готов каркас Евангелий, то есть в форме жизнеописания Иисуса Христа изготовлено унифицированное учение. Нам неизвестно, когда появилось первое греческое Евангелие. Ясно, как день, что оно появилось вместе с первой эллинской общиной. Но в каком оно было виде – это вопрос.

Поскольку первыми христианами называют ессеев Нового Завета, первым Евангелием было так называемое Евангелие истины, оно же Евангелие от евреев, которое было составлено в среде ессеев. Вначале, когда Павел вынес спор назареев и иудеев за пределы Израиля, первым христианам из эллинов, да и из иудеев, приходилось ограничиваться Посланиями (поучениями) Павла. В дальнейшем появилось много поддельных посланий, плюс послания Петра – составителям канонических церковных «писаний» все это вместе совместить было трудно, не обкорнав материал как следует. В итоге Павел был превращен из ниспровергателя Иеговы в его горячего защитника, в церковный столп. Петр стал первым, камнем во главе угла церкви, но только в силу игры понятий (см. «Тайную Доктрину» Блаватской, т.3).

Отдельно существовали Логии, высказывания Христа, хотя в число этих высказываний вполне могла быть включена вся мудрость ессеев, в аллегорической, в том числе, форме. В качестве Логий более чем подходит Евангелие от Фомы, ставшее известным нам совсем недавно, после расшифровки писаний ессеев, найденных в районе Наг Хаммади в Египте. Сейчас, если что-то не увязывается в высказываниях Иисуса, можно напрямую обратиться к Логиям, и многие вопросы сразу же могут быть сняты.

Первое греческое Евангелие – дело рук Марка, некоего ученика Петра-апостола, убежден (или убеждает) Ренан. По каким-то сомнительным причинам «маленькие еврейские книжечки», то есть еврейское Евангелие, не могли быть «перевезены через море из Сирии» (111, с. 81), дабы христиане из язычников могли бы насладиться учением из первоисточника всех Евангелий. Однако, еще более сомнительно, чтобы церковные столпы, писавшие за и вместо евангелистов, отрицающие основные положения эбионитов-ессеев, сумели воспользоваться этими «маленькими еврейскими книжечками», даже если бы они аки посуху перешли море. Учение ессеев, насколько мы сейчас можем судить, кардинально отличалось

от учения христианской церкви; оно строилось на восточных положениях, и ему наиболее позже соответствовали гностические учения.

«Книжечки» безусловно содержали канву, по которой позже были скроены синоптики:

– Иисус (адепт) рождается от Девы (рождение неземное, в Духе, как рождаются все адепты, до своего рождения на земле или после него);

– Иисус, принимая миссию, рождается на земле как человеческая личность (личность сложена низшими стихиями, символизируемыми животными; жизнь земная суть хлеб по сравнению с жизнью небесной);

– три волхва с Востока (символ древней восточной Традиционной школы) посещают его с матерью в Египте (Египет – земля грехов, из которой был Исход евреев Моисея, согласно Торе; намек на миссию Иисуса, которая могла бы заключаться в выводе евреев из «египта» иудаизма, если бы они того хотели);

– Иисус проходит испытание (как проходит его каждый будущий адепт) в пустыне (в условиях, когда он лишается духовной поддержки. Звучит абсурдно для уха христиан, но для тех, кто знаком с восточными посвящениями, ничего абсурдного нет в том, что и у высших нам известных Учителей есть свои Учителя: Мухаммед-Джабриил, в исламе);

– Иисуса посвящает Иоанн-назарей (потому как Иисус, собственно, вышел из среды назареев; гораздо более существенным фактом, нежели родство с Давидом, является его родством с Садоком, главой секты саддукеев до ее разделения, когда в нее входили и назареи – см. родословную у Луки, которая различается с родословной у Матфея) в Иордане (воды Учения, омывающие земные грехи, воды Знания, уничтожающие невежество);

– Иисус (очистившаяся испытаниями личность) соединяется с Христом (своим Отцом, своим Богом, который, тем не менее, не есть Первопринцип – см. систему гностиков);

– Иисус становится единым с Христом (Солнцем) и путешествует с апостолами (12 знаками Зодиака);

– затем обращает 70(72) ученика (декан-зоны Зодиакального круга, символ солнечной власти и могущества);

– от Иуды (знак Скорпиона, «эмблема греха и материи» (12, II, с. 164, глава триады зимних знаков) Христос-Солнце получает ущерб (астрономически, когда Земля входит в зиму, но есть и иные ключи) и

умирает на кресте (символ человеческого тела) между двумя разбойниками (принципы чувственных желаний и земного интеллекта);

– через три дня (через три знака после смертельного) Иисус соединяется с Христом (земное человечество, пройдя материальный земной цикл, воссоединится со своими духовными прототипами-Отцами, обретет жизнь вечную – в каждом воскреснет его личный Христос).

«Книжечки» давали схему, по которой составлялись биографии всех великих адептов (Будды, Пифагора, Аполлония Тианского...) и одновременно солнечных богов (Аттиса, Адониса, Митры...). Оставалось схему наполнить путешествиями, поучениями из Логий, другими событиями, частично имевшими место, частично аллегорическими. Далее было выдуманно место и время рождения, введены герои, предсказывающие явление нового солнечного Пророка. При этом вовсе было необязательно, чтобы все эти элементы совпадали с настоящими событиями, числами и датами.

К примеру, есть евангелическое рождение, и оно лучше, чем рождение реальное. Иудеи похваляются, что знают настоящих родственников Иисуса, его отца – вовсе не Иосифа-плотника, его мать – вовсе не богородицу, его настоящее время жизни – вовсе не время Ирода и Пилата. Ну и что из того? Действительно, есть указание, что его рождение пришлось на резню «младенцев», что случилось, насколько мы помним, во время Александра Яная, что на 100 лет ранее евангелической даты. Первые христиане, эбиониты (эвиониты-нищие), были христианами много ранее до евангельского Иисуса Христа. У них было много легенд о Иассу (Иешу)¹. Существование эвионитов относят веком ранее рождения христианства, что говорит в пользу того, что их Иисус жил не во времена Октавиана и не был рожден в Вифлееме, но в Лиде во время царствования Александра Ианнея (Януса), где и был закидан камнями, что согласуется с иудейской версией в «Сефер Толдос

¹ Относительно Иисуса эвиониты полагали, что он был только человеком. Согласно Тертуллиана, не признавали Иисуса Сыном Божиим, но сыном человеческим. Согласно Евсевия, он был "бедным и обыкновенным человеком, который только за совершенство нрава был признан праведным и который родился от соединения мужа с Марией" (89, с. 66). Полагали, что он был пророком, и даже перевоплощением Адама и Моисея. "Несколько особняком среди свидетельств об учении эбионитов стоят слова Епифания о том, что они (эбиониты) отрицают, что он (Христос) - человек. ...они считают Христа архангелом, правившим всеми ангелами, а не порождением Отца" (там же, с. 80). В числе эвионитов были друзья и родственники Иисуса. Эвиониты были прямыми последователями секты назареев и их учениками, согласно Епифанию. "Ириней отмечает, что учение эбионитов - старое, древнее учения о непорочном зачатии" (89, с. 66).

Иешу». На основании данной главки из Талмуда иудеи и похваляются неким особенным знанием о истоках христианства. Если бы это «знание» вскрывало один единственный из старательно замазанных дефектов. Их же несть числа.

Уже только исходя из этого можно утверждать, что синоптические, а за ними и четвертое Евангелие не более чем история, подогнанная под интересы христианской церкви – от рождения до смерти христианского бога. Сама фигура Иисуса противоречива: толи пришел исполнить Закон, а толи нарушить...

Синоптики прошли долгий путь обработки. Василид писал комментарии на Евангелия, и было бы неплохо их почитать, дабы увидеть одну из промежуточных точек евангельской трансформации. Только и остается надеяться на новые археологические находки, потому как церковь постаралась на славу. Наверняка в тайных ватиканских библиотеках есть что-нибудь по интересующей нас теме, так разве можно надеяться, что двухтысячелетний гриф «Совершенно секретно. Только для служебного пользования» будет хоть когда-нибудь снят?

И по сей день не окончен спор, какое из синоптических (согласных, т.е. Марка, Матфея, Луки) было первым. Ренан, а за ним и остальные утверждают – евангелие от Марка. Оно, мол, самое простое, в нем нет большинства логий. Матфей взял за основу Марка и наполнил его Логиями, перестаравшись при этом, из-за чего случилась «странная двойственность Евангелия: два исцеления двух слепых, два исцеления немомого бесноватого, два умножения хлебов, две просьбы чудесных знамений, два надзидания против соблазна...» (111, с. 115), и т.п. Ну, а версия Луки появилась гораздо позднее.

Мэри Эллен Чейз отмечает: "Писатели Нового Завета были не только пропагандистами, они были и контраверсиалистами. Каждый из них давал собственное толкование христианскому посланию Св. Лука, например, писал свое Евангелие потому, что был не согласен со Св. Марком..." (Mary Ellan Chase "The Bible and the Common Reader", 1958, p. 279).

Хорошо бы так, да вот проблема: Лука и знать не знал к 95 году о Евангелиях от Марка и Матфея, что видно даже по первым строкам. Как такое могло произойти? Как случилось, что Лука дал другую родословную Иисуса, чем Матфей? Куда смотрел, когда списывал? Глава первая у него сплошь назарейская легенда о Иоанне-Крестителе, хватает выдержек из явных евионитских легенд, да и вообще «Лука приближается к еврейскому евангелию... У Матфея

Иисус, по-видимому, неблагоприятно относится к Самарии и советует своим ученикам избегать ее городов, как языческих мест. У Луки, наоборот, Иисус находится в частых сношениях с самарянами и отзывается о них лишь с похвалой. К путешествию в Самарию Лука относит массу поучений и рассказов. В противоположность Матфею и Марку, ограничившими деятельность Иисуса Галилеей, он руководствуется анти-галилейским и анти-еврейским чувством... У Луки видно полное согласие в идеях с Павлом» (111, с. 157-161). Не мудрено, что Маркион, считавший Павла действительным и единственным, подобно Мухаммеду, основателем христианства, отбросил Матфея и Марка, и взял за основу Евангелие от Луки, очистив его от вставок.

Следовательно, Евангелие от Луки, хочешь не хочешь, нужно считать первым полуессейским образцом, с которого списали свои версии два других синоптика. Но ни в Луке, ни в Марке и Матфее не было самого главного – не было Бога. Бог является в четвертом Евангелии, происхождение которого вплотную приближается к дате рождения христианской церкви.

Четвертое Евангелие

Ренан написание Четвертого Евангелия относит ко времени завершения правления Адриана. Он пытается объявить его благочестивой попыткой эфесца Керинфа, и только на том основании, что Керинфу приписывают послания от Иоанна; «мы знаем о Керинфе, имевшем привычку прикрывать свои мечтания именем апостола» (113, с. 36) – знаем со слов Епифания, который играл на вражде Керинфа и Иоанна. Ренан полагает, что именно из-за того, что Евангелие было написано Керинфом, оно не принималось на протяжении 50 лет, т.е. примерно с 130 по 180 гг. н.э. Конечно, Керинф его и написал! При том, что в четвертом Евангелии утверждается Иисус Христос, Бог во плоти, а Керинф разделял Иисуса и Христа, да и вообще держался назарейских воззрений.

Первое упоминание Евангелия от Иоанна – в каноне Муратори – около 200-го года! То есть после пика деятельности епископа лионского Иринея, который полагает, что «эту веру возвещает Иоанн, ученик Господа, и чрез возвещение Евангелия *имеет в виду устранить заблуждение*, посеянное между людьми Керинфом и еще ранее его так называемыми николаитами» (42, кн. 3, XI). Следовательно, по мнению Иринея, Керинф здесь непричастен, и вот в этом случае к мнению главного ересиолога нужно прислушаться.

Во-первых, Иринея четко прописывает цель написания четвертого Евангелия, цель довольно житейскую и прозаичную. Цель человека, которому нужна победа в теологическом споре, человека, который убежден в неправоте николаитов, «людей Керинфа» и остальных еретиков. В XXVI главе первой книги «Против ересей» Иринея объединяет обвинения против учений николаитов, Керинфа и эбионитов: они разделяли Иисуса и Христа, Первопринцип и его Силу: «Некто Керинф, наученный в Египте, учил, что мир сотворен *не первым Богом, но силою*, которая далеко отстоит от этого превысшего первого начала *и ничего не знает о всевышнем Боге*. Иисус, говорит он, *не был рожден от девы*, (ибо это казалось ему невозможным); но подобно, как и все прочие люди, был сын Иосифа и Марии, и отличался от всех справедливостью, благоразумием и мудростью. И после крещения сошел на Него от превысшего первого начала Христос в виде голубя; и потом Он возвещал неведомого Отца и совершал чудеса; наконец, *Христос удалился от Иисуса*, и Иисус страдал и воскрес; Христос же, будучи духовен, оставался чужд страданий... Евиониты напротив соглашаются, что мир сотворен Богом; но в отношении к Господу они того же мнения, как Керинф и Карпократ».

Легко угадывается в Керинфе гностик; эбиониты приписывают создание физического мира Иегове, о другом Боге просто не говорят. Что касается николаитов, то Иринея непринужденно поливает их грязью (на основании строчки в Откровении (XI, 6), которую сам же, поди, и вставил), не находя даже нужным упоминать их воззрения.

Итак, целью четвертого Евангелия, предметно говоря, является соединение Иисуса и Христа в одну земную личность Иисуса Христа, а также утверждение Иеговы в качестве Отца этой личности с приданием ему функций первоБога, творца «решительно всего» (в одном из вариантов «Символа веры»).

Во-вторых, Иринея неопровержимо уверен, что данное евангелие написано Иоанном, «учеником Господа», но до него этого никто не утверждал. Это выдумка именно Иринея, так как он не ссылается на Поликарпа, своего учителя и ученика Иоанна, а через кого еще могло быть ему известно об авторстве данного Евангелия? Тем более, что в дальнейшем и Иринея и Поликарп взывали к Иоанну в вопросе о сроках празднования Пасхи, и разошлись во мнениях, но кто мог лучше знать то, что говорил Иоанн – его ученик Поликарп или ученик ученика? Следовательно, Поликарпу было ничего неизвестно о

Евангелии от Иоанна, то есть этого Евангелия до Иринея не существовало.

Папию, апологету Евангелий того времени, не было известно четвертое Евангелие. Папий был малоазийским епископом и другом Поликарпа, которого называет своим учителем Иринея, и более чем странно, что Папий ничего не знает об этом Евангелии – будь оно написано Иоанном, учителем Поликарпа, то Поликарп бы возвестил бы об этом всем, и в первую очередь своему другу Папию. Не знает об этом Евангелии Юстин-мученик, писавший несколькими десятилетиями ранее. Значит, Евангелие от Иоанна стало известно после написания апологий Папия и Юстина, позже деятельности Керинфа, и позже Маркиона, также ничего о Евангелии от Иоанна не знавшего.

С другой стороны, Папий записал мнение «двух лиц, которых в этих краях (Эфес и окрестности. – С.О.) считали высшим авторитетом в евангельской истории, а именно одноименника апостола Иоанна, которого звали *Presbyteros Ioannes* и некоего Аристиона, который знал наизусть многие изречения Спасителя... Весьма замечательной чертой *Presbyteros*'а было его суждение о Евангелии Марка. Он находит его неполным, и, в особенности, беспорядочным и усматривает в нем полное неведение относительно истинного порядка событий в жизни Иисуса... Мы склонны думать, что четвертое Евангелие представляет предания этого *Presbyteros*'а и Аристиона, которые могли восходить до апостола Иоанна». (113, с. 33-34).

Вот две версии (включая версию о Керинфе), вокруг которых Ренан выстраивает теорию о происхождении четвертого Евангелия. Его, полагает Ренан, «автор мог написать... сначала для себя и нескольких друзей» (113, с. 46). Но видел ли мир хоть одного человека, который написал бы книгу для себя? Значит, Евангелие было написано для кого-то и для каких-то целей; оно сыграло чрезвычайно важную роль в заложении единства епископальной церкви, и появилось как нельзя кстати и вовремя, и разумеется, несколько позже деятельности «*Presbyteros Ioannes* и некоего Аристиона»².

Однако, те, кто внимательно читали труды Ренана, убедятся, что от ученого в Ренане просто мало: он последовательно защищает

² Если Пресвитер Иоанн написал Евангелие от Иоанна в противовес неупорядоченному, по его мнению, Евангелию от Марка, то его Евангелие вряд ли многим отличалось бы от Евангелия от Марка. Изменить порядок изложения – это одно, но в Евангелии от Иоанна и на третью часть нет повторения изложения Евангелия от Марка. Оно попросту о другом.

церковь, оправдывая даже ее бездуховность и отрицательные качества, он рабски следует трудам ересиологов Иринея, Епифания и др., он выводит мотивацию истории от Евсевия – практически, Ренан католический апологет с определенной долей здравого смысла, что и придает ему черты ученого. Ту же дату 130-го года он вывел из Иринея, который утверждал, что Иоанн жил до окончания правления Траяна, затем накинул десяток-полтора лет для времени академического, так сказать, усвоения учения Иоанна учениками и написания ими Евангелия, и вот он, искомый 130-й год – всё согласно учению церкви!

Приглядимся же пристально к святым отцам. Для нас наиболее интересен Иринея. Место и год его рождения неизвестны, как и его образование, круг общения – вплоть до его появления в Лионе (Лугудуне). Современные православные исследователи полагают, что деятельность Иринея была ответом на распространение валентианского учения. Сам Валентин умер на Кипре в 160 году, и вряд ли посещал Лион; Иринея был знаком с гностицизмом через учеников Валентина, а именно через Птолея, с которым он спорит на протяжении 1 и 2 книги «Против ересей». Иринея своей ненавистью к гностицизму пришелся ко двору в лионской церкви, и, заняв после христианских гонений в 167 году освободившееся место епископа, присвоил себе право говорить от лица всей церкви – близостью к папе Виктору, разделявшего цели Иринея, и разумеется, своими контр-гностическими настроениями. Церковь теперь чрезвычайно нуждалась в образованных умах, но еще более в умах софистского склада.

То, что утверждал Иринея, вряд ли до конца понималось невежественными христианскими пастырями. Я полагаю, что ранее Иринея не было особого единения в вере между епископальными общинами, признававшими наряду с синоптическими иные апокрифы и евангелия, число которых уже в то время было немалым; христианам хватало гонений от сторонников римского культа и от самой римской империи, чтобы они обращали первостепенное внимание на догматические расхождения между собой. Наряду с этими общинами, еще не оформленными в церковь, сосуществовала церковь Маркиона, также оформленная в виде епископальных общин; в городах были популярными учения гностиков, их общины располагались преимущественно в Сирии. И между всеми этими направлениями не было великой вражды до времени Иринея и Виктора, первых строителей новой сплоченной организации из

епископальных общин – будущей ортодоксальной «кафолической» церкви. Именно они воздевают знамя воинствующей ортодоксии, сами же эту ортодоксию персонифицируя. Иринею практически вторит Тертуллиан, списывая кусками его труды против гностиков, так что нет практически необходимости приводить мнения Тертуллиана – все основное он берет у Иринея и защищает его же догматы.

Когда возник конфликт по поводу празднования Пасхи, и Виктор уже хотел отлучать Поликарпа и его сторонников от церкви, Иринею пишет Виктору послание, в котором ссылается на Евангелие от Иоанна. Согласно последнему, Иисус не праздновал Пасху, и последнюю вечерю устроил в предыдущий день. Поликарп, призывая в авторитеты своего учителя Иоанна, ученика Иисуса, настаивал на праздновании иудейской Пасхи, и был по сути прав, так как Иоанн соблюдал Закон. Иринею нужно было установить пограничную черту между иудаизмом и христианством, и он, опираясь на Четвертое Евангелие, доказывает, что Поликарп не совсем прав. Но понимая, чем чревато упорство Виктора – развалом становящейся церкви! – предлагает последнему пойти на уступки, чтобы дать время сторонникам иудейских традиций отойти от них. Иринею противоречит Поликарпу, своему учителю. Потому что у Иринея свои цели.

Итак, вектор деятельности Иринея и его сподвижника Тертуллиана был направлен на отделение от создаваемой церкви любых иных течений и учений, которые они называют еретическими. Следовательно, Иринею требовалось для церкви, как отличной от других организаций, учение, отличное от иных христианских вариаций. Учение – со времени Иринея его можно называть ортодоксальным – совершенно не нуждалось в логичных философских основах; наоборот, оно должно было быть как можно более нелогичным (для конфронтации с логичными системами), и в то же время близким невежественным массам христиан, повторяющим их суеверия (для популярности). Иринею преуспевает в обоих случаях, так как превыше всего ставит чудо, как «наилучшее доказательство божественной миссии» (113, с. 36), чудо, опрокидывающее обычный порядок вещей и явлений, и тем доказывающее, что некая великая воля, независимая от мира, способна изменять в нем все, что угодно, от переселения легионов бесов в стадо свиней до остановки солнца. Для защиты чуда

Тертуллиан опускается до признания абсурда как базиса веры: «веруем, потому что абсурдно».

Зачем была нужна отличительная доктрина во главе угла строящейся организации? Здесь Ириней пошел по пути иудеев. Ездра, заложивший основы иудаизма, отделил евреев от общности азиатских народов, сделал их избранными, т.е. чувствующими себя отличными от других народов и лучшими, отмеченными божественной волей, имеющими определенную надчеловеческую миссию. Это понимание всегда сплачивало и сплачивает евреев, опирающихся на иудаизм, отделяет их от любого народа, в котором они живут. Данная доктрина обеспечила выживание евреев в рассеянии, и ныне обеспечивает монолит их доктринального национального ядра. Ириней – первый сторонник (не по времени, конечно, но по убежденности) встраивания Ветхого Завета в христианскую систему, и не только в качестве одного большого пророчества, предвещающего появление Иисуса-Мессии, но и в качестве символа правопреемства: избранничество и божественная миссия переходит к христианам, поскольку евреи отказались от Христа-Мессии. Ириней имеет своей главной задачей унификацию христианского учения для принятия его в едином варианте всеми епископальными общинами для образования единой организации – это основное, и деятельность Виктора, впервые применившего отлучение целых епископских общин, несогласных с новым курсом, тому полное подтверждение.

Новые строители дают церкви образ Бога, жившего среди людей («И слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. I, 14), пострадавшего и своей кровью искупившего грехи тех, кто уверует в него – на тысячелетия вперед, а также давшего силу «вязать и разрешать» своим служителям своей церкви.

До Иринея Слово – синоним гностического Эона Nous, заимствованного гностиками, по всей видимости, из греческой философии; у Платона Nous «управляет миром благим и должным». У гностиков – Nous первая эманация непроявленного недувального Непостижимого, вершина и правитель проявленного мира. Христос является эманацией Nous для целей установления «благого и должного» среди людей. Ириней объединяет Nous и Христа под Словом (Логос), и делает Слово-Nous человеком, рожденным от земной женщины, под земным именем Иисуса.

Каким образом могло родиться Слово? Здесь почва была подготовлена иудеохристианами, с заблуждениями которых в свое

время сражался Маркион: Слово родилось от Святого Духа и девственницы, Святой дух суть нечто тоже божественное, позднее одно из лиц Троицы³. Деву Марию – пишет Блаватская – было необходимо родить от Девы Анны, дабы совпало с пророчеством Исайи от появления мессии от алмы, храмовой девственницы: «Ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида...» (Ис. IX, 6-7)⁴. Отсюда, Иисус должен был родиться от «ветви Давидовой»; в начале Евангелия от Матфея мы и имеем его полную иудейскую «родословную»⁵.

В общем, учение было слеплено, и дело оставалось за малым – за организацией епископских общин в единую общину-церковь. То, что Евангелия еще давали пищу еретикам, было не важным: не прошло и трех веков, как все споры были улажены. Силой, разумеется.

Символ веры

В 190-х годах в Риме из Византии появился Феодот-Кожевник, который утверждал, что «Христос был простой человек, родился от Девы по воле Отца, отличался благочестием, при крещении сошел на Него в виде голубя Христос свыше». Феодотиане утверждали, что это и есть учение апостольское, которое держалось в церкви до римского епископа Виктора (189-199 гг.)» (55, с. 315). Феодот был отлучен от церкви Виктором. Вот и вскрывается временная грань появления так называемого ортодоксального христианского учения: 189-199 гг., как раз разгар деятельности Иринея, епископа Лионского, поддерживавшего с Виктором тесные контакты.

Именно в книге «О ересьях» мы впервые обнаруживаем остов нового учения, собранного Иринеем от разных авторов и церквей воедино. Итак: «Церковь, хотя рассеяна по всей вселенной даже до концов земли, но приняла от апостолов и от учеников их Веру в единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившего небо и землю, и

³ Троицу впервые привносит в христианскую систему Ориген (три Ипостаси и одна Троица), опять же неоплатоник, и взял он ее у Филона Иудея, популяризатора назарейских и каббалистических идей. Только «Логос Филона есть только «логос эндиатетос», а Логос Оригена – «логос профоримос», воплотившееся Слово Божье, историческая личность Христа» (60, с. 310), так это представлял Ориген, или как-то иначе, уже невозможно определить).

⁴ Однако, из главы VIII видно, что младенец был сыном самого Исайи от пророчицы, и имя ему царь Езекия, потому как из текста ясно, что сразу после его рождения Ассирия захватила Израиль, осталась одна Иудея, которой и управлял Езекия

⁵ Смешнее всего было в генеалогии то, что Иисусу в предки подставили Зоровавеля, того самого перса, руководившего новой персидской колонией в Палестине при Кире.

море, и все, что в них, и во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения, и в Духа Святого, чрез пророков возвестившего все домостроительство Божие, и пришествие, и рождение от Девы, и страдание, и воскресение из мертвых, и вознесение во плоти на небо возлюбленного Христа Иисуса Господа нашего, а также явление Его с небес во славе Отчей, чтобы «возглавить все» (Еф. 1, 10) и воскресить всякую плоть всего человечества, да перед Христом Иисусом, Господом нашим и Богом, Спасом и Царем, по благоволению Отца невидимого, «преклонится всякое колено небесных и земных и преисподних, и всякий язык исповедает Ему» (Флп. 2, 10), и да сотворит Он праведный суд о всех, духов злобы и ангелов, согрешивших и отпадших, а также и нечестивых, неправедных, беззаконных и богохульных людей Он пошлет в огонь вечный; напротив, праведным и святым, соблюдавшим заповеди Его и пребывшим в любви к Нему от начала или по раскаянии, дарует жизнь, подаст нетление и сотворит вечную славу». (42, кн. 1, X).

Здесь есть все и немного больше: Троица из Отца, Сына и Святого Духа; здесь Бог-Отец – творец всего; земной Иисус и небесный Христос суть одно; Сын воплощается ради спасения людей; ему предшествует пророчество через ветхозаветных пророков о рождении Христа, причем от Девы, и о его крестном пути; воскресение Иисуса Христа из мертвых и вознесение его во плоти на некое небо; учение о воскресении человечества во плоти; учение о Страшном Суде; учение о вечных муках для грешников и ангелах тьмы; учение о вечной жизни праведников, учение о Святом духе, вещавшем через пророков. Практически, это Символ веры, появившийся за полтора столетия до официального утверждения. В Никейском Символе веры подробно расписана природа Сына – как следствие борьбы с арианами, добавлен догмат о крещении и вере в церковь. Все остальные основные элементы иринеевского символа веры в существующем ныне Символе веры присутствуют.

Полагают, что ранее Ириней Символ веры был прописан Апостолами в так называемом Апостольском Символе веры. Это простое замечание следов и исключено, потому как в Апостольском Символе наличествует вера в «святую всеобщую церковь», которой в помине не было при апостолах (особенно «всеобщей», католической), есть никейские догматы о воскресении на третий день и о прощении грехов, а также совершенно новый тезис о общении святых, которого нет ни в одном Символе, но он был бы, если бы

присутствовал в апостольском прото-Символе, будь последний известен ранее всех. Таким образом, мы должны признать, что Символ веры, содержащий в себе практически всю догматику церковного унифицированного учения, был впервые написан Иринеем Лионским, в силу чего именно Иринея Лионского нужно называть основателем христианской церкви как таковой.

Важным было то, что Иринея поддержал римский епископ-папа Виктор, и поверхностные мотивы этой поддержки очень прозаичны – Иринея упрочивает власть римского епископа, как наследника Петра и Павла через так называемую апостольскую преемственность. Виктор же поддержал Иринея внедрением его унифицированного учения в практику всех общин, придерживавшихся общения с римским епископом, как с главой христианской веры.

Наконец, наиболее ранним документом, утверждающим основы учения церкви, является так называемый Канон Муратори, датированный примерно 200-м годом. В нем:

- упоминается вселенская церковь, и семь церквей (общин) в ее основании, как бы доказывающих великий замысел Иисуса Христа и апостолов основать именно эту и никакую иную церковь;

- Лука упоминается как ревнитель иудейского закона (хотя он не был таковым), и что именно в этом качестве взял его Павел (отменивший это «дитя Агари»). Т.е. со стороны составителя документа видно, что закон им со счетов не сбрасывается, что есть желание в дальнейшем использовать закон под церковные нужды;

- есть «Господь во плоти», главный догмат ортодоксальной церкви. Звучит примерно также, как «воздух в шоколаде»;

- пост рассматривается как один из способов достижения святого состояния. Причем как канонизированный способ в ряду таких же канонизированных. Вроде «уплаты налогов» и «участия в выборах» для достижения звания гражданина – с точки зрения наших правителей. Полезно и безвредно. Остальные способы неканоничны, потому что опасны;

- удовлетворенность, что хотя «о разных конкретных вещах» можно прочитать в Евангелиях, однако же все они написаны по одному шаблону, «одним Духом возвещен» один и тот же сценарий: предсказан, родился, крестился, распят, возродился, грядет;

- утверждается Павел в роли церквеобразующего апостола. Будто бы вся его деятельность была направлена только на строительство церкви. Павел для устроителей ортодоксальной церкви и скрижаль церковной дисциплины, и щит против обвинителей в корыстных

интересах (не наше, мол, это дело, мы только продолжатели), и необходимое звено в цепи «парамгуру», апостолической преемственности, от которого только то и осталось выстроить преемственность римских епископов, чтобы объявить папу продолжателем «дела Христова».

Как видим, ничего от Востока, от назареев и ессеев в Евангелии не осталось, а если и осталось, то толковалось в нужном ключе. Дело оставалось за малым: плечом к плечу отразить натиск сторонников гнозиса, отбросить тех, у кого, собственно, и были заимствованы комплекующие церковного учения.

В завершение вполне подойдет цитата из Ренана: «Нельзя не настаивать достаточно на том, что до великого раскола церквей, греческой и латинской, одинаково кафолических, был еще раскол сирийский, который, если можно так выразиться, выключил из христианства... целый мир иудео-христианских евионитских сект совершенно не кафолических (ессеев, оссеян, самсеян, жесеян и елказаитов), от которых ислам узнал христианство и для которых Ислам был возмездием. Одним из как бы живых доказательств этого великого факта может служить то, что мусульмане всегда называли христиан назарейями. Другим доказательством может служить то, что христианством Магомета был евионизм или назарянство и тот упорный доцетизм, который побуждал мусульман всех времен утверждать, что Иисус лично никогда не был распят, а вместо него пострадал призрак... По-сирийски эти разнообразные секты носили название *sabiin*, вполне равнозначущее слову «крестители». От этого произошло слово *sabiens*, которое продолжает и теперь служить названием сект мендаитов, назарян, или христиан святого Иоанна... В VII столетии Магомет относился к ним с особенной благосклонностью» (111, с. 262).

Воззрения последующих еретиков вполне укладывались в назарейские схемы. Фактически, древняя борьба элохистов и иеговистов, традиционалистов и искажателей Традиции не умерла, и с рождением ислама она продолжилась под новыми символами, но за старую суть.

Внутренние ереси

Новый виток борьбы с ересями начался сразу по легализации церкви Константином. Внешние ереси были идентифицированы и пронумерованы, учение новой церкви унифицировано и резко отлично от учений еретических сект. Легализация церкви образовала между внешними ересями и церковью пропасть; законами Константина внешние ереси подверглись гонениям. На протяжении IV века и двух последующих были созданы все мыслимые и немыслимые условия, чтобы от еретических общин на «цветущем» теле христианской империи не осталось и следа, а равным образом от их учений, книг, амулетов, символики и т.п.

С момента легализации ересь имела зыбкие права только внутри церкви, и только в пределах христианизированных форм. Пока не пробил последний звонок Эфесского собора 431 года, внутрицерковный плюрализм, то есть относительно несмертельная опасность существования «другого мнения», имел место быть. Разумеется, он был язвой, болезнью, с которой церковь боролась. Умерщвление внутренних ересей происходило поэтапно, и на каждом этапе церковь возрастала организационно, оттачивались методы взаимодействия церкви и светской власти, уничтожались остатки гнозиса, т.е. восточно-ориентированных положений.

Монтанисты

Время возникновения первого и самого широкого внутрицерковного движения относят примерно к 171-172 гг. н.э. Во главе его встал некий Монтан из Фригии. Он объявил себя пророком Параклета, духа-утешителя из Евангелия. К этому времени институт прорицателей-провидцев все более входил под власть епископов, которые «присваивали себе дар распознавания духов, одних одобряли, других изгоняли» (111, с. 120). Более того, епископ постепенно завоевывает право посредничества между верующим и Богом, становится совершенно незаменимой фигурой, толкователем Высшей Воли, которую несомненно подменяет либо своей, либо корпоративной, что близко к тождеству.

Время изменило христианство. Теперь эллинские общины были в основном без учителей и пророков. «Так как мы на самих себе это видим, и знаем, что христиане из язычников многочисленнее и ревностнее христиан из Иудеев и самарян», – хвастает Юстин в «Первой Апологии». Чему же радоваться, когда среди христиан-эллинов нет ни ученых, ни философов, которые могли бы в свое

время разорвать рамки своих общин и пойти навстречу революции Павла.

«Теперь уже не становились христианами под влиянием сильного личного впечатления, как в первое время – поэтично пишет Эрнест Ренан, – некоторые рождались христианами» (112, с. 117). Когда-то в Индии браманами становились в результате личных усилий в постижении Истины, а потом браманами уже просто рождались, получая совершенно незаслуженные привилегии и власть – так, рождением браманизма, начался закат древней религии Вед. Античный мир пришел к своей финишной прямой, когда христианами стали просто рождаться.⁶ Гнозис уже давно был на задворках невежественного христианства.

Как далеки были эти новые христианские общины, в которых шли и стар и млад, и вор и растлитель, кожевник и повар, от общин кумранского типа. Они уже и знать не знали, за что, собственно, стоило бороться и гореть на кострах. В войне сынов Света со «скрытными духом» сынами Тьмы они, сами того не ведая, были заведомо на стороне последних, епископскими посохами сбивавшими стадо, не забывавшими заправлять под съезжавшую овечью шкуру волчьих уши. И противниками новых аскетов были не Синендрион и фарисеи, не Кривда ессеев, а «языческая» «многобожная» культура. «Слепые вожди слепых» вновь подняли над рядами новых «избранных» мононеистическое знамя Иеговы, знамя тупой веры и воинствующего невежества.

Тем не менее было еще достаточно общин, направляемых учителями и пророками. Еще многие жили наставлениями «Дидахэ». И не желали ограничить религиозную мысль четырьмя Евангелиями, похожими друг на друга как капли воды. Видимо, множество общин отдаленно кумранского типа было во Фригии. Именно там возникло первое внутрицерковное еретическое движение. Церковь только становилась, только строила ряды, и общины, желавшие жить не по указке из Рима, а по пророческому вдохновению, по старым наставлениям, из этих рядов следовало изгнать. С именем Монтана связана контр-христианская традиция, проповедующая личные усилия для «восхищения Царства Небесного» против пастырской руки епископов.

Помощницами Монтана были женщины Присцилла (Приска у Тертуллиана) и Максимилла. Поскольку в посланиях Павла указано

⁶ Эллинский мир получил свой полусмертельный удар много раньше, когда в Элевзинские мистерии стали посвящать просто за плату. И Мистерии, бывшие непререкаемым институтом и критерием истины, были профанированы.

не допускать женщин к исполнению церковных обязанностей, данный факт означает: либо монтанисты ставили свое учение выше сформировавшегося Нового Завета (в дальнейшем они добиваются включения книг своих основателей в Новый Завет), либо данный запрет был вставка, сделанной во время или сразу после победы над монтанистами, как мера предосторожности.

Язык книг Монтана был настолько силен, его действия и личный пример настолько заразительны, что Монтана считали самым Параклетом. Монтанисты говорили, что из книг Монтана они узнали более, чем из всего Нового Завета. Во Фригии развивалось мощное автономное движение, не нуждавшееся в официальной церкви, даже её не признававшее – факт для новой церковной иерархии не столько тревожный, сколько ужасающий!

«Спор усложнялся вопросом о покаянии и примирении. Епископы требовали права отпущения (грехов. – С.О.) и пользовались им с широтою, которая была соблазном для пуритан» (112, с. 128). «В глазах энтузиастов (монтанистов и не только. – С.О.) епископы, лишённые дара пророчества и совершения чудес, будут стоять ниже пневматиков. Через последних, а не через официальную иерархию, совершается преподание благодати на совершение таинств, движение и развитие церкви» (112, с. 129-130). Монтанисты полагали, что во главе еклесии должны стоять пророки и пневматики, т.е. полагающие личные усилия в достижении познания внутреннего человеческого мира, в достижении спасения; официальная церковь голосами епископов, уже чуждых духовных проявлений, настаивала на таинствах, и в первую очередь на таинстве апостолического рукоположения, которое – уже вне сомнения? – наделяло епископов правом прощения грехов верующим. Монтанисты имели во главе своих общин учителей и пророков – «высокомерных аскетов», которые были маяками для менее преуспевших верующих на духовном пути. В противовес фригийским учителям официальная церковь предлагает верить и подчиняться иерархии епископов, наделенной таинственными правами спасать грешников – без всяких личных усилий последних к спасению. И при эдакой дисконтной скидке фригийские верующие отчего-то не бежали спасать свои души под епитрахиль епископов.

Не бежали, может быть, потому, что хотя второй путь снимал с верующих нужду добиваться духовной свободы самостоятельно, но при этом полностью отдавал их во власть иерархии. Путь монтанистов, требовавший личных усилий от верующих, был куда

более сложным, и ко всему вел к разрушению официальной иерархии. С этим согласен и Ренан: «Добрые фригийские безумцы действительно подготовляли смерть христианства посредством уничтожения иерархии... Таинство взяло верх, и краеугольный камень католицизма был бесповоротно установлен» (112, с. 131). Разумеется, не христианству они подготовляли смерть, но только церковной иерархии, уже фактически завоевавшей право представлять не только всех верующих, но и, с другой стороны, Сына и Отца. Позже идея монтанистов о необходимости личного совершенства и чистоты епископов станет знаменем в руках донатистов, о чем далее.

«Что бы ни говорили Гермас и монтанисты, стало возможным быть христианином, не будучи святым. Повиновение церковной власти теперь важнее в христианине, чем дары благодати. Отныне эти дары будут даже вызывать подозрение, и наиболее осчастливленным ими нередко придется становиться еретиками» (112, с. 133). Таким образом, Ренан радостно констатирует смерть духовного христианства; ниже он сам отождествляет иерархию епископов, озабоченных только властью над душами, с церковью. Теперь любое посягновение на эту иерархию, хотя бы и самого Иисуса Христа, замечательным образом смоделированное Достоевским в «Братьях Карамазовых», будет равноценно посягновению на веру, на Бога. «Иерархия даже предпочтет грешника, прибегающего к обычным способам примирения, высокомерному аскету, который сам себя оправдывает или воображает, что не нуждается в оправдании» (112, с. 134). Ренан восторгается движением епископов, одобряет всякий их шаг, оправдывает любое преступление новой церкви. Его мастерству отбеливать черного кобеля остается только завидовать. Видно, Ренан был иезуитом – если не по принадлежности, то по способу мысли – однозначно.

Не стоит все-таки слишком восторгаться и монтанистами. Монтану было не занимать ненависти к языческому миру, к миру, катящемуся в лапы Антихриста, вообще. Фригийцы осуждали брак, яро веруя в близкий конец света. Присцилла и Максимилла пророчествовали о нем неустанно. Заметит, они были по своему правы. Античный мир всего через пару столетий пал под дубинами варваров, а потом под христианской рукой Юстиниана. Сцены гибели Рима, гибели цивилизации, носившиеся, видимо, перед духовными глазами пророчиц, вполне могли быть принятыми за конец света. Но было еще малое время, во время которого христиане могли становиться

лучше, «христоподобнее» – это мрачное предчувствие смерти витало в умах фригийцев и разжигало их веру.

Монтанисты долгое время пытались установить паритет с родившейся общностью, с римской католической церковью. Они настаивали на включении книг своих пророков в Новый Завет. Но в большей степени не монтанисты должны были стремиться к мирному договору и к сглаживанию различий, а римская церковь. Ведь не могло же быть двух христиан, одного римского, другого фригийского, одного – верующего в отпущение грехов, а другого – не верующего ни в отпущение, ни в епископскую благодать! Один из этих христиан должен был быть настоящим, а другой еретиком. Но объявить еретическим мощное движение означало разрешение противостояния в войну. Видимо, играя на этом, монтанистам почти удалось прийти к соглашению с папой Зефирином, но вдруг «Епигон, прозванный Праксеом... доказал папе, что он не может одобрить эти бредни, не изблещив своих предместников, которые их осудили». (112, с. 128). Конечно, не мог бы. И церкви пришлось пожертвовать частью своей потенциальной паствы. «При Калликсте (217-222) умеренные взгляды (Ренан-таки настаивает, что церковь проявила, отвергнув непримиримых к грехам монтанистов, эдакое милосердие перед слабым человечеством. – С.О.) взяли вверх... Иконийский собор положил конец спору со стороны церкви, не возвратив заблудших в ее лоно. Секта вымерла лишь весьма поздно; она просуществовала до VI века, в виде христианской демократии, с особенностями в Малой Азии» (112, с. 131).

Новорожденная римская церковь завоевала в этом споре следующие позиции:

- таинство превыше любого рода личных усилий;
- иерархия превыше экклесии, «миряне стали совершенно ничтожны. Одни епископы вмешиваются в вопрос, выражают мнения...» (112, с. 116);
- между верующим и Богом раз и навсегда встал посредник-церковник; верующий отныне не может иметь никакого собственного суждения в духовных вопросах, и даже в духовных ощущениях, что означает тотальный контроль духовенства;
- все духовные проявления и стремления, способные поколебать позиции церкви, отныне по контролю иерархии; монастырь становится тюрьмой для пневматиков;
- препятствуя включению в официальный канон книг основателей секты монтанистов, церковь объявляет, «что Новый Завет завершен

окончательно» (112, с. 130), а значит, все писания ее устраивают, и изменение любой буквы недопустимо;

– «вопрос о допущении женщин к церковным должностям и совершению таинств... был разрешен бесповоротно» (там же), и не в пользу женщин – как явная месть монтанистским пророчицам Присцилле и Максимилле.

Ориген

Я поместил статью о Оригене в раздел о внутренних еreseх по вполне понятным причинам. Во-первых, Ориген не был признан еретиком ни в течении своей жизни, ни на протяжении трех веков по ее окончании. Он умер христианином, в мучениях, к которым призывал христиан. Но в V веке н.э. его учение показалось церкви совсем не правоверным. Во-вторых, учение Оригена, изложенное, думается, фрагментарно и неполно в трактате «О Началах», явно противоречит линии Иринейя, главного пастыря ортодоксальной церкви, значит, изначально может быть отнесено к внутренним еreseям.

Наибольшее расхождение Оригена и учения церкви выявляется в вопросе о воплощении Христа. Как известно, церковь уже во время Оригена, творившего в первой половине III века, считала Иисуса Христа Сыном Иеговы, рожденным в Иудее от простой женщины, облеченным в человеческое тело – Богом во плоти. Причем, церковные отцы не очень-то были в состоянии различать духовное и физическое, и толковали тело Иисуса как тело Бога, образ Иисуса как образ Бога. По своему воскресению Христос именно как видимое человеческое тело возносится на небо и пребывает там «одесную Отца». Ориген в своем трактате «О Началах», не предназначенном для широкого круга христиан, но только для самых близких учеников, придерживается совершенно иной точки зрения. Фактически, он склоняется на сторону гностиков, разделявших Христа и Иисуса, хотя и не переходит однозначно на их сторону. Ему не хватает либо логики, либо смелости.

Итак, Ориген размышляет следующим образом:

1. Если Бог есть Истина и Жизнь, то отпадение от Бога, то есть от Жизни, есть смерть, и отпадение от Истины, которая есть Существование, есть не-существование. Ориген плавно подводит к тому, что земная человеческая жизнь есть не-существование, смерть. Этим самым он повторяет и Платона, и гностиков, и восточных философов, полагавших, что земная жизнь есть иллюзия, не-бытие, и задача людей состоит в возрождении в Жизнь, в Воскресении. Сила,

которая способна воскресить от не-существования к Существованию, от смерти к Жизни, имеется у Христа, и этой силой Он воскрешает, а значит, является Спасителем (67, с. 49-50) и Путем, по которым заблудшие души возвращаются в Жизнь («Я – Путь, и Истина, и Жизнь»). Следовательно, Христос «не есть Сын по усыновлению извне через Святого Духа, но Сын по природе» (67, с. 50), то есть Сын не есть (в том числе) человек, рожденный от Марии («ничего телесного, имеющего величину, или форму, или цвет», – настаивает Ориген (там же), но аспект Бога, Логос. Не личность, во всяком случае.

2. «Допустим, например, что сделана статуя, которая по своей величине занимает весь круг земли и по своей громадности не доступна ничьему наблюдению; положим, что есть и другая статуя, по расположению членов и чертам лица, по виду и материалу сходная с первой, но не таких громадных размеров. Тогда люди, не могущие рассматривать и созерцать первую, огромную статую, видя вторую, меньшую, могут признать, что они видели ту статую...» (67, с. 53)

Что ж, перед нами образец восточной мысли, а точнее, видоизмененная индусская аллегория о Великом Радже, изложенная Блаватской в записках «Из пещер и дебрей Индостана». Великий Раджа, чей дворец простирался от одного края неба до другого, захотел показать его людям. Но люди не смогли увидеть дворец – столь он был велик и необъятен для зрения. Тогда Раджа стал разбирать дворец на кирпичики и кидать людям вниз, и кирпичики превращались в богов – синие в синих, красные в красных и т.д., дабы люди по частям (аспектам) могли составить для себя представление о небесном дворце. С другой стороны, Ориген демонстрирует искусство неоплатоников школы Аммония Саккаса, чьим учеником был он и сам⁷ – искусство аналогии, или представления вещей метафизического порядка с помощью вещей порядка физического, земного. За этот способ изложения многие церковные отцы обвиняли Оригена в следовании Платону, и не только на этом основании.

3. Основываясь на вышеприведенной аналогии и понимая, что Логос, не имеющий формы, уже только по этому признаку не может явить себя людям, Ориген справедливо полагает, что между Логосом и телом нужен посредник, нужна человеческая душа, однако же чистая и свободная от греха. Душа Иисуса была тождественной душам человеческим; «не может быть сомнения в том, что природа той души была такая же, какая присуща всем душам; в противном

⁷ По всей видимости, Ориген учился у Аммония в зрелые годы, уже после своих выступлений против гностиков.

случае, если бы она не была поистине душой, она не могла бы и называться душой» (67, с. 125). Однако, тогда как человеческие души в своем множестве отпали от Бога через уменьшение интереса и знания о Нем, душа Иисуса осталась неизменной, и со временем божественные качества, бывшие для нее случайными, стали постоянными, субстанциональными. Она стала защищенной от зла, как раскаленный в постоянном огне кусок железа защищен от холода; более того «та душа, как железо – в огне, всегда находится в Слове, всегда в Премудрости, всегда в Боге, и поэтому все, что она делает, что чувствует, что мыслит, есть Бог» (67, с. 126) Таким образом, именно эта душа и была рождена в теле от земной женщины, дабы по ее делам и взглядам люди могли составить себе представление о Логосе.

4. Ориген полагает, что души могли отпасть от Бога по небрежению, как по небрежению мастер может со временем растерять свое мастерство. Следовательно, Ориген проповедует некое предсуществование душ на том или ином уровне знания о Боге, и что с этого уровня через определенное время, а если быть последовательными, в земных телах через мириады воплощений, души теряют знание о Боге (67, стр. 68), и падают во зло, в невежество. Широко известно выражение Оригена – ад есть невежество. Однако, как мастер может восстановить свои навыки через упражнения и прилежание, так и души человеческие могут вернуться на исходный уровень. Ориген надеется, что «мы, может быть, когда-нибудь, хотя и с трудом, получим возможность созерцать святую и блаженную жизнь» (там же). Он опирается также на высказывание ап. Павла о совершенных, которые «будут созерцать славу Господа лицом к лицу, вследствие откровения тайн (2 Кор. III, 18)» (67, с. 69)

5. Какие основания дают Оригену возможность надеяться на Воскресение людей, которое он видит не в воскресении тел, но душ в божественную жизнь (что согласно, заметим, с учением гностиков)? Оригену представляется возможным путь правильных умозаключений (67, с. 39). Он полагает, что «ум (человека. – С.О.) до некоторой степени родственен Богу, что он служит умственным образом Его и именно поэтому может знать кое-что о природе Божества, особенно если он чист и отрешен от телесной материи» (67, с. 45). Надо сказать, такое учение есть очередная серьезная мина под здание церкви, в силу того, что можно познавать Бога через умозаключения, через ум человеческий вообще; и для этого

необходима чистота ума, отвлеченность ума от телесности, то есть от земных страстей и привязанностей. Ориген тем самым:

а) поддерживает монтанистов, будущих ариан, донатистов, несториан, альбигойцев и катаров – в общем, церковных еретиков, о которых речь пойдет дальше – в плане Богопознания не через веру в догматику церкви, а через личные ментальные усилия⁸;

б) поддерживает их же, еретиков, в плане признания необходимости духовной чистоты (т.е. духовных усилий) для восприятия Мудрости – как для верующих, так и для представителей церковной иерархии.

6. Он писал, что «действие Отца и Сына простирается как на святых, так и на грешников, как на разумных людей, так и на бессловесных животных, и даже на неодушевленные предметы и вообще на все существующее». (67, с. 63) Должно ли это понимать так, что все в мире имеет божественную природу, или просто так, что все в мире управляется Богом? Ориген добавляет, что «все разумные существа причастны Слову, т.е. разуму, и, таким образом, носят в себе хотя бы некоторые семена Премудрости и Правды, которая есть Христос» (67, с. 64). Наконец, он цитирует ап. Павла, выражающего абсолютно восточную идею Бога в человеке: «Близко к тебе Слово, в устах твоих и в сердце твоём»⁹ (Рим. X, 8).

Итак, Бог в человеке, человек – потенциально божественен. Вывод очевиден: человеческие души, раз они тождественны душе Иисуса, могут достичь его состояния, уподобиться Логосу и отождествиться с Ним, узреть Бога через Сына. Далее Ориген не решается идти, для него это невозможно, он боится неверных предположений о Боге. Он боится завершить восточную философскую цепь: ...человек должен стать духом, а дух – Богом.

7. Ориген боится не только неверно подумать о Боге, он боится народившейся церкви. Наверно, ни разу он не восставал против

⁸ Даже изречение из Нагорной проповеди «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. V, 8) Ориген трактует в духе умопознания: «... что значит видеть Бога сердцем, как не понимать и познавать Его умом?» (67, с. 47). Конечно, Ориген также учит полезности изучения Писаний: «... эти (вышеприведенные. – С.О.) доказательства имеют мало авторитета для тех, кто познание о божественных вещах желает почерпать из Св. Писания» (67, с. 46).

⁹ Если мы прочитаем это же место в современном Евангелии, то увидим явный посткриптус, заботливо вписанный поздними отцами и поясняющий, что речь идет не о Слове, а о слове веры, «которое проповедуем», то есть о учении христианской церкви. Однако, Павел ведет речь о Христе, и ему было бы нелогично сбиваться. После стиха 9 и 10 Павел снова возвращается к теме, тем самым обнаруживая подлог. Церковным отцам было нужно нивелировать все высказывания в восточном духе, чему и служит данный посткриптус.

церковных нелепостей, хотя они и были неверными мыслями о Боге. Он был с церковью заодно в своих нападках на гностиков, хотя и соглашался с ними в своих выводах, но в то же время не признавал этого. Например, Христос по Оригену суть Логос-Слово, и отталкиваясь от роли слова в человеческих отношениях, Ориген утверждает, что Слово является для сотворенных толкователем тайн Духа. Христа более всего Ориген любил называть Премудростью Божией, и просто Премудростью. Гностики называли первое проявление Бога Умом, Nous, а каббалисты – Хокмой, Мудростью, так что Ориген называет Логос фактически также, как и гностики и каббалисты.

Одного гностики не делали никогда – не придавали безличному Логосу личностные черты. Ориген же называет Логос Иисусом, полагая что Иисус стал одним с Христосом, и поэтому теперь что малая статуя, что большая – безразлично. Ему было у кого учиться такому приему «на грани фола». Если Филон Александрийский называет Божество, не касающееся Мира, именем иудейского Иеговы, отсекая, правда, при этом все человеческое и образное, называя все описания деятельности Иеговы в Торе аллегориями, то и Ориген не совершает, в таком случае, ничего нефилософского. Правда, в таком случае все земные деяния Христа также следовало бы объявить аллегориями, но это уже выше сил Оригена.

Вслед за церковью Ориген с готовностью подставляет плечи под еврейское наследие, и все свои доказательства так или иначе подкрепляет цитированием Ветхого Завета. Он вступает в спор с гностиками, объявляя их еретиками на том хотя бы основании, что они разделяют Верховного Бога Нового Завета и Творца мира Ветхого Завета. «Ведь по их учению мир не знает только одного благого Бога; создателя же своего вполне знает, по слову самого Господа, что мир любит свое» (67, с. 121). По Оригену, Бог Нового Завета и Бог Ветхого Завета суть одно. Ориген с пылом включает свой голос в хор церковных отцов и попирает гностиков, сам при этом без всякого зазрения пользуясь гнозисом.

Да и опровержения-то его довольно натянуты. К примеру, в вопросе о Эманациях. Он упрекает александрийских философов-эманативистов, выводивших одни эонические уровни из предыдущих и более великих. Упрекает в том, будто бы они видят в Боге части, и полагают, будто бы высший Эон, Слово-Логос-Nous, является частью Бога. Разумеется, если Бог имеет простую несоставную природу, как много раз заявляет эту платоновскую мысль Ориген, то откуда в нем

взяться частям? Появление Логоса он сравнивает с испарением, как если бы «от всей этой безмерно великой силы (происходит) испарение и, так сказать, мощь, сама имеющая свою собственную ипостась» (67, с. 54). Фактически, он только излагает другими словами доктрину Эманаций, с существенной поправкой. Об этой доктрине чуть далее (см. статью «Ариане»).

В своих рассуждениях о душе Оригену остается сделать лишь малый шаг, чтобы примкнуть к гностикам. Полагая, что душа и дух различны, что дух – это душа в огне Бога, ассимилировавшая его огненность, он таким образом становится на позиции неоплатоников, разделявших тело, душу и дух. Иначе и быть не могло, коль он был учеником Аммония Саккаса, основателя неоплатонизма. И если дух является творением Бога, то логично было бы отдать творение и формирование тела и души более низшим иерархиям. Правда, тогда ангельские сонмы были бы разбиты на Иерархии, понадобилось бы понятие гностической Плеромы, дабы пояснить, почему дух столь отличен от души, что душа, словами ап. Павла, не может принять ничего духовного. Нужно было бы поселить душу вне царства Духа, вне Плеромы, в царстве материального Творца... в общем, здравствуй, ересь.

Хотя, есть и иное объяснение робкой и непоследовательной манеры Оригена. Порфирий, ученик Плотина, рассказывает о том, что Плотин вместе с Оригеном и неким Герением учились у Саккаса, и после смерти своего учителя заключили «уговор никому не раскрывать тех учений Аммония, которые тот им поведал в сокровенных своих уроках» (74, приложение, с. 653). Порфирий пишет, что и Герений, и Ориген нарушили договор, Плотин же остался ему верным. Ориген написал некое сочинение о демонах, и книгу о том, что царь есть единственный творец. Ни одного из этих сочинений мы не знаем (во всяком случае, мне о них неизвестно). Трактат «О Началах» не походит по сути на эти сочинения¹⁰. Следовательно, Ориген остался в целом верным уговору, и робость с непоследовательностью могут быть объяснены боязнью раскрыть эзотерические доктрины Аммония.

Можно также предположить, что Ориген разделял свое учение на эзотерическую и экзотерическую части, и одну оставлял немногим

¹⁰ Есть мнение, что этот трактат написан Оригеном в юности, и исполнен ошибок, но тех, кто знаком с восточной и платоновской философией, нет нужды убеждать, что данный трактат представляет собой зрелое сочинение, коль в нем присутствуют и аналогии, и платоновские рассуждения, и неоплатоническое ноу-хау «тело-душа-дух» (Платон говорил только о душе и теле).

верным ученикам, другую проповедовал в христианских массах. Он мог попросту жалеть узкое сознание своей паствы, стараясь не смущать его метафизикой. Из его основного сочинения мы видим, как искатель и подлинный философ устремляется на поиски истины. Он ищет, делает логические выводы и спорит, отстаивая свою правоту. Хуже всего, однако, то, что в то время как одни, подобные Оригену, со страхом и интересом одновременно взирали в глубь религиозных вопросов и спорили между собой, другие, подобные Иринею, использовали споры для утверждения власти церкви и устранения конкурентов в борьбе за паству.

Поскольку тех малых шагов к завершению последовательных цепочек умозаключений Ориген так и не сделал, он долго оставался своим, или почти своим в христианской среде. Больше чем «Увещевание к мученичеству» и любых других его книг христианским отцам явно нравились его нападки на гностиков и философов в книгах типа «Против Цельса». Конечно, у книг Оригена были как почитатели, так и противники. Допустим, зоркий «Маркелл Анкирский находил в этом сочинении («О Началах». – С.О.) незаконное преобладание платонизма над христианством (Евсевий против Маркела. 1.4.). Иринея (?) перевел «О Началах» на латинский язык с целью обнаружить перед латинянами еретичество Оригена. Феофил Александрийский и Епифаний Кипрский издали соборные определения и послания, в которых осуждалось особенно это сочинение. Анастасий Римский осудил и запретил читать «О Началах». (Историко-критический очерк «Сочинение Оригена «О Началах» // 67, с. 3-4)

Наконец, пришло время сказать свое веское слово христианским монархам. Абсолютный ортодокс византийский император Юстиниан, найдя «другое мнение» в трактате «О Началах», ставит в этом вопросе жирную точку. Он добивается от патриарха Мины признания Оригена еретиком, что и было сделано на Константинопольском Соборе в 543 году, а потом на Пятом Вселенском соборе. Логично, что церковные отцы должны были анафематствовать также доктрину о перевоплощении, коль скоро она поддерживалась Оригеном.

Учение Оригена представляет собой яркую переходную стадию от гностического христианства к ортодоксальному. В нем имеются положения как ортодоксальные, например, о Иегове как Верховном Боге, о Троице (в состоянии аморфном, больше гностическом, чем ортодоксальном), о Сыне Божиим (опять же в переходном состоянии),

так и гностические: доктрины перевоплощений и эманаций, учения о различии человеческого духа и души, о возможности восстановления духовной природы и уподобления Логосу, а следовательно, и Богу, о необходимости личных усилий для достижения данного духовного состояния, о различии человека Иисуса и Логоса Христа, о воскресении душ. Учение Оригена разделяло противников и сторонников, тем самым позволяя исследователям отнести принадлежность того или иного христианского отца к тому или противоположному лагерю – благо, что их было всего два, либо оставить в состоянии «и нашим, и вашим». Впрочем, в последнем состоянии был и Ориген.

Его деятельность и труды для становящейся христианской церкви неопределимы. Конечно, те философские мысли, которые после его смерти стали известными широкому кругу христиан, стали материалом для формирования догматики – к примеру, догмат о Троице и Ипостасях. С другой стороны, если бы не такие мыслители как Ориген, обладавшие широкой и сострадательной душой, христианство было бы много грубее, и принесло бы гораздо больше страданий и невежества человечеству.

Донатисты

В начале VI века в Африке возникло опасное для церковного единства движение донатистов. При гонениях христиан Диоклетианом африканский епископ смалодушничал, но при Константине снова оказался на коне; его соперник Донат опротестовал власть епископа-предателя и вынес на рассмотрение церкви вопрос: может ли человек, запятнавший себя преступлениями, носить священнический сан, нисходит ли через него благодать? Донатисты стояли за соответствие должности духовного облика священника, а тем более прелата. Опираясь на силу государства, ортодоксы отбили от донатистов, и из этого сражения вынесли самый, пожалуй, ценный за всю историю своих предыдущих и последующих войн трофей – догмат о таинстве священства. Они утвердили в умах «слепых» положение: сан священника нетленен и безгрешен, даже если носящий сан является сыном вора и проститутки, а сам убийцей. Камлающий священник – священнодействует, через него нисходит с Небес благодать, он ведет магический ритуал, причастные к которому обретут спасение после смерти. Донатисты протестовали: благодать грешника не касается, ибо не может Бог лить чистые воды в сосуд, полный нечистот, имея целью напоить страждущих.

В движении донатистов вновь были частично реанимированы взгляды монтанистов о совершенстве христианских учителей. Константин оградил силою государства влияние донатистов Африкой, а позднее их окончательно истребили вандалы.

Через действие догмата теперь беспрепятственно в церковную иерархию могли проникать обладатели всех пороков, которые и сделали, когда дорвались в Риме до власти, из церкви «вертеп разбойников, базилику дьявола, синагогу сатаны», не переставая пребывать в глазах «слепых» «сосудами благодати», «*minor dio*» («малыми богами»), по выражению Розанова. Это в Риме; в Византии церковь до завоевания турками оставалась под главенством государства, что не помешало ей окружиться пороками не меньшими, но с менее печальными последствиями.

Ариане

Следующий после сражения с донатистами бой церковные отцы дали арианам. Арий – епископ александрийский, ливиец по происхождению, был учеником Лукиана Самосатского (ум. в 312 г.). «Лукианисты... воспитанные на Аристотеле, истинном отце еретиков, увлеченные его категориями и силлогизмами, они любили и умели спорить. Желая и в богословии остаться строго научными, они верили в силу разума и не хотели знать ничего непостижимого», – пишет Л.П. Карсавин в дореволюционном труде «Святые отцы и учителя Церкви» (52, с. 84). Арианство стало одной из ярчайших вспышек церковного гнозиса, религиозной философии. Раскроем кратко основные положения учения Ария и ариан и основные пункты столкновений его с учением ортодоксов.

Бог един и непостижим; все прочее, и прежде всего Слово (Логос, Христос) причастно Отцу не по сущности, а по благодати. Слово создано (рождено) волей Отца; Слово – орудие Отца для создания Мира. Слово – во временных рамках, т.е. конечно, тогда как Божество бесконечно¹¹.

¹¹ «Арий исходил из трансцендентного аристотелевского понятия о Боге как Едином Нерожденном Самозамкнутом Абсолютном, по этой своей абсолютной сущности несообщаемом ничему иному неабсолютному. Все, что вне Бога, инородно Ему, чуждо, ибо произошло. Все происшедшее (и в смысле материи, и пространства, и времени), следовательно, не из Бога, а из ничего, из полного небытия, одарено бытием извне лишь по творческой воле Божией. Этот таинственный и загадочный для разума акт приведения всех тварных вещей и существ из небытия в бытие, ввиду непреодолимого бессилия и иудейской и эллинской философствующей мысли, невольно породил и простую мысль (гипотезу), и рядом гностически вычурную: о посредниках между Творцом и тварями. Минимально в этой роли посредника на первом и исключительно высоком месте разумеется Логос, как орудие творения». (46)

Церковным мыслителям было особенно трудно разобраться с рождением Сына, а равно с рождением всех других очеловеченных аспектов Бога – если бы, конечно, они хотели бы разобраться. Рождение предполагает временной интервал между появлением Отца и Сына: сначала был Отец, потом Сын, иначе же какой тогда Сын Отцу, если они появились в одно и то же время? Читай церковные мыслители Платона и Оригена, они бы поняли, что время имеет отношение только к тому, что изменяется, то есть к нашему составному миру. Там же, где нет изменения, нет и времени, следовательно Сын всегда существует вместе с Отцом, и тогда он есть просто аспект (качество) Бога, как свет и тепло есть аспекты огня. Аспект же есть отдельное качество, неотделимое от сущности – единосущное, так сказать, но не охватывающее всей многоаспектной сущности. Аспект может быть главным и второстепенным, и если речь идет о главенствующем аспекте, следовательно, он ближайший к сущности, как Сын ближайший к Отцу. Отношения Отец-Сын постоянно присутствуют в мировой философии, и означают взаимное расположение объектов исследования по отношению друг к другу, и ничего большего. Христианам, плохо знакомым в силу церковного антогонизма с данным философским приемом, пришлось блуждать в потемках выяснения родственных отношений между Богом, Словом (Логосом) и Святым Духом, то есть накидывать личностные человеческие отношения на безличностные божественные, как если бы они женили воздух с ветром или грозу с облаками.

Однако, как тогда быть с рождением, за которое цеплялись как церковные мыслители, так и их противники? Например, Арий пишет Евсевию Никомидийскому: «Так как мы говорим, что Сын не есть ни Нерожденный, ни часть Нерожденного (ни в каком случае), ... но что Он начал быть прежде времен и веков, по воле и намерению Отца, как Бог Совершенный, как Единственный, Непреложный; что Он не существовал раньше того, как был рожден, или сотворен, или основан, ибо Он не был Нерожденным,— вот за что нас преследуют». (Феодорит Киррский. Церковная история, цит.: 46).

Разумеется, если говорить о рождении, значит, опять же подразумевать временной интервал, что противоречит логике. Арий просто говорит, что Сын относится к Бытию, а Отец к Не-Бытию. Следовательно, Сын – это рожденный в Бытие Отец, а Отец – это нерожденный Сын («Я и Отец – одно» (Ин. X, 30)). Если без спекуляций, то Логос суть аспект Бога, открытый для мира. Сын имеет отношение к Миру, который изменяется относительно Сына,

следовательно, для Мира Сын был рожден, появился как Основание Мира, как точка отсчета времени. Угадывается в Арии мысль гностиков об Отце, открытом только Сыну (см. статью о Валентине и Симоне-Волхве) и сокрытом для мира.

Происхождение Слова - «из несущего». Здесь неизвестен точный перевод, а точнее, контекст «не-сущего». Если подставить значение «не существующего», получается сотворение «из ничего». Вряд ли Арий, философ до мозга костей, мог утверждать такой абсурд, ибо «из ничего ничто и получится», по афоризму восточных мудрецов. Остается значение «Ничто», или каббалистического Эйн-Соф, «ничто-ничто», означающее полное отрицание каких-либо атрибутов, ибо Беспричинная Причина Мира не может быть ничем охарактеризована. Это *Bytos* и *Abrahas* гностиков (см. статьи о Валентине и Василиде), Тайна Мира – То, что стоит за всеми проявлениями, в т.ч. и за Отцом (Мира), Первопричиной. Т.о. Слово-Сын исходит из Ничто-Эйн-Соф, а не из сущности Отца, но *посредством* Отца, как все остальное исходит (обретает Бытие) *посредством* Сына. Сын, исходящий посредством Отца, несет на Себе все отраженные аспекты Отца, «образ и отпечаток всей энергии и мощи Вседержителя, отпечаток дел, разумов и изволений Отца», но имеет наряду с высшей и низшую сторону своей природы, сходную с творимым Им Миром. Понять это можно из следующего примера:

Из элементарных наблюдений мы знаем, что подобное можно двигать только подобным. Допустим, нам нужно передвинуть стул. Мысль сама по себе не может ни двинуть стул, ни даже побудить тело на действие. Разве может человек мысленным приказом поднять руку или ногу? Для этого нужно еще желание, но и его недостаточно для приведения тела в движение. Когда желание переходит в волю, причем достаточную для преодоления инертности тела и подавления инерции-лени, лишь тогда мысль воплощается в действие. Воля, таким образом, подобна телесным нервным импульсам, а те в свою очередь подобны физической природе движения.

«Мысль»-«желание»-«воля»-«нервный импульс»-«телесное мускульное движение»; каждый средний член подобен двум соседним, имея, как видим, двоякую природу. Две ее стороны мы обозначим положительной и отрицательной полярностью, мужским (активным) и женским (пассивным, воспринимающим) полюсами. Если «мысль» по аналогии соотнести с Отцом, то «желание» будет соответствовать Сыну, а все остальное – Миру.

В принципе, это доктрина эманаций, хотя Арий, насколько известно мне из христианских источников, не придерживался «выделения», «эманирования», как способа сотворения Мира. Возможно, потому что понимал эту восточную и мистическую доктрину глубже и лучше александрийцев-эманатистов, либо просто отрекался от них, как Петр в свое время от Иисуса Христа – было что терять. Суть доктрины: все живое, от космического Разума до атома не было сотворено, но изошло (эманировало) из Беспричинной Причины, а потому имеет в себе божественную природу Эйн-Соф. Разница между существами лишь в ее осознании, реализации ее возможностей, в уровне самопознания. Все в мире божественно, но не все *осознанно* божественно. Божественность заключена в бессознательность, и миссия человека, как поворотного этапа эволюции от бессознательного мира к разумному, осознать свою божественность и реализовать ее.

Вот сама суть споров между восточниками, а именно Арием, а затем Несторием, и отцами церкви. Последние настаивали на «тварности», на том, что Бог-Отец, антропоморфное Существо, творит все сущее («Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего («крестительно всего», в варианте Евсевия Кесарийского)» - из Никейского «Символа веры»), в т.ч. человека, отчего все сущее и человек не имеют в себе ничего божественного, но лишь игрушки в руках Бога. Человек наделен разумом лишь для испытания верности Богу, и не Принципу Бытия, отраженному в любых других религиозных системах (суть дьявол, сатана...), а «Богу Авраама, Исаака, Иакова», т.е. принципу христианской церкви, и самой христианской церкви, как верной «возлюбленной Господа» на этой земле. От верности и зависит его спасение.

Согласно же арианам, человек обладает божественностью (божественность, в одном из аспектов, означает творческую способность изменять внутреннюю и внешнюю природу) и полным правом на вечную жизнь, он может достигнуть спасения личными усилиями. Сам Иисус «стал неизменным в добре лишь благодаря усилиям Своей ... воли» - приводит рассуждения ариан Л.П. Карсавин. Он цитирует далее: «Не потому избрал Его Бог, что у него было нечто особенное и преимущественное перед прочими существам по природе и не в силу какого-либо отношения Его к Богу, но потому, что, несмотря на изменчивость Своей природы, Он через упражнение Себя в доброй деятельности не уклонился ко злу. Если бы равную силу явили Павел или Петр, их усыновление ничем не

отличалось бы от Его усыновления... Мы тоже можем сделаться сынами Божьими» (52, с. 89). «Все это до кощунственности логично», – возмущается современный апологет никейского христианства богослов А.В. Карташев. Тем временем ариане повторяют Оригена и гностиков.

Согласно же ортодоксам человек - «тварное», т.е. не имеющее в себе божественного существа, чье спасение зависит не от него, но сугубо от воли Бога, да и то в том случае, если человек умолит в своих молитвах Деву Марию либо Иисуса, а те попредстательствуют перед Богом-Отцом, а также при безоговорочном следовании «святой Церкви», молитвы которой через святых мучеников и угодников быстрее доходят до Бога, и обрядам, что является не менее необходимым условием для спасения. По арианам выходило, что церковь нужна человеку постольку поскольку, пока он слаб, и не нужна мудрецу («ум уверовавших в Господа, возвысившись над всякой чувственной и умопостигаемой сущностью, не может остановиться даже на рождении Сына, а стремится выше» (Евномий); вся надежда человека на личные усилия в деле уподобления «Отцу своему Небесному». Согласно ортодоксам – человек бессилён и обречен, если не отдастся под водительство и неукоснительное подчинение церкви.

Что же противопоставляли ортодоксам ариане? Необходимость познания для спасения. «Ум человека пламенеет желанием вечной жизни», – писал арианин Евномий. Но человек должен сам завоевать это бессмертие. «Бог требует от людей только одного – чтобы Его познавали», – интерпретирует Карсавин. Бога нельзя познать непосредственно, ведь Он не присутствует в мире, но «проявляет Себя в этом мире плодами Своей деятельности, свидетельствующими о Нем» (52, с. 98). Потому к Богу можно приблизиться через познание себя и мира, «и недостойны имени христиан отказывающиеся от этого, т.е. допускающие непостижимость Божества» (там же).

Учение Ария вызвало настоящий фурор среди христиан, и не было вскоре города или местности, где бы не было его последователей. «Все полно людьми, рассуждающими о непостижимом, - улицы, рынки, перекрестки. Спросишь, сколько оболгов надо заплатить, - философствуют о рожденном и нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб, - отвечают: «Отец больше Сына». Справишься, готова ли баня, - говорят: «Сын произошел из ничего» (Григорий Нисский, цит.: 52, с. 91). Конечно, малым людям свойственно низводить высокое до уровня базарной трескотни; они не обладают умом мистическим и не

способны понять отличие «Ничто» от «ничто», но суть они улавливали верно: человек - божественен, он хозяин своей судьбы.

Ортодоксы вступили в яростную борьбу. Осий, епископ кордубский и советник императора по церковным делам¹², созвал всех верных отцов на Никейский собор, где Константин принял сторону ортодоксов и ариане были осуждены. Как смешно выражается Карсавин, «возвещенная собором Истина превысила разумение его большинства», т.е. святые отцы и сами до конца не знали, за что голосовали. Впрочем, Карсавин выражается просто мягко, противники – современники Собора – выражаются куда более определенно, в духе времени и церковных нравов: «Сабин, епископ Гераклеи, утверждает, что «за исключением Константина, императора, и Евсевия Памфила, епископы представляли собой сборище неграмотных простых тварей, которые ничего не понимали» (12, II, с. 210). При всем при этом решения Никейского Собора для становления христианской церкви значат больше, чем другие решения любого другого собора.

Как тут не усомниться, что никейские епископы понимали смысл своих «омоусиос» и «омиусиос». Однако, их водители ясно видели – в первую очередь – следствия применения положений Ария. Именно заряды для борьбы со следствиями служили наполнением их теологических формул. Другим языком, они не желали падения роли церкви в жизни христиан, падения положения ее прелатов, не желали терять все те огромные преимущества, утвержденные на народном невежестве и покорности (паразитизм!), которые имели и еще могли обрести в будущем. Не за истину они боролись, но за место под солнцем.

А что случилось бы, если собор принял положения Ария, а затем выводы Эвномия и Аэтия? Положения ариан, будь они реализованы, подрубили бы ортодоксальную церковь под самое основание. Арианская церковь могла стать и школой философов, и буддистской сангхой, религиозной общиной – в лучшем случае, но не оплотом невежества. С арианской церковью на тождественных философских основаниях могли бы сотрудничать церковь Маркиона, школы Валентина и других гностиков, потому как Арий, в сущности, повторяет их учение.

Забегая вперед, заметим, что эзотерический ислам безусловно разделяет принципы ариан, а не католиков. Говорит Коран: «Мы

¹² Осию Кордубскому же принадлежит честь разгрома и донатистов

(Аллах) ближе к нему (человеку), чем сонная артерия» (50:16), и суфийский поэт Дж. Руми раскрывает смысл:

«Вы, взыскиющие Бога среди небесной синевы,
Поиски оставьте эти; вы – есть Он, и Он – есть вы»

Впрочем, если бы христиане были бы более достойными учениками своих учителей, они думали бы также, как и ап. Павел: «Близко к тебе Слово, в устах твоих и в сердце твоём» (Рим. X, 8)

Согласно арианам, церковь нужна человеку постольку поскольку, пока он слаб, и не нужна мудрецу (после монтанистов церкви ближе грешник, чем аскет!); вся надежда человека – на личные усилия в деле уподобления «Отцу своему Небесному». По представлениям ортодоксов человек бессилён и обречён, если не отдастся под водительство и неукоснительное подчинение церкви. Опять заметим: в исламе нет посредника-жреца между Аллахом и человеком, как это есть в христианстве. Человек, по заповеди Христа, наедине беседует с Аллахом.

Итак, в 325 году на Никейском соборе Константин принял сторону ортодоксов и ариане проиграли. Вместе с ними проиграли валентиниане, маркиониты, павлиане, монтанисты и другие не-ортодоксальные движения; законами Константина у них были отобраны храмы и право собраний. При Констанции ариане временно воскресают, но, надо сказать, теперь их соперничество с ортодоксами более сходит за борьбу партий за церковную власть. Юлиан Отступник дал равные права обеим течениям. Он свел на соборе ортодоксов, ариан и десяток других направлений, и христианнейшие пастыри вцепились друг другу в бороды. Показав свое полное ничтожество, они дали Юлиану карт-бланш на восстановление язычества. Ариане, к тому же, разодрались между собой, и после скорой смерти Юлиана Отступника кафолическая партия была снова на коне.

Кстати, стоит отметить и имя организатора тотального разгрома. Согласно исследованиями современных богословов¹³ разгром и

¹³ А.В. Карташов в своих выводах опирается на издание Эдуардом Шварцем, ученым-ориенталистом, издателем «Истории» Евсевия, в 1905 г. неизвестного до тех пор послания 56 епископов собора Антиохийского к «Александру, епископу Нового Рима». Согласно этому документу, до Никейского собора состоялся ранее неизвестный Анкирский собор – эдакая репетиция Никейского, на котором были отлучены Арий и его сподвижники, а также Евсевий Кесарийский. Карташов также ссылается на выводы проф. А.И. Бриллиантова и московского проф. А. Спасского, русских исследователей начала 20 века.

донатистов, и ариан организовал епископ Осий Кордубский, советник Константина по церковным делам.

Несториане

Битва следующая и окончательно проигранная для гнозиса внутри церкви была дана несторианам. Несториане – преемники духа учения ариан. Основные их положения те же:

1) Иисус Христос не Бог, но совершенный человек, из чего вытекало, что таковым, совершенным, может стать каждый идущий по «узкому пути» духовного совершенствования. В связи с человеческим статусом Иисуса Марию как-то нелепо именовать Богородицей.

2) Обряды и, следовательно, опека церкви малозначительны, отчего необязательно почитание икон, распятия (несториане носили и почитали простой крест) и прочих фетишей. Несториане, однако, принимали таинства крещения и причастия. В XVI веке все положения несториан, кроме первого, утверждает Лютер.

Насколько самые продвинутые христиане понимали суть возражений Нестория, можно понять из труда позднееримского (V-VI вв. н.э.) христианина-философа Боэция «Против Евтихия и Нестория». Его мир, выстроенный на отвлеченных понятиях Аристотеля – универсалии, субстанции, акциденции, субсистенции и прочие мутные словизмы, уяснить себе которые не смог, по всей видимости, даже сам их создатель, всю свою жизнь пытавшийся превзойти своего учителя Платона – был где-то далеко в стороне от философски-персонифицированного мира гностиков, ариан и несториан, занимал свою высокомерную самодостаточную нишу, все убожество которой впервые наиболее ясно огласил Френсис Бэкон. Орудя размытыми понятиями, мало-мальский интеллеktуал, претендующий на имя философа, и ныне может составить определение любого явления, о котором он не имел бы ровно никакого понятия, и это определение будет недурно звучать. То что, словами Платона, конь ему представится ослом, неизбежно – но ведь его не интересует «как на самом деле?», вполне достаточно «как могло бы быть».

Итак, на собрании епископов (соборе?) Боэций, «ошеломленный напором этого стада невежд» и «буйнопомешанных», не желавших вникать в суть послания о Евтихии и Нестории, равно как и воспринимать их бытие (прокляли и забыли!), отстранился от выражения эмоций и «молчал из страха», с одной стороны, а с другой в вопросах, поднимаемых посланием, «смыслил столько же, сколько

и все остальные». Но суть вопроса занимала его ум, и Боэций «как бы пережевывал жвачку, то и дело возвращаясь мыслью назад», к ереси. И когда-таки «стучащему уму отворились двери, и найденная истина подняла перед искавшим ее все туманные завесы евтихианского заблуждения», пришло время уже Боэцию влиться в вышеупомянутое «стадо невежд» и разразиться письмом против Евтихия и Нестория, этих «невежественных людей, пытавшихся прикрыть порок невежества бесстыдным притязанием на ученость» (15, с. 168). Интересно, в учении притязающих на ученость Евтихия и Нестория Боэций только что ничего не смыслил, как вдруг, явно божьей милостью, стал обладателем «большого запаса аргументов», как сам Боэций хвалится (15, с.178).

Для начала Боэций предположил, что «Несторий решил, что лиц во Христе два, вероятно сбитый с толку своим ошибочным предположением, будто всякую природу можно назвать также и лицом» (15, с. 175). Боэций был непременно убежден, что Несторий должен был мыслить аристотелевскими категориями, следовательно, «предположив такое, и признавая во Христе две природы, он, естественно, стал исповедовать в нем и два лица» (там же). Ведь если две природы, которые Несторий узрел во Христе, были природами «человека и Бога... то из этого следует, что у Него, по всей видимости, два лица» (15, с. 175-176). Боэций явно представлял себе такое явление на уровне многоликих Богов индусов: голова одна, а лица два – ужас и только, то есть «помешательство потерявшего узду разума» (15, с. 176). Боэцию и в голову бы не пришло, что Ориген, обогативший христианство термином «ипостась» (лицо, у Боэция), понимал под ним не физическую категорию, и уж точно не человеческое лицо или его образ.

Боэций живо представил, как могут быть соединены во Христе Бог и человек: «как бывают приложены друг к другу два тела, будучи связаны только по месту, так что никакое качество одного не переходит в другое» (там же), примерно как один Боэций на другом, невидимый на видимом – явление невозможное, и в таком случае Христос «есть ничто». Другого варианта у Боэция не оказалось, вследствие его твердой убежденности в том, что «то, что не едино, вообще не может быть». Для гностиков человек никогда не являлся единым, но был явлением изменчивым, составным, многопринципным. Принцип животности в нем уживался с принципом божественности, существуя в мире бытия благодаря принципу жизненности, принцип же «я» и вовсе был, как говорится,

не от мира сего. Но по Боэцию даже толпа из множества людей явление суть единое – что тут можно возразить глубоко ученому христианину? Платоном он явно не зачитывался, ограничиваясь Аристотелем.

Для Боэция сама душа не более «акциденции», то есть малоизученного свойства тела. Как ему было возможно вслед за неоплатониками допустить категорию «духа»? Третье лицо, что ли? Ничто!

«Как вообще осмелился Несторий называть Христами двоих – человека и Бога?» – восклицает Боэций. Трудно сказать, поскольку на самом деле Несторий Христом называл «того из них, кто Бог», а человеческую личность Христом только на том основании, что и, скажем, железо можно назвать огненным, если от огня оно усвоило это качество, которое ему не присуще. Так, душа, усвоив качества Духа, становится духовной, пока в Духе, но теряет постепенно это качество, когда от Духа отходит. Следовательно, для Иисуса имя Христа могло быть только нарицательным, как могло быть таковым принципиально для любой одухотворенной души в наилучшем для человека случае (ср., звание Махатмы в Индии для великих подвижников).

Отсюда, был Бог и был человек; матерью последнего являлась Мария, которую нельзя было, настаивали несториане, называть Богородицей, раз ее сын был человек, а не Бог. Образно говоря, ее сын был «человеческим носителем Божественной сущности, а не Богочеловеком» (16). Несторий признавал, что «не может приложить к обоим Христам одного субстанционального определения», раз это разные сущности с разной природой. «Человечество и Божество, – говорит он, – сохраняют свое собственное лицо» (15, с. 177), то есть сохраняют категорийные признаки даже в случае соединения в единое (Аватар).

Несторий полагал, что индивидуальность Христоса и личность Иисуса за видимым обликом назарейского учителя могли быть соединены, и могли быть разделены. Представить соединение Боэцию было невозможно, как представить соединение «людей и быков» (15, с. 178). А раз у Бога и человека «все решительно разделено и различно» (чего Несторий не мог заявить, этого уже мне, в свою очередь, невозможно представить), то «не спасен, значит, род человеческий», и «природа человеческая не была спасена через рождество Христово», и летят ко всем копытным категориям и «писания пророческие», и «весь авторитет Ветхого Завета». Ведь

церковь неустанно твердила, что природа Бога могла воплотиться в природе тела, следовательно, у этих природ должно было быть нечто общее – хотя бы ради спасения «рода человеческого».

Здесь Боэций приходит в священный ужас, который из рядов философов окончательно выбивает его в ряды верующих, поскольку «верить этому – нечестиво». «Верить», воистину, а не «мыслить»! Помыслить же, впрочем, так же невозможно – ни рождение Бога на земле, ни спасение через эту чудесную и алогичную манифестацию божественного могущества «природы человеческой». Вследствие чего между Несторием с его последователями и оставшейся ортодоксальной церковью пролегла пропасть.

Если таково понимание доктрин Нестория едва ль не самым просвещенным из христианских епископов, что же можно сказать об остальных «пастырях» (об «овцах» не может быть и речи!). В церкви, которую они составляли, не мог ужиться разум – зря взывает к нему Боэций.

Против несториан на Эфесском соборе во главе партии ортодоксов выступил епископ Александрии Кирилл, незадолго перед этим приказавший убить виднейшего неоплатоника – женщину-философа Ипатию. Его также обвиняли в продаже церковных золотых и серебряных украшений, пишет Блаватская, и это было доказано. Кирилл впоследствии канонизирован церковью (святой Кирилл, внимающий молитвам христиан!), как основатель догмата Троицы.

Несториане были благополучно разгромлены, ортодоксы сомкнули свои ряды – отныне это была практически единая организация, более сильная в дальнейшем, чем вся светская власть Европы!

Что же несториане? «Объявленный еретиком и высланный в ссылку епископ Несторий, обосновавшись прочно в городе Самарканде, создал мощнейший епископат, простиравший свое влияние на Дешти Кыпчак (великая Степь — ныне Казахстан и территории далее на восток до Монголии, на запад до Венгрии в средние века), Уйгурский каганат и далее в Китай. Потомков несториан можно обнаружить в современном Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и некоторых районах Китая, например в Кашгаре»¹⁴. (16).

Учение несториан исходило вовсе не из формы, за которую сражались ортодоксы, и не описывалось застывшими догмами, которые можно было трактовать в раз и навсегда установленном

¹⁴ Для нас важно то, что несториане осели также и в Сирии – это обстоятельство еще не раз всплывет во второй главе, посвященной Посланнику Мухаммеду и явлению мусульманства.

ключе. Универсальность их доктрины сравнительна только с универсальностью самого гнозиса, самой изначальной Традиции. Заметим, как гнозис постепенно скрывался со временем под христианскими символами: вначале довольно открытые системы Валентина и других гностиков; отвержение подделок в Писании со стороны Маркиона; затем более удобоваримая форма в учении Ария, настолько просто выстроенная, что была доступна простому люду; наконец, минимум теологии в возражениях Нестория вокруг центрального положения: путь к Спасению доступен всем и каждому! Разумеется, насколько упрощалась экзотерическая часть, настолько скрывалась часть эзотерическая, доступная только верным внутри общин.

Несториане не гнались за популярностью. Они не стремились к массовому прозелитизму, как их церковные противники. Их учение оставалось закрытым для масс и открытым для избранных в любой стране, любой национальности. Поучителен в этом плане процесс встраивания несторианского учения в нехристианские цивилизации.

Нам стоит ретроспективно взглянуть на поведение несториан в Китае, куда они переселились из Персии в 635 году, гонимые эпохой перемен. В том году мусульмане отвоевали у христиан-византийцев Сирию, но было ясно, что процесс только начался. Отношения персов-Сасанидов незаладились с мусульманами уже во время жизни Мухаммеда; мусульмане крепили и после завоевания Сирии стало понятно, что у них была самая боеспособная армия в пределах Малой и Средней Азии. Уже в 637 году мусульмане разбили персов в Ираке, а спустя три года пала сама Персия. И хотя мусульмане декларировали свою религиозную терпимость, она простиралась, как правило, на мирное время. В военное же время мало кто и с кем считается. Так это или не совсем верно, просчитали несториане ход событий или руководствовались иными соображениями, но персидская община несториан во главе с епископом Алабэнем (Alorēn, Oloran) предпочла переместиться в Китай.

Первые документы на китайском языке повествуют о желании несториан раскрыть основы своей религии правительству Поднебесной, дабы получить вид на жительство, и познакомить интересующихся китайцев со своим мировоззрением. С этой целью ими был создан «Канон Иисуса Мессии». Поскольку сами несториане китайский пока не освоили, им пришлось составлять «Канон» с помощью переводчика – с одной стороны, и посредством форм и образов, уже известных китайцам. По сей день христианские

миссионеры ставят в пример несториан¹⁵, как удачливых ловцов душ человеческих. Однако, вряд ли они, миссионеры, когда-нибудь смогут подражать несторианам.

Свою религию несториане называли цзин-цзяо, «сияющая». Царство, откуда произошла и держится эта религия, в своих документах несториане называли Дацинь, и все исследователи полагают, что речь идет о восточной части Римской империи. Однако, «из необычных материальных вещей на Западе упомянуты «асбестовая одежда», «возвращающие душу благовония», «сияющие, как луна, жемчужины», «светящиеся в темноте драгоценности». О нравах сообщается, что «там нет разбойников, люди живут в счастье и мире, практикуется только сияющая религия, у власти находятся только добродетельные правители, территория обширна, а литературные произведения великолепны (54, с. 52).

Уж кто-кто, а несториане вряд ли стали бы петь такие дифирамбы Византии с ее «добродетельными» базилевсами, уничтожающими друг друга как пауки в банке, лживым духовенством, высоким уровнем преступности и постоянными религиозными сварями. Наконец, в Византии не водилась «асбестовая одежда», и дома не освещались «сияющими, как луна, жемчужинами». Безусловно, ни Византия, ни Персия, ни даже Сирия не могли быть страной Дацинь. О одеждах из асбеста можно услышать, пожалуй, только в Тибете. Но и там не было светильников. По всей видимости, несториане дают описание легендарной Шамбалы, некоторые крохи достижений которой могли падать в Тибет, поскольку именно там предания всех народов располагают эту страну-город мудрецов, держателей Традиции. Для нас важно это упоминание о стране Дацинь как о последней твердыне Гнозиса, источнике всех традиционных религий, инициаторе всех традиционалистских реформ.

Также интересны способы выражения мысли, с помощью которых несториане сумели вызвать у правителей Поднебесной столь высокое доверие к себе и своей религии, что на некоторое время они, если

¹⁵ «Пришло время для евангелизации традиционных этносов нехристианского происхождения, которые изначально придерживались мусульманства, язычества и буддизма. К ним пытаются идти некоторые евангелисты, однако практика этого служения пока малоэффективна. Почему же усилия остаются напрасными? Прежде всего, из-за неподготовленности. Понадеявшись на традиционное «авось», миссионеры едут туда, где они зачастую чужды по незнанию языка, культуры, этнографии. Они не представляют, какого титанического творческого труда во славу Божью требует евангелизация Великой Степи до Великой Стены. Возможно, подспорьем станет тот факт, что этим путем за 15 веков до нас уже прошли несториане, которые в отличие от нас сумели совершить подвиг. Для них не было проблем языка, быта, физических лишений... Они шли в Степь, и везде их встречали как учителей, уважительно называя «абай». (16)

верить надписи на сианьской стеле (см. ниже), стали главными держателями Традиции в Китае¹⁶.

Наиболее исследованным документом несториан является стела близ Сиани, именуемая «Памятник распространению сияющей религии из Дацинь в Китае». Бог на ней именуется Алохэ, что «без сомнения является фонетизацией сирийского слова Aloha, обозначающего Бог и эквивалентного древнееврейскому Элох или элохим» (54, с. 44), от которых производным наверняка является арабское Аллах. Первый корень Эл (Ал) на санскрите, коренном языке белой расы, означает Божественный, Солнце, второй Ах (Ох) – Первый. То есть, Первопринцип Мира¹⁷.

Заметим, что составители надписи для обозначения Бога и архата пользовались одними и теми же иероглифами; надо понимать, архат – первый среди людей? Архатом называют Будду, а «Иисус назван «Великим учителем» (Да ши), что является одним из десяти уважительных эпитетов обращения к Будде» (в «Каноне Иисуса Мессии» Христос назван Фо, Будда). Да и по другим терминам видно, что несториане преимущественно пользовались буддистскими, а в более поздних документах даосскими понятиями, отождествляли Иисуса и Будду, Бога-Отца и китайского Тянь цзунь, Небесного Почитаемого-уважаемого, «которого не видел никто из людей... как они не видят ветра, но несут чувство почитания Бога. Однако, Бога все же могут узнать ангелы (чжуфо, букв. «все Будды») и святые (архаты-алохань...))» (54, с. 36).

Одним из центральных положений в буддизме является наличие в каждом человеке потенциальной природы Будды, т.е. Буддой может стать каждый, кто исповедует Четыре истины и идет Семиричным Путем, разрушая 12 Нидан (причин), приводящих к перерождению в сансаре (земных мирах). Все небесные Дхиани-Будды, гностические Эоны, некогда проходили этап человеческой эволюции. Впечатляет равенство, которые несториане ставят между ангелами (Дхиани-Буддами) и архатами (существами высшей ступени человеческой эволюции) – и те, и другие могут зреть Бога, Первопринцип, т.е.

¹⁶ «Из надписи на сианьской стеле можно узнать и то, что император Гао-цзун «почтительно наследовал [дело] предков, почитая подлинную религию (цзун)», в результате чего несторианские (сияющие) (цзин) монастыри были основаны в каждом округе (Чжоу), которых в тогдашнем Китае было около трехсот, а сам Алобэнь обрел титулы «Хранителя царства» (чжэнь го) и «Властителя Великого Закона» (да фа чжу). По китайской традиции время распространения несторианской религии описывалось как период процветания и стяжания «сияющего» счастья для каждой семьи» (54, с. 52)

¹⁷ В еврейском *элохим* есть и третий слог, *им*, означающий множественное число мужского рода. У гностиков эквивалентом *Элохимов* были *Эоны*.

архаты, самореализовавшиеся люди, равны (не полностью, но в определенном аспекте) Дхиани-Буддам, которые только иное название Христа, гностического общего принципа. Каждый из высших Дхианов проявляется себя на земле во время одного человеческого цикла через пять (семь) боддхисаттв, одним из которых был Будда Шакьямуни, другим – Иисус Христос. Что же из этого следует? Только то, что люди божественны, потенциально божественны, и могут реализовать свою высшую природу через личные усилия.

То, что для несториан не являлся богом иудейский Иегова, явствует из символики на стеле. Крест возникает из Лотоса, вокруг его подножия изображены Облака. Лотос в буддизме есть символ Первопринципа (Будда на Лотосе, Падмасабхава на Лотосе...), который у гностиков соответствовал бы Ноусу, Причине всех вещей. Крест же, согласно гностикам (см. статью о Валентине) – символ Христа, Предела, «жителя» Плеромы, недоступной для Иеговы; Облака – символ Тайны, непроявленности, из которой является в начале мира Ноус. Наконец, Бог назван «Императором Пустоты», гностической Плеромы, буддистской Нирваны, Мира Беспредельного Сознания, в котором нет ничего (пусто) от проявленного мира форм и земной материи. То есть Бог несториан стоит над проявленным иллюзорным миром, владением Демиурга-Иеговы.

Что есть для несториан Путь? Мы не удивимся, если узнаем, что Путь несториан идентичен Пути к достижению Нирваны буддистов, к достижению Дао даосов. Он сводится к «достижению... отсутствия»¹⁸... «безначальности», ... «безмолвности», ... «пути отсутствия», ... «таинственного наличия», ... и «не-наличия», что конечно трудно соотносимо «с христианством даже с поправкой на все мыслимые еретические заблуждения несториан», как полагает А.В. Ломанов (54, с. 54). Если судить с точки зрения христианской ортодоксии, то все так, но если принять за истину, что церковное вероучение суть производное еретического по отношению к Традиции иудаизма, то несторианские взгляды всего лишь возвращение на круги своя, открытое изложение вероучения без страха перед церковными невеждами, а не попытка мимикрировать под китайскую религиозную парадигму, дабы добиться милостей от власти, как полагает тот же автор.

Справедливости ради стоит привести несколько фактов времен христианизации Китая иезуитами. В составленном иезуитом Мегро

¹⁸ Нирвана происходит от глагола «нирва» - задувать, тушить. Один из синонимов достижения нирваны – исчезновение эго, потухание земных привязанностей.

«Временном мандате» (конец XVII века) содержались семь запретов для миссионеров, из которых наиболее показательны следующие:

«... мы провозглашаем, что единственный и истинный Бог... должен называться исключительно *Тяньчжу* – Небесный Господь... Два других китайских термина *Тянь* – небо и *Шанди* – Всевышний Владыка должны быть запрещены полностью; и тем более никто не может заявлять, что любые китайские отождествления с этими двумя именами – *Тянь* и *Шанди* есть тот же Бог, которому поклоняются христиане...

Мы указываем, что не должно распространяться в устной или письменной форме ничто, способное ошибочно привести неискушенного человека к заблуждению и открыть дорогу суевериям, как-то:

что философия, которой учат китайцы, не содержит никаких противоречий с христианством, если понимается правильным способом;

что наиболее мудрые древние китайцы хотели называть Бога, причину всех вещей, именем Тайцзи (Великий Предел)...» (54, с. 190-191), что совершенно верно (см. статью о Валентине). Вот налицо отличие ортодоксальных церковников от несториан: бог христиан против Бога мира и людей, догматические запреты против универсальной философии. Отличие заключается в оторванности мировоззрения христиан от всех традиционалистских восточных религий, в неспособности к синтезу, и в соответствующей нетерпимости. После этого как-то не пристало им равняться на несториан – из зависти, разве что.

Отметим основные моменты, характерные для несторианства:

1) Несторианство не являлось сектой с застывшим на века вероучением, отличным от Традиционных религиозно-философских систем;

2) Если между буддизмом и несторианством можно поставить знак равенства, нам придется продолжить его в сторону каббалистов и гностиков, ессеев и назареев, ариан и маркионитов.

3) Буддизм, заметим, являлся таким же ренессансом Традиции на Востоке, как Ислам на просторах Азии. Будда Шакьямуни открыл давно открытое, записанное в Упанишадах, но утаенное браманами. Браманские застывшие касты, власть жрецов была ниспровергнута буддистскими монахами-бхикшу, но затем вновь восстановлена браманами Южной Индии. Таким образом, именовать буддизмом луч Традиционной истины, пробившейся через джунгли сектанского

невежества, будет таким же условным действием, как и называть другие лучи несторианством или гностицизмом.

4) У традиционных течений существовало два чтения – для верующих и для посвященных. Раскрытость Традиции через внешнее, экзотерическое чтение была прямо пропорциональна степени просвещенности народа; данная степень у западных христиан, как видим, чрезвычайно уступала степени у жителей Поднебесной, отчего экзотерические взгляды несториан на Западе описывались двумя-тремя положениями (см. начало статьи), отличными от ортодоксального христианства, и многочисленными положениями в китайских несторианских книгах и памятниках. Надо заметить, что и у сект по сей день есть также два прочтения, и первое из них обнимает всё, что известно всем, а второе, доступное узкому кругу держателей секты, гласит, что это «всё» есть только полезная сказка, метод овладения массами через эксплуатацию их невежества.

5) Несторианство с легкостью использовало символику и терминологию буддизма и даосизма для того, чтобы обозначить вероучение. Во-первых, это говорит об идентичной сути этих учений, во-вторых, о том, что область почитания и устремления несториан метафизическая, область же почитания христиан, а равно представителей других сект вполне описывается и понимается физическими категориями. И если Небесный Иерусалим в понимании каббалистов равнозначен буддистской Нирване или гностической Плероме (то есть состояние сознания и степень раскрытия самосознания, а не место), то в понимании церковников он описывается в шагах и локтях, а располагается в облаках.

Заметим, что если несторианство сумело с легкостью встроиться в китайскую парадигму, мыслившую, в том числе, буддистскими и даосскими представлениями, изменив свой понятийный аппарат, то приспособиться к арабским представлениям для несторианства, по идее, и вовсе не должно было составить труда – в чем убедимся позднее.

6) Традиционные религии выводят человека из тела, нетрадиционные – намертво к нему привязывают, заключают в его границах навечно. Таким образом, воскресение мертвых у традиционников суть воскресение в Духе, осознание себя духовной Сущностью, единой с Первопринципом (достижение «таинственного наличия» и «не-наличия»), у нетрадиционников воскресение суть реальный выход мертвецов из могил – очень красивая картина, если представить себе в этот момент кладбище!

7) Все традиционные религии, в том числе несторианство, настаивают на божественности человека, на возможности достижения им Спасения через личные усилия, на равенство горы и песчинки (архата и Дхиани-Будды, на несторианской стеле); секты ставят человека немногим счастливее плюшевого мишки в руках ребенка – толи сейчас ему голову оторвут, толи в колыбельку уложат.

Безусловно, этих пунктов можно привести на два порядка больше.

Гностицизм в последующих веках

Да, наверно, на этом в первой главе можно было бы поставить точку. Церковь закрыла врата для знания, врата иджитхада («собственное осмысление», ислам.), изгнав из своих рядов даже малейшее, что могло бы бросить свет на абсурдность нового учения и поколебать тоталитарную власть церковных иерархов. Церковь, как Матрица в одноименном фильме братьев Вачовски, теперь внушала верующим, что истинно, а что ложно, что добро, а что зло, что белое, а что черное – и безальтернативно. Но как в «Матрице» те, кто могли разглядеть обман, уходили в свои закрытые Сионы, существовавшие, безусловно, во все века. Некоторые из них мне удалось выявить даже благодаря православному «поминальнику» прохристианских ересей.

Итак, Гермогениане, II век, основатель Гермоген: «признавая верховное, бесконечное существо, он вместе с тем допускал бытие несотворенной, совечной Богу материи и почитал природу жилищем Бога, утверждая, будто бы Писание нигде не представляет Бога творящим материю» (77, с. 311), что и есть на самом деле.

Боносиане, IV век: признавали усыновление Иисуса Христа, следовательно, в результате его деяний, а не по рождению от Бога.

Ересь Фотия, епископа Сирийского, IV век: Иисус Христос простой человек, одушевленный Словом.

Евхиты, или мессалиане – монашеские общины, отделились от Церкви в IV веке: не придерживались церковных молитвенных уставов, однако веровали в очистительную и спасительную силу внутренней молитвы, которой и предавались. С XI века «видоизменили свое вероучение, усвоив дуалистические воззрения древних гностиков и манихеев» (77, с. 332). Эти дуалистические воззрения предполагали, что Станиил и Христос были Сынами Бога, при этом Станиил властвовал над земным миром, а Христос – над небесным. Все остальное, что из этого следует, можно найти в воззрениях гностиков, и нет смысла лишний раз повторять; ведь под Станиилом проще простого узнать Иегову, Демиурга и Сатану одновременно. Интересно, что «искусственная экзальтация

(вызываемая настойками из неких трав, надо полагать. – С.О.), магия и теургия, с присоединением еще животного магнетизма, были у них в большом употреблении» (77, с. 332), и этих сведений вполне хватает, чтобы опознать в евхитах общину с восточным знанием. Интересно, что одним из названий, данных церковниками евхитам, было имя «маркианисты», причем это имя было им дано «по именам их представителей». Возможно, что эти монашеские общины являлись остатками церкви Маркиона, которая подверглась гонениям именно в IV веке.

Пелагианство, V век, основатель Пелагий из Британии: отрицание первородного греха, смерть есть следствие природы, которая создана смертной, спасение человека – собственными силами через благодать, которая указывает путь ко спасению.

Трибожники, VI в, Александрия: разделяли Троицу на три отдельные Силы (Эоны?).

Павликиане, VII в., основатель Константин из Сирии: «признавали благого Бога, который сотворил духа чистого и открылся в христианстве, и Димиурга, который сотворил видимый мир, тело человеческое, и открылся в иудействе и язычестве. Грех первого человека... состоял только в неповиновении Димиургу. Воплощения Сына Божия было кажущимся» (77, с. 376). Общество возникло как реакция на отступившую от апостольского учения Церковь¹⁹. Павликиане отрицали церковные обряды и церковную иерархию. Полагали, что цель религии заключается в самоусовершенствовании человека.

Зионы простирают свое существование на западные земли. Из них самые бесспорные:

Адопциане, VIII век, Испания: Иисус Христос суть Иисус и Христос. Иисус не есть сын собственный, но усыновленный.

Вальденцы²⁰, XII-XIV вв., Южная Франция, по имени Петра Вальдо (возможно, другое название вальденцев – петрубосиане): не оказывали повиновение папе и прелатам; все, не исключая мирян и женщин, имели право проповедовать; говорили, что, согласно учению апостолов, Богу следует повиноваться более, чем человеку; обедни, церковные молитвы и милостыни церкви на помин души не имели для них никакого значения; отрицали чистилище; считали, что молитва, произнесенная в постели, комнате или конюшне, действительна не менее молитвы, произнесенной в церкви. Кроме того, они отказывались верить в пресуществление (превращение

¹⁹ Павликиане – бывшие манихеи, назвавшиеся по своему учителю Павлу Самосатскому.

²⁰ О вальденцах и катарах – по «Истории Инквизиции» Генри Чарльза Ли, т. I, с. 51-54.

хлеба и вина в плоть и кровь Христову), и говорили, что даже если бы такое чудо было возможным, оно не свершилось бы в руках недостойного священника. Инквизиторы впервые опробовали свои костры именно на вальденцах, сжигая их массами. Вальденцы заявляли на судах, что со времени «Сильвестра (папы, при котором христианство, указом Константина, было разрешено к исповедованию) кардиналы, епископы и аббаты были не в состоянии отпустить ни одного смертного греха, так как власть прощать имеет один только Бог; а раз признавали непосредственное общение души человека с Богом, то все индульгенции и так называемые дела благочестия уничтожались одним ударом. Вальденцы признавали, что вера без дел мертва, но добрые дела, говорили они, суть благочестие, раскаяние, любовь к ближнему и справедливость, а не хождение по святым местам, не механическое совершение обрядов, не сооружение церквей и не почитание святых» (с. 54).

Катары, XII-XIII вв., Южная Франция. Наиболее массовое движение, в которое, по всей видимости, влились и вальденцы. Самоназвание от слова катар, «чистый». Отрицали весь церковный строй, спасение в римской Церкви считали невыносимым. Отрицали таинства (некоторое подобие евхаристии было в обряде благословения хлеба, ежедневно за столом), службы, предстательство Девы Марии и святых, чистилище, мощи, иконы и кресты, святую воду, индульгенции, осуждали десятинный церковный налог. Считали себя церковью Христовой. Признавали духовное крещение. Просили Бога не щадить их тел, рожденных во грехе, но быть милостивым к их душе, заключенной в тело как в тюрьму. Избегали половых сношений, разрешали их только для рождения детей. Не употребляли пищу животного происхождения (даже яйца и молоко), исключение оставляя только для рыбы. Сатана, по их учению, был ниже Бога, который позволил ему сотворить землю и людей. Но людей, сколь не старался Сатана, одарить умом не выходило, пока сочувствующие неразумным людям ангелы не сошли в их тела. Эти ангелы потом воплощались в великих пророках. Душам же людей надлежало проходить долгий путь искупления.

Катары выделялись из христиан своей нравственной чистотой. Их невозможно было уличить в обмане, притеснении; они добывали свой хлеб в поте лица, щеки их были бледны от постов. «Святые» инквизиторы разоблачали их, дав в руки цыпленка и приказав зарезать – катары отказывались лишать другое существо жизни даже у костра. Их также «вычисляли», попросив съесть кусок мяса.

Церковники, разгромив движения катаров и альбигойцев, добродетель стали считать признаком катаризма, ереси. Однажды один католический монах был чуть не сожжен за то, что под влиянием его благочестивой проповеди женщины сняли свои украшения.

Богомилы, XII век, Болгария: Сатанаил сотворил небо и землю, и человека, однако, не смог вдохнуть в него душу; он прибегает к помощи Отца; Сатанаил подчиняет себе человечество, и люди считают его за Бога: Отец производит Иисуса, который заключает в оковы Сатанаила, потерявшего окончание «ил» и ставшего просто Сатаной; Св. Дух после Христа действует на души людей; последний акт мировой истории – возвращение в исходное состояние. Фактически один в один гностицизм.

Социане (унитарии), XIV век, Европа: Иисус Христос – человек, облеченный Богом за деяния, обряды не имеют значения, отвержение чуда как явления превышающего разум (неразумное), отвержение первородного греха, вместо которого есть природная склонность ко злу (материи), что не есть грех, искупление – указание Иисусом пути к добродетели и спасению, его смерть не жертва за грехи, а подвиг, понимание таинств как простых древних обрядов.

Вейгелиане, XVII век, Германия: учили о врожденной божественности человека, о Человеке внутреннем как источнике Мудрости.

Квакеры, XVII век, Англия, затем Северная Америка: напрямую воплощение Иисуса Христа на земле как Сына Бога не отрицали, однако, проповедовали Христа как Духа Святого, освящающего каждую человеческую душу «постоянно, от века до настоящего времени, путем того же непосредственного озарения человеческих душ» (77, с. 340). Имеющим источник Истины в себе ни к чему Церковь с ее иерархией, храмы, таинства и прочий культ.

Квитетисты, XVII век, от испанского священника Михаила Молиноса, который учил: «Истинное христианство должно состоять не во внешнем исполнении церковных обрядов, а во внутреннем восторженном стремлении к Богу и упокоении в Нем (*guies* – покой, отсюда квиетисты)» (77, с. 341).

Сциентисты, XIX век, Америка: учение, выстроенное на отзвуках восточной философии – мир есть обман чувств, майя, поэтому любые страдания суть кажущиеся, их возможно преодолевать силой веры в их иллюзорность: Бог имеет муже-женскую природу, и т.д. По всей видимости, это учение навеяно появлением Теософии и

распространением в Америке идей буддизма. Привязка к христианству довольно слабая.

Не стала исключением из общего правила и Русь. На Руси много сект образовалось после Раскола, однако, бытие большинства из них было обусловлено фанатичным отношением раскольников к обрядности и догматам до-никонианской церкви; изменение культа на греческий лад они считали преступлением. Поэтому даже если мы знаем, что та или иная секта отвергала обрядность или таинства, то это говорит не в пользу восприятия ею восточных положений, а только о следствии отвержения никонианской обрядности и государства, поддерживавшего никониан. Однако, были и случаи искомые, уникальные.

Жидовствующие, XV век, Нижний Новгород: родоначальником ереси считается «киевский еврей Схария, образованный по своему времени человек, знакомый с астрологией и кабалистикой» (77, с. 334). Таким образом, можно предположить, что древняя еврейская школа каббалистов была еще жива в XV веке. То, что Схария не был представителем ортодоксального иудаизма, говорит принятие им Иисуса Христа, которого, впрочем, он не считал Сыном Бога, ибо «немыслимо богу на землю сойти и от девы родиться, как человеку» (Никольский Н.М. История русской Церкви), но пророком. Жидовствующие критиковали идолопоклонство православных: кресты, иконы, которые суть «дело рук человеческих». Отрицая троичность Бога, верили в Единый Принцип. Совершая евхаристию над хлебом и вином подразумевали аллегория, а не буквально тело и кровь. Отрицали телесное воскресение и даже загробную жизнь, надобность молитв за умерших. Отвергали монашество как образ жизни. В общем, вполне гностические воззрения. Главы жидовствующих были казнены Иваном III незадолго до своей смерти по настоянию московского митрополита Зосимы.

Ересь Феодосия Косого, XVI век: непризнание Иисуса Сыном Бога, пренебрежение обрядами как простой символикой, отрицание таинства покаяния (для снятия греха достаточно более не грешить), отрицание спасительной роли церкви (личные усилия). На допросах говорил, что его учение согласно с учением Белозерских старцев.

Безусловно, более всего меня удивили никто иные как Духоборцы. Секта наиболее скандальная после хлыстов – потому как наиболее гонимая, повергаемая наветам и откровенной клевете. Кем? *Nominae sunt odiosa*. Итак, Духоборцы, чье учение родилось, похоже, в XVIII веке, имели собственное общинное осмысление духовных истин –

«Животную книгу», которая стояла впереди авторитета Евангелия. В последнем, считали Духоборцы, «наряду с истиной есть много погрешностей» (77, с. 325). Не принимали Священного предания, то есть писаний христианских и православных отцов, так как полагали, что «от людей ничего не может быть священного и обязательного для всех» (там же). Троицу понимали как различные проявления (Силы) Единого. Полагали, что эти Силы проецируются на человека и являются источниками в нем собственной троицы: память-разум-воля, что по функциям совпадает с восточной триадой в человеке Атма-Буддхи-Манас. Полагали, что Единый облекается в нисходящие манифестации («В частности, о Сыне Божиим духоборцы говорят, что в Ветхом Завете под ним надо понимать премудрость Бога Вседержителя, которая вначале облеклась в натуру мира, а потом в буквы откровенного слова и проявилась в праотцах» – 77, с. 326), а это восточная доктрина эманаций. Если внимательно вчитаться в вышеприведенную цитату, то можно заключить, что 1) Бог облекается в материю; 2) слово наверняка есть Логос-Слово; 3) «буквы откровенного слова» суть Эоны, эманулирующие из Логоса; 4) Эоны воплощаются в великих людей, являющихся столпами религий, а не так ли рождаются адепты, высшие Посвященные, включая Аватаров, через которых действуют Силы самых высших планов Бытия? Фактически в каждом человеке рождается Эон, его личный Христос, его внутренняя божественность и надежда на спасение: «Он (Сын Божий) есть дух воплотившейся премудрости и любви. Этот дух внутренне рождается (пробуждается, так вернее. – С.О.) в каждом через внутреннее просвещение» (там же).

В силу этого для Духоборцев не мог быть актуальным авторитет какой-либо церкви, тем более вечно гнавшей их церкви православной, церкви с ее иерархией и культом с таинствами, крестами, иконами и прочим фетишизмом. Настоящую церковь составляют избранные Бога, раскиданные по всей земле и участники всех религий, в том числе иудейской; «члены истинной церкви находятся в непосредственном общении с Иисусом Христом (с Христом, Принципом Мира и человека? – С.О.) и потому не имеют нужды в таинствах» (77, с. 327).

Самым потрясающим для меня заявлением стало, что «церковь – это личное «я» духоборца». Более весомых доказательств выстроенности религии Духоборцев на восточных²¹ (или

²¹ Шанкарачарья говорит: «Всепронизывающее Существо, полностью свободное от всех изъянов круговорота бытия, обозначаемое в Упанишадах как «не грубое и тому подобное» (указание на качество наивысшей утонченности, по отношению к которой все остальное

гностических?) положениях трудно найти. Разумеется, они считают, что Адамов грех на его потомство не перешел, и нет нужды молиться и скорбеть о первородном грехе, который есть церковная сказка. Если люди грешат, это следствие падения их душ в материю. Есть место и положению о перевоплощении: «Души людей при разлучении с телами переходят в другие: благочестивые – в тела человеческие, а злые – в тела животных» (77, с. 326). Это не совсем согласуется с восточной философией, но вполне индуистская или народно-буддистская версия²².

«Об Иисусе Христе они учат, что Он есть один из праведных людей, только более других одаренный божественным разумом. Он был простой человек, в котором только особенным образом пребывало Божество. В этом смысле Он был Бог и Человек» (там же) – полное согласие с гностиками, а также качественное выражение идеи Иисуса-Аватара. «Он был Сын Божий, но лишь в таком смысле, в каком и все духоборцы называются сынами Божьими», в таком же, как и все просвещенные религиозные люди являются таковыми. «Цель страданий Иисуса состояло только в том, чтобы подать пример страдания за истину», а не ради измышленного церковниками Искупления. Разумеется, «всякий грешник... спасется сам собой... и заслуги Искупителя не могут оправдывать их; искупление есть не более, как духовное просвещение».

Вполне гностический взгляд у Духоборцев на воскресение, которое «будет заключаться не в воскресении бренных тел, а в воскресении падшего духа». Разумеется, «крещение водой бесполезно. Истинное крещение должно состоять в страдании» (77, с. 327). Если бы эти строки прочитал знакомый с восточными традициями обучения и

грубое. – С.О.), обладающее качествами невидимого и другими, незапятнанное, не имеющее большего Блаженства, чем Оно само, воплощение Сущности и Сознания, имеющее Бытие своей природой, – известно в Веданте как Всеобщее «Я» (108, п. 29,30), то есть Брахман. Далее Шанкара отождествляет Всеобщее «Я» и «я» человека: «Знай, «То» есть Брахман, о котором сказано в Ведах как о вошедшем в творение в образе индивидуальных душ, и который известен также как их управитель» (108, п. 35). Поэтому «осознание тождественности индивидуального «Я» и высшего, всеобщего «Я»... является средством для достижения свободы» (108, п. 6). Если Бог есть «Я», осознаваемое человеком как свое «я», то что же может являться храмом, церковью как не собственное «я», созерцаемое в глубинах бессознательности? Подробнее о «я»-концепции см. статью «Более полное изложение восточных концепций»

²² Но даже у этой версии есть своя истинная основа. Если воспринимать личность как комбинацию буддистских дхарм, то духоборцы правы: дхармы могут вести полусамостоятельное существование в личностях других людей или даже животных, пока творец, их породивший, не спустится с высот Девачана (буддистского рая) для нового воплощения. Разумеется, дхармы, сотворенные хорошими мыслями притянутся к хорошим людям или животным, плохими мыслями – соответственно.

просвещения, он непременно бы подумал, что вожди Духоборцев прошли это восточное крещение, которое состоит в продолжительном и мучительном испытании духа на преданность истине и изгнание пороков. Мне неизвестно, существуют ли сегодня Духоборцы, и придерживаются ли они своего вполне восточного гностического вероучения? Во всяком случае, Лев Толстой был с ними очень дружен²³.

Еще одно течение, Святодуховцев, возникло в России в XIX веке и было распространено среди просвещенных людей. Святодуховцы реанимировали идею перевоплощения как инструмента долгого совершенствования и эволюции на пути к более высшим формам существования.

Я не упоминаю секты, в которых восточные положения по большей части бессмысленно заимствованы методом эклектического собирательства, из каковых мне представляются, к примеру, штундизм и мормонство, раскольнические молоканство или секта немоляков. Традиционные элементы там вполне уживаются с христианскими измышлениями, преобразованным культом и др., чего не может быть в настоящей традиционной религиозной общине. С другой стороны, если один традиционный элемент согласуется с другим и все они так или иначе выстраиваются в систему, это значительный критерий для определения общины восточного типа, имеющей традиционное учение. Возможно, те общины, которые я указал, вполне относятся к традиционным, но возможно, что они просто ассимилировали части учения. Ведь нужно иметь ввиду неточность передачи, тем более, что я излагал вопрос большей частью по книге православного автора, изыскивая алмазы там, где он полагал лишь подделки.

Итак, гностицизм живуч, и вряд ли ему суждена участь вечной жертвы. Рано или поздно истина поднимет голову, вспыхнет жар, скрываемый опилками. Как вспыхнул он во времена Мухаммеда, с чьим именем связано самое значительное движение Гнозиса за последние два тысячелетия.

---

²³ Лев Толстой: «Тот, кто перенес сознание своей жизни в свое духовное «я», не может испытывать зла ни в жизни, ни в смерти».

Часть 2. Реформа Традиции

Ислам как встречный пал

Разгром гностицизма в Западной и Восточной Римских империях удался. Церковь как организация заинтересованных в удержании власти и незаинтересованных в утверждении истины епископов сумела оградить «овец» от пагубного влияния внешних ересей и извергла из своих рядов всех сторонников ересей внутренних. В борьбе она обрела:

- унифицированное учение, отличное от всех существовавших учений, потому как основывалось на чуде и абсурде и тем самым исключало разум из обращения;

- унифицированный культ – таинственные знаки принадлежности к данной организации, как то таинства крещения, рукоположения и отпущения грехов, крестное знамение и иконопочитание. Элементы культа, экспроприированные церковью у всевозможных религиозных и философских систем и имевшие там философский или оккультный смыслы, превратились в пустые и бессмысленные действия. Их пустоту и никчемность скрывал запрет для верующих взирать в «тайны Бога»-тайны Церкви;

- унифицированный канон из книг, почитаемых иудеями, и книг, написанных по-гречески на основе назарейских и есеевских записей, записей гностиков, переписки апостолов – размноженных, растиражированных, смешанных с существовавшими суевериями.

Канон стал фундаментом, культ – камнями, а вера – связующим цементом христианской цитадели. Новой организации удалось, таким образом, отвергнуть все или почти все, что пытался утвердить Человек, которого церковь превратила в бога. Великие назареи Иисус, Иоанн Креститель и гностик Павел стали церковными столпами – после соответствующей литературной обработки их слов и деяний. Назло им был утвержден, пусть и под знаком нового смысла, иудаизм с его упорами на избранность, завет с демиургом Иеговой и обетование.

Человека оторвали от Высшего Бога (Причины его самосознания), и превратили в заложника произвола бога низшего (причины его сознания и тела), а также самозванных исполнителей его воли, то есть отцов церкви. Верующие лишились права на божественное происхождение и надежды на спасение собственными усилиями.

Мир погружался в великую обскурацию – без мысли, без слова, без надежды. Новое зло распространяло метастазы и непрестанно

мутировало, улучшая свои способности разделять и властвовать, овладевать умами.

После недолгого торжества ариан, когда германские племена, обращенные арианским епископом Ульфиллой, подвергли разгрому Западную римскую империю (уже по-христиански вялую и ничтожную), пришел черед новой скорби: обращенный ортодоксами Хлодвиг предал веру франков, веру друидов и открыл Церкви путь из Италии во Франконию.

Тип союза франкских королей и Церкви был не нов; Церковь также направляла руки тех, кто владел мечом. Организация епископов призрачно отходит от светской власти, но по существу овладевает ею более надежно, чем когда-либо до этого. Точно также сегодня мы видим преимущества власти США над странами бывшего второго и нынешнего третьего мира перед властью, скажем, гитлеровской Германии: народы быстро скидывают власть иноземных завоевателей, но долго не могут разрушить кабалу своих правителей, которыми правят иноземные завоеватели. Для франков, англов и саксов, литов и эстов, ляхов и чехов Церковь была иноземным завоевателем, зачастую ехавшим на плечах их князей, конунгов и кингов.

Итак, между Эфесским собором – победным для ортодоксов, печальным для несториан, последнего лагеря, стоявшего на основах гностицизма – и проповедью Мухаммеда прошло почти два века. В начале VII распространение католической церкви сковывали многочисленные факторы. Византия была истощена правлением Юстиниана, войной с Сасанидской Персией. Взоры византийской церкви были направлены на славян, что ворвались во Фракию варварским потоком, спасаясь от авар. В общем, со стороны Византии ничего «пассионарного» пока не ожидалось. Римский папа только-только начал вырываться из под власти экзарха, постоянно долдонил о своей апостольской власти, перед которой вся земная не в счет. Римских христиан сковывали лангобарды.

Гораздо вольготней паписты себя чувствовали во Франконии, где правили захиревшие Меровинги. Католическая церковь начинала постигать на опыте функции «господнего» распорядителя: одной рукой она поддерживала крупных феодалов против центральной власти, другой принимала от хилых Меровингов земли за землями, в которых «князья церкви» были по королевской иммунитетной грамоте царями и богами, почти буквально.

В это время кусочек Азии, Аравия, почти не затронутая игом великих империй, растила в себе народ вольный и непокорный. «Арабы торговали и воевали с окружающими их народами и хорошо знали религии этих народов – и иудаизм, и христианство, и зороастризм. Представители всех этих вероисповеданий жили в оазисах и городах, религиозной нетерпимости не существовало, никаких препятствий миссионерская деятельность не встречала. И однако, эти хорошо разработанные религиозные системы не оказали практически никакого влияния на верования кочевых племен – очевидно, племенной строй был несовместим с ними. Лишь в тех случаях, когда строй частично или полностью разрушался и появлялось неравенство и государственная власть, наблюдалось успешное распространение этих религий среди арабов» (68, с. 20).

Если быть более точным, то не «племенной строй был несовместим» с христианством, иудаизмом и зороастризмом, но идеология арабских племен. Или она оказывалась сильнее, или, что проще, арабы наглядно видели продукты «великих» мировых религий – двуличных и корыстных иудеев, хитрых и лживых христиан, всегда готовых ударить в спину. Для араба-бедуина, «гордого, сильного и храброго, верного племени» (68, с. 22), поклоняться богам этих людей было бы самоубийственно. Для тех же арабов, что жили в оазисах и богатели на торговле, было возможно приобщение к чужеземным религиям – из материальной выгоды. Выгода же, как известно, способна заслонять многое важное – для араба связь с племенем, в первую очередь. Племенное разложение уже началось в оазисах (резко ускорилось в VI-VII вв., как замечает В.Ф. Панова), и приди Мухаммед веком позже, нашел ли он своих ансар («помощников») и мухаджиров («сторонников»), это очень спорно.

Заметим, что бедного и нищего араба, скитавшегося по Аравии со своими табунами и шатрами, не манил образ богатой жизни иудеев, христиан и персов; «кочевое хозяйство, не создававшее материальных излишков, которые можно было или стоило отнять, на протяжении многих веков защищало арабов от социального порабощения, и так как это хозяйство было с высокой производительностью труда, они пользовались не только личной свободой, но и обильным досугом, необходимым для умственной и духовной жизни. Да и сам труд араба-кочевника, впрочем, как и араба-купца, не был монотонно-однообразным и скорее требовал от него искусства и сообразительности, чем физического напряжения. Возможно, поэтому уже в первые века новой эры араб, нищий и безграмотный,

интеллектуально превосходил среднего подданного соседних могучих империй, не говоря уже о его безусловном превосходстве в военном искусстве» (68, с. 23-24). Эдакий законсервированный, полный сил и скрытой духовной мощи народ был готов помочь Мухаммеду в осуществлении его миссии, был готов возродить новую цивилизацию.

Почему новую? Цивилизация здесь была и ранее, от нее остались отголоски – в том числе в верованиях арабов. «У некоторых южных племен Аравии еще в VII-VIII веках бытовало представление о Каабе как храме, в котором первоначально поклонялись планете Сатурн». (68, с. 30-31). Сатурн же, согласно Блаватской, суть «еврейский «Лунный Бог». Уже только на основании этих представлений сделать вывод, что у арабов и евреев некогда была одна религия¹. Коран заявлял, что не только одна религия, но и один царь, одна империя, одни пророки. Мухаммед, как опять же было ранее сказано, не утверждал новую религию, но восстанавливал основы старой, искаженной иудеями, а вслед за ними христианами. Воистину, «он объявил себя преобразователем, который стремился восстановить простоту и чистоту веры патриархов». (21, с. 160).

Религией древних арабов и евреев, вообще народов, населявших пространство от Палестины до пределов Индии, было сабеянство и магический культ – полагает Ирвинг: «Авраам учил этой вере; она была принята его потомками... Сабейская вера в первобытном своем виде были чистой и духовной; она проповедовала веру в единого Бога, учение и наградах и наказаниях в будущей жизни и необходимость вести добродетельную и святую жизнь, чтобы достигнуть вечного блаженства. Уважение сабеян к верховному божеству было столь глубоко, что они никогда не произносили его имени и дерзали приблизиться к нему только через посредство духов или ангелов... обращаясь к звездам и другим небесным светилам, сабеяне не поклонялись им как богам, а старались только умиловить божественных обитателей их, как своих ходатаев перед верховным существом, и, таким образом, от этих созданных вещей возносились к Богу, великому Творцу. Мало-помалу эта религия

---

¹ «Тот факт, что все эти предания (бытовавшие среди арабов, а именно о Агари и Измаиле, Аврааме, колодце Зем-Зем и др. – С.О.) относились не к полуюеврейскому Ятрибу и не к южной Аравии, где еврейский элемент приобрел одно время даже господствующее положение, а к Мекке, где евреи никогда не жили, решительно противоречит... предположению многих новейших ученых, будто евреи произвольно навязали арабам библейское сказание об Измаиле, не имевшее будто бы первоначально никакого отношения к арабам». (92, с. 158). Неплохой вывод! Следуя этой дорогой, Соловьев мог бы прийти к выводу, что и Писание-то евреям вряд ли принадлежало...

потеряла свою первоначальную простоту и чистоту... и, наконец, была унижена до идолопоклонства» (там же, с. 15-16).

Ко времени Мухаммеда «национальная религия арабов была в состоянии смешения и разложения. Первобытный натурализм местных культов, приуроченных главным образом к священным камням и деревьям, терял свою живую силу над умами по мере возвышения племен над диким состоянием и по мере развивавшегося между ними взаимодействия... Такое состояние не устанавливало никакой связи между человеком и божеством и не могло удовлетворять религиозное чувство. Также мало оно могло служить нравственному и социальному объединению людей. Собрание людей разных племен вокруг Каабы во время хаджа имело, конечно, важное значение, поскольку оно знакомило их друг с другом, расширяло их умственный кругозор и представляло каждому наглядным образом идею национального единства. Но для осуществления на деле этого единства такой внешний способ был, конечно, недостаточен. Как из помещения многих идолов в одном огороженном пространстве не выходило одной религии, так и временное собрание всех арабских племен около этой ограды для наружного поклонения этим пестрым богам и для торговых сделок не создавало из этих племен одного социального целого» (92, с. 167-168).

Это естественно – нет единой веры во чтобы то ни было, нет и единого народа. Но эта единая вера некогда была, и потому сохранялись предпосылки для ее возрождения, и объединения на ее основе всех арабских племен. «Из идеи единого Бога прямо вытекало положение о братстве людей: отозвавшиеся на проповедь Мухаммеда становились членами своеобразного религиозного братства, внутри которого отношения, основанные на любви, милосердии и справедливости, считались единственно совместимыми с действительной верой». (68, с. 141).

Мухаммед не один понимал необходимость реформы культов арабов, трансформации их в единую религиозную систему. До него Зейд из Мекки полагал, что религия мекканцев не есть истинная религия Авраама. «Мухаммед, по преданию, часто видел и слушал его около Каабы, проповедующего против идолопоклонства во имя чистой веры Авраамовой... «Но он при этом чистосердечно признавал недостаточность своей отрицательной проповеди и прибавлял: «О, Аллах! если бы я только знал, какой образ поклонения угоден тебе, я сейчас бы принял его; но я этого не знаю...». Свои религиозные взгляды Зейд выражал не только в беседах, но и в стихотворениях,

сохраненных арабскими историками; он обличал этих стихах ложь идолопоклонства и проповедовал единого, праведного и милосердного Бога. Мухаммед очень высоко ценил его и однажды сказал (по преданию), что в день Великого Собрания... Зейд Ибн-Амр один составит целую церковь» (92, с. 173).

Итак, миссия Мухаммеда заключалась в восстановлении цивилизации на традиционных основах. По всей видимости, в одну точку сошлись многие причины, обусловившие успех этого предприятия. Во-первых, как знаем из истории, она всегда циклична, причем циклы могут быть многотысячелетними, уходящими из узкой области наших скудных исторических познаний. Если некогда на просторах Азии существовала великая империя, то остатки ее великих народов рано или поздно были способны, побуждаемые поворотом колеса цикла, вновь взлететь на его вершину, ибо у колеса есть как нижняя точка, так и верхняя.

Во-вторых, колесо возносило не только арабов, но и церковь. Наверняка в истории существовал прототип этой полувсемирной организации, следовательно, некогда были заложены причины, теперь настало время пожинать следствия. Рост влияния церкви пока простирался в сторону варварских германских племен; этим пассионирующим племенам надевалась слишком тесная, слишком жесткая узда не их веры. Следовательно, как некогда церковь и германцы были связаны друг с другом, обречены на сосуществование. Их сила обращалась против них же, но со временем дрессировка должна была закончиться, и дикая энергия обречена была устремиться на юг и восток.

У тех, кто ковал на просторах Аравии новую цивилизацию, оставалось в запасе два, может быть три века – если судить по эффективности работы церкви в Европе, и не больше века – если судить по желанию корейшитов-омейядов, правивших Меккой, удержать власть между львом и крокодилом. Рано или поздно, они склонились бы или в сторону Византии, или в сторону Персии. В случае ухода омейядов под Византию последовало бы обращение жителей оазисов, а вслед за ними рано или поздно обратились бы пустынные бедуины. В случае ухода под Персию обращение в христианство затормозилось бы максимум на несколько десятилетий, поскольку Сасаниды были слабыми противниками, и рано или поздно пали бы.

С другой стороны, Сасаниды реанимировали на своей груди иудаизм, и, разумеется, не на благо всех народов. В 614 году

Сасаниды захватили Иерусалим, в котором руками их союзников иудеев было вырезано более 60 тысяч христиан. «Современники - и в первую очередь монах Антиох Стратегий из лавры Мар Савва - пишут о том, что после штурма Иерусалима в мае 614 года евреи выкупили христианских пленников и убили их на месте. Английский историк Рансиман пишет: «Христиане были вырезаны без разбора, некоторые - персидской солдатней, но куда больше - евреями». («Крестовые походы», т.1 стр. 10). Численность убитых христиан в Иерусалиме достигла шестидесяти тысяч человек» (Израэль Шамир «В редакцию «Русского Израильянина», на сайте <http://www.israelshamir.com/ru/ruart100.htm>).

В общем, куда ни кинь, один конец – либо тотальное распространение церкви, либо рост иудаизма, или то и другое одновременно. За полтора десятилетия до завоевания турками-османами Византия приняла Флорентийскую унию с Римом, и отдалась, политически и религиозно, под Рим. Если бы не мусульманская империя, кто знает, что дало бы такое усиление Риму.

Логично: если не остановить пожар церковной христианизации и ползучую иудаизма, то вместе они пожрут весь мир, опустят его во тьму невежества. Чтобы остановить степной пожар, пускают встречный пал. Против сектанской веры, утверждающей ложью, мечом и огнем западную цивилизацию, была поднята обновленная религия на традиционных основах, и вокруг нее возникла новая цивилизация Востока.

Причем возникла она не на сугубо религиозных основах, но и на возрожденных государственных. Будда не уделял большого значения справедливому государственному устройству, сконцентрировав свои усилия на разоблачении невежества и майи. Иисус и Павел преследовали религиозную реформу, но должно было пройти много времени, чтобы огонь, брошенный ими в народы, разгорелся, чтобы составила критическая масса, способная изменить государственность. Положение Мухаммеда было исключительным: обратив один лишь город, он без особого труда взял власть в небольшом государстве арабов. Он заложил традиционные основы государственности, справедливого устройства гражданской жизни. «Мухаммед, в отличие от многих других религиозных реформаторов, намеревался осуществить новый строй жизни, основанный на братской любви и справедливости, не за стенами монастыря, не разрывая естественных отношений между людьми, а сохраняя и семью, и собственность, и привычный род занятий. Он считал, что

вера ниспослана в первую очередь для построения справедливой, а потому максимально счастливой жизни именно здесь, на земле». (92, с. 144).

Мухаммед – преемник духа несторианского учения

В первой главе мы подробно исследовали как мировоззрения назареев, гностиков и других «еретиков», так и контрвоззрения ортодоксальной христианской церкви, останавливались на сути различий. Мы видели, как неоднократно оживал дух гнозиса под той или иной формой. Фактически, история церкви была историей войны иудейских=западных и назарейских=восточных идей. И если издавна возникла война мусульман и христиан, то уже на этом основании не может не возникнуть вопрос: если по одну сторону христианская ортодоксальная церковь, то кто по другую? Не новая ли форма религии со старой сутью, гнозисом? Оттого и «внутреннее родство мусульманства с христианскими ересями несомненно. Внешняя историческая связь издавна признавалась...» (92, с. 170).

До какой же степени простиралось это родство? До более чем поразительной. Итак, «еще в XV веке Николай Кузанский de scibratione Alchoran утверждал, что Мухаммед принял христианство от несторианского монаха Сергия (он же Бахира. – С.О.), проповедовавшего в Мекке» (92, с. 171). Возможно, это утверждение слишком громкое, потому как прямых доказательств, кроме а) давней дружбы Бахиры и Мухаммеда², б) посещения Мухаммеда в 628 году несторианским патриархом Ишуягвом II, в) благоговения Мухаммеда перед страной Шам (Сирия), где он и встретился с Бахирой и несторианами – не существует. Но как яблоня познается по плодам, также по изучению следствий мы можем прийти к выводу, что Николай Кузанский мог бы быть вполне правым.

---

² Вместе со свои дядей Мухаммед в молодости впервые посетил Сирию. Там он встретился с Бахирой. Вот что пишет по этому поводу Вашингтон Ирвинг: «Один из монахов, которые иные называют Сергием, другие Бакирой, беседуя с Магометом, удивился ранней зрелости его ума и был заинтересован его пылкой любознательностью, которая, по всей вероятности, была направлена главным образом на предметы религиозные. Они часто вели между собой беседы о таких предметах, и во время их речи монаха, должно полагать, были направлены против идолопоклонства, в котором юный Магомет до сих пор воспитывался, потому что несториане остро осуждали не только поклонение иконам, но даже вообще употребление их; строгость свою в этом отношении они простирали так далеко, что даже крест, эта общая эмблема христианства, в большинстве случаев подлежала запрету. Этим ранним беседам с монахом многие приписывают знание правил и преданий христианской веры, обнаруженное Магометом впоследствии, но, вероятно, и позднее они имел с ним свидание во время последующих посещений Сирии» (21, с. 32-33).

Параллели с несторианством

У арабов слово «ханиф», по словам В. Соловьева, до Мухаммеда было синонимом «еретика». Ханифы не принимали ни христианство, ни извращенные арабские культы. Делать это им мешало как осознание неправоты тех и других, так и знание истины, недоступной либо отвергаемой ортодоксами. Коран называет Ханифами всех известных пророков, не склонившихся перед человеческими суевериями и отстаивавших истину – Авраама, Ноя, Моисея... Ханифом, другом Бога, Истины, называет себя и Мухаммед, и вскоре звание Ханифа из презрительного становится величественным. Не также ли обстояло дело с несторианами, бывшими еретиками в глазах христианских ортодоксов? Ведь и Бахира мог бы сказать, что он исповедует веру Авраама и настоящего Иисуса, сына Христа, забытую и отвергнутую церковными христианами. Разве он не надеялся, что со временем звание христианина-еретика станет почетным среди людей? Если так, то именно еретик мог внушить Мухаммеду мысль о почетности противостояния невежеству, о мужественности людей, исповедующих верный путь. Мухаммед возгорелся этим особенным чувством сопричастности незамутненной Истине, и сумел переломить мнение людей. Еретик стал «другом Бога». Бахира был бы более чем рад.

Еретик, никогда не называвший себя Богом, но лишь Его посланником (Расул), взялся – не по своей воле, но вдохновляемый Свыше, как бы ненаучно это не звучало – противопоставить христианству контрсистему. Ее положения, вполне несторианские=гностические, были всегда, или почти всегда, противоположностью христианским и иудейским догмам – начиная с Аркан-ад-Дина, пяти столпов ислама. Почему? Если мы примем во внимание несторианскую молодость Мухаммеда, все вопросы отпадут сами собой: «... осуществит гений Аравии религию, ... и заменит создание Иисуса, как несовершенное или испорченное его учениками» (112, с. 77). Ренан даже не дает себе труда проверить: или – или, хотя после первых сур Корана совершенно ясно, что только «испорченное его учениками».

Удивительное переключение мусульманских и христианских воззрений, их спор замечено многими исследователями: «Система, принятая в Коране, была в сущности основана на христианских учениях Нового Завета, в том виде, в каком Магомет узнал их от христиан-еретиков, живших в Аравии» (21, с. 53). Поэтому неудивительно, что «когда Магомет прибыл в Медину, некоторые из

городских христиан немедленно сделались его последователями; вероятно, они были из еретиков, признававших в Иисусе Христе человеческое естество и потому не находивших ничего отталкивающего в исламе, который чтит Иисуса Христа как величайшего между пророками» (21, с. 110).

Дабы не быть голословными, сравним основные моменты в вероучении несториан с положениями Корана и высказываниями Мухаммеда в хадисах по тем же поводам.

1. Иисус – человек, пророк. Он не Бог, но исполнял Волю Христоса, «Отца Небесного».

В Коране утверждение, что Иисус – пророк, а не Сын Божий, не вторая Ипастась, не Бог во плоти и т.д., занимает очень важное место. Бог действует «руками и ногами человеческими», посылая народам людей из их числа: маовитянам – моавитянина, евреям – еврея, арабам – араба. Это были лучшие люди из лучших, но – люди, не ангелы с небес. Наряду с Высшим Общением им было присуще голодать, болеть и умирать, даже иметь слабости.

И до тебя, (о, Мухаммед!)
Мы посылали лишь людей,
Которым Откровение внушали.
И если этого не знали вы сами,
Спросите тех, кому Писание дано.

И Мы не делали их телом,
Что обходилось бы без пищи,
Иль не познало б смерти вкус.

Над ними оправдалось Наше обещанье:
Мы их спасали и спасли тех,
Кого Своим желанием (избрали),
И Мы губили тех,
Которые (дозволенное Богом) преступали. (21:7-9)

Пожалуй, лишь высочайшая Ответственность и воля, сконцентрированная на достижение некоей незримой цели, ярко и отчетливо отличала Посланников от простых людей, остальные же отличия простой глаз мог и не заметить, и усомниться в их словах и миссии.

«Представление Мухаммеда о Христе соединяет две противоположные идеи, воспринятые им от различных христианских сект и ничем не связанные между собой. Вместе с эвионитами ... Мухаммед признает Христа за великого пророка в ряду других

пророков и вместе с гностиками-докетами видит в Нем особое небесное существо, не подлежащее даже закону смерти» (Соловьев В. Магомет. Его жизнь и религиозное учение, с. 201). Из нашего же исследования вытекает наоборот – эти две идеи связаны друг с другом, но когда Коран говорит о пророке, то имеет ввиду Иисуса-назаря, а когда о «особом небесном существе», то – Христа.

(И навлекли гнев Божий на себя)
 Тем, что нарушили завет свой...
 За то, что не уверовали в Бога,
 Что клеветой жестокой Марьям оговорили,
 За то, что говорили:
 «Убит был нами сын Марьям –
 Мессия Иисус, посланник Божий».
 Но ими не был он убит, и не распят.
 Им лишь представилось все это,
 И кто заводит спор о нем,
 В сомнениях об этом пребывает.
 У них нет никакого знания (об этом),
 И следуют они своим предположеньям, –
 Ведь, истинно, убит он не был.
 Нет, (не был он убит)!
 Господь вознес его к себе.
 Ведь он велик и мудр! (4:155-158)

2. Если Иисус не Бог-Сын, Бог становится Единым, теряет Троичность.

Единственность Бога, невозможность родства с земным творением, отвержение христианской Троицы – в этих аятах очень отчетлив спор с ортодоксальными христианами, хотя – отличительно! – ни единой секты, ни единого имени того времени в Коране напрямую не названо. Это хороший аргумент против тех, кто приписывает Коран Мухаммеду, земному человеку. Логично, если земному человеку не чужды слабости, как на том настаивают те, кто считает мусульманство итогом корыстных устремлений ко власти Мухаммеда, то отчего бы ему, выдумывая на досуге Суру за Сурой, именем Бога не клеймить своих врагов – поротно, повзводно, поименно? Как, к примеру, это делает Иоанн Богослов в Апокалипсисе: «Впрочем то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу» (II, 6) – простенько и со вкусом.

Однако, зная историю, контекст того или иного аята, нетрудно рассудить даже тогда, когда об именах не говорят. Собственно, много ли было в том мире сект, поклонявшихся Троице?

Не веруют (и богохульствуют) такие, кто говорит:

"Аллах есть третий из троих", -
Тогда как нет иного божества,
Кроме Аллаха одного, (единого для всех). (5:73)

Много ли было сект, считавших человека Сыном Бога?

Хвала Аллаху,
Кто Своему слуге Писание низвел
И в нем не допустил извилин (в смысле), –
(Писание) прямое (без уверток)...
... Чтоб остеречь таких, кто говорит:
«Аллах взял сына на себя». (18:4)

Ни сыновей не брал, ни дочерей. Вообще придание Богу человеческих качеств Коран считает недопустимым, и, кстати, в ряду добродетелей, приводящих к Торжеству в час Страшного Суда, Коран ставит веру в «Незримого» (2:3), а не в «тень человека» на облаках.

3. Мария не Богородица, а земная женщина, родившая человека.

Элементарно: если Иисус – не Бог, но человек, то Мария-Марьям – мать человека, праведника и пророка.

И богохульствуют все те,
Кто говорит, что Бог — Мессия, сын Марьям (5:17)

Следовательно, если у Марьям был сын не Мессия-Бог, то обычный человек. Интересен нижеследующий диалог:

И скажет (в День Суда) Аллах:
"О Иса, сын Марьям!
Ужель ты людям говорил:
"Меня и мать мою двумя богами, опричь Аллаха, почитайте!?""
"Хвала Тебе! — ответит Иса. -
Как говорить мне то, на что мне права нет?
Когда б я говорил такое,
Ты, несомненно, знал бы это, -
Ты знаешь, что в моей душе,
А что в Твоей — мне неизвестно.
Тебе Единому все тайное открыто.
Я говорил им только то,
Что Ты мне повелел (им возвестить):
"Аллаху поклоняйтесь!
Он — мой Господь и ваш Господь!" (5:116, 117)

Действительно, уже во время Нестория ортодоксальная церковь почитала Марию как Богородицу, Матерь Бога, богиню во плоти,

которой после смерти даны силы невероятные – спасительницы, воительницы, заступницы, кормилицы и т.д.: «не имам иные помощи разве Тебя, не иные пристанища, не иные убежища, кроме Тебя, о, Богомати...». Отцы копировали образ Марии-Богородицы с Изиды, Матери Богов, но низводили Силу Бога, персонифицированную Изидой-Астартой-Шакти древних религий, до уровня земной женщины.

4. Опека Церкви не нужна для достижения Спасения, равно как не ведут в рай церковные отпущение грехов и почитание икон, распятий и других фетишей.

Наверно, против этого пункта ортодоксы в споре с несторианами возражали более всего. Для церкви умаления ее роли в судьбе верующих страшнее не было ничего. Самый сильный довод к верующим держаться «общения» – это таинство отпущения грехов священниками, фактически, пропуск в рай. То, что этот обман был заранее осуждаем Евангелием, священников не смущало: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, когда попросит рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона?» (Лк. XI, 11-12). Однако:

И те, кто не уверовал (в Аллаха), верующим говорят:

"Вы следуйте по нашему пути,

И понесем грехи мы ваши на себе!"

Но ничего из их грехов они не понесут –

Лжецы они, и только!

Нести им бремя собственных (грехов)

И груз (грехов за соращение душ ближних),

Что ляжет грузом на их груз.

В День Воскресения их спросят

За (ложь всего) измышленного ими. (29:12-13)

Коран дает четкий ответ отпускателям грехов – свои лишь грехи они умножают. Они не могут быть посредниками между Богом и человеком, не могут быть проводниками благодати в результате таинственного епископского рукоположения. Каждый человек, взывающий и молящий о добре, слышим Богом, каждый человек, творящий доброе и отвращающийся от злого, видим Богом – без посредников.

Когда же вопрошают обо Мне тебя служители Мои,

Я рядом нахожусь

И внемлю каждому призыву,

Когда ко Мне в молитве он взывает.

Пусть и они призыву Моему послушны будут
И пусть уверуют в Меня,
Чтоб праведным путем могли идти. (2:186)

5. Каждый человек может стать совершенным, архатом, узреть Бога, достичь Спасения.

Общение человека и Бога подразумевает возможность человека идти к Богу:

«Всемогущий и Великий Аллах сказал: «Я буду таким, каким считает Меня раб Мой, и Я нахожусь вместе с ним там, где он поминает Меня. Клянусь Аллахом, поистине, Аллах радуется покаянию Своего раба больше, чем любой из вас (радуется, когда) находит своего верблюда, потерявшегося в пустыне! К тому, кто приблизится ко Мне на пядь, Я приближусь на локоть, к тому, кто приблизится ко Мне на локоть, Я приближусь на сажень, а если кто-нибудь направится ко Мне шагом, то Я брошусь к нему бегом!» (91, п. 440)

Как уже замечено, «секты ставят человека немногим счастливее плюшевого мишки в руках ребенка»; Коран возражает им:

Если б желали Мы найти Себе забаву,
Мы нашли бы ее в таком, что ближе Нам (по духу),
(А не вещественном твореньи,
Что так упорно небрежет
Той Истиной, что Мы ему даруем), –
Если б действительно задумали Мы это сделать. (21:17)

В этом аяйте заодно завуалированный ответ тем, кто считает человека творением Первопринципа, а не низших эонических Иерархий.

Путь Высший в этом мире – путь из этого мира. Однако, даже понять это доступно немногим, а пройти – удел единиц. Коран же строит цивилизации «из многих», из народных масс. Для них благое есть то, что позволяет жить в мире без нарушения высших законов. К большинству обращен Коран,

Кто, (гнева) Господа страшась,
Смирен и праведен (в своих деяньях),
Кто верует в Незримое,
Строг в совершении молитв
И щедр в подаянии из благ,
Которыми его Мы наделили,
Кто верует (в Писание) что послано тебе, (о Мухаммад!),
И в то, что до тебя ниспослано другим (пророкам);
Кто верует в другую жизнь
И нет сомнений (в нем об этом).
Они на истинном пути от своего Владыки,

И лишь они восторжествуют. (2:2-5)

Впрочем, путь к Богу есть путь через себя, через свои страсти. Умалять их возможно всем:

«Умен тот, кто требует у своей души отчета и совершает (праведные) дела ради того, что будет после смерти, слаб тот, кто позволяет своей душе следовать ее страстям, надеясь на Аллаха» (91, п. 66)

Заметим, что в Коране и в Евангелиях разделяются понятия рая и Спасения. В рай души добродетельных людей отправляются после смерти, Спасение же, равнозначное Воскресению из мертвых, наступает для большинства людей после Дня Воскресения, или Судного дня. Однако, некоторые люди получают Спасение до этого Дня, и эти люди вряд ли только пророки. Они живут среди обычных людей, как и архаты первых веков буддизма могли жить и действовать среди обычных людей.

И можно ли сравнить живых и мертвых?
Аллах, поистине, дает (Себя) услышать
Лишь тем, кого Своей угодю сочтет.
Ты ж не заставишь слышать тех,
Которые в могилах (35:22)

Остальные же люди мертвы, их жизнь в телах-могилах подобна смерти, ибо они не знают истинной жизни. Потому они в любом случае будут отрицать то, что не смогут ни проверить физическими чувствами, ни авторитетом или массовым мнением:

Поистине, ты мертвых не заставишь слышать,
Ты не заставишь и глухих
Услышать зов (к Господней правде),
Когда они, (к тебе) спиною обратясь, уходят (27:80)

Иллюзия заменяет им Реальность, но в конце человеческого цикла всем добродетельным и верующим предстоит Воскресение, обретение Жизни, пробуждение в Реальность:

Скажи: "Аллах дает вам жизнь
И шлет вам смерть за этим.
Потом Он соберет вас вместе
В День Воскресения (на Суд),
О коем никаких сомнений нет" (45:26)

б. Спасение, Воскресение суть духовное Пробуждение в Реальности, а не воскресение тел.

Раздастся трубный глас, и из могил своих
Поднимутся и устремятся к Богу люди (36:51)

Читая этот аяйт, можно подумать, что Коран вполне согласен с иудейскими и христианскими взглядами на воскресенье тел. Однако, можно при внимательном чтении найти и ключ к этим строкам:

Неужто тот, кто мертвым был,
А мы его вернули к жизни,
И даровали Свет ему,
С которым он идет среди людей,
Сравнится с тем, кто пребывает в мраке,
И никогда не выйдет из него?
Так и неверным видится прекрасным
Все то, что делают они. (6:122)

Итак, говорится о людях, которые были мертвы, но вернулись в Жизнь, обрели Свет, с которым идут среди людей – именно об них я говорил чуть выше, в п. 5, когда упоминал о получивших Спасение до Дня Воскресения. Их называют архатами, адептами, дви-джа («дважды-рожденными»), младенцами, посвященными – в каждом ответвлении Традиции по разному, в зависимости также от их духовного уровня. Ключ заключается в том, что мертвыми называются люди непробужденные, полагающие, что вся жизнь сосредоточена в теле, отождествляющие себя с телом – то есть подавляющее большинство людей, за исключением единиц. В таком случае тела есть могилы для душ, ожидающих Воскресения.

С этим ключом легко понять высказывания Иисуса в Евангелиях, упоминания о Воскресении в Ветхом Завете и Посланиях апостолов. К примеру, самое известное: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Лк. IX, 60). Или еще из Луки: «Сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения... Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы (XII, 35-38). «Тесны врата и узок путь, ведущие в *жизнь*, и немногие находят их» (Мф., VII, 14) – речь о Посвящениях ессеев и назареев (впрочем, египетские посвященные отнесли бы эти слова к своим мистериям, греческие и индийские – к своим), доступных для немногих; вход в крипты

Посвящений всегда был низким и узким (см. «Тайную Доктрину» Е.П. Блаватской).

Иудеям также присуще ожидание воскресения; один из Маккавеев, «сделав ... сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, ... послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении» (2 Мак. 43). Или вот интересный фрагмент неизвестного Евангелия: «И повернувшись к правителям народа, сказал им так: Поищите в Писаниях, через которые, вы думаете, что *обретете жизнь*, это они свидетельствуют обо Мне» (Pap. Egerton, п. 7. Опубликовано: Bell H. I., Scaet T. S. *Fragments of Unknown Gospels*, 1935). Во всех приведенных цитатах смысл обнаруживается только под названным углом зрения.

Отдельным положением, стоящим вне несторианской и ортодоксальной систем, является утверждение, что Иса не умирал на кресте, его смерть была призрачной. Иудеи

... навлекли гнев Божий на себя)
Тем, что нарушили завет свой,
Что не поверили в знамения Господни...

За то, что говорили:
«Убит был нами сын Марьям –
Мессия Иисус, посланник Божий».
Но ими не был он убит, и не распят.
Им лишь представилось все это,
И кто заводит спор о нем,
В сомнениях об этом пребывает.
У них нет никакого знания (об этом),
И следуют они своим предположеньям, –
Ведь, истинно, убит он не был.

Нет, (не был он убит)!
Господь вознес его к себе.
Ведь он велик и мудр! (4:155, 157-158)

Я не нашел подтверждения, что несториане придерживались докетизма, т.е. веры в призрачность страданий Иисуса на кресте.

Несторианское учение известно нам во фрагментах. Знай мы несколько больше о нем, то список совпадений несторианского и мусульманского учений мог бы быть более внушительным. Однако, и этого хватит, чтобы убедиться: Мухаммед (он ведь был согласен с каждой строчкой Корана) разделял основные положения несториан, что, впрочем, видно не только из Корана, но и из хадисов, его

собственных изречений. Так что предположения Николая Кузанского можно считать вполне доказанными.

Параллели с христианством

Разумеется, кроме «еретических» отличий в мусульманстве много параллелей с церковным христианством. Или, может быть, следует сказать иначе: много параллелей с христианством вообще, так как церковное христианство суть христианство, измененное под интересы церкви. Те положения, которые остались в церковном христианстве неискаженными, разделялись и несторианами. Иначе и быть не могло, потому как тогда несториане могли уживаться длительное время среди церковных христиан, если бы не имели согласия с ними во многих положениях? Через несториан эти положения проникли в мусульманство, или являлись остатком азиатских традиционных представлений, усиленных Мухаммедом – теперь об этом трудно судить. Все-таки возможно, что наличие положений, одинаковых или схожих в христианстве и мусульманстве, доказывает преемственность ислама от несторианства.

Какие же это положения? Их порядка десяти:

1) Судный День. Это положение вполне идентично понимается христианами и мусульманами: в конце веков Бог будет судить человечество – у христиан больше по вере, у мусульман больше по делам. Со Страшным Судом тесно связано Воскресение.

2) Воскресение. В исламе и христианстве понимается как воскрешение людей, которые умерли с начала времен до Судного Дня, в своих телах – для целей божественного разбирательства. Пожалуй, лишь некоторые суфии согласны с несторианами относительно Воскресения в духе, а не в теле.

3) Поклонение могилам святых. В христианстве эта традиция связана с верой в Воскрешение, а также с верой в различные чудеса, которые происходят на могилах святых или связанных с их мощами. Мухаммед был против такого поклонения; сохранился хадис, согласно которому Мухаммед просил Аллаха избавить его могилу от такой участи. Однако, в народе привился обычай поклонения могилам святых шейхов-суфиев.

4) Общий ряд легендарных героев. Наверно, даже в буддизме и индуизме меньше общих легендарных личностей, чем в мусульманстве, иудаизме и христианстве. Правда, есть небезынтересные исключения. Общий мусульмано-иудейский ряд обрывается на Давиде и Соломоне, и к этому ряду азиатская Традиция

прибавляет ряд своих, неизвестных в иудаизме пророков. По всей видимости, арабы и евреи разошлись после распада империи Давида, и потому арабы не знали ни Исаяи, ни Иеремии, ни Даниила. Общий мусульмано-христианский ряд, оборвавшись на Сулеймане-Соломоне, возрождается на новозаветных героях, но обрывается, не дойдя до апостолов, с которых, собственно, стартует история церкви.

5) Общее стремление к монотеизму. Хотя исследователи вообще считают ислам, иудаизм и христианство монотеистическими религиями, ислам будучи резким противником христианской Троицы, заявляет себя как самую моничную систему. Безусловно, Восток может быть еще на более жесткой моничной платформе, и, скажем, философия Адвайты и Вед, Алмазной Сутры и Дао де Цзин признает Высочайший Первопринцип единственно Существующим, все же остальные проявления обозначает как иллюзию, производную физических и метафизических чувств и представлений (скандх; см. 20, с. 70). В исламе только мутазилиты до конца отстаивали эту позицию, мужественно отвергая любые атрибуты, которые бы позволяли накинуть на Аллаха тень человека. Потому и остались в полном одиночестве; правоверные отвели им место в аду, так как они, будучи последовательными, отрицали предвечность Корана (1, с. 507-508).

6) Мир трех уровней. По сравнению с восточной многоуровневой системой бытия надо признать, что все три монотеистические религии исповедуют мир трех основных уровней: рай, земля и ад. Поскольку, к примеру, иудеи исключили между Богом и человеком все промежуточные миры, то невозможно было теперь не прийти к мысли, что «существуют две реальности – Б-г и мир» (76, с. 6), и между ними нет ничего. Вследствие такой увертюры философия просто отступает перед заявлениями типа «через Тору мы с Б-гом становимся единым целым... два становятся одним...» (там же), поскольку это заявление того же порядка, что и сошествие Бога на Синай в ходе столь характерного для Него чудесного процесса опускания небес до земли и поднятия земли до небес (76, с. 7): сошел – и всё тут, как по трапу.

Хотя Коран говорит, что Аллах создал 7 миров, однако же и мусульмане не имеют детального представления ни об одном мире кроме земного. У христиан, если не считать чертей со сковородами, дело обстоит примерно так же.

У христиан и мусульман, заметим, о рае и аде довольно сходные чувственные представления. И те, и другие об аде имеют больше представлений, нежели о рае и вообще о мирах выше земного. Они

безусловно считают ад многоуровневым, помещая друг друга поближе ко дну.

7) Учение о пророках. Пророки – предтечи первых лиц. Они предвещают приход Мухаммеда и Иисуса, призывают склониться перед волей Бога, но, за редким исключением, терпят неудачи. Разница только в том, что Мухаммед – первый в ряду пророков, «печать пророков», а Иисус – «Сын Божий», хотя еще в начале II века христиане Павловских общин преклонялись перед Иисусом-пророком. Мусульмане, как и несториане, усвоившие дух первых христиан-полуназареев, считают Иисуса пророком.

Кстати, о «печати пророков». Валерия Порохова, вероятно, вслед за другими мусульманскими комментаторами, ссылаясь на стих Корана утверждает, что Мухаммед суть «печать», то есть завершение линии пророков, и после него их уже не будет.

И Мухаммед не был отцом
 Ни одному мужчине среди вас,
 Он – лишь посланник от Аллаха и печать пророков.
 Аллах о всякой вещи знающ. (33:40)

Впрочем, точно также ныне говорят рериховцы о своих Гуру. Суть в том, что они не посвящены в тайны мира сего, и Небесного тем более – так откуда им знать? К тому же, оставляя народы без пророков и посланников, разве мусульманские ученые не обрекают их на муки ада априори? Во-вторых, печать служит утверждением, что данный документ истинен. И налагаться она может на какое угодно количество документов, в которых утверждается, что то или иное нужно считать верным или неверным. Исходя из этого, можно утверждать, что Мухаммед утверждал истинные учения и отвергал ложные, исковерканные людьми положения в них, и поэтому может называться «печатью».

8) Учение об ангелах. Ангелы есть, и вроде бы их нет, поскольку Бог делегирует им крайне мало своих полномочий, вроде подай да принеси. Ангелология больше развита в иудаизме и христианстве; в исламе, хотя Мухаммеда все время сопровождал Джабриил, даже о его функциях фактически ничего неизвестно. Во всяком случае, монотеистическим религиям далеко до логичных схем Востока.

9) Стремление к антропоморфизму. Как уже сказано, в мусульманстве только мутазилиты безусловно отрицали любые атрибуты, общие Аллаху и человеку. В христианстве лишь гностики, в иудаизме каббалисты могли похвалиться стройной философской

системой, в которой не человеческое набрасывалось на божественное, а божественное на человеческое.

10) Вера в божественное предопределение. Воистину, закон причин и следствий не укоренился и близко ни в одной из монотеистических религий. Поэтому споры о предопределении похожи на вечный театр абсурда. К примеру, мусульманский акт:

Амр б. ал-Ас обратился к Абу Мусе с вопросом:

– Мой господин! Где мне найти кого-либо, к кому бы я мог обратиться на суд?

– Я – тот, к кому обращаются на суд, – ответил Абу Мусса.

– Неужели Он (Аллах. – С.О.) предопределяет мне нечто, а затем наказывает меня за это?

– Да, – ответил он.

– Но почему? – спросил Амр.

Тот ответил:

– Потому что Он не чинит несправедливость тебе³ (1, с. 509).

Занавес.

Кроме общих положений околотогматического характера мы имеем множество мест в Коране, на основании которых можно сделать тот же вывод о полухристианской парадигме Мухаммеда. Без особенных комментариев можно представить сравнительную таблицу стихов Корана и хадисов со стихами Евангелий.

Коран	Евангелия
(И Иса, сын Марьям, сказал): "Аллах, поистине, и мой Господь, и ваш Господь, - Так поклоняйтесь же Ему: Это и есть стезя прямая". (19:36)	Иисус говорит ей: ... иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему (Ин. XX,17)
Начало и конец — Он, Явь и тайна И преисполнен знания всякой вещи. (57:3)	Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний (Откр. I, 10)
Пред теми, кто знаменья Наши ложными считает И величается над ними, Врата небесные не отворятся, И в Рай им не войти, Пока верблюд через игольное ушко не протеснится: Так воздаем Мы нечестивым. (7:40) О, Аллах! Удержи меня в бедности при	Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Мф. XIX, 24) Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (Мф. V, 3)

³ С другой стороны, это туманное объяснение закона Кармы. Бог справедлив, ибо предопределяет (складывает ряд следствий, порожденных причинами предыдущих (и также в прошлых жизнях) деяний человека) события и обстоятельства, тем самым наказывая породившего следствия продуктами его же деятельности.

<p>жизни моей и позволь мне умереть бедняком. Гордиться нужно скорее бедностью, чем богатством. (64, с.150, 136)</p>	
<p>И восемь ангелов со всех концов его В тот День Над ними понесут Трон вашего Владыки. (69:17)</p>	<p>Семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих (Откр. IV, 5)</p>
<p>Но разве не способен Тот, Кто землю и Вселенную построил, Создать подобные миры? (36:81) "Хвала Аллаху, Господу миров!" (10:10)</p>	<p>В доме Отца Моего обителей много (Ин. XIV, 2)</p>
<p>Когда ж земля zalъется блеском И облачится в дивные наряды И обитатели ее сочтут, Что лишь они распорядиться могут ею, Какой-то ночью или днем Придет к ней Наше повеленье, И Мы пожатой сделаем ее, Как будто бы еще вчера Она не процветала вовсе. (10:24)</p>	<p>И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела. И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата. (Откр. XIV, 15-16)</p>
<p>В тот День, Когда наступит Час, - Тогда они разделены все будут (По соответствию их дел). (30:14)</p>	<p>... и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. (Мф. XXV, 32,33)</p>
<p>Ужель не видишь ты, что ведает Аллах Все то, что в небесах и на земле пребудет? И меж тремя не может быть секретных разговоров, Чтобы четвертым не был Он (58:7)</p>	<p>Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф. XVIII, 20)</p>
<p>Сладострастный взгляд, брошенный на женщину, которая не является женой, есть уже некое прелюбодеяние (64, с. 134). Не приближайтесь к блюду вы, - Ведь это — срам и путь к дурному (17:32)</p>	<p>А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. (Мф. V, 28)</p>
<p>Посредством одного только разума истину найти невозможно, всегда необходимо обратиться к божественному и мудрому Аллаху. Путь приближения к Богу, пожалуй, сложный путь и человек вряд ли может близко приблизиться к Аллаху, если не будет просить у него о помощи (64, с. 135, 138).</p>	<p>Ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же всё возможно. (Мф. XIX, 25-26)</p>
<p>По словам Мухаммеда, Аллах изрекал-призывал: «О, человек! Только следуй моим законам и сделаешься близким мне; ты скажешь: «Да будет!», и будет так». (64, с. 138)</p>	<p>Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас (Мф. XVII, 20)</p>
<p>Марйам, Имрана дочь, Что сохранила девственную плоть.</p>	<p>Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом,</p>

И Мы от духа Нашего в нее вдохнули. (66:12)	прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго» (Мф. I, 18)
Когда после смерти верующий мусульманин предстанет перед лицом Аллаха, тот спросит у него: «Почему ты не накормил Меня, когда Я был голоден?». «Но как я мог накормить Тебя, всемогущего Владыку мира, Тебя, в чьей власти находится всё и все мы». «Но такой-то был голоден, – скажет могучий Аллах, – а ты не накормил его!» (64, с. 149)	Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших ⁴ , то сделали Мне. (Мф. XXV, 34-40)
Избегайте подмечать и осуждать в людях недостатки, особенно такие, какие есть в вас самих (64, с. 140)	Или, как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Лк. VI, 42)
После поклонения Аллаху самое лучшее дело – искренне любить друг друга. (64, с. 148)	Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя (Ин. XXII, 37, 39)
Господь не взыщет с вас За пустословье в ваших клятвах, но взыщет за намеренные клятвы, (Которыми себя связали вы). (5:89)	Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. (Мф. V, 34-36)
О люди, не желайте встречи с врагами и просите Аллаха об избавлении, но если уж вы встретились с ними, то проявляйте терпение и знайте, что Рай находится в тени (ваших) мечей! (91, п. 53)	Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч (Мф. X, 34)
Если бы уповали вы на Аллаха должным образом, то Он обязательно посылал бы вам	Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец

⁴ Надо же, осколок учения назарейского Учителя дан без комментариев и цензурной обрезки: Вторая Ипостась Бога называет людей своими братьями! Прямо ересь какая-то! И куда Соборы глядели?

пропитание так же, как посылает его птицам, которые улетают утром с пустыми животами, а возвращаются (в конце дня) с полными. (91, п. 77)	ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? (Мф. VI, 26)
Семерых укроет Аллах в тени Своей в тот День, когда не будет иной тени, кроме тени Его: справедливого правителя... и который сказал: «Поистине, я боюсь Аллаха!», - того, кто подаёт милостыню (настолько) тайно, что его левая рука не ведаёт, сколько тратит правая. (91, с. 376)	У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (Мф. VI, 3-4)
И не возложим Мы на душу груз, Что больше, чем она поднимет, - Ведь перед Нами книга (записи их дел), И истину она глаголет: Они обижены не будут. (23:62)	Иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. XI, 30)

Кроме этого, хотелось бы отметить, что Коран часто дополняет евангельские сюжеты. Тем самым создается впечатление, что азиатская традиция более осведомлена о событиях, которые иудеи, а вслед за ними и христиане, представляют как свое достояние, эксклюзивную историю. Например, Ибрахим (Авраам) отказался от своего отца, потому как тот был многобожником – мотив, неизвестный в Библии. Оказывается, сын Ноя утонул вместе с людьми (11:43); Ковчег пристал не к Арарату, а к другой горе; у Лота жена обратилась в соляной столб не потому что повернулась назад, а потому что выдала содомлянам пришедших к Лоту ангелов (11:81); в эпизоде с Каином появился новый персонаж, ворон (5:31); встреча Моисея с Богом состоялась не на Сионе, а святой долине Тува (20:12). В Суре 28 вскрываются новые подробности о убийстве Моисеем египтянина (28:15), а в Суре 40 возникает фигура некоего Благочестивого, который убеждал фараона прислушаться к Мусе; затем Фараон просит Хамана выстроить для него башню, чтобы ему взойти до Бога. Явно, что это не просто интерпретация еврейского предания, а дань арабским древним легендам, которые как две капли воды похожи на еврейские.

Проведенный анализ параллелей ислама с несторианством и христианством должен был склонить читателя к следующей точке зрения: ислам является синтезом арабских и христианских представлений, причем в последних отчетливо выделяются несторианские взгляды, вобравшие в себя многие «еретические» суждения. В следующей главе мы попробуем углубить данную точку зрения, указав на противоречия между ортодоксальным христианством и «еретическим» исламом. Эти противоречия стали в исламской

цивилизации противовесами, уравновесившими в религиозном мире христианские заблуждения.

Нам остается осветить последний вопрос: непростые отношения Мухамеда с еврейскими племенами, проживавшими на территории Мекки и Медины.

Мухаммед и евреи

Вначале, насколько мы знаем, Мухаммед не делал различия между арабами и евреями, обращаясь к последним с проповедью. Он полагал, что у евреев могло сохраниться чувство братства с арабами – родственным народом, и чувство единой веры. Уже то обстоятельство, что как Танах,⁵ так и разрозненные арабские предания свидетельствовали о одних и тех же мифологических героях – Ное-Нуахе, Аврааме-Ибрахиме, Иове-Айюбе, Давиде-Дауде, Соломоне-Сулеймане, Илие-Ильясе, Исааке-Исхаке, Иакове-Йакубе, Ионе-Юнусе, Иосифе-Йусуфе, Азазеле-Азраиле, Моисее-Мусе, Аароне-Харуне – это давало надежду, что удастся найти общий язык и прийти к общим выводам и действиям. Однако, Мухаммед был разочарован.

У Мухаммеда с евреями вначале был «более тесный союз», пишет В. Соловьев (92, с. 210), чем с ятрибскими арабами. Евреи обязались «поддерживать дело ислама денежными взносами и в тяжёбных делах между своими и мусульманами принимать решение Мухаммеда» (92, с. 210-211). Но затем столь замечательный союз потерпел полное фиаско. По Соловьеву, евреи убедились в полном безразличии Мухаммеда к иудейскому Писанию, и, кроме того, евреев не устроила родословная Мухаммеда – ведь он был из рода Измаила, а не из рода Иакова, следовательно, не подходил для роли Мессии.

Все это слишком слабо звучит: разве евреи до заключения союза не знали происхождения Мухаммеда (среди арабов, знающих свои корни едва ль не до десятого колена), или не беседовали с ним на богословские вопросы, дабы изучить его отношение к Торе? Скорее, все было гораздо проще. Вначале евреи видели в Мухаммеде дестабилизатора мекканской государственности, и потому поддерживали его, как они всегда это делали и делают, поддерживая радикальные движения, разрушающие государственные образования – над разделенными власть легка. Но затем ятрибские евреи осознали, что на самом деле дело идет к реальному государственному

⁵ Танах, или по первым буквам ТНХ – Тора (Пятикнижие, собственно Писание евреев), Небиим (книги пророков), Кетубим (Ketubim, книги истории). Все вместе суть иудейский канон, уворованный христианами и названный Ветхим Заветом.

устроению, причем, на более прочных началах, нежели корейшитские родовые связи. И вот тогда от евреев посыпались насмешки и откровенные предательства.

Пожалуй, вот первоначальный вариант заблуждения, от которого произошли заблуждения многие: «С некоторыми из [богатых и могущественных еврейских семей] Магомет заключал мирные договоры в надежде, что они со временем признают его *обещанным Мессией*, или пророком. Стремясь, может быть и бессознательно, к таким целям, он *сообразовал* многие из своих учений с догматами их религии и соблюдал некоторые из *их* постов и установлений... из уважения к евреям *он сделал* кеблой Иерусалим, к которому все мусульмане во время молитвы должны были обращать свои лица». (21, с. 110-111).

Таким образом, выходит, что Мухаммед намеренно доискивался дружбы евреев, чтобы быть утвержденным на роль еврейского Мешиаха, для чего придерживался еврейской обрядности и даже в угоду евреям поменял киблу. Из нашего же исследования вытекает, что евреи, то есть ортодоксальные иудеи, никогда не приняли бы Мухаммеда за обещанного Мессию – довольно трудно было бы доказать происхождение Мухаммеда из иудейского (ладно, если бы азиатского) рода Давидова, да и евреем он не был, то есть априори не был избранным. Для каббалистов же Мессия был не физической, а метафизической фигурой, явление которой они полагали на конец всех времен.

Да и что за нужда была Мухаммеду так стараться снискать расположение иудеев? Куда и на что годился этот неуправляемый, высокомерный, замкнутый, самоизвергшийся из человечества народ? Мухаммеду были нужны их деньги и финансовое могущество? Он не нуждался в них, что и доказал всей жизнью, половину дней своих пропустившись на финиках и воде. Он не строил мечети (была лишь одна, мединцами отстроенная), не покупал наемников, не подкупал врагов своих – зачем тогда ему нужны были деньги?

Но Мухаммед протягивал иудеям руку помощи, давал шанс на спасение, заключающийся в восстановлении их религии до традиционной правильности всех основных положений, позволявший осуществить их ассимиляцию. И шансы этот были отвергнут, «все уступки, какие он делал этому упорному народу, оказались напрасными: евреи не только упорствовали в неверии, но как к нему самому, так и к его учениям относились с насмешкой» (21, с. 133).

И не только с насмешкой. Иудеи редко выступали против Мухаммеда с оружием в руках, но без оружия они были более страшны и опасны. Познав всю меру их предательства, Мухаммед не стал дожидаться кары от Иеговы, но сам дал достойный ответ иудеям; «избиение этих несчастных людей на мединском рынке считается одной из самых мрачных страниц его истории» (21, с. 159). Разумеется, ведь поведение «этих несчастных людей», из-за которых могли быть вырезаны все мусульмане в Битве у рва, являлось далеко не самой мрачной страницей в их истории предательств и злодеяний.

Кибла на Иерусалим, насколько это понятно из Корана, была способом отделения верных от неверных, и инициативой вовсе не Мухаммеда. Пардон, но гордые арабы покинули бы Мухаммеда, если бы тот сменил киблу именно из-за евреев. Для них новая кибла не вызывала протеста по двум причинам: а) так повелел Аллах, б) Иерусалим – в прошлом столица единой азиатской империи легендарного азиатского царя Давида – их царя, не иудейского. Те обряды, которые, по мнению Вашингтона Ирвинга были похожи на еврейские, Мухаммед также соблюдал по иным причинам, нежели заискивание перед иудеями. Обряды и посты есть у всех народов, и их происхождение – традиционно. Обряды Мухаммеда также похожи на еврейские, как азиатские мифы и легенды похожи на легендарную историю, изложенную в Танахе. У евреев и арабов была одна история и одна религия, именно этим объясняется «сообразование» догматов, обрядов, постов и др.

Несториане в Азии

Касаясь присутствия несториан в регионе Палестины, Аравии и Северной Африки, отметим, что позиции их были довольно сильными. Абиссиния (Эфиопия) была под несторианами, и под покровительством Наджаши, короля Абиссинии, были родственники и ученики Мухаммеда во время гонений на него. Мусульмане переселялись в Абиссинию в 615 и 617 годах и получали покровительство несторианского правителя (негуса). Таким образом, в Северной Африке было целое несторианское государство⁶.

Христиане были в ближайшем окружении Мухаммеда, а именно Варака, племянник Хадиджы, первой жены Мухаммеда, родственник Вараки Осман, и Убейдаллах, двоюродный брат Мухаммеда. По всей видимости, их христианством было несторианство. Так что

---

⁶ Не потому ли Эфиопия по сей день преследуема христианскими фуриями мщения и ввергаема в голод и смерть?

продвинутых и ученых людей заслугами несториан в Аравии хватало, и Мухаммеду было на кого опереться.

Наконец, не может не возникнуть вопрос: что же за нужда была несторианам способствовать становлению ислама, и отчего им было не обратить азиатов в несторианство? Внимательно рассмотрев способ взаимодействия несторианства с другими религиями (см. статью «Несториане»), можно найти ответ на этот вопрос: для несториан, как и для других гностиков, была важна суть, а не форма. Наверняка Бахира в беседах с Мухаммедом касался основ, заключавшихся в вечных законах мира и человека, и отрицательно отзывался о окаменевших формах поклонения, которые заменили собой религию, «связь с Высшим».

Несториане никогда не распространяли свое вероучение в широких массах. Они пытались выйти на наиболее просвещенные слои, как правило, на правящую элиту, и в любом случае допускали в свои ряды очень немногих, наиболее достойных. Таким образом, их общины были закрытыми, как и общины ессеев, назареев, гностиков. Уже только поэтому массовое обращение арабов в несторианство было невозможным.

Традиция, как ранее замечалось, едина во всех своих ответвлениях; мы называем данные ответвления несторианством, буддизмом или даосизмом весьма условно. Тем более что со временем буддизм вырождается в ламаизм и тантризм, а мусульманство поглощается преданием ученых улемов. И в какой форме воспримут Традицию народы, для несториан должно было быть последним вопросом. Главное, что Традиция в всякой своей форме является противоположностью любой секте. В мусульманстве эта противоположность заложена уже в Аркан ад-дине, Пяти Столпах Веры – фактически, в Символе веры Ислама, новой формы Традиции.

Противовесы Ислама

Аркан ад-дин

Аркан ад-дин, пять столпов Ислама, включает в себя положения, согласный с которыми может объявить себя мусульманином, «покорным (воле Аллаха)»⁷. Каждое из этих положений несет в себе

⁷ Заметим, что Коран имеет ввиду покорность воле Аллаха, верность (ханифизм), но не покорность корпоративным интересам шиитов или суннитов, то есть в первую очередь отношения человек-Бог, а отношения верующий-верующие – во вторую. Ведь, собственно, умма, церковь и синагога суть одно – община верующих, и, ныне, союз посвященных в Писание, предание и приобретенную догматику, то есть союзы

утверждение Традиции и одновременно отрицание существовавших предубеждений. Не будет откровением, что многие предубеждения имели христианское и иудаистское происхождение.

1. Формула исповедания веры: «ля иляха илля-ла ва Мухаммед расулу-лла» – нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед его посланник.

Хотя иудаизм и христианство считаются исследователями монотеистическими религиями наряду с Исламом, внешнее сходство догматических концепций не означает единство наполняющей их сути. Иудаизм отсекся от концепции Единого Первопринципа, стоящего по ту сторону как физической, так и метафизической природы, дуальной и уже только поэтому не-вечной. Бог иудаизма имеет человеческие признаки и тесно связан с сотворением земли и человечества, но более всего – с еврейским народом.

Бог христиан суть бог иудаизма уже только в силу преемственности заимствованных от иудеев ветхозаветных Писаний, но Новый Завет лишает Иегову остатков моничности, даруя ему ипостаси Сына и некоего Святого Духа. С одной стороны вроде восточная идея Брахмы-Вишну-Шивы, производных Сил Брахмана, с другой – функции христианской Троицы размыты, назначение Святого Духа совершенно неясно, и по сравнению с индуистской троицей, означающей созидающий, сохраняющий и разрушающий аспекты Первопринципа-Брахмана, она, христианская Троица, вообще непонятно зачем создана недалекими отцами III века.

Точнее, понятно – они следовали шаг в шаг за гностиками, Троица которых, Nous-Logos-Antropos, равнозначная каббалистической Кэтер-Хокма-Бина, была образцом для копирования. Однако, христиане никогда не согласятся с такой трактовкой, настаивая хотя бы на предвечности Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа, то есть единственности и троичности одновременно, что абсурдно с точки зрения элементарной логики.

Первой частью Столпа Ислам заявляет: нет Бога кроме Аллаха, то есть нет никакой Троицы, есть единый Принцип (таухид, «единобожие»). Напомним: «первый корень Эл (Ал) на санскрите, коренном языке белой расы, означает Божественный, Солнце, второй Ах (Ох) – Первый» (см. статью «Несториане»). Можно перевести как Первое Солнце, но солнце всегда обозначалось как круг с точкой, при этом точка символизировала Первопринцип, Единый, Без Пары, а

священников, раввинов и улемов, по преимуществу. Вряд ли Коран призывал быть покорным улемам; покорность подразумевалась только по отношению к Богу и правителю, как исполнителю воли Аллаха в государстве.

круг – Бесконечность. По сути же солнце есть источник света и тепла, то есть Жизни, Мира.

Безусловно, этот Столп был против и джахилийских (доисламских) представлений арабов. Однако, не стоит акцентировать внимание на многочисленных идолах арабов и борьбе Мухаммеда против идолопоклонства, упуская при этом представления христиан и иудеев. Если арабы забыли Традицию, то иудеи и христиане ее намеренно исказили в погоне за человеческими душами, за земной властью.

Утверждая Первопринцип, Коран ведет речь от имени архангела Джабриила, который по легенде передавал Мухаммеду послания и руководил через него становлением новой религиозной общины. Хотя Джабриил говорит от имени Аллаха, в любом случае можно отличить, что из трех, от лица которых в основном идет повествование (Аллах, Джабриил, Мухаммед), Джабриил самый многоречивый, а если быть точным до конца, то все повествование ведется от лица Джабриила, который говорит за Аллаха, Мухаммеда, Ноя, Ису, Мусу и остальных. Таким образом, Аллах всегда присутствует, но – вне поля зрения. В христианском мировоззрении Бог-Отец суть гневный старик-отец, то с посохом в руках, то с мечом, то с молниями. После появления Бога-Сына первое лицо христианской Троицы и вовсе приобрело все отличительные качества человека. Если восточные религии пытались вывести Первопринцип вообще за пределы обсуждения, предлагая народу те или иные аспекты Единого под человеческими образами (человек может представить Божественное только в каком-либо образе, и человеческий образ из известных человеку суть самый совершенный, потому выше человека человеку ничего неизвестно), то в Коране сделана попытка только отделить Первопринцип от человеческой природы, доказать неизмеримое превосходство Первопринципа над человеческой природой.

Аллах — Один Единый Бог!
Его величию негодно
Отцом для смертного предстать. (4:171)

Эта попытка суть явный противовес христианству и иудаизму, не говоря уже о языческих воззрениях. Но при всех языческих извращениях додумались родить от Бога земного сына только христиане.

Второй частью Столпа утверждается человеческий статус Посланника Аллаха, и отрицается его божественное происхождение (не ангел с неба):

И до тебя, (о Мухаммад!),
Мы посылали лишь людей,
Которым Откровение внушали.
И если этого не знаете вы сами,
Спросите тех, кому Писание дано. (21:7)

Арабы, полагавшие, что Бог должен был послать архангела с молниями в руке, а не человека с Мекки, могли бы уточнить этот вопрос у иудеев, чья история повествует о множестве пророков. Коран доказывает, что руками и ногами человеческими утверждается божественный Закон среди людей, и им не следует ждать никого, кто в подтверждение своей миссии взялся бы обрушить небо, поднять горы или оживить мертвых.

Эта часть Столпа прямо или косвенно отрицала прямое родство с Богом христианского пророка-реформатора. Вообще христианская история – непрерывная манифестация божественного вмешательства. Коран же утверждает, что Бог действует не лично, что антифилософски, но через людей. Таким образом, не только посланников нужно рассматривать как инструменты божественной воли, но и людей, человеческие организации, союзы, народы и нации. Если один народ заблуждается, ему всегда противостоит другой народ:

И если бы Аллах не отражал
Одних людей, (что злы в своих деяньях),
Другими, (что в делах своих добры),
То были бы снесены монастыри и церкви,
Синагоги и мечети,
В которых Его имя поминается сполна (22:40)

Вполне верные во многих вопросах своему Первоучителю, мусульмане «еретически» утверждают человеческий статус Иисуса⁸. Хотя Иса наделен Богом силами и мудростью,

И вот ты волею Моей

---

⁸ Заметим еще один противовес ортодоксальному учению: Коран утверждает, что Иисус не умер на кресте, что смерть его была иллюзорной. Что подразумевается под иллюзорной смертью, мне пока неясно, но именно так думали докеты, известные христианские еретики. И эта «еретическая» точка зрения, выраженная в Коране (4:157), опять же сближает ислам и христианские ереси.

Из глины образ птицы сотворил,
 Вдохнул в нее, и волею Моей она живую стала.
 И волею Моей ты исцелил того, кто слеп родился.
 И прокаженного оздоровил Моею волей,
 И оживил Моею волею умерших. (5:110),

все же

Мессия, сын Марйам, не боле чем посланник, -
 Ему предшествовали многие другие,
 И праведницей мать его была⁹.
 Они питались пищей, (что для смертных) (5:75),

а потому

Не подобает человеку,
 Которому Аллах дал Книгу, мудрость
 И пророчество назначил,
 (С призывом) к людям обращаться:
 "Вы поклоняйтесь мне вместо Аллаха!"
 Напротив! (Должен он сказать):
 "Вы будьте "раббанийун"¹⁰... (3:79)

Теперь нас не должно удивлять, что кроме реформы мусульманский ренессанс Традиции есть и прямой противовес ортодоксальному христианству:

Хвала Аллаху,
 Кто Своему слуге Писание низвел...
 Чтоб остеречь таких, кто говорит:
 "Аллах взял сына на Себя" (18:1,4)

Утверждению человеческого статуса посланника Аллаха служат и вполне реальные факты из жизни Мухаммеда. Как известно, Мухаммед не умел ни читать, ни писать. Суры, которые он слышал, читались им наизусть, помнились на протяжении всей жизни, а также запоминались его сподвижниками-сахабами, записывались частично сразу, частично позже. Факт неграмотности Мухаммеда служит доказательством, что, во-первых, Коран не является произведением Мухаммеда, во-вторых, что Мухаммед был только передатчиком Корана и многочисленных указаний, человеком-посредником. В его функции входили доведение Посланий и их ясное разъяснение, следование Указаниям и призыв к верующим следовать им:

⁹ Коран возражает иудеям, которые считают мать Иисуса-Иешуа блудницей.

¹⁰ «Поклоняйтесь только Богу, (Хранителю всего, что суще)», в другом переводе Пороховой.

Скажи: "О люди!
Я для вас — увещатель ясный" (22:49).

Мухаммед не претендовал на статус безгрешного небесного существа, вполне обходясь статусом человека, не свободного от грехов. Известны страсть Мухаммеда к женщинам, тяга к благовониям. Некоторые очарованные Мухаммедом арабы, постоянно сидевшие под навесом невдалеке от жилища Мухаммеда и его жен, могли бы многое рассказать, но никогда не открывали рта. «Я рассказываю не обо всем, чему я был свидетелем, – говорил один из «людей, сидящих под навесом», переживший Мухаммеда. – Если бы я рассказывал о пророке и посланнике божьем всё, верующие перерезали бы мне горло...» (68, с. 364). Об этом свидетельствует и Коран:

И до тебя Мы не послали
Ни одного посланника, ни одного пророка без того,
Чтобы, когда в нем зрело пылкое желанье,
Не бросил Сатана в него (какую-либо скверну).
Но сводит на ничто Аллах
Все, что подбрасывает Сатана (благочестивым),
И утверждает (в них) знамения Свои, -
Аллах ведь знающ, мудр безмерно! (22:52)

В связи с этим желание мусульман пунктуально следовать всем высказываниям и поступкам Мухаммеда один в один, без осмысления, привело к печальным последствиям. Таклид (подражание) стал основной тактикой мусульманского мира, застывшего в средневековье и уже с конца XVIII века ставшего жертвой ушлого Запада. С другой стороны, призывал Мухаммед в поисках «ильм'а», божественного знания, идти хоть до Китая – а кто из улемов за ним стремится, полагая, что все давно известно и предопределено? Уж были бы последовательными до конца...

2. Молитва, «салат».

По мусульманской легенде Мухаммед обещал Аллаху, что верные будут молиться вовсе не пять раз, а много больше, но убежденный на небесах Моисеем, Мухаммед упросил Аллаха остановиться на пяти молитвах. Молятся мусульмане, обратившись (кибла) лицом к Каабе, древнему Храму азиатской расы. Мухаммед дважды менял киблу – вначале на Иерусалим, затем – на Каабу. Вполне можно истолковать киблу на Иерусалим как знак правопреемственности мусульманской

уммы от империи Давида (но вовсе не как знак поклонения Иерусалиму). Коран излагает мотивацию иерусалимской киблы проще: это был знак раздела арабов на верных и многобожников. В 624 году, после победы молодой уммы над мекканцами при Бадре, Коран повелевает вновь изменить киблу – на Каабу. Фактически, это означало, что мекканское сопротивление корейшитской знати уже не бралось в расчет, его (для Аллаха) уже не существовало, хотя фактически Мекка сдалась на милость Мухаммеда только в 630 году.

Молитва – это утверждение божественной помощи человеку, смиренному перед Богом. Даже в буддизме, ставящем на первое место личные усилия человека в достижении Спасения от перерождений в сансаре (земных мирах), есть масса молитв к Буддам, бодхисатвам, тарам, идамам. Человек слаб и бессилён; в мирской жизни, в подвиге и на пути спасения его поджидают великие препятствия, преодолеть которые он может только верой в помощь Высших Сил. «Кто же может спастись?» – грустно вопрошают ученики христианского Учителя. «Невозможное человекам возможно Богу» – таков был его ответ (Лк. XVIII, 26-27). Этот Столп отрицает человеческое всесилие, но утверждает возможность любых великих дел в связке человеческой веры и Высшей Воли.

Человек наедине беседует с Аллахом, его молитвы известны Аллаху, человеку не нужен посредник, что «ближе к Богу», чьи молитвы легче доходят до Бога – Бог не глухой, априори.

Когда же вопрошают обо Мне тебя служители Мои,
Я рядом нахожусь
И внемлю каждому призыву,
Когда ко Мне в молитве он взывает. (2:186)

В связи с этим умалается роль Церквей, до предела увеличивающих важность своего предназначения. Нельзя сказать, что Церкви не нужны – это не так, потому как если ходящим людям поддержка не нужна, то ползающим и неразумным опека и/или альтернатива необходимы. В современных условиях ни государство должным образом не опекает слабых и неразумных, ни церкви не представляют должную альтернативу материализму во всех формах – даже в странах, где ислам государственная религия. Заметим, как сходно положение средневековой христианской церкви с современной исламской церковью ваххабистского толка: тотальный контроль и удушение мысли. Вот две крайности, над которыми располагается нужный статус общины философов, костяка

государственной системы прошлого, воспетой Платоном в «Государстве» и возможной в будущем.

3. *Хадж, обязательное (хотя и по мере возможности) паломничество в Мекку.*

Столп утверждает местом поклонения народов становящейся империи Ислама единый Храм Азии, Каабу, и единую Реликвию-Камень, как знак солидарности Аллаха и верных.

И на людей возложен долг перед Аллахом
Паломничество к Дому совершить,
(Но лишь для тех), кто сможет это сделать (3:97).

Более того, Коран утверждает Каабу как Первый Храм азиатской расы¹¹:

И первым Домом поклоненья,
Что был назначен для людей,
Был тот, что в Мекке, -
Благословенья полон, путеводитель всех миров!

В нем — ясные знаменья для людей,
Пристанище для Ибрахима,
И каждый, кто войдет в него,
Там в безопасности пребудет (3:96,97)

В этом Столпе косвенно заложено отрицание объединяющей роли Иерусалима, центра давидовской империи. Многими исследователями временная кибла на Иерусалим толкуется как жест доброй воли (или даже заискивание!) Мухаммеда в отношении иудеев, а смена киблы на Каабу — как обида Мухаммеда на их предательства. Вряд ли судьба иудеев серьезно волновала Мухаммеда. В его глазах это был недостойный народ, не-верный, чтобы ради него менять киблу; Иерусалим же им наверняка рассматривался как древняя столица бывшей азиатской империи, а вовсе не как символ мифического царства иудеев. Та же Аль-Акса, «Отдаленная Мечеть», вряд ли реально находилась в Иерусалиме — ведь о местоположении Аль-Акса в Коране ни слова. Таким образом, Столп закладывал основы будущего, без оглядки на прошлое.

¹¹ Если читать только аяты 96 Суры 3, то можно подумать, что мекканский Храм был вообще первым Храмом человечества. Однако, предыдущий аят ведет речь о вере Ибрахима (Авраама); в контексте этого аята ясно, что Кааба является первым Храмом азиатской расы, олицетворенной Ибрахимом.

4. Пост, «саум».

Столп утверждает необходимость телесных ограничений для постижения духовного смысла жизни и в то же время отрицает гедонизм.

О вы, кто верует! Предписан пост вам,
Как он предписан был для тех, кто был до вас,
Чтоб благочестие могли вы обрести (2:183).

Пост «прописан» «для тех, кто был до вас» практически во всех религиях; разве что варьирование степеней поста отличает применение этого метода ограничения чувственности в буддизме от мусульманства. Буддистским бхикшу-«нищим», вечно пребывавшим в состоянии нужды, не было особенной необходимости выделять пост как отдельный инструмент¹²; с точки зрения мирского наблюдателя вся их жизнь была одним непрерывным постом. В индуизме, больше направленном на народные массы, посты также предписаны в основном «путникам», стремящимся к Мокше-Освобождению. Индусы не избалованы мясной пищей, их кухня в общем вегетарианская. Зато у арабов-скотоводов не было разнообразия вегетарианских блюд. Мясо, которое они поглощали довольно часто, укрепляло их тело в ущерб душе.

Пост есть ограниченное во времени стеснение в мясной и жирной пище. Его задача, наряду с замеченными лечебными (выведение шлаков и т.п.), есть определенное ослабление тела, грубых физических чувств, дабы дать возможность проявиться более тонким чувствам, ощущающим реальность по ту сторону от слышимого, видимого, осязаемого. Соединение поста и молитвы еще более действенно:

Творите регулярную молитву
По двум пределам дня,
И (в ранние) часы (прихода и ухода) ночи.
Ведь, истинно, дела благие
Приносят избавленье от дурных;
Сие – напоминание для помнящих (о Боге). (11:114)

Уже только одно осознание ино-реальности способно перестроить устремления земного человека с учетом жизни после смерти, ответственности за багаж деяний, с которыми он пересечет линию

¹² Будда: «Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сидение на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений и не познавшего истин».

земной жизни – ведь с этим багажом ему жить там. Более заматериализованные верные, неспособные к ощущению ино-реальности, могут взять в этот багаж сам пост, как благочестивое деяние, как отказ от земных удовольствий в пользу предписаний Аллаха.

Пост, как и смена киблы на Иерусалим, был в том числе призван отделить верных от неверных. Жители города Таифа, смирившие с неизбежностью перехода в ислам, поставили в свое время Мухаммеду условия: они принимают мусульманство, но при этом не ограничивают себя ни постом, ни воздержанием от спиртного, ни другими «условностями». Однако, уже через небольшое время, ощутив контраст с членами мусульманской уммы, быстро заполнявшей всю Аравию, они почувствовали себя в положении белых ворон, и были вынуждены сами снять свои неуместные условия.

Заметим, что этот Столп также выдвигает завуалированный противовес христианству. Христианские аскеты были известны своими подвигами уже вначале существования не-есейского христианства. Чаще всего их аскетизм превращался в планомерное убийство тела, сознание же преисполнялось фанатичной ненавистью к земной жизни. Отрицание брака, детей, мирских отношений исключало аскетов-изуверов из жизни, и в то же время отдаляло от Спасения, к которому они так стремились – их тела усыхали, но души ожесточались.

При этом христианские отшельники были превосходным оружием в руках епископов, торпедировавших с их помощью институты языческой власти и самого язычества. Они не дорожили своей жизнью и были бесстрашны, как бесстрашны все религиозные фанатики; их религиозное рвение, постоянно поддерживаемое неумеренной аскезой и бичеваниями, можно было обращать против кого угодно. Кирилл, епископ Александрии, уничтожил Ипатию, философа, надежду язычников в Александрии, с помощью Петра-отшельника. Тот вместе с сотоварищами устроил кровавую оргию, растерзав в приступе бешенства эту женщину, и глумился над ее телом после смерти, счищая мясо с костей острыми раковинами. Епископы во время правления Юлиана-Отступника посылали аскетов к царю с намерением запугать его; этот царь, ненавидевший церковное христианство, был в конце концов убит христианином-фанатиком копьем в спину.

Столп отрицал аскетизм христианского образца. Умеренный пост не плодил аскетов типа Петра-отшельника, да и вообще не сбрасывал религиозную жизнь под откос абсурда. Ведь читая христианские жития святых, только и удивляешься разнице между одним христианским отшельником, что вкушал четыре раза в месяц и спал только на левом боку, от другого, что вкушал один раз в неделю и спал только на правом боку¹³.

Безусловно, пост, введенный Мухаммедом, щадящ и разумен. В течении месяца мусульмане не едят и не пьют ничего до захода солнца, восполняя свои силы вечером. Для них Рамазан скорее праздник, чем страдание.

5. Милостыня, «закат».

Этот Столп утверждает необходимость вклада каждого члена уммы для ее процветания. Закат составлял 5 процентов от прибыли, полученной в результате военных походов или в мирное время.

А благочестье в том,
Чтобы уверовать в Аллаха,
И в Последний День...
... И по часам молитвы совершать,
Платить закат,
Скрепленный договор исполнить (2:177).

¹³ Несколько поучительных историй про христианских «святых» я как-то списал с одной популярной у православной паствы книжки (кажется, «Духовный луг», или нечто в этом роде). Вот одна из них: «Авва Иоанн евнух рассказал нам: Пришлось мне быть в Фиванде, в киновии аввы Апполона. Там и видел молодого брата... этот юноша дал обет в течении всей жизни не пить ни воды, ни вина, смешанного с водой, ни какого-либо другого напитка. Он питался цикорием, бобами, и вообще такими овощами, которые, служа пищей, могли в то же время утолять жажду. Послушание его состояло в том, чтобы сажать хлеба в печь. Прошло три года – и юноша заболел. От этого недуга он и отошел к Господу. Во время болезни с ним сделался сильнейший жар, к тому же он страшно страдал от жажды. Все его уговаривали, чтобы он принял хоть немного вина с водой, но брат наотрез отказался. Тогда авва киновии послал за врачом... Врач явился. Увидев брата в тяжком состоянии, врач долго убеждал его принять немного вина с водой, но – все было тщетно. Тогда врач обратился к авве со словами: «Принеси мне сюда большое корыто». Влив в него четыре ведра теплой воды, он заставил опустить в нее больного до бедер и держал его в воде в течение часа. И святой старец уверял нас – он сам был в то время, когда поднимали юношу из воды – когда врач смерил воду, в корыте оказалось воды не более одного ведра... Вот как жили великие подвижники, истощая себя ради Бога, чтобы наследовать вечное блаженство». Что и говорить, путь для наследования вечного блаженства молодой инок и его авва (ведь авву инок должен был слушаться, и раз он не прервал голодовку, значит, авва тому причиной) избрали не самый удачный. Хотя бы потому, что вряд ли Богу было угодно истощение и смерть своего верного. Молчу уже о чудесном осмосисе, который продемонстрировал святой инок, всосав неким необъяснимым образом три ведра воды. И таких историй, такой ереси, которой христианские отцы веками пичкают свою паству, было и есть полным полно.

«В основе социально-экономической доктрины ислама лежит мусульманское понятие собственности, сущность которой сводилась к признанию того, что «богатство в руках людей – это богатство бога». Владение «божьей собственностью» (например, землей)... есть «благо», которое всевышний дарует не каждому и не в одинаковой степени... В исламе содержится ряд предписаний, призванных обеспечить «справедливость», «ограничить злоупотребление собственностью». К таким важным... социально-экономическим предписаниям относятся указания о «закате» (налоге на богатство в пользу бедных) и «ушре» (налоге на сельскохозяйственную продукцию)» (62, с. 416).

В современном Пакистане «закат» взимается в размере 2,5 процентов от ежегодных сбережений, при этом «закатом облагаются люди, владеющие собственностью, превышающей нисаб» (32, с. 407), то есть минимум богатства, составляющий 87,47 г. золота или 612,36 г серебра. Деньги из фонда заката получают нуждающиеся, чье богатство меньше нисаба, т.е. сироты, бедняки, вдовы, инвалиды. В виде стипендий получают помощь учащиеся медресе; до 10 тысяч рупий получают невесты из неимущих слоев в качестве приданого. Оказывается помощь больным и немощным через медицинские учреждения. Кроме этого, от 10 до 50 тысяч рупий предоставляется начинающим бизнесменам для открытия своего дела. Признаться, такой налог на богатство не повредил бы и России, при настоящем чудовищном разрыве в доходах между 5-7 процентами нуворишей всех мастей и 60 процентами живущих в нищете.

Столп отрицает обособленность любого члена уммы, безответственность за других верных, находящихся в материальной зависимости в силу здоровья, утери кормильца и других причин. Заметим, что христиане с расцветом церкви были принуждаемы платить церковную десятину – тот же закат¹⁴. Однако, насколько отлично было назначение этих платежей в церкви и молодой умме. Если десятинна целиком шла на поддержку паразитирующей структуры, то закат предназначался в пользу бедных, служил инструментом поддержания социальной справедливости¹⁵.

¹⁴ У иудеев также существует практика «консолидированного бюджета» на общие корпоративные цели.

¹⁵ Кроме заката мусульмане также платили ушр, 10-процентный налог с с/х продукции, который шел на нужды государства, и являлся не религиозным, как закат, а гражданским налогом.

Другие противовесы

Остальные противовесы ислама ортодоксальным христианству и иудаизму, джахилийским представлениям как бы группируются вокруг пяти Столпов. Их довольно много, и полно рассмотреть их можно только в рамках отдельной работы. Однако, невозможно не обратить внимание хотя бы на некоторые из этих противовесов. Мухаммед и иже с ним старались избавить умму от преднамеренных ошибок и заблуждений прошлого.

1) Вообще, сам факт появления ислама нужно считать противовесом иудаизму и христианству. Те, кто ратуют за ойкумену, единящую людей всех вероисповеданий, пока спешат – человеческий материал еще не тот, что будет рад жить в веке Золотом. Та же Блаватская, призывавшая к единению теософов без различия пола, расы и религии, однако же настаивала на единении в Истине и Братстве, т.е. на фундаменте, решительно отличном от тех, которые предлагают существующие религиозные системы. Пожалуй, лишь философский буддизм был ею обозначен как система, наиболее согласующаяся с Теософией, т.е. с наименьшими искажениями от Тайной Доктрины (Традиции). Однако же, где они, эти философы-буддисты, среди обрядников-ламаистов и ритуалистов-тантриков?

В Коране есть интересный стих, наталкивающий на такие мысли. Без соответствующего толкования он звучит несколько нелепо:

И были люди (некогда) одним народом,
Потом же разошлись разноглася.
И если бы не Слово твоего Владыки,
(Что им явилось) раньше,
То было бы улажено меж ними
Все то, в чем разошлись они. (10:19)

Итак, некогда был один народ, затем явились разногласия, и люди разошлись. Но они все равно сошлись бы в одинаковом (наиболее сильном) сектанском прочтении, как сошлись христиане вокруг своих церквей и церковных догм, или как иудеи вокруг Закона и синагоги. Чтобы в нашем случае процесс не стал глобальным, уже во времена иудейского рассеяния было дано Писание христианам, и единение под общим заблуждением было предотвращено.

Та же ситуация глобального единения под эгидой христианских заблуждений возникла как следствие унификации христианского учения и сплочения епископальной церкви в ходе Вселенских Соборов. И вновь народы были разделены исламом для

предотвращения более губельных для цивилизации последствий сектанского единства.

Отсюда, бесполезно искать общее между христианством и мусульманством, и тем более между ними и иудаизмом – нет мира среди церквей и догм. Нужно и полезно искать общее меж ними и Традицией. Я нахожу это общее в восточных положениях. Следы Востока в иудаизме и христианстве уже обозначены, в исламе будут исследоваться ниже. Ведь только истинное способно объединить религии и возродить Ойкумену будущего; истинное, но не рожденное в изоциренных человеческих мозгах.

С другой стороны, сам факт создания мусульманской общины красноречивее всяких других доказательств должен говорить о том, что старые общины иудеев, огнепоклонников и христиан сбились с пути. Иначе зачем создавать новую общину, если существующие могли бы распространить верное учение на народы без Писания.

2) Иудеи и христиане довольно прохладно относятся к государству, как к внерелигиозной социальной структуре, объединяющей людей. Иудеи ждут богоданного государя с неменьшими надеждами, чем Мессию-Машиаха; государей самоставленных, пусть и ссылающихся на священный Танах, они признают условно, а потому повинуются как бы поневоле.

У христиан неприязнь к государству зародилась, вероятно, со дней Нерона. Их идеалом остаются общины верующих, пресвитерианского или старообрядческого образца, связанные воедино, возможно, святыми или их прямыми учениками – наверно, в коллективном бессознательном христиан по сей день живы времена, когда писались книги подобные «Дидахе», извергнутые из христианского канона епископами. Но именно князья церкви, кормящиеся от государства, и на Западе и на православном Востоке уже с третьего века держали христианские общности в узах более жестких, нежели вмещавшие эти общности государство. И именно они настраивали и настраивают верующих на отвержение государства, как порождения своего пугала, апакалипсического «Зверя», затмевая жупелом мирской власти факт власти теократической, в разы более жестокой и невежественной. Конечно, властвующие церковные иерархи на словах не против государства, и на службах осуществляется прошение за «князей» («князья» всегда очень настаивали на этом), но как только заходишь за монастырские ворота, обнаруживается полное неприятие государства.

С другой стороны, уже в средневековой католической Европе стоял вопрос противостояния государственных обязанностей «князя» и его христианских воззрений, при этом удовлетворительного ответа на это противоречие найдено не было: как пользоваться бичом и любить ближнего своего одновременно? В общине Мухаммеда верующий и государственный чиновник были едины в одном лице начиная с Мухаммеда и праведных халифов, потому противоречие снималось само собой¹⁶. В мусульманской общине для верующего трудности и соблазны на государственной лестнице были испытаниями, которые посылал Аллах:

И это — Он, Кто сделал вас преемниками на земле,
И Он одних по степеням возвысил над другими,
Чтоб испытать вас тем, чем Он вас наделил (6:165).

Отсюда, государство необходимо уже как испытание властью, и как ранжирование достойных (недостойных, в настоящее время). Христианскому анархизму Мухаммед противопоставляет исламское государство. И если бы во главе государства стояли правители не хуже, чем в «Государстве» Платона, исполнилась бы и христианская общинная мечта, и идеал мусульманской уммы.

3) Как мы уже заметили, христианская церковь ко времени Мухаммеда являла собой единую организацию, не имеющую в себе антагонистичных религиозных течений. Единственно, что временами ослабляло Рим – борьба церковных партий за власть. Антипапы, как ставленники оппозиционных партий, появляются уже в конце второго века. Очень часто эти партии сходились на ножах, убивали даже в церквях.

Раздор в церкви – укрепление монархий в Европе, и наоборот. Впрочем, в любом случае духовенство входило в единую организацию, пронизывающую Европу, и ни одна страна не могла похвалиться стабильностью политического строя, где была в силе церковь. «Церковное вероисповедание и отлучение от церкви служат социальным договором духовенства, договором, посредством которого оно всегда будет повелителем народов и королей. Все священники... – сограждане, хотя бы они и жили на противоположных концах света. Это изобретение есть шедевр политики» (Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре) Церковникам так было выгодно: слабое государство – сильная церковь. Следствием этой политики являлась феодальная раздробленность Европы в

¹⁶Уже только отсутствием жрецов, т.е. особой категории людей, стяжателей благодати, по сравнению с которыми все остальные грешники в любом случае

средние века, централизация же начиналась с подчинением монархом церковников, чему очень противился Рим.

Итак, христианская церковь вносила в Европу разделение, обуславливая двойной характер власти, «который сделал совершенно невозможным в христианских государствах всякое хорошее государственное устройство, и никогда нельзя было с точностью узнать, кому следовало повиноваться: светскому повелителю или священнику» (Ж.Ж. Руссо, там же).

Мухаммед устраняет в мусульманском государстве двойственность, глава государства одновременно глава мусульман. «Магомет имел правильный взгляд, он хорошо связал свою политическую систему, и до тех пор, пока созданная им форма правительства существовала при калифах и их приемниках, это право было действительно единым и в этом смысле хорошим. Но арабы, став народом цветущим... изнеженным и трусливым, были покорены варварами, тогда разделение между властями произошло вновь» (Ж.Ж. Руссо, там же).

4) Римская империя рухнула в том числе и благодаря христианскому пацифизму. Для христианина чрезвычайно трудно примирить в себе заповедь любви к ближнему и необходимость уничтожать врага. В «Бхагават-Гите» Арджуна мучается таким же вопросом, усугубленным его родством с врагами. И тогда Кришна говорит: «Никогда не было так, чтобы не существовал Я, или ты, или все эти цари; и никогда не будет так, чтобы кто-то из нас прекратил свое существование... Знай же, что то, что пронизывает все тело, неразруσιμο. Никто не может уничтожить бессмертную душу... Душа неразрушима, неизмерима и вечна; лишь тело, в котором она воплощается, подвержено гибели. Поэтому сражайся, о, потомок Бхараты» (18, с. 97-106).

Кришна призывает Арджуну исполнить долг (дхарму) правителя, у которого было отнята власть путем обманом, и вернуть государство, а в государстве закон, хотя бы и военной силой, даже если на его пути стояли его родственники, и бывшие друзья, и вполне достойные люди. Однако, это заблуждающиеся люди, пошедшие на поводу у злонамеренных и бесчестных, и потому они осуждены Богом (Законом) на истребление. Таким образом, на своем пути земного властелина Арджуна не должен обманываться, будто бы он отнимает жизнь — жизнь отнять невозможно, но должен целиком руководствоваться Законом и своей дхармой (долгом). Восток призывает человека стать действующим звеном эволюции,

инструментом Божественной Воли, с которой сливается, подчиняясь, воля собственная. Ведь слияние сознания и Сознания, растворение в Божественном Разуме, обретение Нирваны-Мокши-Дао-Спасения – конечная цель человека. На этом пути верующий должен пройти последовательно путь домохозяина (вайший), воина (кшатрий) и ученика и служителя Брахмы (брахмана).

У христиан размыто понятие долга, социальной задачи каждого человека, и безуспешны найти ответы на все жизненные вопросы в Нагорной проповеди, последнем кусочке древней мудрости назареев.

Заметим, что мусульман при Мухаммеде не мучил вопрос жизни и смерти – может быть, в силу их более спокойного отношения к смерти, или в силу более грубой природы их душ по сравнению с европейскими народами. Мухаммед терпел издевательства корейшитской знати около 8 лет, и только исчерпав все возможности к обращению, призвал верных к оружию. В конце концов, добро должно уметь защищать себя, иначе оно обречено.

Хотя, человеческим разумом, видя лишь лоскуток истории и лишь часть картины без метафизических надземных и подземных – аллегорически – завершений, без понимания причин и следствий невозможно правильно оценить ход событий. К примеру, империя Наполеона воспринимается и воспринималась историками как однозначное зло, как последствие кровавой французской революции. Но разве не Наполеон сверг власть Римской церкви, убрал с пути истории римских ставленников-монархов, разве не он открыл тем самым путь науке, либеральным веяниям, философии, даже времени буржуа с их представительной властью? Может быть, сам до конца не осознавая свою миссию, Наполеон способствовал прогрессивным мировым переменам.

Разумеется, у любой медали есть две стороны, и за прогрессом однозначно тянется тень регресса – вот только стоит ли на одну и ту же голову валить все шишки мира? До Революции Франция и европейские страны, попавшие под её иго, превысили все степени презрения к закону, к истине, заменив их торжеством монаршего и церковного невежества. Равно как и иго татаро-монгол вряд ли бы состоялось, если бы не разложение княжеской власти в славянских государствах. Оно, иго, было для Руси с одной стороны страданием, с другой благом, так как привело к становлению единой славянской государственности и духовному единению народов в единый славянский народ. Так и для Азии власть мусульман стала благом, так как оттенялась разложением персидской государственности и

религии и возможностью распространения церковного христианства, по сравнению с которым даже татаро-монголы – беда незначительная.

Коран четко обосновывает необходимость власти одних племен (народов) над другими, тем самым заранее обосновывая неотвратимость мусульманской империи и ее легитимность:

И, если б не удерживал Аллах
Одних людских племений над другими,
Бедой бы преисполнилась земля, -
Но полон щедрости Аллах к мирам Своим! (2:251)

5) Христианская империя рождалась на праве сильного. В этом отношении показательна Франкония, первое истинно римско-католическое государство, благословленное папой. При Меровингах в нем царило полное беззаконие; «сильные» могли силой вытребовать у «слабых» прекаримальную грамоту, где последние расписывались в том, что по своей воле становятся рабами своих новых господ, коим передают свои земли и право наследования. Не отставала в этом деле и церковь; есть множество грамот, которыми землевладельцы «даровали» свои владения церквям «на спасение души», не оставляя ничего в наследство своим детям.

О вы, кто верует!
Среди раввинов и монахов много есть таких,
Которые имуществом людей
Неправедным путем овладевают
И уклоняют их с Господнего пути,
И тех, кто золото и серебро
Копит и в закромах своих хоронит,
А не расходует на промысле Господнем.
Благую Весть им сообщите:
Их ждут мучительные кары. (9:34)

Не ценилось ни имущество, ни самая жизнь. Государства как такового не существовало – все было в личном владении феодалов, от короля и ниже. Позже, поняв невозможность бороться с беззаконием открытыми способами, Карл Великий, мудрость и слава династии Каролингов, сменившей Меровингов, создаст институт «вольных судей», судивших зарвавшихся феодалов тайно, под покровом ночи.

Мухаммед устанавливает священный характер частной собственности.

О мой народ! Блюдайте верно вес и меру;
Имуществу людей урона не чините

И не творите злодеяний на земле,
Сея на ней нечестие и смуту. (11:85)

Этот закон фактически уничтожал воровство среди мусульман, делая его религиозным грехом, равно не допуская посягательство «сильных» на имущество «слабых».

И вору, и воровке отсекайте руки
Как воздаяние за то,
Что (души их) усвоили себе, -
Как наказание от Аллаха, -
Ведь Он, поистине, велик и мудр!

Но кто, свершив свой грех,
Раскается, к благому обратясь, -
Тому Аллах Свое благоволение проявит, -
Ведь всепрощающ Он и милосерд! (5:38,39)

Так это или иначе, но вполне можно предположить, что данная мера была установлена в противовес ситуации на «кафолическом» Западе.

Поистине, ваша жизнь, и ваше имущество, и ваша честь являются ... священными для вас... Смотрите же, не становитесь после меня неверными, которые рубят друг другу головы!

Того, кто присвоит себе что-либо по праву принадлежащее другому мусульманину с помощью (ложной) клятвы, Аллах обязательно ввергнет в Ад и сделает запретным для него Рай». (Кто-то) спросил (его) (Мухаммеда. – С.О.): «Даже если это будет что-то незначительное, о посланник Аллаха?» Он ответил: «Даже если это будет прутик арака!» (91, п. 213, 214)

6) Противовес следующий вполне связан с предыдущим. Поскольку лишь Аллах является собственником земли,

Скажи: "Кто Властелин небес и Властелин земли?"
(В ответ) скажи: "Аллах!" (13:16)

передача земли может быть осуществлена как дар Аллаха через наместника (халифа) Аллаха, функции которого в свое время исполнял Мухаммед, а после него избранники уммы. Таким образом, халифы распределяли земли Аллаха, а не свои собственные. С этой точки зрения завоеванные и ранее находившиеся во владении мусульман земли довольно условно можно назвать государственной собственностью (лучше, собственностью уммы). Тем не менее, пользуясь терминологией римских юристов, мы можем утверждать, что Мухаммед устанавливает священный характер государственной

собственности – против феодальной на Западе, где действовало право занятия, право дикого варвара.

Вокруг шеи того, кто захватит пядь земли без права, будет обвито (собранное) с семи земель (91, п. 206)

7) Если мы заговорили о собственности, то будет нелишним упомянуть о собственности наследников, жен, сирот и т.д. В Европе – беззаконие, гражданские акты только условности, во Франконии только Карл Великий позаботился о правах наследников. В Коране же детально разработаны права наследства,

Для (пользы) каждого
Установили Мы наследников того,
Что оставляют их родители или родные. (4:33)

опекунства (тогда лакомый кусочек на Западе, где опекун был без пяти минут владельцем состояния опекаемого),

Ведь те, которые имущество сирот
Несправедливо пожирают,
Сжирают огонь в свои чрева -
Гореть им в пламенном Огне! (4:10)

«О Аллах, поистине, я запрещаю ущемлять права двоих слабых: сироты и женщины!» (91, п. 270)

брачных связей, запрещается блуд и кровосмешение. Когда коранические установления – божественные предначертания, безвременные как Законы Ману в Индии – вошли в силу, не было спокойнее городов и селений, чем в мусульманской империи.

8) Спокойствию способствовали запрет пьянства и азартных игр. Было ли это установлено в противовес дурному опыту Запада, или как ограничение излишеств джахилийи, до-исламских времен, наверно, не суть важно.

Хочется заметить, что мусульмане в настоящее время нашли много лазеек для потакания своим слабостям. К примеру, они уверяют, что Аллах запретил им только вино. Даже исследователи ислама соглашаются, что «в Коране говорится только о натуральных винах, производимых на основе простого брожения виноградного сока или настойки из фиников... Вот почему арак, а позже водка, коньяк, виски приобрели во многих мусульманских странах гораздо более широкое распространение, чем вино. Питье арака, а не вина как бы

открывало лазейку для любителей спиртного в обход коранического запрета» (31, с. 125). Однако, Порохова дает неутешительный для пьяниц перевод:

О вы, кто верует!
 Все, что пьянит (и травит) ум, азартные затеи,
 И камни (жертвенников, алтарей и мест молений),
 (И жребии) на стрелах –
 Все это — мерзость, что измыслил Сатана.
 Так воздержитесь же от этих искушений,
 Чтоб обрести вам (счастье и) успех. (5: 90)

9) Немалая составляющая государственной стабильности – полная ясность в вопросах брака и монашества. Монашество противоречит браку, но нужно ли монашество простому народу, живущему немудреной жизнью, далекому от философских изысков?

В иудаизме брак обязателен для достигших зрелости. Ессеи жили рядом с иудеями, и часть из них признавала брак необходимым, другие ессеи считали брак излишним для себя (см. Иосиф Флавий. Иудейская война). По всей видимости, ряды последних восполнялись евреями, разочарованными бесполезной в высшем смысле жизнью обычных мирян и тупым исполнением Закона, которым хотелось вступить на путь, прямо ведущий к Истине, как бы крут он ни был.

После разрыва ессеев с иудеями и образования общин «Нового Завета» общины ессеев могли превратиться в самодостаточные образования монастырского типа. Они не должны были принимать к себе тех, кто не возжелал найти истинный смысл жизни во что бы то ни стало.

Сторонники Иисуса, принадлежавшие к течению реформированного иудаизма, которое потом назовут христианством Петра и Иоанна, наверняка знали о монастырях ессеев и проходили в них послушание. Соприкосновение есеевских общин «Нового Завета» и христиан петровского толка наложило отпечатки на церковное христианство, поглотившее как сторонников Петра, так и сторонников Павла, компилировавшее в свою парадигму многочисленные элементы культа других религиозно-философских систем – за неимением своих. Вполне понятно, почему христиане стали считать монашество и связанный с ним целибат более подходящим состоянием для христианина, нежели брак – это было убеждение ессеев, но верное лишь для самих ессеев.

Итак, «церковь встала в полное противоречие с иудаизмом в том отношении, что признала безбрачие, девственность, состоянием

предпочтительным браку... Иисус, хотя и прожил более 30 лет, не женился... Правверная церковь... советовала воздержание и даже сохранение целомудрия в браке» (112, с. 298-299).

Далее – более: священники католической церкви осуждаются на безбрачие, но тут же уже к концу II века им в помощь назначаются диаконы; дорога к конкубинату оказывается вполне открытой. Разумеется, в первых веках, когда накал страстей в христианских сектах был высок, найти епископов, вовсе не помышляющих о житейском (более того, враждебных жизни на земле) не составляло труда, но с течением времени и расширением рядов правверной паствы до пределов малообозримых дефицит в подобного рода «подвижниках» должен был стать налицо. Затем, с продвижением догмата о таинстве священства и христианских мистерий в епископы и тем более в священники проникали люди, далекие от духовных проблем – власть, земли, честолюбие и другие манки притягивали во все века и времена. В конце концов где-то даже благородная идея безбрачия и целибата неизменно должна была быть профанированной. Причем, не многим позднее времени легализации церкви Константином.

Со «святым» ханжеством, считается, первым в борьбу вступил Лютер: в Реформацию монастыри закрывались, монахи и монашки должны были вступать в брак. Но, как видим, Лютера опередил Мухаммед: у мусульман нет монастырей, и они полагают, что христианам они также не были положены.

И вслед за ними¹⁷

Мы других посланников послали,

За ними — Ису, сына Марйам,

Которому Евангелие дали.

И души тех, которые пошли за ним,

Мы пропитали состраданием и милостью (к собратьям).

Но жизнь монашескую,

Что они измыслили себе,

Мы не предписывали им.

Они же делали сие в угоду Богу,

Хотя это была не та угода,

Какую надлежало им блюсти. (57:27)

Вполне логично: христиане взвалили на себя монашество из излишнего рвения. Оно им было и по сей день нужно также, как первокласснику алгебра и основы математического анализа.

---

¹⁷ Нухом и Ибрахимом.

Следовательно, и при лучшем раскладе «святая жизнь» христиан-монахов должна была превратиться в ханжество.

Мусульманам положена семья,

Он — Тот, Кто создал человека из воды
И учредил ему родство по крови и по браку, —
Господь твой, истинно, могуч! (25:54)

вполне легитимизированы половые отношения — даже не с целью деторождения, но любви ради — в пределах брака, разумеется.

О пророк! Зачем ты запрещаешь себе то,
Что разрешил тебе Господь,
Ища расположения жен своих?
Господь ведь Милостив и Всепрощающ! (66:1)

Мало того, Кораном осуждаются жены, играющие чувствами мужей, накидывающие на них сексуальную уздечку. Действительно, из такого рода отношений ничего хорошего никогда не получалось, кроме усиленной мотивации к измене:

А что касается тех женщин,
Непослушания которых вы боитесь,
(Сначала) увещайте их,
(И если это не поможет),
Вы отлучайте их от ложа,
(А коль и это не поможет),
Вы можете (слегка) ударить их.
И если станут вам послушны,
То не ищите ссоры с ними.
Поистине, Господь возвышен и велик! (4:34)

Безусловно, народным религиям монашество и целибат противопоказаны, и христианский монастырский уклад следует считать плагиатом. Заметим, что несториане, идентифицировавшие себя, по всей видимости, с назареями, жили общинами как монастырского, так и полу-монастырского типа. Последние должны были быть менее устойчивыми к соблазнам мирской жизни. Нет ничего удивительного, что среди этих несториан могла возникнуть даже уния с Римом. Тем не менее, монастырский уклад монастыря Бозрах, в котором Мухаммед общался с Бахирой, не наложил бракоотрицательного отпечатка на становящуюся народную религию. Как пишет Еремеев, «шариат даже требует от родителей, чтобы их дочери как можно раньше становились женами, имея ввиду хадис-изречение Мухаммеда: «Счастлив тот отец, который выдал свою дочь

замуж до того, как у нее появилась первая менструация»¹⁸. Основываясь на другом хадисе, гласящем: «Худший из мертвых – тот, кто умер холостым», крупнейший мусульманский теолог и правовед, имам Медины Малик ибн Анас (708-795) писал: «Человек, сочетавшийся браком, имеет перед Аллахом больше заслуги, чем самый набожный мусульманин, оставшийся холостым» (31, с. 175).

А вот многие суфийские ордена переняли монастырский и полу-монастырский уклад во всей полноте, что может косвенно указывать их связь с несторианскими монастырями. Мусульманским мистикам был необходим свой Сион; возникновение суфизма наверняка нужно отнести уже к годам деятельности Мухаммеда, а не двумя веками позднее, как это принято считать. Возможно, что роль суфийских завий могли до времени усиления правоверного фанатизма исполнять несторианские монастыри.

10) Иудеи культивировали ряд пороков, порицаемых в Коране. Коран приводит им в надзидание историю о народе Аль-Айки. К этому народу обращался посланник Шуайб:

Вы ж соблюдайте меру верно,
 Не будьте из числа таких,
 Кто (ближнему) чинит потери недомером,
 И взвешивайте верными весами;
 И не удерживайте от людей того,
 Что им принадлежит по праву,
 И не ходите по земле, нечестие творя.
 Побойтесь (гнева вашего Владыки),
 Кто сотворил и вас, и прежние народы!" (26:181-184)

Так это, или притянуто за волосы, однако, и иудеи разделили судьбу предыдущих народов, глухих к увещаниям.

Неужто ты, (о Мухаммад!), не видел тех,
 Которые сдружились с народом,
 Навлекшим на себя Господень гнев?

Тот народ, обще называемый евреями, ныне суть искусственное образование вокруг самой большой в мире секты. Если бы не усилия ее апостолов, сгоняющих «богоизбранных» в одно стадо на протяжении уже двух тысячелетий, евреи уже давно бы ассимилировались среди других народов. Их особое отличительное качество, страсть к стяжательству, к «лихоимству»-ростовщичеству, особенно осуждена Кораном:

¹⁸ Скорее всего, хадис ложный.

И кто снедаем лихоимством,
 Предстанет (в Судный День) никак иначе, как тот,
 Кого поверг в безумство Сатана
 Своим прикосновеньем...
 Аллах сурово воспрещает лихоимство...
 Он нечестивых грешников не любит. (2:275-276)

И по сей день благочестивые мусульмане, даже в условиях жестокой и несправедливой конкуренции с западной экономикой, пытаются выстроить свои товарно-денежные отношения на принципах справедливости. Иран, к примеру, предложил таухидную экономику (таухид – единобожие, т.е. «экономику божественной гармонии» (100, с. 375). И кроме Ирана в ряде исламских стран запрещено ростовщичество. Безусловно, такой подход либо делает банковское дело невыгодным, либо заставляет предпринимателей искать обходные пути (доля банка в будущей прибыли и др.). По большому счету, инвестирование должно быть государственным делом, если государство гонится не за прибылью, а за увеличением благосостояния всех своих граждан. Если же ислам позволяет членам своей уммы увеличивать свои состояния до бесконечности, то кроме олигархии, которая сегодня правит почти всеми нефтяными азиатскими странами, для которой религия суть благочестивое прикрытие, и тирании, рождающейся из олигархии, азиатский мир ничего другого никогда не получит.

11) Неизменность Корана, начиная с редакции Османа, является гордостью мусульман. Христиане и иудеи хотели бы похвалиться неизменностью своих Писаний, однако же, это у них получается только перед нерассуждающей паствой.

Рождение Торы иудеев разве что предубежденные исследователи относят ко временам, предшествовавшим вавилонскому плену. Во-первых, утерянные книги Моисея «нашел» Хилкия-первосвященник незадолго до плена, затем они вновь теряются, на сей раз безвозвратно, и восстанавливаются в середине V века до н.э. Ездрой-первосвященником, почитаемым иудеями за Сына Бога (3 Езд. XIV, 9; процесс «восстановления» 94 книг Писания (?) иудеев за 40 дней описан в этой же главе Третьей книги Ездры). Следовательно, Писание иудеев, равно как и их религия имеют возраст не ранее V века до н.э. (примерно, с 444 года до н.э.), т.е. со времени «пророческой» деятельности Ездры, второго «Моисея», общавшегося, кстати, с Иеговой примерно таким же образом, как и сам Моисей (Исх. III, 2; 3 Езд. XIV, 3).

Поклоняющимся сфальсифицированным Писаниям отвечает
Коран:

Пусть не печалят тебя те,
Которые к неверию спешат, -
Ни те из них, кто лишь устами говорит: "Уверовали мы!",
А в их сердцах нет веры,
Ни те из иудеев, которые внимают лжи
И слушают других, которые к тебе не приходили.
Они слова (Писаний) искажают, переставляя с места их,
Потом (им придавая ложный смысл) (5:41)

Происхождение церковных Евангелий в таком же таинственном мраке. Уже Маркион (ок. 140 г. н.э.) отвергает синоптические Евангелия от Марка и Матфея и выбрасывает из Луки все вставки (Евангелие от Иоанна еще неизвестно в его время), не говоря уже о многочисленных апостольских посланиях. Желая объяснить множества нелепостей, христиане переписывают раз за разом Писание, оставляя в нем все меньше и меньше изначального, вставляя все больше «концептуального», с ремарками на всякий случай: здесь Иисус то хотел сказать, а здесь имел ввиду другое, не подумайте иначе...

Коран порицает практику перекраивания Писаний, подлаживания их под собственные страсти и стремления:

Средь них невежды есть,
Которые Писания не знают,
А в нем свои желания лишь видят
И (строят только) мнения о нем.

Но горе тем, кто пишет Книгу своими (скверными) руками,
(Господень смысл искажая),
А после говорит: "От Господа сие" –
И за ничтожнейшую плату ведет сей Книгой торг.
И горе им за то,
Что пишут их (презреннейшие) руки, -
За выгоду, что за нее извлечь они хотят. (2:78-79)

Таким образом, само существование неизменного Корана, Писания арабов, является противовесом христианским и иудейским поддельным книгам.

12) Известно, что иудеи честны только перед иудеями – так им велит Талмуд, ограждающий их от мина (христиан) и прочих гоев (перевод затруднителен, от не-евреев до не-людей):

И никому не верьте, кроме тех,
Которые идут за вашей верой". (3:73)

Среди христиан нет такой круговой поруки, имея ввиду которую, надо полагать, лидер российских евреев Берл Лазар заявил: «евреи – не народ, евреи – семья». Фактически, любую клятву позволяет Талмуд иудею перед не-иудеями, не считая эти клятвы обязательными к исполнению. Более того, в Йом Кипур, день покаяния, иудеи читают специальную молитву «коль нидрей», разрешающую их от подобных клятв¹⁹. Надо ли пояснять, что подобная практика никогда не могла прибавить уважения к евреям тех народов, среди которых они проживали. Коран осуждает такие бесчеловечные, без натяжки, явления:

Среди людей Писания есть те,
Кому доверив кладезь золотых монет,
Получите их с легкостью обратно.
Но есть и те, кому доверив лишь одну монету серебра,
Вы сможете себе ее вернуть,
Лишь настоятельно прося об этом.
И это потому, что говорят они:
"Мы не ответственны ни в чем
В делах с невежественным человеком", -
И здесь умышленно они приписывают ложь Аллаху. (3:73, 75)

Однако, хотя Коран и осуждает обман и другую несправедливость мусульман к представителям иных религий, все же взаимоотношения «верный-неверный» среди многих мусульман напоминают вышеприведенную схему иудеев. Хитрость, лицемерие, склонность к обману и двуличность – таково впечатление многих русских, которым некоторое время приходилось контактировать с мусульманами крупных азиатских городов. Против чего боролись... Ведь Коран ясно дает понять, что это порочный путь, наказуемый на Страшном Суде.

13) Коран действительно возражает на многие заблуждения, свойственные иудеям. К примеру, иудеи и по сей день считают себя избранными, единственными, которых Бог выделил из всех народов и ведет к конечному торжеству:

¹⁹ «Девятого Тишрея, до захода солнца, мы собираемся в синагогах в атмосфере святости и торжественно начинаем читать молитвы Йом Кипура. Первая из них - "Коль нидрей". Суть этой молитвы, которую в каждой общине читают на свои традиционные, сохранившиеся с древнейших времен мотивы, - заявление о том, что если мы будем по какой-либо причине вынуждены давать в наступившем году клятвы и заверения, которые не могут быть исполнены, а также подобного рода клятвы и заверения, которые мы дали в прошедшем году, - то они недействительны». (см. пояснения иудейских праздников на официальном еврейском портале в Интернет <http://www.sem40.ru>).

«Если ты (Израиль) ... будешь слушаться гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сего дня, то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли» (Втор. XXVIII, 1)

Вера иудеев в избранничество влечет за собой массу других подобных убеждений, как то вера в особую статью еврейского народа, которому Бог дал и больше («заметь, что иудеи думают, будто Бог дал Ною семь заповедей и ими только обязал все народы; одному же еврейскому он дал, кроме этих, много других, чтобы сделать его блаженнее остальных народов» - 93, с. 143), и лучше, и нечто особенное, вроде второй души – по одним трактовкам, отдельного Принципа²⁰ – по другим. И только евреев, якобы, ожидает Спасение, остальных же... по степени услужения еврейскому народу, надо полагать.

Коран даже не осуждает, а... иронизирует над этим заблуждением. Надо заметить, что иудаизм, поставив перед иудеями материальные идеалы²¹, развил у них привязанность к земной жизни. Жажда жизни у

²⁰ Один из иудейских ортодоксальных непререкаемых авторитетов пишет: «Еврейский народ и Б-г связаны узами вечной взаимной верности, брака, в котором Б-г выступает в роли мужа, инициатора, а мы – в роли жены, хранительницы верности. Даже изгнание не разлучает нас, не становится разводом... Та пропасть, которую он (еврей. – С.О.) создает между собой и Б-гом, временна. В конечном счете Он говорит: «Славу Мою (то есть Б-жью искру, горящую в каждом еврее) не отдам Я другому» (Ишаягу, 42:8). Еврей никогда не отходит от Б-га настолько, чтобы ему нельзя было вернуться чистым и незапятнанным» (76, с. 8). Перед Б-гом иудеи незапятнанны однозначно, а перед Богом – очень большой вопрос.

²¹ Можно представить иерархию иудейских материалистических идеалов в следующем виде: 1) вера в Творца материального тела; 2) уподобление Творцу через материальную деятельность (торговля, приобретение, стяжание – еще и как способ обретения власти); 3) уподобление Творцу через половое соединение мужчины и женщины. Подобно Иегове, в соединении с Природой творящему мир, иудей творит в соединении с женой. По этому поводу размышления певца гедонизма В. Розанова: «Да в чем суть Назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидание», «встречи» с Богом... Там, купив жертвенное животное, ... сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжении, вместе с волосами нового назорея, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изощренно-чистых, глубокоюсных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слюнявости и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но,

иудеев, видимо, выделяла их на фоне азиатов, религии которых учили относиться к земному как к преходящему, как к испытанию (уроку), за которым последует жизнь небесная, настоящая. У многих иудеев определенно есть инфернальный страх перед смертью. Ведь какими бы ложными представлениями не была проникнута их вера, толкающая их на соответствующие деяния, все же нечто Истинное интуитивно не может не пробиваться в их сердце и разум, и чем ближе к смерти, тем сильнее. Это интуитивное Знание не может не вызывать страх: не так жили, не так поступали, что будет Там?

Скажи: "Коль вам одним, и никому другому,
Назначена последняя обитель у Аллаха,
То пожелайте для себя (скорейшей) смерти,
Если (в своих словах) правдивы вы".

Но никогда они не пожелают смерти
(Из страха пред расплатой за грехи),
Что уготовили им собственные руки.
Аллах, поистине, прекрасно различает нечестивых.

И ты, поистине, увидишь,
Что их жадность к жизни
Сильнее, чем у всех людей,
И даже (больше), чем у тех,
Кто прочит соучастников (Аллаху).
И всяк из них желает,
Чтоб жизнь в тысячу годов ему была дана,
Но даже дар столь долгой жизни
Его от кары не избавит, -
Аллах ведь видит, что творят они. (2:94-96)

беспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую... Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и пития, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочим от чеснока и щуки — жаждут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодовых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука». («Люди лунного света» / Розанов В. В., Уединенное, М.: «ЭКСМО-Пресс», 1998, с. 209) Сексуальный ли бред это Розанова, или действительная практика, но отношение иудеев и евреев к сексу действительно не в меру серьезное. Разумеется, к реальным назареем розановская практика «изощренно-чистых» совокуплений отношение имеет всецело фантастическое.

Спасение ждет всех людей, которые будут верить в Бога и творить доброе. Что есть доброе согласно Корана? Вовсе не разрушение чужих религий и государств. Ведь разве

... не указаны два главных направленья
(Добра и Зла)?
Но не спешит избрать стезю крутую человек!
Как объяснить тебе, что значит "крутизна"?
Освободить раба,
Дать пищу в дни лишений
Сироте, который близок вам по крови,
Иль бедняку, презренному другими.
И вот тогда вы станете одним из тех,
Кто верит (в Бога), и смиренно сострадает,
И с милосердием творит добро.
Таков лик праведных — стоящих
По праву сторону в День Судный. (90:10-18)

Они и есть избранные. И вовсе не обязательно люди из уммы Мухаммеда. В Суре «Пчелы» мусульман остерегают вести прозелитизм, вовлекая в ислам обманом, как это делают христиане, которые клятвенно обещают по сей день в обмен на принятие христианства спасение от ада. Именно различными необоснованными посулами христианские общины вовлекали в свои ряды множества²². Возражая иудеям и христианам, Коран говорит о Спасении не в силу веры в иудейские или христианские догматы, а на основе веры в свое Писание и добрых дел, как следствия этой веры – говорит о спасении всех людей, и иудеев, и сабеев, и назареев:

Те, кто уверовал (в Коран),
И те, кто следует иудаизму,
И назореи, и сабеи, -
Всех, кто уверовал в Аллаха и Последний День
И (на земле) творит добро,
Ждет (щедрая) награда у Аллаха,
На них не ляжет страх,
Печаль не отягчит. (5:69)

В то время как Иегова христиан и иудеев благоволит только к ним, и уже только по праву рождения и крещения еврея или христианина на них распространяется божественный протекторат.

²² Цельс обличает христиан: «Вот что они предписывают: «Пусть к нам не вступит ни один образованный, ни один мудрый, ни один разумный (человек): все это у нас считается дурным. Но если есть невежда, неразумный, несовершеннолетний, пусть он смело придет. Считая только такого рода людей достойными своего бога, они, очевидно, желают и могут привлечь только малолетних, низкородных, необразованных, рабов и детвору» (82, с. 288).

14) Достоевский в «Дневниках» (т. 2) пишет: «Мне даже случалось жить с народом, в массе народа, в одних казармах, спать на одних нарах. Там было несколько евреев – и никто не презирал их, никто не исключал их, не гнал их. Когда они молились (а евреи молятся с криком, надевая особое платье), то никто не находил этого странным, не мешал им и не смеялся над ними, чего, впрочем, именно надо бы было ждать от такого грубого, но вашим понятиям, народа, как русские; напротив, смотря на них, говорили: "Это у них такая вера, это они так молятся", – и проходили мимо с спокойствием и почти с одобрением». Плач иудеев – притча во языцах. Обеспеченные, обогретые, защищенные, они все равно жалуются и упрекают Бога в недостатке чего-то еще.

Ислам исповедует Провиденциальность, и все страдания учит принимать стойко, без жалоб и плача. Настоящий мусульманин не верит, что его страдания незаслуженны. В этом случае он бы унизил своего Бога, приписав Ему незнание, неведение, в силу которых мусульманин оказался в беде или ущербе. В основной молитве мусульман, Фатихе, просьба направить верующих

Стезею тех,
Кто милостью Твоею одарен,
А не стезею тех, на ком Твой гнев,
И не стезей заблудших. (1:7)

15) Аллах творит небеса и землю, но, как замечает Пиотровский, не утомляется:

Мы сотворили небеса и землю
И все, что между ними, за шесть (небесных) дней,
И не коснулась Нас усталость. (50:38)

«Мотив легкости творения связан со всем ходом развития коранической проповеди. Обычно его считают нарочито антииудейским, противостоящим библейскому образу Бога, который устал от творения и отдыхал в субботу. С этим связано и отрицание иудейского принципа обязательности нерабочего дня. Мусульманская пятница – день совместных молитв. Труд в пятницу не запрещен» (70, с. 33).

Действительно, отдыхающий Бог – нонсенс, если это не особая аллегория. Эллины вкладывали в имя богов идею движения планет, которое никогда не прекращается.

16) По сравнению с христианством и тем более иудаизмом, ограничивающими своими запретами и предписаниями всю жизнь правоверных, изначальный ислам был истинной свободой²³. Действительно, таухид и признание Мухаммеда посланником Аллаха, пять обязательных молитв, пост, милостыня и хадж (три последние необязательны для больных или бедных) есть не более чем непереносимые условия, искреннее соблюдение которых предполагало как бы духовную дезинфекцию и одновременно иммунитет перед земными соблазнами:

Бойтесь Аллаха, совершайте свои пять молитв, поститесь во время вашего месяца, выплачивайте закят со своего имущества, повинуйтесь вашим правителям и вы войдете в Рай Господа вашего. (91, п. 73)

Даже Шариат, что бы не говорили против него поклонники демократических свобод как вне ислама (наверняка в подавляющем большинстве даже не читавшие этот свод мусульманской нравственности), так и внутри, состоит из вполне законных требований к верующему, вытекающих из основных положений веры и образа жизни Пророка, образца для мусульман.

Проблема современного ислама в косности и невежестве большинства мусульманских духовных водителей, трактующих сунну и шариат сообразно со степенью своих духовных познаний и тормозящих физический, умственный и духовный прогресс своих стран. Пусть этот стих был предостережением только христианским и иудейским пастырям во времена Мухаммеда, сегодня он актуален для «браминов» всех мировых религий, включая ислам:

Какую б ложь вам ваши языки
 Ни издавали (из корысти),
 Не говорите никогда:
 "Сие — дозволено, сие — запрещено",
 Чтоб приписать Аллаху ложь.
 Не благоденствовать, поистине, таким,
 Кто ложь возводит на Аллаха! (16:116)

16) Коран дал верующему миру обновленное представление о Завете. Иудеи верят, что Завет (договоренность) суть обещание

²³ Современный ислам, стараниями улемов, по количеству «харамов»-запретов давно превосходит и христианство, и иудаизм. Единственная проблема, с которой сталкивается ислам ежедневно – изменяющийся мир. Отвечать вызовам и менять правила, большие и малые, как советовал, к примеру, Будда своей общине, совершенно не в духе ортодоксального ислама.

(Обетование) Иеговы даровать им Палестину (также мировую власть и многочисленность в придачу) в обмен (бог-торговец, иначе не скажешь) на признание иудеями Иеговы своим богом. Как бы не было прискорбно, но христиане также не знают иного толкования Завета; согласно Новому Завету христиане становятся избранниками Иеговы и его Сына вместо иудеев, Палестина для них также священна, и мировая экспансия не пустой звук, а просто заветная мечта, в частности, Рима.

Что же есть Обетование на самом деле?

Все в небесах и на земле, поистине, принадлежит Аллаху.
О да! Обетование Его есть Истина сама,
Но большинство из них (того) не знает.

Он оживляет и мертвит,
К Нему и ваше возвращенье.

О люди! К вам увещание пришло от вашего Владыки
И исцеление (от всех сомнений),
Которые (теснят) вам грудь.
А верующим — путь прямой и Божья милость. (10:55-57)

Во-первых, Обетование не земля в награду, и не земная власть однозначно. «Обетование Его есть Истина сама», хоть большинство творящих беззаконие это не знают. Для любого верующего в Спасение и духовную Жизнь далеко не праздные вопросы терзают сомнениями: правильно ли я живу? что есть Путь? что есть Истина? Воистину, лучшее обретение верующего – освобождение от сомнений. Именно поэтому всякий верующий прежде всего ищет надежную опору: сильные в учении и учителя, слабые в водителе. На этом страхе играют жрецы всех религий, за водительство свое, в большинстве призрачное, тупиковое («когда слепой ведет слепого...») или даже наоборот ведущее в глубины Иллюзии, получающие власть над душами.

Коран обещает своим искренним верующим «путь прямой и Божью милость», возвращение в Жизнь – в этом Завет. Без всякого торга.

Так помните Господню милость вам
И Договор, который заключил Он с вами,
Когда сказали вы:
"Мы слышали и повинемся Тебе!"
(А потому) благочестивы будьте, -
Он знает, что в груди у вас сокрыто. (5:7)

17) Вера без рассуждения – вера большинства людей, и с этим почти бессмысленно бороться. Однако, вера держателей веры не должна упираться в принятие основных положений за аксиому, без проверки их собственным опытом и разумением. Настоящая вера зиждется на знании. То, что большинство ученых атеисты, только подтверждает это правило, так как малое знание рождает безверие, обширное же и глубокое подтверждает веру, переводя ее в уверенность, убежденность. Глубокое знание в исламе именуется как «ильм».

«Ислам вменяет стремление к знаниям в обязанность каждого мусульманина, будь то мужчина или женщина. Мусульманское общество может стать справедливым только в том случае, если опирается на знание. Таким образом, стремление к знанию становится также общественным долгом». (87, с. 58).

Безусловно, это контрпозиция ислама по отношению к ортодоксальным церкви и синагоге. Христианские и иудейские жрецы изначально отказывали верующим в возможности обсуждать догматику. У этих сект правом рассуждать, да и то на основании предания, обладали только апологеты веры, и только в сторону защиты догм. И христианская церковь, и синагога изгоняли и уничтожали поборников знаний, философов. Что ж тут скажешь, если египетские пирамиды были открыты для Европы только при Наполеоне. Иудаизм сковывал ум еврейского народа на протяжении почти полутора тысяч лет. На протяжении этого времени иудеи ничего не дали миру, кроме меняльных лавок. Вклад же ученых в науку на территории исламской империи Аббасидов и Кордовского эмирата не оценим, пусть и краткой была эта эра открытого знания.

Безусловно, Мухаммед подразумевал под словом «ильм» не просто знание, которое ныне доступно всем образованным людям. «Отправляйтесь на поиски знаний даже в Китай», – призывает Мухаммед в известном хадисе (87, с. 59). Каких знаний? Знаний как таковых? Возможно, имеется ввиду сокровище, «божественное» знание, ранее постигавшееся в тайных Мистериях? Как сказал бы Платон, это знание нуменов, а не феноменов, причин явлений, вещей и человека как центра познания. Те знания, которые ныне изыскивает мировая прикладная наука, суть не более чем отражения верховных законов мироздания в материи. К примеру, закон притяжения и отталкивания есть адаптация в материи закона симпатии и антипатии, который проще изучать в человеке, чем в физической материи – однако, связь этих законов даже не прослеживается современной

наукой, до предела сегментировавшей поле познания на многочисленные сектора, меж собой почти не связанные.

Мусульманские улемы свели значение «ильм» до религиозного знания, и им был в том резон: «распространение письменных текстов начало подрывать власть и контроль, которые беспрепятственно осуществляли улемы над мусульманскими правителями и народом» (87, с. 129). Но кому придет мысль искать ортодоксальное знание, записанное в сотнях тафсиров (комментариев), в Китае? Это знание – прерогатива улемов, и в принципе оно доступно каждому. Значит, не его призывал искать Мухаммед.

18) Глубокое знание всегда древнее знание – нет ничего нового в подлунном мире. То, что сейчас происходит с миром, уже когда-то было, но только легенды, специальные приоткрытия вроде платоновского «Тимея» и Крития» да Писания сохранили слабые отголоски минувших эпох. Но к легендам и Писаниям нужен особый ключ, чтобы иметь верное прочтение.

У сект же аллегоризм не в почете. Согласно буквальному пониманию смысла своей Библии иудеи и христиане полагают историю как отрезки жизни личностей, счет же истории ведут на сотни лет. «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер. Сиф жил сто пять [205] лет и родил Еноса. По рождении Еноса Сиф жил восемьсот семь [707] лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Сифовых было девятьсот двенадцать лет; и он умер. Енос жил девяносто [190] лет и родил Каинана. По рождении Каинана Енос жил восемьсот пятнадцать [715] лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноса было девятьсот пять лет; и он умер...» (Быт. V)

Дабы согласовать мировую и библейскую истории, христианский историк Евсевий пошел на искажение анналов египетского жреца Манефона (Манефо, Мането). Поскольку христиане уничтожили все исторические записи, которые им только попали в руки, историки нового и новейшего времени вынуждены были выискивать исторические сведения у историков христианских, и главным образом, у Евсевия, Иринея и им подобных. Именно поэтому и по сей день горизонты человеческой истории не идут далее Шумеро-Аккадской цивилизации; даже столь древним цивилизациям как китайская и индийская современные историки дают от силы 2 или 3 тысячелетия до н.э.²⁴ Но – слово Корану:

²⁴ Заметим, что возраст еврейской цивилизации почти не вызывает разночтений. Он выводится от Моисея, жившего якобы 1800 лет назад, через Давида и Соломона (рубеж 1500 года), пленения Вавилоном и т.д. Т.о. вся мифологическая история тихо мирно стала историей реальной, и даже дающей право деятелям типа Хаима Вейцмана мандат на

Мы ...
 Один народ другим сменяли,
 (в небытие их повергая).
 И делали (истории их жизни)
 Как притчи (в назидание другим). (23:44)

Разумеется, какие-то адиты или самудиты в расчет современной наукой не берутся – вымысел, басня, – поскольку... противоречат старой доброй истории Евсевия. Он же как в воду глядел в книгу Бытия, сокращая срок жизни человечества до 4 тысячелетий до рождения своего бога. Но если

... день один у Бога твоего,
 Как тысяча годов,
 Которым (на земле) вы счет ведете. (22:47),

тогда и история обретает более чем шеститысячелетний (шестидневный, по меркам Корана) размер: счет тогда идет на сотни тысячелетий, на миллионы лет. Такого же взгляда придерживается переводчик Корана Валерия Порохова: «В Коране здесь, как и в С. 7, ст. 54 речь казалось бы идет о тех же «шести днях», но все дело в том, что арабское «айам» имеет два совершенно разных лексических значения: 1) множественное число от «йаум» — «день» и 2) (абстрактно) длинный период времени. И вот уже в С. 70, ст. 4 читаем расшифровку этого слова: «За день один длиною в пятьдесят тысячелетий»; в С. 32, ст. 5 «За день, что мерится одною тысячею годов», т. е. у периода, передаваемого словом «айам», нет математически точного исчисления, что указывает на отсутствие у него значения «дня», как земной единицы времени» (49, комментарии).

В таком случае библейский, скажем, Мафусал-Мафасуил превращается в некий народ или цивилизацию, процветавшую, возможно, на протяжении почти миллиона лет, остальные герои книги Бытия – по аналогии. Дело за малым – узнать значение имен...

19) В первые века христиане не изображали ни Спасителя, ни тем более Отца Небесного. Сначала Христа символизировали рыбой, или лодкой, бегущей по волнам, затем находим скульптуру Пастыря доброго с блудной овцой на плечах. Позднее христиане копируют

Палестину. Историков не смущает факт, что на очереди в таком случае становится история ведическая, кораническая, авестийская и т.д. Двойные стандарты существуют не только в политике.

Спасителя с египетского Сераписа, бога египтян и эллинов²⁵. Его изображали в скорбной задумчивой позе, с длинными волосами, с молодым бородатым лицом, в длинной одежде. Затем начался культ фетишей, икон, распятий и мощей.

Заметим, что именно несториане выступали против фетишизма. Мухаммед вслед за несторианами выступает против «священных изображений» и иконопоклонства, а для предупреждения фетишизма он вообще заповедал не изображать людей. Аллах, христиане, неизобразим! «Великий Образ не имеет формы, великий звук – не слышен» («Дао де Цзин»). На Западе же докатились до полного антропоморфизма, низведя Бога до человека. О презрении к поклонению «гнилым костям» говорит завещание Мухаммеда: «О, Аллах! Не позволяй мою могилу превратить в объект для поклонения».

20) Уж кто-кто, а христиане прославлены в веках своей иудейской веронетерпимостью. Начиная с Феодосия I, разгромившего египетские святилища и пожегшего священные книги, паписты делали это всюду, куда въезжали на спинах светских завоевателей: у полабов, поморов, пруссов, индейцев и индийцев, а также у множества других племен и народов христиане отняли и растоптали веру предков, насадив свою. Там, где они не могли этого делать силой, шли миссионеры-доминиканцы, потом иезуиты. Мухаммед завещал веротерпимость, и мусульмане долгое время ее держались. В завоеванных странах народ в мусульманство переходил сугубо добровольно.

Зато к христианам и иудеям мусульмане всегда испытывали вражду, и чем это объяснить, как не особым отношением к ним Мухаммеда, в первые же годы своей деятельности в Медине изгнавшего их нее христиан и евреев?! Заметим, что несторианские, иоанитские и иные общины мусульмане не трогали! Зато пленным католикам они навязывали мусульманство, и навязывают по сей день, равно и православным, которые пришли к ним с мечом. Турецкие янычары, египетские мамлюки – это арабские гулямы: пленных христианских детей воспитывали в фанатичном мусульманском духе и напускали первыми на христиан. Смерть христианам от христиан – это чисто в восточном духе. А разве ни о чем не говорит направление походов мусульман – на Византию? Арабы дважды осаждали Константинополь, но – не судьба. Турки реализовали устремления арабов.

²⁵ Возможно, и с Аттиса, возлюбленного Великой Матери, чей культ был официально признанным в Риме.

Противовесы джахилийи

Хотя ислам родился под знаменем реформы азиатской религии, реформы джахилийи, тем не менее многочисленные противовесы иудаизму и христианству заставляют думать, что ислам был, во-первых, противовесом христианству и иудаизму, а уже потом был направлен против джахилийских представлений арабов и разложившейся религии персов-огнепоклонников. То, что Традиция вновь расцвела не на христианской почве, и тем более не на иудейской, не располагает отвергать предыдущее размышление. Переубедить христиан и иудеев относительно ложности догматики ортодоксальных церкви и синагоги – дело заведомо бесполезное, и даже короткое торжество, к примеру, церкви Маркиона внутри христианской, образно, империи только подтверждает этот неутешительный вывод. Поэтому ренессанс Традиции состоялся на почве, почти свободной от христиан и иудеев.

Конечно, нельзя не отметить противовесов ислама относительно языческих верований и обычаев арабов. Утверждение Единого Бога есть одновременно низвержение многобожия, фактически идолопоклонства.

Они, опричь Аллаха, чтят таких,
Кто ни вреда, ни пользы не приносит им,
И говорят: "Они — наши заступники пред Богом!"
Скажи: "Неужто можете открыть Аллаху
Нечто такое в небесах иль на земле,
Что было бы неведомо Ему?"
СубхАнагу! (Хвала Ему!)
Превыше Он того,
Кто в соучастники Ему поставлен ими. (10:18)

Известны дурные обычаи до-реформенных арабов относительно новорожденных девочек. Мухаммед ввел запрет на убийства детей:

Потерянными души будут тех,
Кто убивает собственных детей
По глупому невежеству и безрассудству
И запрещает то, что им даровано Аллахом,
(Тем самым) измышляя на Аллаха ложь.
Они, поистине, сошли с Его пути,
И их (никто уж) не направит. (6:140)

Детей своих из страха обеднеть не убивайте, -
Прокормим Мы и вас, и их;
Постыдных дел ни явно, ни сокрыто не касайтесь;
И не лишайте жизни душу,

Которую Аллах запретной (для убийства сотворил). (6:151)

Тот же кодекс наследников (Сура 4 и др.) напрямую касался прав детей, сирот, женщин, вводил равноправие мужа и жены в юридических вопросах.

Ислам упорядочил кровную месть. Именно упорядочил, а не отменил. Понятны чувства родни к человеку, по вине которого происходит утрата родственника. Мухаммед впереди чувств ставит праведный суд, и только в том случае, если суд убеждается в виновности убийцы, последний отдается на отмщение родственникам. Которые, впрочем, могут и пощадить виновного.

И если вы (хотите) наказать (кого-то за обиду),
Наказывайте в равной степени тому,
Чем (прежде) наказали (они) вас.
Но если вы (великодушно предпочтете
Снести обиду) терпеливо (и простить),
То это — лучше (по Господнему завету)
Для тех, кто терпелив (и ближнему прощает). (16:126)

Насчет ношения чадры: указ был дан Мухаммеду единожды, в связи с нападками на верных. Более того, аят двусмысленный, и если одни переводят его как указание носить женщинам покрывало на лице, дабы не быть узванными:

«О, пророк, скажи своим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытают они оскорбления» (31, 185),

то другие (В. Порохова) переводят в ином виде:

Скажи своим супругам, о пророк,
И дочерям, и женам верных,
Чтоб на себе они плотнее покрывала закрывали, -
Это удобнее всего, чтоб узванными быть,
Не быть обруганными (без причины), -
Ведь милосерд Аллах, прощающ! (33:59)

То есть Аллах призывает женщин, чтобы они скрывали за покрывалом свои лица и тела, и таким образом отличались от арабскоязычных, лиц не скрывавших. Ситуация похожая, как в случае смены киблы на Иерусалим. Однако, когда пришло время, кибла была изменена, что доказывает, что это была временная мера, призванная отделить верных от неверных. Когда Мекка сдалась Мухаммеду, наконец, когда все азиатские земли стали мусульманскими, то от кого

должны были скрывать свои лица мусульманки, от кого должны были отличаться? По аналогии, они должны были открыть свои лица. Относительно остальных частей тела Коран передает:

Скажи и девам, что уверовали (в Бога),
 Чтоб потупляли свои взоры,
 И целомудрие хранили,
 И чтоб не выставляли напоказ свои красОты,
 Помимо лишь того,
 Чему (обычно) надлежит быть видным.
 И пусть набрасывают шаль на грудь
 И напоказ свои красоты не являют... (24:31).

Согласно мусульманским обычаям, у женщин в мусульманском хиджабе вообще ничего не видно. Коран же говорит о частях тела, которые обычно видны, и это, конечно, лицо. Иначе, к чему женщинам «потуплять свои взоры», если никто не видит, потуплены они или нет? Ясное предписание прикрывать шалью относится к груди, а не к лицу. Здесь безусловно мы имеем дело с предвзятым толкованием, злонамеренным унижением женщин, как в случае с брахманскими подделками Вед, опираясь на которые, брахманы посылали вдов на костер (вместо того, чтобы посылать их на алтарь для второго замужества; брахманы изменили «агри»-алтарь на «Агни»-огонь²⁶), дабы им доставалось имущество выморочной семьи. Политикам и просто активным гражданам, заботящимся о своих нациях, следовало бы отказаться от сегрегации, как от порождения невежества. Ганди говорил, что обучение грамоте мужчины есть обучение одного человека, обучение грамоте женщины есть обучение всей семьи. Аналогично: унижение женщины есть унижение всей семьи, всей исламской уммы.

В Суре 17 («Перенес Ночью») верным повторены²⁷ все основные наказания: верить в Единого Бога, оказывать благодеяние родителям, делиться с ближними, давать кров и пищу бедным и путникам, не убивать своих детей, не приближаться к блуду, не трогать имущества сирот (можно только его увеличивать), не обманывать при торговле, смирять свою гордость (будущим завоевателям половины мира).

²⁶ См. «Из пещер и дебрей Индостана» Е.П. Блаватской.

²⁷ Коран снова и снова возвращается к особо важным вопросам, освещая их с разных сторон, на многочисленных мифических и реальных исторических примерах. Этот метод очень эффективен, позволяет глубоко утвердить основы.

К слову

Как-то принято среди штатных и светских апологетов христианства пинать время от времени ислам: мол, нам дано и больше, и лучше... По прочтению предыдущих глав о исламе совершенно ясно: не больше и не лучше! Даже если это и так, вот только воцерковленные христиане во все известные века не отличались в массе своей ни честностью, ни справедливостью, ни отвержением серебра и золота, ни любовью к ближним, ни веротерпимостью к дальним. А к веку нашему остается признать: мусульманские страны – это еще мусульманские страны, христианские страны – уже постхристианские.

В России образ мусульман сложился, в основном, чеченскими событиями. Теракты Басаева, Радуева, десятки тысяч убитых в военных действиях, изворотливость чеченского командования, историческая традиция вражды от Шамиля и многое другое создают портрет мусульманина: жесток и груб, хитер и изворотлив, злопамятен и т.д.

Будем анализировать. Где шла (и по сей день идет) война? На чеченской земле. Чем она вызвана? Причины уходят вглубь истории, за времена Шамиля; следовательно, это историческое движение к независимости и историческое подавление его Россией. Невозможно, таким образом, иметь чеченца в друзьях. Война идет на его родине, а с врагами – не до сантиментов.

Вообще ощущение такое, будто ельцинское правительство прилагало все усилия, чтобы навсегда опустить во вражду чеченский и русский народы, когда вначале войны – никому не нужной, но хорошо подготовленной с обеих сторон – рядами стройными гнало необученных русских пацанов на убой в Грозный: побольше жертв, а там уж колесо закрутится. И оно закрутилось, и остановить его настоящими мерами просто немыслимо.

Чеченцы захватывали заложников и продавали их за выкуп. Плохо, но кто начал эту практику? ОРТ показывало тюрьму для чеченских арестантов, взятых на контролируемой федеральными войсками чеченской территории за ношение оружие или за нарушение комендантского часа. Их держали по несколько месяцев, пока родственники не собирали выкуп в 20 миллионов рублей. Чеченцы начали делать то же, но продавать уже за 40 миллионов.

Чеченцы, издевающиеся над пленными, убивающие их... Само ТВ развеяло эту басню: чеченцы держат в заложниках срочников и убивают без сожаления контрактников. Контрактники – наемные

убийцы. Для мусульманина это также мерзко, как для любого нормального человека. Контрактников использовали при «зачистке» сел. Программы «Совершенно секретно» и А. Невзорова показали контрактников в действии: отрезающие уши, грабящие, убивающие («хороший чеченец – мертвый чеченец»). Комплектовались контрактники из людей, притупленных нищетой и преступников. От последних добра вообще никто не ожидал, да им и денег платить не надо было – они убивали из любви к искусству. Какой еще с ними разговор?

Срочников чеченцы отпускали либо за выкуп, либо на обмен. Еще ни один срочник не говорил, что над ним издевались. Угрожать – угрожали, били, ведь и среди чеченцев отбросов хватает. Многие, чтобы избавиться от страха и побоев, принимали ислам и становились своими. И это, мы проанализировали, следствие древней вражды между ортодоксами и несторианами, христианами и мусульманами, Западом и Востоком. А если вспомним последние судебные дела относительно американских военных тюрем в Ираке – вот где издевались, так издевались! Американская тюрьма по жестокости дала бы сто очков форы любому чеченскому подвалу, любой яме.

Кришнаиты, устраивавшие в Чечне прасады (благотворительные раздачи пищи), говорят о самом благосклонном к ним отношении со стороны чеченцев. Кришнаита-срочника, попавшего в плен, отдали без всяких условий. Чеченцы веротерпимы, свою же религию блюдут неукоснительно.

Моджахед, читающий Коран, чеченец, уважающий иноверца... Лично мое негативное отношение к исламу, сложившееся по уже упомянутым причинам, перевернул фильм, несколько лет назад показанный по ТВ – «Мусульманин». Удивляясь ревностному в молитве и соблюдению норм ислама обращенному солдату, я вспомнил древний исторический эпизод. Перед войной со спартанцами афиняне спрашивали Аполлона, почему он благосклонен к спартам и отвергается от Афин. Пифия ответила, что Богу приятнее простые молитвы спартанцев, нежели множество белых быков с позолоченными рогами, приносимых в жертву афинянами. Богу ли, Аллаху, подумалось мне, куда угодней грубый, но истовый, честный, нравственно (согласно нравам его религиозного общества) чистый мусульманин, чем цивилизованный христианин с его Женевскими хартиями, лицемерными свечками, молитвами в церквях и целованиями креста, но порочными мыслями и делами.

Основное противоречие

Основное противоречие, которое просто бросается в глаза и может быть приведено в качестве первого аргумента неверности вывода о том, что восточные положения роднят все религии, а их отсутствие в иудаизме и христианстве кладет непреодолимое препятствие между ними и исламом, а также между исламом и другими традиционными религиями – основное противоречие, на взгляд оппонентов, заключается в Коране, согласно которому христианство и иудаизм более близки исламу, нежели язычество, а восточные положения в открытом виде фактически отсутствуют, за исключением аятов с двойным смыслом.

«... напомним, – пишет муфтий Равиль Гайнутдин, – что ислам, как иудаизм и христианство, резко отрицательно относится к язычеству – многобожию... Коран ставит четкий водораздел между этими религиями и язычеством-многобожием, подчеркивая общность истоков всех трех религий... «не различаем мы между кем бы то ни было из Его посланников» (2:285). Таким образом, по Корану... мусульмане обязаны почитать ниспосланные Всевышним Тору (Пятикнижие), Забур (Псалмы пророка Давида) и Инжил (Евангелие) – составные части Библии, поклоняться пророкам и посланникам, многие из которых являются мусульманскими, иудейскими и христианскими, упомянуты в Библии... слово «кяфир» («гяур», «неверный», «неверующий») в Коране не относится к ним, а характеризует многобожников» (24, с. 169).

Насколько это так? Не пытается ли муфтий, как многие бы стали делать на его месте, оправдаться за мусульман, в частности, российских, отвести любые возможные обвинения, которые можно предъявит на основании Корана и Сунны? Он желает, возможно, и сам так думать, что истинные мусульмане, понимающие дух Корана (такие просвещенные люди, надо полагать, среди азиатских народов и в Татарстане в особенности в большом изобилии) неспособны даже помыслить о вражде с Западом, и уж тем более вести против него террористическую деятельность. Итак, председатель Совета муфтиев России утверждает, что ни евреи, ни христиане не клеймятся Кораном как неверные, кяфиры.

Обратимся к Первоисточнику. Когда-то иудеи (времен Моисея) были среди «верных», о чем аят:

И Мы внушением открыли Мусе и его брату:
«Устройте для народа своего дома в Египте,
И сделайте ваши дома местами поклонений,

И совершайте регулярную молитву,
И сообщите *верным* радостную весть!» (10:87).

Но неблагодарное дело на основании Корана утверждать, что они и остались таковыми (если они ныне не среди верных, что вряд ли осмелится оспаривать муфтий, то среди неверных – ведь третьего Кораном не дано). Сама Библия устами Исаяи, Иеремии и других свидетельствует против иудеев, истреблявших своих пророков, и Коран говорит, что иудеи:

(... навлекли гнев Божий на себя)
Тем, что нарушили завет свой,
Что не поверили в знамения Господни,
Его посланников бесправно убивали,
И говорили: «Укрыто плотно наше сердце,
(Храня в нем то, что послано лишь нам)».
Да, Бог наложил печать на их сердца
За их *неверие и богохульство* –
И как же мало веруют они! (4:155)

И вот Коран осуждает иудеев, ненадежных и недолгих союзников уммы:

Зачем же из-за лицемеров
Вы разделились на две группы?
Бог поверг их за (нечестивые) стяжанья!
Так неужели вы хотите
На путь прямой наставить тех,
Кого Господь с него увлек?
Ведь не найти пути прямого
Тому, кого Господь увлек с пути!

Им бы хотелось, чтоб вы стали
Столь же неверны, как они, –
Что б с ними одинаковы вы были.
Вы не берите их себе в друзья,
Пока не переселятся они
(Из нечести) – на путь Господний...

Средь них вы и других найдете,
Которые хотят в доверие войти
И к вам, и к своему народу.
Но всякий раз, когда их призывают к смуте,
Они (с готовностью) ввергаются в нее. (4:88-91)

С одной стороны можно истолковать, что слова относятся только к иудейским племенам Медины, современникам Мухаммеда. Однако, «нечестивые стяжанья» – отличительное качество иудеев, прекрасно

знакомое уже римским историкам²⁸. И повержены были иудеи в первую Иудейскую войну, выигранную Титом Флавием, рассеяны после второй по приказу Адриана, следовательно, речь идет не о трех иудейских племенах, пострадавших напрямую от Мухаммеда, но о иудейском народе. Готовность ввергаться в смуты – здесь лучшего свидетеля, чем иудейский историк Иосиф Флавий не найти, и доказательств в «Иудейской войне» он приводит предостаточно. Если они своим-то царям подчинялись по принуждению, потому как желали, во-первых, видеть своими царями прямых и явных ставленников Иеговы (не менее Моисея, Аарона или Мельхиседека), во-вторых, полагали себя прямыми приемниками гласа Иеговы в своих душах (на что им тогда царь вообще?), то что можно было сказать о иудеях после рассеяния? Подчиняться власти не-иудеев они никогда не желали, потому

«всякий раз, когда их призывают к смуте,
они (с готовностью) ввергаются в нее» (4:91)

едва ли не поныне, о чем, к примеру, можно достоверно узнать из последнего труда А.И. Солженицына «Двести лет вместе».

Заметим, что о неверности иудеев в Коране много аятов, да и сами иудеи называются людьми, в «сердцах которых болезнь» (вариант «на сердце у которых недуг» – 5:52). Свидетельства не только в Коране, но и в хадисах. К примеру, один из наиболее уважаемых в исламе мистиков Аль-Араби приводит слова Пророка: «Не наступит час Страшного Суда, пока с человеком не заговорит кончик его кнута... а дерево не скажет: «О, мусульманин, за мной прячется иудей, убей же его!» (36, с. 288). Мухаммед полагает, что вражда мусульман с иудеями будет длиться до часа Страшного суда – неужели он имел ввиду вражду с тремя мединскими бану? Их за это время громадная мусульманская империя давно бы стерла в порошок. Разумеется, речь идет о иудеях как таковых, и разве они могут считаться верными, если мусульмане обречены с ними враждовать?

Христиане полагают Иисуса Сыном Бога, сыном ПервоПринципа Космоса, у которого априори не может быть ни «сотоварищей», ни земных детей. Им отвечает Коран:

И говорят они: «Аллах взял сына на себя»...
Скажи: «Кто ложь возводит на Аллаха,
Не благоденствовать тому

²⁸ Люций Сенека: «Этот народ-чума сумел приобрести такое влияние, что нам, победителям, диктует свои законы»

Им – краткая услада в этом мире,
 Потом же – к Нам обратный их приход.
 И уж потом дадим Мы им вкусить
 Суровую, мучительную кару
 За их *неверие* и богохульство. (10:68-70)

Не лучше Коран отзывается о иудеях, которые сыном Бога мнят...
 Ездру!

И иудеи говорят:
 "Узайир — сын Аллаха". (9:30)

Разумеется, кого еще могут мнить иудеи сыном Бога, как не своего основателя?

Иудеев и христиан Коран называет «людьми Писания». Муфтий полагает, что из этого следует – иудеи и христиане не являются неверными, в отличии от язычников и неких «многобожников». Налицо незримое совмещение смыслов, которые нужно разделить, чтобы различить. Во-первых, «люди Писания» другими словами «те, кто получили Писание», и вовсе не «те, кто следуют Писанию». В нашем случае это диаметрально противоположные смыслы. К примеру:

И Мы в Писании сынам Израиля
 (В предупреждении) определили:
 "Поистине, вы совершите беззаконие
 На сей земле два раза
 И возгордитесь гордостью великой -
 (И будете за то наказаны сурово)". (17:4)

Откровение назидает иудеев, а не восславляет, это инструмент приведения народов в согласие с божественной Волей, но не генеральская звезда, грубо говоря, на погонах, которая автоматически ставит их рангом выше других народов, за что и требуется их, якобы, уважать.

И иудеи говорят, и христиане:
 "Мы — Божии сыны, возлюбленные Им".
 Скажи: "Что ж Он наказывает вас
 За ваши прегрешенья?"
 О нет! Всего лишь люди вы
 Из (множества) таких, кого Он создал (5:18)

Или в Святых Писаниях для вас
 Есть грамота охранная (от наказания)? (54:43)

Коран призывает уважать Писания как акты божественного Откровения, и на этих же правах пророков и посланников как толкователей божественной Воли. Но Коран нигде не призывает уважать людей Писания, и вполне ясно указывает, что эти люди, то есть иудеи и христиане, извратили Писание, более того – подменили его, в силу чего они названы неверными (Откровению, Традиции, основанной на Писаниях) и неверующими. Те писания, которыми они руководствуются, не есть собственно Писание, но адаптация Писания к человеческим суевериям и невежеству.

Настанет День,
 Когда Мы соберем их всех,
 Потом же скажем тем,
 Кто сотоварищей Нам прочил:
 «На место! – Вы и те, кого вы чтите».
 Мы отделим их друг от друга,
 И сотоварищи их скажут:
 «Не нам, (а лишь страстям своим)
 Вы поклонялись!» (10:28)

В силу этого уважать мусульманам следует именно акты божественного Откровения,

Кто верует (в Писание) что послано тебе, (о Мухаммад!),
 И в то, что до тебя ниспослано другим (пророкам);
 Кто верует в другую жизнь
 И нет сомнений (в нем об этом).

Они на истинном пути от своего Владыки,
 И лишь они восторжествуют (2:4,5)

а не их остатки, выдаваемые за Откровения католической и православной Церквями и Синагогой.

Средь них невежды есть,
 Которые Писания не знают,
 А в нем свои желания лишь видят
 И (строят только) мнения о нем.

Но горе тем, кто пишет Книгу своими (скверными) руками,
 (Господень смысл искажая),
 А после говорит: "От Господа сие" -
 И за ничтожнейшую плату ведет сей Книгой торг.
 И горе им за то (2:78,79).

И христиане, и иудеи отличились на упомянутом в Коране поприще: Тора иудеев не есть Тора самаритян и других еврейских общин, отошедших от своего народа до реформы Ездры, не есть Тора Моисея однозначно, хотя и написана на ее основе; по количеству поддельных Евангелий (в том числе и четырех канонических) и посланий христиан не превосходит никто. Однако, основное в церковном христианстве и иудаизме – отказ от восточных положений, изобретение корыстного корпоративного канона:

Или вы скажете, что Ибрахим и Исмаил,
Исхак, Йакуб или колена
Христиане или иудеи были?
Скажи: «Кто знает больше: вы или Бог?»
Кто *нечестивее* таких,
Кто у себя сокрыл свидетельство Господне? (2:140)

Скажи: «Кто Книгу ниспослал,
С которой явился Муса как со Светом
И руководством для людей?
Они же, (целостность ее нарушив),
Ее являют на пергаментных листах,
Показывая из нее одно и укрывая из нее другое.
А ведь по ней научены тому вы,
Чего ни вы, ни ваши праотцы не знали» (6:91).

Кто же еще мог быть назван скрывшими «свидетельство Господне», как не церковные христиане и иудеи (после масоретской редакции ни у кого в том сомнений нет)? Сомневающийся может внимательно прочитать первую главу этого исследования. И на каком же основании их следует называть верными, и тем более наставлять мусульман почитать *их* Тору и Евангелие? С одной стороны, Коран говорит:

Аллах, поистине, купил у верных
И души их, и их добро,
(Платя) взамен им Райским Садам.
Они сражаются на промысле Господнем,
Разя врагов и сами сражены бывают,
Как обетовано по Истине Его
Через Закон, Евангелие и Коран (священный) (9:111)

и тем самым ставит Тору, Евангелие и Коран на одну ступень. Однако, следующий аят недвусмысленно дает понять, что если речь и идет о Евангелии, то не о писаниях церковных христиан, но о Евангелии, непосредственно исходившем от Христа:

И скажет Бог: «О Иса, сын Марйам!
 Ты вспомни о Моем благоволенье
 К тебе и матери твоей,
 Когда Я Духом укрепил тебя Святым,
 Чтоб и младенцем в колыбели, и зрелым мужем
 Ты к людям с речью обращался.
 Писанию и мудрости тебя Я научил,
 Евангелию и Закону (Тора). (5:110)

либо существовавшем ранее Иисуса, пришедшем от назареев. Таким образом, если Евангелие равно Корану, то речь идет о Логиях Христа либо же о «Евангелии евреев», либо о том и другом. И если речь идет о христианах, то вовсе не о церковных, как бы они этого не хотели, указывая на следующий аят:

И ты увидишь, что из всех людей
Сильнее всех вражда к уверовавшим (в Бога)
 Язычников и иудеев.
 И, несомненно, ты найдешь,
 Что ближе всех в любви к уверовавшим те,
 Кто говорит: «Мы – *назореи*».
 И это потому, что среди них есть иереи и монахи,
 Которые гордыни лишены
 (И не возносятся перед другими) (5:82).

Ведь любой надлежаще изучивший раннее христианство религиовед скажет, если не убоится, что речь могла идти только о несторианах, которые жили общинами монашеского типа в основном в Сирии и тесно пересекались по определенным причинам со становящимся движением. Мухаммед был, по всей видимости, обращен на путь религии Бахирой, несторианином-монахом, и только с несторианами из христиан у мусульман были взаимодружеские отношения. Несториане Сирии территориально и духовно были наследниками назареев, от них они переняли монашеский устав и соответствующие практики, на основании чего их называли по имени учителей – назареями. Причем тогда здесь церковные христиане, которые гордо заявляют теперь, что данный аят относится к ним? Им обращены аяты другого рода:

Не веруют (и *богохульствуют*) такие, кто говорит:
 «Господь из трех есть третий», –
 Тогда как нет иного божества,
 Помимо Бога одного, (единого для всех). (5:73)

Так веруйте же в Бога и Его пророков.

Не говорите «троица»,
 А удержитесь же себе на благо.
 Един (наш) Бог, и все хвалы – Ему!
 Отцом (для смертного) негодно представлять Его
 Ему принадлежит все на земле и в небе.
 Его, как поручителя, довольно! (4:171)

Как же можно по-другому назвать тех, кто «не веруют (и богохульствуют)», как неверными, или неверующими, по крайней мере? Надо быть слепым или намеренно скрывать от правды, чтобы не признать: неверные суть церковные христиане и иудеи. Можно, конечно, сказать, что дело было давнее, обиды прошлые... не думаю, что муфтий рискнет набросить налет преходящего на Коран, ниспосланный из Вечного – это не шариат, наследие толкователей Сунны, за гибкость которого он выступает. Поэтому вопрос закрыт – по крайней мере, до следующего Откровения. Хотя бы в силу того, что за почти два тысячелетия учение Церкви, разработанное в конце II в. н.э. епископом Иринеиом Лионским, осталось в своей основе столь же неизменным, сколь неизменны положения Талмуда.

Что касается язычников, то так Мухаммед называл 1) своих противников-корейшитов, державших свою лоскутковую веру в Мекке и противившихся реформе, и относительно их никаких вопросов не возникает, а также 2) персов, чья религия была уже на излете. Корейшиты и персы были связаны между собой, и вначале корейшиты радовались победе персов над Византией, а затем Мухаммед – победе византийцев над персами, из чего некоторые исследователи делают вывод, что Мухаммед сочувствовал христианам более чем персам. Из политического расклада того периода ясно, что Мухаммед вряд ли симпатизировал византийцам как христианам, и не уважал персов как огнепоклонников-язычников. По всей видимости, они были равны для него, и уже при жизни Мухаммеда умма пытается овладеть Сирией, отбить ее у византийцев, а после его смерти при правлении Омара мусульмане овладели и Сирией, и Персией. Дело в том, что персы были ближе корейшитам – политически. Они могли поддержать их, тем самым остановить реформу. Византийцы же отняли у персов и их клиентов-корейшитов такую возможность, при этом приходиться на помощь к язычникам-корейшитам вряд ли собирались – по сектантским мотивам и отсутствию союзнических, и даже, видимо, дипломатических отношений.

Персы также были в союзе с иудеями, еще одними противниками Мухаммеда. При взятии персами Иерусалима, в чем приняли участие

иудеи, от 60 000 до 90 000 христиан было выкуплено иудеями у персов и зарезано вблизи Иерусалима²⁹.

Огнепоклонники, заметим, придерживались дуализма: Ахура Мазда (Ормузд – Солнце и Огонь) против Ангра Манью (Аримана – тьмы, смерти), причем Ариман даже не Демиург, но скорее гностический (Сатурнин!) дьявол, бездуховная материя, отражающая и инвертирующая в себе божественные формы. Поэтому, честно говоря, огнепоклонников, в отличие от тех же корейшитов,

Они спрашивают тебя [дозволено ли,]
Сражаться [с мекканскими многобожниками]
В запретный месяц... (2:217)

трудно назвать многобожниками. Здесь опять нужно призвать на помощь Коран:

Они говорят:
«Будьте иудеями или христианами,
Тогда пойдете истинным путем».
Отвечай [, о Мухаммад]:
«Нет, [мы следуем] вере
Ибрахима-ханифа,
А он не был многобожником» (2:135).

И кто же здесь многобожники? Похоже, иудеи и христиане, а не огнепоклонники³⁰. Они же и неверные – Традиции, Истине. Ограничимся несколькими аятами, подтверждающим данный вывод:

Неверные из многобожников
И из людей Писания (Святого)
Не желают, чтобы на вас сошла Господня благодать (2:105).

И прямо в цель о иудеях и церковных христианах – лучше не скажешь:

Они себе, опричь Аллаха,
За Господов берут раввинов и монахов,
А также сына Марьям — Мессию,
Хотя повелено им было поклоняться
Богу, Единому (для всех),
Опричь Которого другого божества не существует.
СубхАнагу! (Хвала Ему!)
Превыше Он всех тех,

²⁹ См. статью И. Шамира «Пруд Мамиллы» на сайте <http://www.israelshamir.net/ru/ruart135.htm>

³⁰ У зороастрийцев-огнепоклонников, к слову, также есть Писание – Авеста, «Закон».

Которых в соучастники Ему
Они (своим невежеством упрямо) призывают!

Они устами (скверными) своими
Хотят Свет Божий погасить,
Аллах же не допустит ничего иного,
Как только Свет Свой завершить,
Хоть *многобожникам* и ненавистно это. (9:31,32)

Также многобожниками мусульмане называют индийцев. На первый взгляд, правомерно – вряд ли у кого больше богов, чем у индусов. Но их боги 1) суть философская абстракция, которую я обрисовал, когда разбирал взгляды Оригена (см. соответствующую статью), и одновременно 2) духовные предки людей (см. статью «Валентин»). Брахма-Вишну-Шива есть прообраз многочисленных Троиц во всех религиях, в том числе и в христианстве, и на самом деле персонификация Созидания, Сохранения и Разрушения – аспектов Первопринципа, посредством которых существует Космос.

Как бы то ни было, многобожниками для мусульман индусы стали много позже Мухаммеда – во время правления династии Газневидов. Махмуд Газневид, по всей видимости больше перс, чем мусульманин, объявляет индусам джихад, руководствуясь не Сунной, а древней враждой зороастрийцев и индусов. Зороастр в «Вендидаде» называет богов (девов) индусов демонами (дэвами), противопоставляя им Авесту-Закон, новую оболочку Традиции. Века назад до Газневидов это был протест против брахманов, искаживших Учение Вед, отвержение их закона. Со времени же Газневидов мусульмане заражаются не своей враждой, и индусы становятся язычниками-многобожниками, каковыми для Мухаммеда не являлись. То, что зороастрийцы, называемые еще огнепоклонниками, поклоняются огню, не означает их язычества, так как огонь символизирует Огонь («Господь, Бог твой, есть огонь поядающий» – Втор. IV, 24), Первопринцип. Коран совсем не разделяет обвинения огнепоклонников в язычестве:

И тот огонь, который жжете вы...
Мы сделали его Напоминанием (о Нашей Воле). (56:71, 73)

Вот и все, что касается «ху есть ху»: у мусульман нет особенных причин согласно Корана протягивать руку дружбы христианам и израильтянам, потому как причины разделения на «верных» и неверных» со времени Посланника только углубились и умножились. Протянув же руку, мусульмане рискуют, образно, протянуть и ноги,

ведь в ответ они получают и уже получают прелести морального и государственного разложения и прямой агрессии против суверенитета.

Они, конечно, могут это сделать в добровольном порядке, например, по призыву муфтия, но следует ли ему подводить под свое желание мотивацию из Корана? Скорее всего, такая позиция муфтия есть дань служебному положению и соответствующей конъюнктуре. Ведь «сейчас очень часто можно слышать о том, что какая-то группировка, называющая себя исламской, не является исламской, а исламом «прикрывается», «маскируется» как «оболочкой», маской и т.п. – существует длинный метафорический ряд. К подобной квалификации... прибегают... либо люди, стремящиеся уберечь ислам и мусульман от дискредитации действиями отдельных группировок, совершающих противоправные и (или) аморальные действия, либо большие поклонники политкорректности, либо те, кто опасается, что в чем-то нежелательные для общества нормы и установки, которым следуют эти группы, получают распространение среди всех или среди подавляющего количества мусульман» (38, с. 19). Все три варианта – это наш случай.

Под христианами и иудеями я все-таки разумею держателей конфессиональных различий, адептов и фанатиков этих сектантских и с точки зрения Традиции незаконных ответвлений, но не простых людей, как, скажем, русские, которые воспринимаются мусульманами как православные, христиане только по факту рождения в православной в прошлом стране. Если между мусульманами и, к примеру, русскими не лежит религиозная граница, если меж ними не стоит порок, то мусульманам следует относиться к таким людям соответственно призыву Али, ближайшего сподвижника Посланника и четвертого праведного халифа, который «предписывал своему наместнику соблюдать принцип справедливости и равенства по отношению ко всем людям, а не только к мусульманам, ибо «они представляют собой две группы людей, и одна из этих групп – ваши братья-единоверцы, а другая – подобные вам творенья Божьи» (104, с. 66).

И нам осталась, собственно, совсем малость: проследить восточные положения в исламе. Что это нам даст? Во-первых, ислам, дистанцировавшийся от иудаизма и христианства, перестанет казаться только реформой джахилии и противовесом синагогальному иудаизму и церковному христианству. Во-вторых,

ислам будет обозначен не только как преемник азиатской Традиции, но и как воспреемник Традиции восточной. В совокупности это даст платформу, на которой смогут общаться ученые ислама и восточных вероучений. Ведь единственное, что всегда мешало объединить ислам с Востоком, что чрезвычайно выделяло позиции мусульман из восточной Традиции, что мешало во все времена межкультурной и межрелигиозной дружбе и союзу – это отсутствие зримых параллелей Сунны с восточными религиозно-философскими системами.

Параллели Ислама с Востоком

Как-то принято весь Восток сводить к положениям (скорее, к теориям, если смотреть с западно-научной точки зрения) перевоплощения и кармы. Тем не менее, совокупно религиозно-философский Восток даже в известном объеме гораздо обширнее, чем это принято думать. Осмелюсь заявить, что на каждый философский вопрос Запада Восток имеет свой более или менее полный ответ, и на всякое заблуждение способен ответить логически безукоризненно. Или по-другому: Запад еще не дорос до таких вопросов философского знания, на которые бы не сумел ответить Восток.

Те немногие популяризаторы знаний, что известны нам – Будда, Шанкарачарья, Васубандху, Вивекананда, Блаватская и другие – вскрыли глубочайший пласт вопросов вечной жизни, и уже того немного, что известно нам через них, достаточно для построения каркаса альтернативной картины мира. Альтернативной недалеким концепциям иудаизма и христианства, прежде всего.

Однако, иудаизм, вслед за ним христианство вышли из одной и той же азиатской парадигмы, в которой на стандартные вопросы тысячелетия назад до появления иудаизма, ислама и христианства давались стандартные ответы: после смерти будет рай или ад, в конце времен будет Страшный суд и воскресение из мертвых, все в мире предопределено, и т.д. Неудивительно, что ислам, выросший из тех же корней, на те же вопросы давал те же ответы.

Одна лишь разница ставит ислам в привилегированное положение. Если иудаизм и христианство, в стремлении сокрыть истоки своей догматики, вычистили основательно свои Писания и предания, в результате чего от Моисея и Иисуса остались только имена, подпирающие своими авторитетами свод жреческих учений, то ислам сохранил почти в неприкосновенности, во-первых, Коран, во-вторых, многочисленное предание от Мухаммеда, выраженное в тысячах хадисов. Следовательно, у внимательных исследователей всегда

будет пища для размышлений и верных выводов. Даже если эти выводы будут противоречить мнению авторитетных улемов.

Воспользуемся возможностью, предоставленной нам последними замечательными переводами и работами исламоведов и востоковедов, чтобы утвердить следующую точку зрения: ислам солидарен со многими восточными концептами.

Более полное изложение восточных концепций

Прежде всего, нам необходимо показать каркас восточной картины мира в более полном объеме. На «такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства» (Хантингтон), Восток по-прежнему выдвигает концепции, старые как мир:

- Концепция Реальности и иллюзии;
- Концепция единства Бога и человека;
- Концепция Эманаций;
- Концепция Спасения, Воскресения;
- Концепция расовых различий;
- Концепция посмертного Воздаяния;
- Концепция взаимосвязи и взаимоперехода Духа и Материи;
- Концепция многоуровневой системы бытия ;
- Концепция Семиричности;
- Концепция Идеального Бытия (нуменов и феноменов);
- Концепция эволюции (цикличности жизни и смерти, вознесений и падений).

Концепция Реальности и иллюзии в буддизме превосходно изложена в Алмазной сутре (Ваджра-чхеддикка-праджна-парамита-сутра; «Сутра, рассеивающая иллюзию и переводящая в запредельное», по одному из переводов). Она утверждает: единственно существует Реальность Высшего Бытия, мир же есть иллюзия, следовательно, не существует. Наибольший упор в Сутре сделан на отрицании несуществующего личного эго. Личное эго складывается через ощущения, воспринимаемые через чувства (пять основных чувств: зрение, обоняние, осязание, слух, вкус); чувства же ложны. Во-первых, они переменчивы, и в одном состоянии мы чувствуем одно, в другом – другое. Те, кто постиг тайну чувств, легко может ими управлять, подменяя «истинные» чувства «ложными», поскольку между «истинными» и «ложными» чувствами нет никакой разницы. На такой подмене основан гипноз и другие психологические формы воздействия. Во-вторых, память помнит только то, что

пришло к нам через чувства: таким образом, ничего истинного она не помнит. Человеческое эго рождается и живет в полной иллюзии, воспринимая окружающее его чувственное бытие за реальность. Подобно тому как над группой людей может стоять гипнотизер, умеющий внушить им любые ощущения и переживания, так и над человечеством стоит Иллюзия, цепко держащая разум человечества в своих объятиях³¹.

Это становится возможным потому, что человек не знает, не помнит самого себя. Он полагает, что «я», то есть познающий Принцип, и тело суть одно и то же, что тело включает в себя мысли и чувственные аффекты, совокупно называемые мыслящей или заблуждающейся, страдающей или получающей удовольствие душой. Платон в «Алкивиаде II» превосходно доказывает, что мыслящий, познающий Принцип, обще называемый человеком, не является ни телом, ни душой, ни разумом. И тело, и душа, состоящая из плодов чувств и размышлений, являются носителями познающего Принципа. Заставьте человека сосредоточенно забыть о существовании тела, чувств, мыслей, окружающего мира – чем тогда он себя ощущает? Согласно западного взгляда – ничем, да и такое нейтральное ощущение есть вроде как нонсенс. Ведь «я мыслю, следовательно – существую», а если не мыслю... С точки зрения восточной философии исключив тело, чувства, мысли, память о окружающем мире, полученный в этой жизни опыт, мы оставим самое главное, фактически невещественное – познающий Принцип, хозяина души и тела, владельца памяти и интеллекта. Познающий Принцип есть «я» в чистом виде; в обычном своем состоянии это есть личное эго, отождествляющее себя со своими оболочками из мыслей, чувств и тела (мои мысли, мое тело) – ложное эго, живущее в ложном мире. Тем не менее, истинное эго, «я» суть луч, упавший вниманием в этот мир, привязавшийся к нему, осознавший ложную материальную жизнь как свою и забывший о собственной жизни.

Потому как если есть иллюзия, то должна быть и Реальность, равно как если есть тень, то должен быть объект, ее отбрасывающий. Анализируя качества (лучше, концепты) Абсолюта, Платон учит тем же выводам, что и Будда в Алмазной Сутре. Если есть Абсолют, не имеющий себе подобного, он по необходимости должен быть

---

³¹ «Что же тогда является Воскресением? – спрашивают гностики. – ... Илия явившийся и Моисей с ним не думали, что Воскресение – иллюзия. Это не иллюзия – это правда (вариант, Истина? – С.О.). На самом деле, более подобает говорить, что мир иллюзия в большей степени, чем Воскресение...» («Послание к Регину (Трактат о Воскресении)». – по электр.версии на сайте <http://barnascha.narod.ru/books/>)

беспредельным, ибо конечность Абсолюта Абсолют аннулирует. Беспредельное сознание, распространяясь беспредельно, не может осознать ничто конечное; распространяясь сознанием от любого предмета, мы теряем его из виду, так как предмет уменьшается по мере расширения сознания. Этим предметом может быть человеческое тело, Земля, Солнечная система, Галактика, Вселенная... Беспредельное сознание может включать в себя громадные предметы на одном уровне с мелкими, и не осознавать их, так как для бесконечного сознания конечная Вселенная равна любому конечному объекту – хотя бы шарик от шариковой ручки. Таким образом, Абсолют не знает знакомый нам мир, мир же не знает Абсолют. Правы, в таком случае, гностики в споре с церковниками, каббалисты в споре с иудеями, утверждавшими, что Бог не знает мир, мир же создан Эманациями Бога, Его отраженными и индивидуализированными концептами (качествами).

Какова же природа Реальности? В ней нет ничего конечного, в ней нет ничего чувственного или мыслимого. Какова природа познающего Принципа? В нем нет ничего чувственного, мыслимого, связанного с формой, то есть с конечным. При таком угле зрения познающий Принцип и Реальность идентичны.

Человеческое «я», однако, осознает чувственный мир, в то время как «Я»-Атман не должен осознавать конечное. Но как для того, чтобы отвернуть болт, человеку нужна отвертка, то есть инструмент той же плотности, что и болт, так и для того, чтобы понять, воспринять конечное, Эго нуждается в разуме, то есть в конечном посреднике, без которого Эго мир не осознает. Эго также не имеет и опыта беспредельного, поэтому отбросив земное, Эго не может ничем оперировать, повисая, образно, в пустоте, скрывающей собственную природу. При этом нет никакой уверенности, что однажды прорвавшись в миры, где расстояние не является ограничивающим признаком, формирующим конечность, Эго столкнется со своей собственной природой. Вполне возможно, что оно просто сменит один иллюзорный мир на другой, пусть и более приближенный к Реальности. На этом основании мы можем допустить, что Эго и Реальность – одной природы, и познав себя, человек познает Абсолют. При этом, по необходимости он должен будет расстаться со своими ограничениями, то есть стать Абсолютом. «Атман не знает свою собственную природу... из-за покрова Майи; но когда покров срывается знанием, Атман сияет в своей первоизданной Сущности как один недвойственный» (108, предисловие А. Адамковой, с. 31). «Я»

есть Реальность, Атман, Высшее Бытие, и Атман есть «Я». Человеческое «я» окружено иллюзией-Майей, поэтому в силу заблуждения считает себя отдельной мыслящей и чувствующей единицей, в то время как «я» есть «Я».

«Я» есть Брахман», восклицают постигшие брахманы. Но если каждый из нас в своей ультимативной сущности есть Брахман, то Бог-Отец уже не может рассматриваться в качестве Бога-Творца, иначе Творцу придется творить самого себя. Отношения Бога и человека восточная Традиция рассматривает в аллегорическом сравнении земных отца и сына («как внизу, так и вверху», гласит восточная мудрость). Отец не творит сына, но содействует его появлению на свет – концепция Эманаций. Все, что он может ему дать – это физические одежды для тела, и воспитание для души. То, что для нас является телом, для более высоких существ есть одежда Души; но и Душа есть более разряженное одеяние для Духа, Дух же есть носитель «Я». Таким образом, рождение на разных уровнях есть получение условий для существования на том или ином плане, а не творение чего-то из ничего, что и приписывается Богу-Творцу.

Развиваясь в бесчисленных воплощениях на протяжении веков, тело подчиняется душе и становится ее рабом, душа подчиняется Духу... Возможность восхождения «я» к «Я», даже технология этого восхождения суть философия многочисленных школ йоги в индуизме, «колесниц» (течений: Махаяна, Хинаяна...) в буддизме, монашеских даосских братств. Будда описывал слияние «я» и «Я» как Нирвану (Паранирвану, в зависимости от уровня Слияния), ведантисты как Мокшу (Освобождение) через Самадхи (состояние Слияния), дзен-буддисты практикуют восхождение через Сатори (Озарение). Что есть Нирвана-Мокша? Прорыв «я» в «Я», при котором исчезают путы земной материи. Это рождение «я» на духовном плане, второе рождение. Это – Воскресение. Оно ждет одних раньше, поскольку они посвятили ему многие жизни, других – позже. Конечное Освобождение-Воскресение, после которого уже не будет земных перерождений (но Жизнь на иных планах Бытия, ныне сравниваемая с Раем), ожидает человечество в конце мирового цикла. Совокупное персональное Добро будет взвешено на весах, и если оно превысит совокупное зло, человек будет оправдан и перерожден в духовном Мире, освобожден от неведения и связанных с ним страданий. В противном случае...

Впрочем, малый Суд, суд собственной совести ждет человека после каждой жизни. Этот Суд, в течение которого человеку

становится понятен смысл его земных страданий, успехов и неудач, завершается возрождением либо в более высших иллюзорных состояниях (миры личного иллюзорного счастья: Девачан – «Страна богов» индусов), либо в низших (миры личного иллюзорного страдания: Авичи индусов). Не следует огорчаться или обольщаться иллюзорностью личных миров: они иллюзорны относительно Высшего бытия, но вполне реальны относительно бытия чувственного. Количество времени посмертного пребывания в этих мирах, после которого осуществляется новое воплощение эго, ограничено только количеством совершенного добра или зла. Пусть это будет называться концепцией посмертного Воздаяния.

Некоторые народы живут Восхождением, почитают гуру, способных указать дорогу к нему, обожествляют достигших великого Освобождения (от Майи, Материи): Дви-Джа (Дважды-Рожденных; впрочем, ныне «достояние» всех брахманов, прошедших через «посвящение»), Риши в Индии, Адептов (Нирманакая) и Махатм (земных Будд) в буддизме. Исторически народы начинают различаться: одни практикуют Дхарму-Путь в различных проявлениях, от пути домохозяина до пути Брахмачария (ученик брахмана в одном смысле, Брахма-Учитель, Божественный Гуру в другом), другие практикуют достижение наилучших материальных условий³². Суммированная мысль начинает разделять народы, и по мере исторического развития одни народы остаются более восприимчивыми к духовной философии, другие – менее. Отсюда, желаем мы того или нет, вырисовывается концепция расовых различий.

Если кому-то хочется узреть концепцию расового превосходства, то она будет звучать следующим образом: одни народы превосходят другие в духовных способностях, последние превосходят первые в материальных. Поэтому, когда мы говорим «отсталые народы», то надо бы уточнять – в какой именно сфере отсталые? Скажем, какого-нибудь горного анахорета можно отождествить с реликтом пещерного человечества, в то время как этот «реликт» с точки зрения Высшего Знания настолько может превосходить средне-статистического человека, насколько мы превосходим животных. И

³² Пожалуй, евреи, а вслед за ними кальвинисты и иные протестанты выделились более всего. Именем Бога они освятили это самое достижение наилучших материальных условий. В итоге, наиболее религиозно экзальтированные, они в то же время наиболее материально приземленные. Их религия стала означать не «связь с Высшим», но связь с высшим Гарантом материального могущества и земной Власти. Таким образом, религиозность и духовность приобрели (в нашем случае) фактически противоположные смыслы.

этот анахорет будет почитаем за бога окружающими племенами и народностями, а для других народов уже само такое почтение будет признаком дикости. «Кто знает: «Я есть Брахман», тот становится всем [сущим], – заверяет нас Шанкарачарья. – И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их Атманом. Кто же почитает другое божество и говорит: «Оно – одно, а я – другое», тот не обладает знанием. Он – как животное перед богами» (108, гл.1, 4, 10).

Итак, «я» одного человека идентично «я» другого человека, и уже только потому, что всякий называет себя одинаково – «я». Сбросив узы ограниченности конечным, «я», познающие Лучи Абсолюта, сольются в одной природе. Отсюда, ценность человека увеличивается в степени и опыте приближения к Абсолюту и уменьшается в степени и опыте удаления от Абсолюта. Ограниваясь конечными формами, воздействующими на чувства, Эго погружается в иллюзорное материальное; отрываясь от материального, уходя сознанием в более разряженные носители (то есть от чувств в разум, от ощущений в размышления – от прекрасных форм в Прекрасное-само-по-себе, словами Платона), Эго приближается к своей собственной природе.

Рано или поздно Эго осознает – «я есть Он, Он есть я». Осознав это, человек поймет, что ему не перед кем нести ответственность за свои поступки, кроме как перед самим собой, никто кроме самого себя не может простить ему содеянного (концепция Кармы). Далее, лишь своими усилиями человек может выбраться из иллюзии в Реальность, из ложного, проносящее страдание, в истинное, и никакая церковь не приблизит его к Спасению, которое заключается не в пропуске в сады удовольствия, где гуляют праведники, а в самопознании (концепция личного спасения). «Атман - чистое Сознание находится в каждом существе как масло содержится в молоке; но как масло должно быть сбито из молока, так и Сознание должно быть *выявлено постоянной, упорной работой мысли и трудом медитаций*»³³ (108, с. 31-32).

Если все «я» равны, и все есть лучи Абсолюта (частицы Бога, в христианской транскрипции), нет оснований для возвышения по принципу богатства или рода, то есть по материальному признаку, нет необходимости доверия кому бы то ни было согласно критерия

³³ В Махаяне, северном буддизме, считают, что сначала нужно заслужить это право на «постоянную, упорную работу мысли»; труд во имя человека должен быть началом, а уж затем карма приведет воплощающуюся душу в нужные условия. А то ведь ныне столько развелось медитирующих мечтателей, палец о палец не ударяющих, но верящих, что их мечтания спускают небесный Иерусалим на землю...

положения в обществе, поскольку такое положение создается людьми, способными непреднамеренно заблуждаться или преднамеренно вводить в заблуждение. В таком случае, более понятен призыв Будды не верить книгам только потому, что они написаны мудрецами, не верить традициям только потому, что они поддерживались отцами, но верить лишь тому, что проверено собственным сознанием и собственным опытом.

Долгий путь самопознания невозможно пройти за ничтожно малый отрезок, называемый человеческой жизнью. По необходимости, жизнь является бесконечной, состоящая поочередно из земного и внеземного опыта (концепция перевоплощений), и именно в бесконечности жизни есть надежда Спасения. Этот долгий путь ведет, согласно восточной философии, не только из уз земной материи, но и из уз материи вообще. Ведь выйдя из одного мира, человеческое сознание не обязательно должно попасть в Реальность. Хотя бы в силу того, что Эго окружено множеством оболочек, при помощи которых оно познает материю (точнее, в материи познает свои собственные проявления), и оно должно рано или поздно изжить их все. Если Эго желает передвинуть предмет на другое место, оно должно вначале увидеть мини-образец своего действия, то есть идею, прообраз действия, потом осмыслить его, затем мысль должна перейти в желание, желание, сконцентрировавшись в волю, должно породить нервные импульсы, достаточно сильные, чтобы заставить сократиться мышцы. Таким образом, Эго должно воспользоваться множеством посредников, которые все более и более плотные по мере нисхождения от Эго до земного объекта. Также и от Абсолюта до земного мира должно быть множество миров-посредников, каждое из которых есть творение одной из окружающих оболочек Абсолюта (концепция многоуровневой системы бытия). Эти миры должны служить полем деятельности для многочисленных Эго в разных посредниках-оболочках. Постигая эти миры, Эго постигает свои оболочки, в которых отражается как в более или менее мутном зеркале собственная природа Эго.

Если мы сравним оболочки-посредники Эго друг с другом, мы увидим определенную взаимосвязь. Идея двигает мысль, мысль движет желание, желание движет волю, воля – нервные импульсы, нервные импульсы движут тело. Схематически это можно представить так:

идея
мысль
желание
волевое усилие
нервный импульс
физическая телесная сила

К примеру, желание одновременно двигается (под воздействием мысли) и движет (желание), то есть являет активность и пассивность. В восточной философии состояние активности присуще духу, состояние пассивности присуще материи. Следовательно, каждый член этого ряда, кроме Эго и тела, одновременно обладает духовными и материальными качествами, являясь для более низших духом, для более высших материей (концепция взаимосвязи и взаимоперехода Духа и Материи). Следовательно, те миры, которые мы условно называем духовными, могут быть материальными по отношению к более высшим мирам. Отсюда, то, что является истинным в этом мире, не может быть истинным в более высшем состоянии – истина относительна, пока она ограничена конечным. Однако, стремясь постичь истину, Эго стремится постигнуть само себя. Служа истине, Эго в любом из миров может жить согласно со своей собственной природой – хотя бы и заблуждаясь при этом. Отсюда, для Востока более ценен тот человек, кто более мудр, кто проверил истину на своем собственном опыте, своим собственным размышлением. Даже видимо находясь в теле, сознанием он может соответствовать более высоким уровням бытия. Отсюда, понятна восточная традиция обожествления мудрецов и героев, служивших Истине – они приравниваются к незримым обитателям более высоких миров, обладателям более высоких уровней сознания, с вершины которых лучше виден путь человека и общества.

Оболочки, окружающие Эго, можно обозначать в различных смысловых системах, однако, речь пойдет об одних и тех же посредниках-оболочках. В Теософии их принято называть принципами. Тело будет самым низшим принципом, над ним должно стоять электрическое тело, движущее физическое тело посредством электрических нервных импульсов; далее, должно быть тело желаний, тело мысли и тело идей. Завершить систему должно Эго. Поскольку Эго тождественно Абсолюту (Атману), восточная философия называет Эго Атмой, Духом и Богом одновременно в русском переводе. Сравнительная схема такова (взято: Блаватская Е.П. Тайна Доктрина, т. 1, с. 211):

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ		ВЕДАНТА	ТАРАКА РАДЖА ЙОГА	ПОЯСНЕНИЕ
1. Стхула Шарира		Аннамайакоша	Стхулопадхи	Тело
2. Прана		Пранамайакоша		Электр. тело
3. Проводник Праны				
4. Кама Рупа		Маномайакоша	Сукшмопадхи	Тело желаний
5. Разум	а) Желания и Чувства и пр. – Низший Манас	Виджнянамайакоша		Тело мысли
	б) Виджнянам, Высший Манас			
6. Духовная Душа		Анандамайакоша	Каранопадхи	Тело идей
7. Атма		Атма	Атма	Эго

В переводе с санскрита «коша» есть оболочка, «майя» – иллюзорная. Следовательно, Веданта перечисляет иллюзорные оболочки Эго – телесную, электрическую (праническую), чувственную, мысленную, оболочку блаженства; их иллюзорность повышается по мере падения Эго в материю, и наоборот.

Тарака Раджа Йога под «упадхи» подразумевает основу, опору и одновременно инструмент Эго: физическая опора (тело как таковое Тарака Раджа Йогой не признается, считается полной иллюзией, а электричество считается физической материей, ее высшим состоянием, следовательно тело – сгущением электричества), тонкая опора, причинная опора (идеи правят миром, словами Платона, то есть являются движущими причинами, как мира, так и отдельного человеческого сознания).

Более тщательно расписывает принципы человеческого микрокосма эзотерический буддизм. В отдельные принципы он выделяет прану и проводник праны. Более понятным это будет, если мы представим вместо тела компьютер («железо», терминологией «юзеров»), вместо проводника праны – электрическую схему компьютера, и тогда пране будет соответствовать электричество, оживляющее компьютер и его схему. Кама Рупа («желание» и «форма») собственно тело желаний, подобно компьютерному софту (программному обеспечению) низшего уровня (скажем, Bios). Подобно тому как физическое тело состоит из мириадом отдельных клеточных организмов, так и тело желаний состоит из неких элементарных полуразумных форм. Эти формы образованы разряженной материей, способной изменяться под влиянием мысли.

Таким образом, они являются хранителями мысли, образуют как память, так и мысленные аффекты разной степени напряженности. Вообще, это совершенно новая область для познания, поэтому углубиться в нее означает потеряться. Замечу еще, что буддисты различают ум на низший и высший, и первый руководствуется чувствами, а другой знаниями (Низший и Высший Манас, в другой трактовке; операционная система и отдельные программные приложения, позволяющие создавать виртуальные образы большей или меньшей сложности, соответственно).

Шестой Принцип воспринимается человеком как внутренний идеал. Именно внутри себя человек ищет ответы на окружающие его вопросы. Согласно своим внутренним идеальным представлениям человек судит себя и окружающих. Внутренний этический комплекс, совесть, если угодно, когда человек в состоянии к ней прислушиваться и следовать, вполне может заменить ему любую внешнюю этическую систему. Внутренняя интуиция проводит человека через опасности, либо молчит, если опасность кармически неизбежна или ее не существует. Внутренний свет открывает человеку возможность познания; свет, в котором видны как чувственные образы, так и их идеальные первоисточники (далеко не всем и каждому). В общем, Шестой Принцип суть человеческий Первообраз, к которому лежит ближайший путь по дороге к самому себе. Есть Первообраз и у каждой вещи, у всякого явления. Платон называл Первообразы нуменами-Идеями, а нуменальные отражения на Земле – феноменами. Следовательно, феноменальное бытие есть отражение нуменального и вечное к нему возвращение.

Во всех случаях седьмым и высшим принципом является Атма, Дух, и я назвал этот принцип Эго, чистое «Я», хотя это может быть не совсем так. Атма может быть для Эго также оболочкой, потому как наши идеи хоть и являются истинными, но все-таки они не дают нам представления о Абсолюте, но только о более или менее земных явлениях, имеющих образ, форму. Следовательно, дорога Эго должна непременно уходить дальше, в миры без формы. Тем не менее, принципиальное «строение» человеческого микрокосма семирично (концепция семиричности). Поскольку микрокосм подобен Макрокосму, ничто не мешает заявить о его, в свою очередь, семиричном строении.

Цикличность бытия и вовсе нет особенной нужды доказывать. Она лежит как в основе смены времен года, так и в основе человеческой периодизации. У человека есть период жизни, сменяющийся

периодом смерти, свои периоды есть у племен (народов), цивилизаций, Рас, Человечества, планет, солнечной вселенной, галактики, Космоса. Период жизни планеты (Манвантара) сменяется периодом ее смерти (Пралайя), но при этом смерть для обитающего на планете человечества на самом деле есть его рождение на более высоком уровне. Данный уровень сознания может настолько превосходить уровень так называемой жизни, что древние, наоборот, меняли местами Жизнь и Смерть, называя Смертью земное существование, а Жизнью – существование в Духе.

Жизненная череда циклична, но эта цикличность восходящая либо нисходящая, и рано или поздно человек должен перерасти себя, как ранее перерос животное состояние: камень должен стать растением, растение животным, животное человеком, человек духом, и дух – Богом. С этой точки зрения концепцию цикличности можно назвать концепцией эволюции.

Циклы то возносят народы к вершинам цивилизации, то опускают их. Вкупе с концепцией расовых различий, приняв во внимание противовес 18 (см. статью «Другие противовесы»), мы можем вслед за Востоком утверждать, что за миллионы лет человеческой истории многие народы входили в расцвет, и многие опускались в многотысячелетнюю деградацию. Еще несколько десятилетий назад африканская раса находилась на примитивнейшем уровне развития, но сейчас движется широкими шагами, выходя из умственной спячки (пока усилиями отдельных своих представителей, тесно соприкасающихся с арийской расой), продолжительность которой у меня не хватает смелости определить. Как знать, не ожидает ли такая же спячка белую расу?

Таким образом, в общих чертах мы очертили каркас восточной философии. Наверняка он неполон, но не неверен.

Кстати, если кто-то думает, что я забыл о концепции добра и зла, то ошибается. Такой концепции на Востоке попросту нет. Нельзя сказать, что там не знают слов «добро» или «зло». Просто злу отказывают в самосуществовании. Не скажешь же, что, допустим, индусы придерживаются концепции добра.

Концепция добра и зла есть основная отправная точка на христианском Западе. Добро Запад приписывает Богу, зло – дьяволу. Соответственно, если зло есть в мире, тогда права знаменитая западная вилка: может уничтожить Бог зло в мире или не может, хочет ли уничтожить или не хочет, не может и не хочет, может и хочет – в

любом случае Бог не Бог. Зло опрокидывает сам смысл существования Бога! Хоть в атеисты подавайся.

Восток в основании зла полагает невежество, в основании невежества – ограниченность. Теперь по пунктам. Если человек страдает, то причиной его страдания являются прошлые деяния, следствия которых теперь вернулись к нему. Прошлые же деяния были допущены в результате невежества – человек либо не знал, что ему придется ответить за каждый вред, причиненный миру, либо сам принял такой выбор, либо не смог победить свои чувства. Незнание и неверие суть следствие ограничений, накладываемых на разум телом – материальными путями. Скованный ими разум не в силах распознать иллюзию земного бытия. Разум находится в плену ощущений. Они скрывают от него Свет, иногда делаются и вовсе непроницаемыми для гласа Совести. За пеленой чувств, ощущений, желаний, вожделений царит... нет, не тьма. Недостаток или даже отсутствие Света и Тепла, Разума и Любви. В общем, зло есть отсутствие добра. Как тьма – отсутствие света, холод – отсутствие тепла, слабость – отсутствие силы, движение – отсутствие покоя... Таким образом, зло для человека есть прежде всего его собственное порождение, следствие бегства от Духа и погружения в материю.

Первопричина Мира – Дух. Его малейшее убывание есть признак Материи. Его полное отсутствие есть абсолютная материя, то есть абсолютное зло. Об этом же мы упоминали, когда говорили о взаимопереходе Духа и материи. Призрак концепции добра и зла складывается, если нарушена логика восточной системы. В действительности, не потесни христианство своим догматом искупления закон причин и следствий, Запад не мучился бы непониманием смысла бытия, не множил бы невежество атеизма, в котором, в свою очередь, пустили роскошные корни преступность, беззаконие, ложь и другие смертные грехи торжествующего Зверя.

Отражение восточных концепций в Исламе

Итак, какие открытия ожидают нас в области параллелей между исламской и восточной системами? Еще раз заметим, что прямых параллелей в Коране или высказываний Мухаммеда в эту сторону нет, однако, как дерево судится по плодам, так же о согласии духа ислама с духом религий Востока можно судить посредством сравнительного анализа Корана, хадисов, работ мусульманских ученых (в том числе суфиев) и основных восточных положений. Теперь неспешно мы пройдемся по всем этим концепциям, прослеживая их отражение в исламе.

Концепция причин и следствий (закон Кармы).

Необходимость добрых дел Кораном всегда подчеркивалась. Поскольку эта необходимость прописана как условие для спасения, она не нуждалась в другом логическом обосновании. Все просто:

По праву и по леву сторону при вас
Находятся два стража
Для записи (поступков ваших).
И нет ни одного промолвленного слова,
Что не отмечено приставленным к нему. (50:17-18)

Личные то силы, или безличные – не суть важно. Ведется запись, и на основе записанных слов, мыслей и поступков ткется нить предопределения:

«Знай, что если все люди соберутся вместе, чтобы сделать для тебя что-нибудь полезное, они принесут тебе пользу лишь в том, что было предопределено тебе Аллахом, и если соберутся они вместе, чтобы нанести тебе вред, они повредят тебе лишь в том, что было предопределено тебе Аллахом, ибо перья уже подняты, а страницы уже высохли» (хадис, «Сады Праведных», п. 62)

То, что это один в один закон Кармы, мусульманские богословские авторитеты будут в один голос отрицать. На Востоке аксиомы не отвергают, там больше интересуются метафизикой кармы: как, каким образом, какими инструментами?... Выбрось это понятие из восточной философии, и от нее ничего не останется, кроме культовых и этических указаний, ничем не связанных – собственно, как в монотеистических системах.

Христианство отвергло этот закон, так как он зиждился на неразрушимости последствий, а отцы уверяли, что через них, отцов, Бог эти следствия верующим «прощает»... как бы. Поскольку и наилучший верующий суть человек, то есть существо материальное, а материя суть грех, то работой отцы себя обеспечивали до конца дней церковных – знай, грехи отпускаяй.

Казалось бы, прими мусульмане понятие кармы во внимание, и не нужно было бы огород городить, разрабатывая теорию предопределения (поясняй, не поясняй, а все равно вопросы остаются, так как главный икс вскрывать правилами игры запрещено). Самые радикальные, впрочем, так и сделали – исмаилиты, скажем, или иные суфийские братства (шаттария, в Индии).

Наверно, был смысл в исламе не указывать прямо на основные законы мироздания. Во-первых, ислам должен был самоидентифицироваться, найти себя, а это возможно при условии определенной отгороженности. Впрямую карма и перевоплощение указывали бы на Восток, оттуда сразу легли бы мосты – может быть, этого требовалось избежать? Во-вторых, ислам был реформой азиатских представлений, в которых ранее таких понятий не существовало. В природе все меняется постепенно, почти незримо – придет время и для очередной реформы монотеистических систем. В-третьих, уход от размывающегося становящуюся цивилизацию многобожия требовал концентрации на Едином. Прав в силу этого был ал-Араби: «Тот, кто относит [всякое] действие к причинам, верует в них, а не в Аллаха Всевышнего» (36, с. 124). Может быть, был еще десяток мотивов... не будем гадать. От преступности исламский мир оградились шариатом, от беззакония – почитанием традиций, от лжи – почитанием правды. Нашел бы еще противоядие от жестокости, фатализма, деспотизма и коварства...

Концепцию перевоплощений вкупе с законом кармы и отношение к этим концепциям в исламе мы уже схематично разбирали ранее (см. статью «Западно- и восточно-ориентированные положения»), поэтому идем дальше.

Концепция Реальности и иллюзии

Среди индусов ходит много притч, иллюстрирующих иллюзорность земного бытия. Одну из них приводит Вивекананда: «Однажды Нарада сказал Кришне: «Господи, покажи мне майю». Прошло несколько дней, и Кришна предложил Нараде совершить с ним путешествие в пустыню. Пройдя несколько миль, он сказал: «Нарада, я хочу пить; не можешь ли принести мне воды?» – «Подожди немного; я пойду достану ее». И Нарада ушел. Неподалеку была деревня; он вошел в нее и постучал в одну дверь. Она открылась, и на пороге показалась прекрасная молодая девушка. При виде нее, он тотчас забыл, что его учитель ждет воды и, может быть, умирает от жажды; забыл все и стал болтать с девушкой. Весь этот день он не вернулся к учителю. На следующий день опять был в том же доме и болтал с девушкой. Разговоры перешли в любовь. Он просил отца девушки выдать ее за него; они поженились и имели детей. Так прошло двенадцать лет. Его тесть умер; он наследовал его имущество и жил очень счастливо в своем доме, окруженный женой, детьми, полями, скотом и проч. Но вот случилось наводнение. Однажды ночью река поднялась, вышла из берегов и затопила всю

деревню. Дома начали рушиться, люди и животные тонули и все уносилось стремительным потоком. Нарада должен был бежать. Одной рукой он вел жену, другой – одного из детей; второй ребенок сидел у него на плечах. Так он пытался перейти в брод страшный разлив. Течение оказалось, однако, слишком сильным и едва он сделал несколько шагов, как ребенок, сидевший у него на плечах, упал, и его унесло. Нарада испустил крик отчаяния и, стараясь спасти этого ребенка, выпустил из руки того, которого вел; и этот тоже погиб. Наконец, его Жена, которую он изо всей силы прижал к себе, чтобы спасти хоть ее, была оторвана от него потоком, и он один был выброшен на берег. С рыданиями упал он на землю и горько жаловался. Как вдруг почувствовал легкое прикосновение и услышал: «Где же вода, дитя мое? Ты ушел, ведь, чтобы принести мне воды, и я жду тебя уже около получаса» (23, с. 215).

Странно это или нет, в Коране есть очень похожий пример:

Иль (странник) тот, кто близ селенья проходил,
 Разрушенного до единой кровли.
 И он сказал: "Как может оживить его Господь,
 Когда оно уже застыло в смерти?"
 И странника поверг Господь во смерть на сотню лет,
 Затем Он оживил его и спросил:
 "Как долго здесь ты находился?"
 Ответил тот: "Быть может, день иль часть его".
 Но Бог сказал: "О нет!
 Сто долгих лет ты пробыл здесь.
 Теперь взгляни на свою пищу и питье -
 Их порча не коснулась вовсе.
 Теперь на своего осла взгляни -
 (Лишь кости от него остались).
 Тебя Мы сделали знаменьем для людей. (2:259)

У нас есть кому блистать умом, доказывая, кто что и у кого позаимствовал, не будем уподобляться. Пример очень красноречивый, говорит сам за себя. Азиатам, наверно, не было нужды подробно пояснять, что жизнь в этом мире временное испытание, и настоящая жизнь начнется Там.

«Будь в этом мире (таким), будто ты чужеземец или путник». (91, п. 574)

Потому арабы и были прекрасными воинами, что верили в жизнь небесную и спокойно относились к смерти:

Познайте все, что жизнь в этом мире -

Забава легкая да тще'та,
 Взаимная хвальба, да суетная слава,
 Да умножение добра и отроков своих.
 И в этой суете подобны вы дождю,
 Что поросль возрастит на радость грешным, -
 Со временем она увянет, пожелтеет на глазах,
 Иссохнет и осыплется в незримость (57:20)

Скажи: "Да будут возданы хвалы Аллаху!"
 Но большинство из них не понимает.
 Жизнь (ваша) в этом мире -
 Забава легкая да тще'та,
 И лишь в приюте будущего мира — истинная жизнь.
 О, если б они это знали! (29:63-64)

Концепция единства Бога и человека

Пожалуй, самая спорная для мусульманских ученых концепция. Многие из суфиев в свое время заплатились жизнью за то, что проповедовали возможность единения с Богом. «Я есть Я, и нет Бога кроме Меня», возглашал Абу Иезид Бистрами, багдадский суфий. Ал-Халладж, суфийский мистик, казнен за изречение «Я есть истина»³⁴. Подобно индийским мистикам ал-Халладж был убежден, что настоящий Храм Бога в сердце каждого человека. Это мнение разделяют многие суфии и поэты, оно отражено, в конце концов, и в Коране:

К человеку ближе Мы стоим,
 Чем вена югулярис. (50:16)

Средь суфиев, конечно, нет и не было единства по этому вопросу. Классически Ибн ал-Араби обосновал единство Бога и мира: «Знай, что бытие и небытие не суть нечто привходящее по отношению к существующей или несуществующей вещи, ибо они суть сама существующая или несуществующая вещь» (36, с. 40). В поэтических строках он соединил всех людей в едином «я»:

Если ты есть ты,
 то и будь тобой,
 а если пожелаешь,
 тобой буду я!...
 Мое «я» – а я есть я,
 и никто другой, –
 принадлежит вам,

³⁴ В его деле было преодолено мнение шафиитского законоведа Ибн Сурайджа, который полагал, «что случаи, связанные с мистическими переживаниями, лежат за пределами компетенции религиозных судов» (48, с. 84)

так будь же моим и ты! (там же, с. 173)

Бог – в природе и в человеке; «Я намекаю на явление Всеславного в различных обликах Своим рабам в будущей жизни, либо же – сердцам Своих рабов в жизни настоящей... Всевышний предстает перед людьми в постоянно меняющихся образах, как этого требует Его Сущность... мы смогли увидеть Его, точнее – увидеть Его в нас» (36, с. 177-178).

Весь суфийский мир можно условно разделить по отношению к учению Ибн ал-Араби о единстве бытия, вахдат ал-вуджуд. Принятие этого учения было чревато не фактом, а последствиями: если Бог в каждом человеке, то, скажем, индусов либо надо считать равными мусульманам, либо не считать их людьми...

Особенно жаркими споры и действия были именно в Индии, так как вахдат ал-вуджуд есть главная составляющая индийского мистицизма. Большинство индийских тарикатов (суфийских школ) разделяли учение о единстве бытия, но сопротивление накшабандийского братства стоило их всех. Основателем индийского подразделения накшабандийи был Хваджа Баки би-Ллах. «Он прожил только сорок лет, но своим скромным образом жизни и глубоко человеческими принципами сумел произвести неизгладимое впечатление на своих современников. Приверженцами Баки би-Ллаха становились как религиозные, так и политические деятели. Будучи сторонником учения о «единстве бытия», он выражал свое ощущение близости с Богом и Вселенной посредством стихов, свидетельствующих о сильном влиянии на его воззрения монистических взглядов Ибн ал-Араби... Двое его учеников стали знаменитыми религиозными деятелями мусульманской Индии» (48, с. 262).

Одним из них был Ахмад Сирхинди, отвергший учение своего учителя и изменивший учение накшабандийи. Гори огнем любая истина, абы соответствовать суннитскому правоверию – примерно так можно охарактеризовать основную жизненную мудрость Сирхинди и его последователей. Вместе с отвержением вахдат ал-вуджуд накшабандийцы усвоили от своего нового шейха его активную социальную позицию – обличал самого Акбара, однако! – и готовность браться за оружие ради отстаивания своей точки зрения.

Накшабандийцы упорно стремились к власти, и когда дорывались до нее или становились шеями правителей, то предавали смерти идеологов «единства бытия», жгли их книги, уверяя, что распространение этого учения приведет к пагубным социально-

политическим последствиям. Ведь если разница между арабом и индусом суть майя, то как удержать их от братания, а империю от разложения? «Махдум (шейх сухравардийского братства) ... всячески боролся с индуистскими обычаями, которые были широко распространены среди индийских мусульман. Он, к примеру, издал запрет на обращение к Богу на языке хинди. Его брат и преемник Садр ар-дин Раджу... получил прозвище «Убийца» [индусов]» (катал) за свое крайне враждебное отношение по отношению к индуистской религии и ее последователям... Например, Джалал ад-дин Табризи не только активно призывал индуистов и буддистов принимать ислам, но также наставлял правителей разрушать индуистские храмы и буддийские монастыри и возводить на их месте суфийские обители» (48, с. 324-236).

Может быть, все те противовесы, которые мы отметили ранее, Сирхинди и его братьям по оружию были неизвестны, но ведь многие из них можно было бы отнести и к индуизму. В частности, наличие браминской организации, корыстно отстаивающей по сей день свои интересы. Так что синтез синтезом, но противоречий и без «единства бытия» хватало, чтобы индуизм или буддизм не побратались с исламом, если кому-то это так необходимо.

И по сей день споры вокруг вахдат ал-вуджуд не умолкают. Но если это мнение, выраженное в чрезвычайно сильной форме, присутствует в исламе, следовательно, нет никакой уверенности, что его отрицал Мухаммед. Тот же Ибн ал-Араби признавал, что если на «единство бытия» нет прямых указаний в Коране, вовсе не значит, что их нельзя увидеть при более внимательном прочтении, воспринимая аяты аллегорически: «Именно Адам и каждый человек, достигший совершенства, имеется в виду в словах [Всевышнего]: «Он – тот, кто в небесах бог» благодаря своей [разумной] душе «и на земле бог» благодаря своей [земной] природе... Все это аллегорические намеки, [содержащиеся в Коране], а не [его] буквальное истолкование. Знай же это!» (36, с. 168).

Что касается Мухаммеда, то далеко не все многочисленные хадисы мне удалось прочесть, тем более, что их перевод на русский язык – дело настоящего времени. Однако, у А. Безант я нашел одно из высказываний Мухаммеда, которым можно поставить точку в этом рассуждении: «Бог пребывает в сердце каждого верующего» (6, с. 234). За что купил, как говорится...

Толщю миров от земного до Плеромы (и саму Плерому) все восточные системы символизировали Матерью-Природой, которая в утробе возвращает своих детей. Есть и, так сказать, «тотемные» сравнения: например, индусы и египтяне символизировали Природу коровой; обряд посвящения в дви-джа брамины осуществляли через протаскивание кандидата через золотую корову, т.е. душа как бы проходила через все материальные миры, чтобы возродиться в своей лучшей форме – среди Девов-богов, или на земле (в лоне) Авраама, как сказали бы иудеи, в Царствии Небесном, словами христиан,. Если все было в действительности, и вместо фетишной золотой коровы были Мистерии, которым предшествовал долгий искус неопита, то душа действительно рождалась в духовном теле, в своем Шестом Принципе. Если мы совместим представления о Шестом Принципе, о лунных Предках людей, соотнесем по аналогии с земными родами, то нет ничего проще понять природу нового второго Рождения, Воскресения.

Так в духовном Мире появлялся новый Младенец, которому нужно было возрасть и укрепляться в Духе. Теперь его жизнь состояла в неустанном земном труде во благо всех живущих без различия религий и рас, и коротких Вознесениях.

В исламе мы, с одной стороны, имеем свидетельство такого Вознесения Мухаммеда, с другой, интересную легенду:

И (вспомните), как Муса

Народу своему сказал:

"Аллах, поистине, приказывает вам корову заколоть". (2:67)

Далее следует рассказ, как народ Моисея долго препирался с ним, требуя от него, чтобы он вызнал у Бога, какой именно, во всех подробностях, должна быть эта жертвенная корова. Наконец, с неохотой, они убили ее.

И Мы сказали:

"Ударьте мертвого любою (частью жертвенной коровы)".

Аллах так воскрешает к жизни мертвых

И вам Свои знамения являет,

Чтоб вы могли (все это) осознать. (2:73)

Что это описано, как не аллегорическое Посвящение. Присутствует Корова (кстати, эта самая длинная Сура так и названа, «Корова»), присутствует воскрешение при помощи некой «части жертвенной коровы»... Это очень напоминает индусские и египетские верования.

Наверно, некоторые суфийские общины хранят эту тайну и по сей день. Как известно, из Мистерий никогда ничего не выносилось,

только туманные описания. На посвященных лежал обет молчания. Таким посвященным обнаруживает себя ал-Араби, когда говорит: «Если бы на нас не лежало обязательство хранить тайну, мы пространно рассказали бы о нем, и рассказали, как к нему относится то, что существует помимо Аллаха» (36, с. 102). Молчание было нужно еще и для предотвращения смущения незрелых умов. Ведь, собственно, говори или не говори, суть Воскресения и по сей день мало кому будет понятна. Молчат «слепые сердца людей, не способных к постижению» (36, с. 49).

О да, их знание (не может) вторую жизнь охватить, -

О да, они касательно ее колеблются в сомненьях, -

О да, слепы они (в неверии своем)! (27:66)

Основная задача духовного труда (алхимиками представлялся в виде химического процесса трансмутации свинца в золото при помощи философского камня) заключалась в подчинении своей низшей природы, состоящей из желаний и порывов. Фактически, «я»-эго, соединившись с Пятым принципом при помощи Шестого, должно было подчинить все низшие оболочки, превратить их в свои рабски послушные инструменты, трансмутировав свинец страстей и пороков в золото добродетелей. «Ищи же свое бытие, определи свое положение по отношению к Тому, Кому ты поклоняешься, и *отличай себя от своих рабов*. Сделай так, и ты будешь *воскрешен* там, где восседает Милостивый, там, откуда исходит Господня весть!» (36, с. 38)

Этот труд сопряжен с большой волевой и умственной практикой. Суфийский тарикат (путь, духовный процесс) состоит из ряда стоянок (этапов, достижений); «этот процесс всегда сопровождается «духовной борьбой» (муджахада) со своей изменной душой (нафс), внутренними «озарениями» (кашф) и сменой мистических «состояний» (ахвал...) Последние наряду со «стоянками» стали основами мистического образа жизни в исламе» (48, с. 350).

Духовный труд, война против самого себя есть самый большой джихад, к которому призывали и Мухаммед, и великие суфийские подвижники: «Абд ал-Кадир ал-Джилани призывал верующих к «большому джихаду», который, в соответствии с известным преданием, необходимо вести против внутреннего врага, т.е. изменной души человека с ее пагубными страстями и необузданными порывами. Ведь именно эти страсти и порывы, согласно суфийским представлениям, лишают человека Божественного благоволения и надежды на спасение» (48, с. 207).

Полагается, что суфизм появился как движение, путь и понятие только в VIII веке, т.е. век спустя после Мухаммеда. Однако, его высказывания обнаруживают путника-суфия, прекрасно знакомого с духовным трудом. Вот классическое определение условий, необходимых при прохождении пути: «добровольный пост, ночные бдения, молчание, уединение, упование на Бога, терпение, решимость и уверенность»³⁵ (48, с. 357). Теперь хадисы (в транскрипции Юрчука В.В.; здесь могут быть и перефразированные изречения из Корана):

Для ислама характерен путь самоуглубления, погружения во внутренний мир, для того, чтобы правильно управлять своими мыслями и чувствами;

Путь приближения к Богу, пожалуй, сложный путь, и человек вряд ли может близко приблизиться к Аллаху, если не будет просить у него о помощи;

Движение души, а также *мысли, слова, поступки, деяния* очищаются с помощью созерцания, молитвы и постоянного размышления о Аллахе и его сущности;

Греховные мысли всегда необходимо решительно осуждать и подавлять;

Чистота речи у человека достигается тогда, когда он контролирует свои слова;

Как только до моего разума доходит, что я начинаю испытывать влечение к порочным вещам, то я сам же, своей волей обрушиваюсь на столь греховное влечение, подвергаю его нравственному осуждению, подчеркиваю его отрицательные и негативные стороны и таким образом уничтожаю в себе греховные влечения, порывы;

Верующему в милосердного Аллаха человеку необходимо очистить себя от всякой скверны, в том числе от злобы, зависти, страха, ненависти, тяги к богатству, ему необходимо сосредоточеннее и чистосердечнее молиться для того, чтобы еще глубже уверовать в справедливость Аллаха и всем сердцем полюбить Его;

От тоски, неверия всегда помогают такие средства: *вера в Бога, созерцание, пост, молитва;*

Вера в великого всевышнего не должны вызывать никаких сомнений, а она возникает всегда как некое *озарение, прозрение;*

Молчание – это великая мудрость, но мало кто ею пользуется;

---

³⁵ «Путь, указанный Буддой, состоит из восьми ступеней или правил – они составляют основу буддистской морали. Этот путь открыт для всех – монахов и непосвященных людей, живущих светской жизнью. Путь состоит из приобретения следующих восьми добродетелей или качеств: 1) правильное понимание (сама-дитихи); 2) правильная решимость (сама-санкапа); 3) правильная речь (сама-вага); 4) правильное поведение (сама-команта); 5) правильный образ жизни (сама-аджива); 6) правильное усилие (сама-ваяма); 7) правильное направление мыслей, самодисциплина (сама-сати); 8) правильное сосредоточение, медитация (сама-сати)». (см. Полина Рогальская. Основы буддизма).

Не тот силен, кто побеждает многих, силен лишь тот, кто (способен) владеть собой в гнев³⁶ (91, п. 45);

Умен тот, кто требует у своей души отчета и совершает (праведные) дела ради того, что будет после смерти, слаб тот, кто позволяет своей душе следовать ее страстям, надеясь на Аллаха (91, п. 66).

Следующие изречения позволяют отнести Мухаммеда к сторонникам «срединного», «золотого» пути Будды. Известно, что Будда отказался от аскетизма, и не поощрял его у своих учеников, как и Мухаммед:

Я стараюсь избегать всякой крайности и тяготею к умеренности;

Излишество в еде и всякое чревоугодие неприемлемо для человека, однако, не должно быть и ограничений в еде и питье, так как они будут ослаблять его физические силы.

Будда считал невежество основной причиной человеческих страданий; также считал Мухаммед:

Нет более жестокой нищеты, чем невежество.

Будда отмечал, что определенные вопросы (вечен мир или нет? ограничен он или бесконечен? и т.д.) бесполезны для путника. Ему вторил Мухаммед:

Бог потому и всемогущ, что наделен абсолютной свободой, Он все делает правильно, целесообразно, и потому всякие вопросы, наподобие: «почему?», «как?», «зачем?», «с какой целью» совершенно неуместны.

Можно привести большое количество совпадений суфийских и восточных практик. В качестве примера ограничимся затворничеством. В тибетских монастырях затворничество применялось как часть подготовки учеников перед принятием посвящения, или даже как посвящения. Срок его не был четко обозначенным, и в отдельных случаях составлял более трех лет (А. Дэвид-Неель называет некий мистический срок в 3 года 3 месяца и 3 дня, но упоминает сроки уединения в 1 месяц и более). Затворничество происходило в удаленном строении, имевшем комнату для медитации и изолированную комнату для оправления естественных надобностей (как правило, под ней протекал ручей). В потолке строения делался клапан для воздуха, через него же в комнату постепенно

---

³⁶ Побеждающий других – силен, побеждающий себя – могущественен (Дао де Цзин).

приоткрывался доступ света (затворничество проходили при полной темноте, поэтому глазам по истечении срока была необходимо адаптация). Через затворничество достигались различные цели: обострение тонких чувств (ясновидение, яснослышание), сосредоточение на объекте (субъекте) медитации – в общем, для достижения той или иной ступени духовной самореализации. Известны случаи, когда многолетнее затворничество настолько утончало монахов, что они более не могли находиться в миру и уходили снова в затвор. Затворничеством (в случае ученика) руководил гуру; в случае, если в затвор уходил сам гуру, обязанности по поддержанию жизни (питье, еда) гуру брали на себя его ученики.

В мусульманском мистицизме существует подобный тибетскому затворничеству способ активизации внутренних сил. Он называется «халва», и носит значение ухода, уединения, одиночества (48, с 365). У центральноазиатских братств затворничество называется «чилла» (перс.), по числу дней уединения, которое обычно составляет сорок, но срок обычно варьируется в зависимости от способностей ученика (44, с. 102-103). «Неотъемлемыми частями этой практики был строгий самоконтроль, бдения, постепенно увеличивающийся пост и концентрация сознания на Боге, главным образом посредством зикра... Продолжительное пребывание в келье, в которой, как правило, света было либо очень мало, либо вовсе не было, нередко сравнивали с пребыванием в могиле. Сумрак или полная темнота «приглушали внешние чувства» и «открывали внутренние», подготавливая затворника к мистическим «состояниям»... Истинное значение халвы заключается в том, чтобы позволить свету Божественной сущности засиять в сердце затворника и дать ему достоверное знание о Боге и о себе» (48, с. 367). Суфии высоко оценивали халву и называли ее «большим джихадом». Сорок дней обычно ассоциируется с продолжительностью затворничества Мухаммеда на горе Хира.

Затворничество, по всей видимости, также старо, как духовные практики – возможно, оно даже первое из всех практик. Христианами оно было усвоено от сект назарейского толка; откуда взялось затворничество у назареев – не вопрос, если вспомнить критский закрытый Лабиринт с множеством тупиковых подземных комнат, а также критские подземные крипты.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о единстве пути, указанного Мухаммедом, суфийского пути, и пути восточных религиозных систем. Эта цель состояла в познании

себя, словами дельфийского оракула, повторенного через века Мухаммедом:

Кто познал себя, познал своего Господа.

Это высказывание пророка передал нам Ибн ал-Араби (36, с. 105). Заметим, что и ессеи, назареи, несториане придерживались тех же целей и правил, и все сказанное Мухаммедом могли бы отнести к себе.

Концепция расовых различий

Откровение, мысли и дела Пророка направили развитие возрожденной азиатской цивилизации в нужное русло. Даже когда усилиями Муавии, деспота и сына деспота, главы корейшитов Мекки, империя свернула во мрак междоусобиц, это был временный период. Цивилизация притянула тонкие души, и они вознесли ее культуру, науку, искусство управления. Арабы превзошли римлян, которым, как известно, не удавалось ни одно искусство, коме искусства управлять.

О люди, не желайте встречи с врагами и просите Аллаха об избавлении, но если уж вы встретились с ними, то проявляйте терпение и знайте, что Рай находится в тени (ваших) мечей! (91, п. 53)

Они управляли не мечом, но меч не засиживался в ножнах. Арабская цивилизация была самой выдающейся и передовой в те времена. Другие цивилизации не могли похвалиться такими достижениями:

И Нам известны те из вас,
Которые других опережают,
И те, которые плетутся позади... (15:24)

К сожалению, мир ислама отказался от развития мысли, он утонул в бесконечном таклиде, пытаюсь найти исчезнувшую гармонию уммы Мухаммеда. Он перестал отвечать на вызовы времени, перестал соответствовать эволюции. Но чем далее он будет сдерживать внутренние перемены, тем более непредсказуемыми они могут быть. К сожалению, в странах ислама пока не окреп авторитет деятелей, подобных Хатами, экс-президенту Ирана. Сможет ли его преемник на президентском посту делать нечто более, чем просто дразнить гусей?

Концепция посмертного Воздаяния

Суд Высший, Последний ожидает человечество, согласно восточным представлениям, в конце земного цикла. Суд малый, если так можно выразиться, следует после каждой жизни эго. Перед глазами души проносится вся земная жизнь, и в чистом свете высших Принципов эго понимает причины своих страданий и успехов.

Коран не противоречит данной концепции:

Ведь лишь ко Мне вы все вернетесь,
И Я тогда вам сообщу
Всю (суть) того, что вы творили. (31:15)

И пусть тебя не огорчает
Неверие того, кто не уверовал (в Аллаха), -
Ведь к Нам — обратный их приход,
И Мы тогда им сообщим (весь грех) содеянного ими, -
Аллах ведь знает, что у них в груди! (31:23)

Видения начинают борьбу души; низшие принципы, олицетворенные земной личностью, начинают борьбу с высшими Принципами, с бессмертной Индивидуальностью. Борьба заканчивается победой той или иной стороны, что зависит, конечно, от земных накоплений. На время земная карма отодвигается в сторону, и эго получает либо ужасное, либо Прекрасное:

А тем, кто верует и доброе творит,
Сотрем Мы все их прегрешенья
И воздадим по соответствию их лучших дел. (29:7)

Всё, чем владеете вы (здесь), (со временем) иссякнет,
Что у Аллаха — остается навсегда,
И воздадим Мы терпеливым их награду
По соответствию их лучших дел. (16:96)

Одних ждут высшие сферы:

Но быть в Садах, среди родников — благочестивым.
Сюда войдите с миром, — (приветствие им там), -
С чувством покоя и сохранности в душе.
Мы снимем с их сердец обиды,
И станут братьями они
И будут восседать на ложах,
Друг к другу лица обратив. (15:45-47)

других — низшие:

Всем им, поистине, обещанное место — Ад,
И у него — семь врат,

И каждые (врата) -
Для отведенной части (согрешивших). (15:43-44)

Затем (сильна тришна, жажда жизни; она влечет обратно в круг перерождений) – жизнь новая, для которой тело, путь, препятствия и помощь, страдания и удовольствия, социальное положение, собственно, предопределены предыдущими деяниями эго, за которые лишь это эго и несет ответственность.

Концепция взаимосвязи и взаимоперехода Духа и Материи

Собственно, эта концепция интересна лишь философам; Коран, Сунна были даны для простых людей, преимущественно. Отражение ее можно найти в трудах мусульманских ученых. Ибн ал-Араби, излагая видение высочайших уровней Сознания и Сил, пишет о Хранителях Кармы: «Перья, а вместе с ними все существующие твари пребывали, пребывают сейчас и будут пребывать в будущем. Этот благородный ангел, то есть Хранящая Скрижаль, в свою очередь является пером по отношению к тому, что расположено под ней. И так все в мире: действует и подвергается действию, является скрижалью и пером» (36, с. 112-113). Мне кажется, это очень яркая цитата.

Элементы переходят один в другой, сверху донизу. Мы рассматривали этот переход на основе анализа дифференцированного действия человека, от мысли до мышечного усилия. Ибн ал-Араби подтверждает выводы на примере взаимоперехода элементов, объясняя также связи между ними: «Между элементами Аллах создал избежание, причем между одними элементами Аллах создал избежание, причем между одними элементами оно носит абсолютный характер, как, например, избежание между водой и огнем, воздухом и пылью ... и в то же время Он сделал между ними посредников: воду он поставил между воздухом и пылью, а воздух – между водой и огнем... Таким образом, земля, изменяясь, превращается в воду, вода – в воздух, воздух – в огонь...» (36, с. 151)

Концепция многоуровневой системы бытия

Конечно, одна концепция вытекает из другой, поскольку восточное мировоззрение, отражающее реальное положение, не страдает алогичностью, в отличие от догматических систем.

«В доме Отца Моего обителей много» (Ин. XIV, 2) – пожалуй, вот и всё, что мы можем увидеть доказательного в Евангелии из того, что осталось от действительного Учения Иисуса Христа. «Откровение Иоанна Богослова» дает несколько более того, и мы уже приводили ранее (см. статью «Параллели с христианством») выдержки из него.

В Коране упор на то, что множественность принадлежит Единому:

Скажи: "Кто Властелин семи небес
И Властелин Великого Престола?" (23:86)

Он семь небес в два дня установил
И каждому назначил службу. (41:12)

Далее можно логически продолжить, что множественность исходит из Единого, и есть только иллюзия, поскольку множественное ограничено, Единое же бесконечно.

Концепция Семиричности

В предыдущих цитатах из Корана семиричность отражена. Семиричен Космос, семиричен человек, даже ад семиричен (15:44). Высший Принцип, Атман индусов, венчает человеческие Принципы:

Тот, кто всецело обратил свой лик к Аллаху
И совершает добрые дела,
Поистине, обрел надежную опору, -
Ведь только у Аллаха завершение всего. (31:22)

Индусы и буддисты, а также несториане (см. соответствующую статью) символизировали Высший Принцип Космоса и человека лотосом. В связи с этим небезынтересно прочесть описание видения Мухаммеда:

Ужель вы станете оспаривать все то, что он узрел?
Ведь при втором явлении его
(Пророк), поистине, его уж видел
Близ лотоса,
За коим недоступно никому пройти
И за которым Райская обитель;
И был тот лотос скрыт (неведомым) покровом. (53:12-16)

Цвели ли лотосы в Аравии? Насколько этот символ вообще уместен для народов, живших в аравийских песках? Не является ли он чисто восточным? Вопросов много, удивительное совпадение налицо.

Обратимся к ал-Араби: «Всякая вещь, кроме Аллаха Всевышнего, имеет в бытии четыре уровня, а в относительном бытии – три уровня» (36, с. 41). Далее Араби явно намеренно запутывает рассуждение, так как говорит, что Аллах имеет бытие на низших уровнях, даже в написанных строках, но не имеет на уровне знания, что абсурдно. Если предположить, что четыре уровня бытия и три уровня относительного

бытия составляют вместе семь уровней бытия, или семь принципов каждой вещи, то это вполне совпадает с восточной системой.

Интересны также дальнейшие рассуждения «Величайшего учителя», как называют ал-Араби сами суфии: «... мы оставили Пресвятую Божественную Сущность пребывать в ее недостижимости и чистоте и обратили свой взор на Имена. И тогда мы обнаружили, что их много. Мы сказали себе, что множество есть группа, а в каждой группе неизбежно имеются предводители. Пусть эти предводители будут облечены властью над сотворенными мирами, а также над всеми прочими Именами; другими словами, предводители соединяют в себе их сущности».

Согласно таблице Ибн ал-Араби (36, с. 69) есть семь групп Имен Божественных Атрибутов, названных в порядке нисхождения: Жизнь, Речь, Могущество, Желание, Знание, Слух и Зрение. Семь Имен Аллаха вполне соответствуют семи Мирам (Макрокосма) других восточных философских систем, равно как и семи принципам человека (микрокосма). При этом Миры не суть физические или метафизические «обитатели», но Сознания, живые Сущности-Силы, соответствующие гностическим Эонам или каббалистическим Сефиротам-Сосудам, через которые пробивается Божественный Свет. В другой таблице (36, с. 80) Ибн ал-Араби приводит 30 Имен, из них Семь Высших, 20 Имен-Миров некоего среднего уровня и три мира, наиболее, по всей видимости, связанные с человеком, и это опять близко к гностическим системам.

Концепция Идеального Бытия (нуменов и феноменов)

Нумены и феномены, мир Идей, Прообразов, человечество в пещере, на стены которой падает отраженная реальность Бытия, воспринимаемая нами как действительность... Платон поставил эту тему для эллинов, и мы по сей день, словами героев его диалогов, размышляем о реальном бытии. О том, что когда-нибудь выйдем из пещеры, сначала ночью, чтобы не ослепли глаза, чтобы, постепенно привыкая, они смогли наконец-то увидеть Прекрасное-само-по-себе, Справедливое-само-по-себе, а не то, что кажется нам прекрасным и справедливым, но о чем мы, в сущности, не имеем никакого представления.

О Аллах, нет жизни, кроме жизни в мире ином (хадис, «Сады Праведных», п. 460).

Самыми правдивыми словами, которые (когда-либо) произносил поэт, являются слова Лябида, (который сказал): «Разве не является всё, кроме Аллаха, несостоятельным?» (91, п. 490)

Те, кто прозревали или возносились в сферы реальности, сравнивали наш мир... с чем они только его не сравнивали! Свидетельства православных святых никак не противоречат свидетельствам мусульманских или индусских мистиков, и их можно срезюмировать этим хадисом:

Мир этот - тюрьма для верующего и Рай для неверного. (91, п. 470)

Каждая вещь и каждое явление на этой земле являются элементами относительного бытия. Относительное бытие похоже на тень от предмета; тень существует, пока существует предмет, либо пока он непрозрачен, либо пока есть источник света. Если принять источник света за Реальность, тогда предмет будет Прообразом, идеей, а тень – феноменом. Идеи реальны, идеальны, то есть «сущности вещей не подвержены изменениям» (36, с. 48).

Феномены реальны относительно друг друга, но имеют относительное бытие касательно своих причин.

И (на земле) нет ни единой вещи,
Хранилища которой не было б у Нас,
Но Мы ее низводим (по частям)
В (строго) назначенном размере. (15:21)

Идеи можно сравнить с семенем, из которого вырастает дерево: внутри семени есть образ будущего дерева, в нем заложены все фазы его роста. Если бы условия, в которых вырастает дерево, были бы идеальными, феномен, «по идее», не отличался бы от своего прообраза. Но ветра и почва, грызуны и люди создают условия, при которых идеальное воплощение прообраза невозможно, как невозможно идеальное воплощение никаких великих замыслов – всегда идет что-то не так. Эта инерция мира есть препятствие, с которым борется воля, созидая вещи и людей, на котором вырастает и совершенствуется разум как Мира, так и людей, животных, растений, минералов... потому как, согласно восточной философии, в этом мире нет ничего мертвого. Жизнь в мире феноменов подчиняется движению Источника Света: тени на закате наибольшие, в зените наименьшие:

Не видишь ли, как твой Господь
Протягивает тень (и движет ею)?
А будь на то Его желанье,

Ее бы неподвижной сделал Он.
 Потом Мы солнце сделали водителем ее.
 Потом же медленным сжиманьем
 К Себе ее Мы постепенно втянем. (25:45-46)

Итак, «... мы упомянули о предшествовании сущности вещи... по отношению к какой-либо форме, воспроизводимой мыслящим субъектом... бытие преходящей вещи имеет место до ее существования как конкретной сущности и предшествует ему». (36, с. 42). «Вначале было Слово», на другой лад говорит Евангелие. Как мы уже заметили, Звуками, Именами, Словами эзотерическая философия назареев, гностиков, каббалистов, суфиев называет живые Аспекты Первопринципа. Логично будет заметить, что у каждого человека есть свой Прообраз:

Мы прикоснулись (к таинствам) небес
 И там нашли их полными могучих стражей
 И светочей, (что разлетаются сжигающим огнем).
 Мы на седалищах там затаились,
 Чтоб слышать, (что там говорят);
 Но кто сейчас услышать пожелает,
 Найдет там для себя
 Подстерегающий его горящий светоч. (72:8-9)

Тот, кто услышать пожелает... свой внутренний голос, Alter Ego и т.д. Интересно, что Шестой Принцип в египетской религиозной системе символизировали Птицей: «Душа «Ба» – сокол с человеческой головой – ... жизненная сила человека: человек умирает, когда «Ба» покидает тело» (81, с. 154). После смерти человека «Ба» отлетает в «Око Озириса», и возвращается к человеку, когда он символически проглатывает «Око»... поэтическая аллегория! Читаем в Коране:

Мы к шее человека прикрепили
 Птицу (предвестия добра и зла)
 И выявим ему в День Воскресенья книгу (его дел),
 Которую открытой он увидит. (17:13)

Вот, собственно, и источник загадочного образа птицы в Коране. Птицы суть человеческие Прообразы, они же «Светочи»:

И стал наследником Дауда Сулейман,
 И он сказал:
 "О люди! Нас научили понимать язык пернатых
 И даровали (долю) всех вещей, -
 В этом, поистине, (Господня) благосклонность (к нам)". (27:16)

Так каждый Младенец слышит Птиц, и каждый Ребенок понимает их язык.

Войдут в Рай те люди, сердца которых подобны сердцам птиц (91, п. 77)

Индусы называли Прообразы Лунными Питрисами (Предками), Бархишадами, представляя их в виде юношей. Верные муслимы, попав в Рай, будут лицезреть прекрасных юношей:

Со всех сторон их
Отроки, навечно (молодые), будут ублажать,
Взглянув на коих вы сочтете,
(Что чистотой своей и красотой)
Они рассыпанным жемчужинам подобны. (76:19)

Именно этих юношей, коллективно вызывая видения, созерцали суфии, дивясь их красоте. А уж современные исследователи и рады приписывать суфиям гомосексуальные наклонности и напрямую обвинять в мужеложестве. Они также обвиняют в нем великого Платона, который в «Федре» осмелился говорить чуть ближе к реальности. Сам Лосев, светило отечественной философии, не стеснялся столь прямых обличений. Да-да, конечно, коль мало в тебе росту, стань на голову великого и... о, как велик ты стал!

Посвященные всех веков позволяли людям рождать суеверия и тешиться ими, справедливо надеясь, что рано или поздно человечество повзрослеет, и сможет увидеть и понять то, что видят и понимают они.

Хвала Тому, Кто в пАрах создал все,
Что жизнь на земле рождает!
Попарно существуют души ваши
И все Незримое, что окружает вас
И что доселе ваше знанье не постигло. (36:36)

Но ведь когда-нибудь постигнет!

Концепция эволюции (цикличности жизни и смерти, вознесений и падений)

Единственный цикл, более или менее известный человеку, есть цикл собственной жизни и смерти. Цикл развития жизни и смерти человечества – дело будущего опыта. Пока же наука довольствуется довольно куцей теорией дарвинистов. Куцей потому, что если ею и обозначено алогичное начало, то конец совершенно неизвестен.

Варианты будущего развития человеческого тела похоже на зарисовки карикатуристов: большая голова, маленькие ручки с длинными пальцами (чтоб по клавиатуре только шлепать) да редукативные ножки (за софтом бегать).

Вариантов развития человеческого духа и вовсе нет. Ведь, собственно, что мы знаем о прошлом, кроме полутысячелетия назад от начала эры христианства? На протяжении столь незначительного промежутка времени невозможно проследить и даже заметить законы эволюции. Но тенденции-то наметить можно! Если бы еще уметь доверять архаичному прошлому, оставшемуся в мифах и легендах, повествующих о множестве народов до нас. Остатки прошлых цивилизаций давно за сотни тысячелетий перетерли морские волны... гипотетичных для науки цивилизаций. Наша цивилизация уже на краю великих потрясений, и когда (если) мы минуем их, то вряд ли уже столь надменно будет относиться к свидетельствам древности:

И все ж они тебя торопят с наказаньем.
 Но не нарушит Бог обета Своего, -
 Ведь день один у Бога твоего,
 Как тысяча годов,
 Которым (на земле) вы счет ведете.
 И скольким поселениям давал отсрочку Я,
 Когда они нечестие творили!
 Потом Я схватывал их (карой),
 И (лишь) ко Мне (на Суд) -
 Обратный их приход. (22:47-48)

Скажи: "Пройдите по земле и посмотрите,
 Каков конец был тех, кто преступил
 (Пределы, установленные Богом)". (27:69)

Безусловно, чем более сильные бедствия будут настигать нас, тем внимательнее мы будем вчитываться в Писания, следить за мыслью их интерпретаторов, искать мудрость не там, где светло, а там, где ее потеряли. Древняя наука будет обретать все больше своих сторонников, и рано или поздно она произведет переворот – в мышлении, образовании, способе получения энергии, самом быте человечества... или его части, которая сохранила уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть. Видеть не частности, а целое, и потому сохранять надежду:

Я умер как минерал и стал растением.
 Я умер как растение и снова явился в животном.
 Я умер как животное и стал человеком,

Зачем же мне бояться? Разве смерть прекращала мой рост?
 В будущий раз я умру как человек,
 Чтобы выросли у меня крылья ангела.
 И ангелов также я должен опередить:
 Ибо все погибнет, кроме Его Лица.
 Я должен вознестись над ангелами;
 Я стану тем, что недоступно воображению.
 А затем да стану я ничто, ибо струна арфы
 Во мне поет: „Воистину мы вернемся к Нему“.
 (Меснави, IV. Джалал-ад-Дин Руми.)

Великий поэт, основатель суфийского братства маулавийя – он знал или чувствовал? Может быть, пока прозрение в прошлое и будущее дано одним поэтам и философам, или поэтам и философам одновременно?

В труде иранского исследователя А.Х. Зарринкуба «Исламская цивилизация» я нашел упоминание о некоей шиитской секте «Ихван ас-Сафа». «Само наличие этой секты (шиитов), считающейся в исламском мире масонской, утверждало победу разума в области исламской мысли.³⁷ В рамках этого сообщества были написаны 54 книги по философии под общим названием «Расайль Ихван ас-Сафа» («Трактаты Ихван ас-Сафа»)… Ученые «Ихван ас-Сафа» утверждали, что эволюция жизни шла от органических веществ до растений, а затем животных… Подтверждением этого предположения, по мнению ученых «Ихван ас-Сафа», является мох на камнях, который является промежуточным состоянием от неорганических (твердых) веществ до растений. Другим примером они считали обезьяну, по уровню эволюционного развития находившуюся между животным и человеком» (33, с. 143-144). Однозначно, если мнение Руми разделяли ученые, тогда это уже не поэтическая аллегория…

Восток полагает, что на любом этапе эволюции живые существа проходят этап падения в материю, затем, преодолевая ее инерцию, повинаясь внутреннему импульсу, возносятся в изначальное состояние. О том же в Коране:

Мы сотворили человека в прекраснейшей из форм,
 Затем повергли Мы его в ничтожнейшее состоянье… (95:4-5)

И если б Мы того желали,
 Мы б ангелов произвели из вас самих,
 Кто на земле бы вас сменил
 В последующих (поколеньях). (43:60)

³⁷ Победа разума в области мысли… противоречие, да и только. Видимо, Зарринкуб имел ввиду победу разума в борьбе с теологией.

Действительно, кораническое Откровение невозможно правильно прочесть без знания древних символов, образов, древней мысли, восточной мудрости:

Что же не чтите вы величия Аллаха
Достойным почитаньем?
Ведь Он (назначил очередность) вам
Различных стадий сотворенья. (71.13-14)

Только в ее свете вскрываются пласты, сокрытые аллегориями. И мы ясно видим, что истоки древней мудрости вовсе не в описании буквальных событий в аравийской пустыне, равно как мудрость Торы не в скитаниях евреев от Египта до Палестины, а мудрость Евангелия не в событиях на рубеже эпох меж Назаретом и Иерусалимом.

Часть 3. Война цивилизаций.

Цепочка следствий

В чем же настоящие причины войны цивилизаций? В жуткой необходимости отстаивать демократические энд «общечеловеческие» ценности? или в опасности «режимов восточной деспотии», решивших не ко времени прибахраться ядерной бомбой? или в загадочных и неуловимых террористах, обещающих новые и новые взрывы – чтобы жизнь медом не казалась? а заодно и в агитации злобных мулл, подписывающих фетвы-приговоры? в борьбе, в конце концов, старого отжившего шариата, никак не пускающего азиатов на столбовую дорогу цивилизации?

Разумеется, все это шелуха, напускаемая идеологами Запада перед очередной войной в Азии. Настоящие причины родились слишком давно, чтобы быть заметными. Они направили духовное развитие древней азиатской цивилизации и народившейся европейской по разным дорогам. И нельзя сказать, что разные звезды – духовные ориентиры – освещали им пути: и за Моисеем, и за Иисусом, и за Мухаммедом стояла Традиция, вечная и единственная, в чем нет особых сомнений, если мы пришли к выводу о единых положениях, некогда лежавших в основе всех Учений¹. Другое дело, что в иудаизме и христианстве обнаруживаются лишь жалкие остатки изначального остова, замещенного корыстными догматами, ученые же ислама или не смеют выходить за рамки буквализма, или же изменили значение айятов и хадисов в свою пользу.

Была изменена логика Учений, нарушен истинный этический смысл, внесены ложные идеи, ложные ценности – следовательно, задано движение в ложном направлении. Действительно, лишь под давлением жречества и силы государства существовало христианство, лишь единая сплоченная воля раввинов и помощь мировой закулисы, временно заинтересованной в разрушительной активности евреев по всему миру, удерживает по сей день иудаизм². Итак, а) крушение

¹ «И ветхозаветное торическое писание, и новозаветное евангелическое писание, и кораническое писание, и, безусловно, ведические писания, и зороастрийская Авеста, все, безусловно, были посланы одной рукой». (Валерия Порохова, из интервью Радио «Свобода», <http://www.svoboda.org>)

² Иудаизм породил, собственно, третью цивилизацию, действительно «не Запад, не Восток». Но эта цивилизация не способна существовать сама по себе, потому как целиком выстроена на паразитизме. Она удачно встроилась в цивилизацию Запада, стала его головой и шеей, опутала его паутиной финансовой системы, но в действительности является замкнутым сообществом, не допускающим в свое «святая святых» под предлогом суверенности веры и всевозможных исторических несправедливостей никого,

христианства, замена его пустым фетишизмом, атеизмом, контрхристианством и антихристианством, привели к торжеству мысли без веры; б) окостенение ислама, вечное оглядывание назад, в минувшее прошлое (салафизм и таклид), обусловлены торжеством веры без мысли. Опираясь на проведенное исследование, мы можем провести логические цепочки.

А) Отвержение христианства Западным сообществом произошло в силу нелогичности, надуманности схемы его вероучения, которое не соответствовало вызовам жизни. Христианство, к примеру:

- не снимает страх перед смертью;
- не объясняет действительный смысл жизни, ее цели и задачи;
- не дает вразумительные ответы на вопросы о несправедливости и торжестве зла в мире;
- позволяет церквям паразитировать на обмане людей;
- не мотивирует духовный рост, за исключением врожденной религиозности (благодаря которой и зачастую вопреки церковному христианству мир имел многих святых подвижников), и многое другое.

Данное вероучение сформировалось в ходе борьбы сообщества епископов, отцов христианской ортодоксальной церкви, с конкурентами, гностическими внешними и внутренними направлениями. Борьба потребовала унификации вероучения, а это, в свою очередь, обоснования единственности и неповторимости христианской миссии, ее цели и задач – вопреки универсалиям гностицизма.

Становление церкви окончательно добило достижения реформы Павла: вместо космополитической общины образовалась новая секта, универсальные идеалы заменены поклонением иудейскому богу, одних паразитов заменили другие, избранных иудеев оттеснили избранные христиане. Куцые остатки назарейского вероучения, вбитые в четыре Евангелия, три из которых списаны одно с другого, а четвертое дополняет первые в плане необходимой догматики, мало облагородили общую картину.

Реформа Павла развивала идеи Иоанна Крестителя и Иисуса, учителей назареев; она вынесла древний спор элохистов и иеговистов за пределы общины иудеев и самой Иудеи, на тот момент уже приговоренной на разорение. Она побуждала несогласных с Синагогой образовывать общины по типу есеевских общин «Нового Завета». Собственное Писание павловских общин включало Логии Христа,

---

кроме иудеев по вере и устремлениям.

наиболее полно, без сомнений, отраженные в апокрифическом Евангелии от Фомы, а также рукописные варианты Евангелия евреев, давшего основную схему, по которой и были написаны канонические Евангелия церкви³. Разрозненное Писание, к которому добавились наставления Павла, не способствовали защите полинациональных общин от реставрации иудейских представлений. Но оно зиждилось на восточных положениях, отброшенных иудаизмом. Удачная или нет, это была попытка революции, совершали которую экзальтанты, а плодами воспользовались корыстные невежды.

Попытка назареев вернуть евреев-иудеев в рамки Традиции была вызвана следствиями переворота Ездры в V веке до н.э. Учение Ездры вырвало большую еврейскую общину в Палестине из области общих азиатских представлений, заразило ее ядом избранности, всенародного эгоизма. Оно привило иудеям разъединительные материальные ценности и истребило объединительные духовные. Оно стало раковой опухолью на теле Традиции в период ее прогрессирующего ослабления.

Б) Протестом и противовесом церковному христианству, занявшему свою нишу в Европе, явился ислам. Сначала арабы, затем и другие азиатские народы были вовлечены во встречный пал, направленный к границам христианской империи. Фактически, это была реформа, возвращение Традиции, ее древних правил и положений, этического комплекса, основанного на древнем восточном традиционном мировоззрении.

Однако, согласие уммы было недолгим. Сразу после смерти Мухаммеда оно было нарушено борьбой хашимитов против корейшитов, что привело к власти далекую от идеалов ислама династию Омейядов. Тирания и преступления Муавии и его наследников привели к рождению полюса силы среди персов, и первое разделение произошло. Переворот аббасидов, ветви хашимитов, спокойствия умме не добавил. Фактически, сразу выявился минус организации уммы: отсутствие единой общины философов, хранильницы единого учения, его защитницы⁴. Хотя хадисы Мухаммеда дают указание на назарейские или несторианские общины Сирии, но роль последних в становлении ислама была мало кому

³ Филострат (IV в. н.э.) указывает, что назареи пользовались Евангелием от Петра (см. статью «Сатурнин»). Эфиопский текст апокрифа от Петра, опубликованный в начале XX века (см. на сайте <http://barnascha.narod.ru/books>), возможно является частью этого Евангелия, так как повествует только о временах последних.

⁴ В этой связи интересен эксперимент иранцев. Над государственной властью поставлена община аятолл и высших улемов, контролирующая президента и исполнительную власть. Эта община обладает реальной властью, но руководит процессом косвенно.

известна. Поскольку единой общины не было, не было и единой воли, единого авторитета, на которые могла бы опираться единая мусульманская империя, незамедлившая развалиться на несколько халифатов.

Халифат, совмещавший религиозную и светскую власть, после нашествия татаро-монгол сменился полусветским султанатом тюрок, религиозная же власть и право фетв, суждений и разрешений, была отдана улемам, объявивших себя сведущими в духе ислама. Согласие уммы, иджма, было заменено согласием улемов, врата иджтихада, вольного суждения, были закрыты, установился режим таклида, который, собственно, и привел к окостенению ислама, отрицанию науки и искусства, и в итоге – к неспособности мира ислама противостоять Западу. Согласие улемов образовало, фактически, мусульманскую церковь, точнее, шиитскую (по подобию Римской церкви) и суннитскую (по подобию Византийской церкви) – союзы улемов, церковные организации, разве что без права отпущения грехов.

Церкви устойчивы, пока царит невежество. В этом плане ни шиитским, ни суннитским улемам не выгодно, чтобы среди мусульманских народов прививались естествознание, философия, и уж тем более религиоведение. Максимум, на что они согласны – прикладные науки, и то в целях построения и развития собственной промышленности и сферы вооружения ради укрепления своей власти перед лицом Запада.

Итак, отказ от Традиции на Западе и ее реформа на Востоке определили разные векторы развития народного сознания. Эти векторы расходились во времени, и в конце концов образовали цивилизации с противоположными мировоззрениями. При их, по инициативе Запада, сближении возник устойчивый антагонизм с обеих сторон. Такова цепочка причин и следствий, гораздо более научная и полная, нежели сказки американских идеологов.

С истреблением традиционных восточных представлений исчез общий язык, на котором могли бы говорить Запад и Восток. Остальное оказалось делом времени. Особенность западной экономики, построенной на захвате новых и новых рынков сырья и сбыта, неумолимо привела Запад к необходимости контроля над мусульманскими странами – через марионеточные режимы или через захват. Только отсюда начинается видимая часть айсберга, доступная к изучению социологов, политологов и религиоведов. К примеру: «Колонизация Западом мусульманского Востока до начала XX в.

осуществлялась в самых жестких, порой варварских формах, сопровождалась высокомерием и расизмом, теориями «бремени белого человека» и «цивилизаторской миссии» колонизаторов. Мусульманами все это воспринималось особенно болезненно, поскольку, наряду со страданиями от экономической эксплуатации, военного насилия и политического гнета, они рассматривали колониализм как вмешательство в их духовную жизнь, как покушение на их национальную самобытность и основы их религии, которая, как известно, является для последователей ислама также жизненной философией, мироощущением, сводом правил поведения и почти образом жизни. Все это могло вызвать лишь ненависть и отторжение» (Ланда Р.Г. Исламский радикализм и экстремизм // Ислам на современном Востоке, с. 191).

Экспансия Запада вызвала к действию наиболее горячие головы – исламистов. Оказавшись перед фактом невозможности прямого сопротивления из-за разницы вооружения, исламисты перенесли войну на территорию врага. Правда, пока их действия идут лишь на пользу Западу, оправдывающему террором свою экспансию. В случае недостатка в терроре Запад легко моделирует террористические акты через своих агентов, следуя правилу: ложь не должна быть невинной, ложь должна быть чудовищной.

Кто виноват в противостоянии?

Исламизм суть производное установок Корана, преломленных через неразвитое сознание, подкрепляемое историческим опытом кривого ятагана: так делали деды и прадеды, так поступал Мухаммед... Не принимая иного пути сопротивления – идеи правят миром! – чем физический, исламисты безусловно приносят вреда гораздо более, чем пользы – с каждой безвинно загубленной жизнью. Тем не менее, желание этих людей идти путем Пророка, путем высшего смысла, пусть и не совсем верно воспринимаемого, гораздо более похвальнее, чем желание народов западной цивилизации при следовании внешней стороне законности оставаться на путях земных и порочных.

Да, на Востоке уже родились люди, готовые умереть и умертвить даже своих родственников в согласии с фетвами недалеких улемов, как во время Иосифа Флавия умирали и убивали евреи-сикарии в согласии с пророчествами своих невежественных наби. Но на Западе уже умер последний христианин, следовавший двум христовым и десяти моисеевым заповедям. Отсюда, попытки морально больного (безнадежно больного!) Запада, в лице своих политиков и идеологов,

свалить вину за происходящее противостояние на мусульманский Восток шиты белыми нитками.

Хантингтон утверждает, что духовные парадигмы народов различны, но это не следствие того, что на Западе христиане (были!), а на Востоке мусульмане. Стиль жизни и воззрений тех, кто называет себя представителями христианской цивилизации, конфликтует не только с мусульманскими заповедями, но и с собственными. Убедимся в этом.

Служи Иегове, и никакому другому Богу.

Заповедь времен борьбы элохистов, сторонников Традиции с иеговистами, строителями иудейской секты. У христиан Иегову потеснили Сын со Святым Духом и Девой Марией-Богородицей; Коран называет церковных христиан многобожниками. Многобожники идут! уже только на этом основании иной улем готов написать самую экстремистскую фетву. Но если б только многобожники! Многобожие было в прошлом, а ныне – совершенное безбожие и рьяное служение Мамоне, богу злата и всего того, что можно иметь за злато.

Не сотвори себе кумира (идола) и никакого изображения, и не поклоняйся им.

От этой заповеди церковные христиане отошли уже к IV веку. Православные поражают громадным количеством икон с изображением не только новозаветных героев, но и Неизобразимого, католики ужасают таким же количеством статуй, вполне подходящих под определение идолов. У мусульман это одна из наиболее соблюдаемых заповедей.

Не произноси имени Господа всуе.

Американцы «о, май гад!» произносят чаще чем «щерт!», по значению же эти понятия равнозначны. Тут уж не только всуе... Представить подобное на мусульманском Востоке и в мыслях невозможно.

Помни день субботний и посвящай этот день Богу.

Чему угодно посвящается это день на Западе – преимущественно поиску удовольствий, но только не молитве, не творчеству (Бог – Творец), не обретению знаний (Бог есть Истина). Уже в богобоязненной Англии XIX века суббота стала неприкрытым

ханжеством: город пуст, все по домам – кто скорбь изображает, кто откровенно пьянствует.

Почитай Отца твоего и мать твою.

Пожалуй, это единственная заповедь, исполнением которой могут еще похвалиться на Западе, но и она исполняется не вследствие религиозности (если и религиозности, то былой), но вследствие воспитания Европы в духе гуманизма.

Не убивай.

Даже 3 тысячи погибших 11 сентября 2001 года от рук исламистов (по версии западных журналистов) никогда не сравнятся хотя бы с двумя или более сотнями тысяч японцев, погибших от ядерных взрывов, произведенных по приказу одного и самых почитаемых и уважаемых ныне в Америке президентов Трумэна – убитых абсолютно без всякого смысла, только ради утверждения американского могущества. Вьетнам и Корею уже не стоит и называть. А сколько умерло от голода в Третьем мире из-за экономической политики западных стран?

Не прелюбодействуй.

Без комментариев. Даже четыре мусульманские жены блекнут в сравнении со «стаканом воды» и уж тем более с сексуальной и «культурной» революцией, гей-парадами, однополыми браками и проч. А если здравомыслящие люди на Западе рискуют возражать против «культурных» маргиналов, то им тут же клеятся ярлыки человеконенавистников. Вслед за обвинениями они рискуют социальным положением.

Не кради.

Рынок как спекуляция на спросе есть воровство узаконенное, как и ростовщический банковский процент, налогово-дотационная система, лохотрон – в одном ряду. Что касается конкретного воровства, то на Западе не крадут только из-за страха судебных последствий. Чтобы убедиться в этом, пишет Александр Зиновьев, достаточно отключить свет на полчаса в любом квартале любого американского города. Полагаю, что владельцы всех ограбленных магазинов отдали бы голоса в пользу отрубания рук по законам шариата. Ведь по шариату частная собственность священна.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего.

Вместе с тем журналист и адвокат – признанные на Западе профессиональные лжесвидетели. За что и уважаемы. Мусульманским народам, информация о жизни и религии которых подается в западных СМИ чрезвычайно однобоко, есть за что предъявлять лжесвидетелям счет.

Ни желай ни дома ближнего, ни жены, ни вола, ни осла – ничего, что у ближнего твоего.

Возможно, Россия, Восточная Европа и Третий мир к числу ближних представителями западной цивилизации не относятся, а то ведь как объяснить желание ими недр и других сырьевых ресурсов своих соседей по планете. Мусульманам исполнения этой заповеди правителями современных условно христианских народов было бы более чем достаточно для отказа от поддержки таких группировок как Хамас, Аль-Каида, Исламский Джихад и других.

Полагаю, что освещать отношение современных «христиан» к новозаветным заповедям – возлюби Бога, возлюби ближнего – излишне.

Так кто же виноват в противостоянии: мусульмане, которые не симпатизируют Европе и Америке, или атеистическая западная цивилизация, до такой же степени не симпатизирующая религиозному Востоку? У мусульман, как видим, есть объективная причина отвергать навязываемые западные ценности, поскольку они не только антиисламские, но и антихристианские.

С тем, что они антихристианские, согласны и лучшие мыслящие представители западного мира: «Все, что вчера считалось постыдным – прелюбодеяние, аборт, эвтаназия, самоубийство, – сегодня прославляется как достижения прогрессивного человечества. Ницше говорил о переоценке всех ценностей: прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи превращаются в добродетели. Каждые несколько лет, с появлением очередного общественного лидера, заявляющего что-нибудь вроде: «Американцы – христианская нация», в стране начинается форменная истерия. Да, когда-то американцы были христианской нацией, большинство граждан США по-прежнему причисляет себя к христианам. Но нынешнюю *доминирующую* (курсив мой. – С.О.) культуру правильнее назвать постхристианской, или даже антихристианской, поскольку ценности,

ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения⁵» (19, с. 17).

Если общий вектор западного сознания «является глубоко анти – христианским... оно (сознание) сущностно анти-религиозно» (25, гл. 7). В таком случае, между религией и анти-религией, как между огнем и водой, при встрече противостояние неизбежно. Заметим: от религии отказался Запад, а не Восток, и уже только на этом основании виновника противостояния искать приходится вовсе не на востоке.

С другой стороны, Запад уверен в абсолютном зле шариата, в жестокости мусульман, в совершении ими всех актов террора⁶, в выращивании, производстве наркотиков и распространении их в странах Запада⁷ – во всем виноват ислам как религия, таково неофициальное мнение западных идеологов.

«Представители Саудовской политической и религиозной элиты понимали..., сколь огромный ущерб стабильности их государства приносила антиисламская составляющая (в которой саудовский истеблишмент видел прямое следствие распространения идей С. Хантингтона) антитеррористической кампании» (50, с. 289)

⁵ «Общечеловеческие ценности» становятся все более и более «узкочеловеческими». Ведь если свободное предпринимательство и свобода личности с оговорками разделяются большинством людей на Западе, теперь в довесок предлагают поверить, что ценностями являются также гомосексуализм и лесбиянство, однополый брак и права национальных меньшинств (читай, преимущества национальных меньшинств при ущемлении прав национального большинства). Стоит ли удивляться, что азиаты отвергают и не желают разделять рыночные отношения и права сексуальных меньшинств, так как считают, что за одним придет другое. И они правы.

⁶ Нельзя не заметить, что 11 сентября было на руку больше Бушу, объявившего войну миру ислама в лице избранных стран – Афганистан, Ирак, на очереди Сирия, Иран, Сауды, – чем миру ислама, у которого не было мотивов радоваться бессмысленной смерти тысяч американцев. «В КНР, например, опасаются, что кампания в Афганистане и американское военное присутствие в Узбекистане и Кыргызстане являются частью стратегии по достижению глобального доминирования, прикрываемой завесой борьбы с терроризмом» (14, с. 336). Тем более, что американцы руками ЦРУ сами выпустили джина из кувшина, воспитав в медресе Пакистана тысячи экзальтированных талибов-сикариев. Последние после захвата Афганистана образовали там плацдарм для дальнейшей азиатской экспансии и террора против Запада, а после разгрома рассеялись по всему мусульманскому миру, разжигая пламя фанатизма и лютой ненависти к выкормившему их Западу.

⁷ Вспомним, что уже в XIX веке Запад санкционировал китайские Опиумные войны, и отнюдь не ради истребления наркотиков, а ради их насаждения в Китае. Точно также он поступает и теперь, контролируя наркобаронов и наркотрафики. Западные человекоубийцы отнюдь не заинтересованы в уничтожении наркоторговли, наоборот, в ее постоянном наращивании для уничтожения думающей и активной молодежи, для разложения и создания хаоса. Хаос есть лишь преддверие тотальной Тирании, к которой стремится Запад и рано или поздно ее установит.

Одновременно, такой же взгляд априори виноватого принадлежит многим представителям интеллигенции в мусульманских странах – за веру своей страны, за улемов, за фанатиков...

Вина настоящего противостояния, насколько это видно из исследования, лежит не на мусульманах, а на западной цивилизации – вина за политику ограбления технически неразвитых стран Востока, вина за распространение материализма и атеизма (научного!) в худшем виде – в виде безусловной ценности. Изначальная же вина фактического раскола мира лежит на ортодоксальной христианской церкви, явившейся, в свою очередь, порождением иудаизма – за приверженность изначально сектантским взглядам и раскол народов, прилежавших Традиции, на несколько лагерей.

Возможность диалога, есть ли она?

На основании вышеизложенного нетрудно прийти к мысли, что между Западом и Востоком не может быть ни взаимопонимания, ни мира. Однако, среди мусульман есть и иные взгляды. Современный религиозный авторитет муфтий Равиль Гайнутдин, ныне председатель Духовного управления мусульман европейской части России, полагает, что в настоящее время между цивилизациями возможны и диалог, и даже сотрудничество. Хотя его речь несколько походит на оправдание духовного пастыря за паршивых овец, потравивших чужое поле, что грозит неминуемой расплатой, есть возможность сравнить позиции Равиля Гайнутдина и, к примеру, Патрика Дж. Бьюкенена, советника президентов Никсона и Рейгана, кандидата от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов. Это будет предложение к диалогу с одной стороны, и достойный взвешенный ответ, основанный на реальной оценке ситуации в США и Европе, с другой. Итак:

«Часто именно ислам, принадлежность к нему предстают в виде основных причин экстремизма и терроризма. Подчеркивается якобы консервативный характер учения ислама, ставится под сомнение его способность развиваться в новых социально-экономических, политических и культурных условиях... Эти стереотипы особенно опасны в условиях современной России, когда диалог религий, мировоззрений является важнейшей предпосылкой укрепления стабильности общества. Предубеждения такого рода весьма опасны и для прогресса цивилизации в целом. Ведь появились уже на Западе теоретики, толкующие о грядущих столкновениях цивилизаций, цивилизационных разломах, в основе которых лежат культурно-религиозные факторы, в том числе исламские. Дело обстоит как раз

наоборот. Гуманные ценности мусульманского универсализма... могут сыграть важную роль в выживании современного человечества, помочь ему принять вызов глобальных проблем...

Религиозный фундаментализм – явление не новое, оно возникло в XIX-XX веках в виде реакции определенных религиозных кругов на секуляризацию, то есть эмансипацию науки, культуры и общественной жизни от религии. Под «религиозным фундаментализмом» понимается устойчивая религиозная установка или один из типов современного религиозного сознания, характерный практически для всех религий. Религиозный фундаментализм апеллирует к абсолютному авторитету божественного откровения, выраженного в Священном Писании (Тора, христианская Библия, Коран) или иных канонических текстах... При этом установка на буквальное следование тексту предполагает его однозначное понимание, отказ от возможного многообразия Священного текста. В результате фундаментализм выступает против плюрализма мнений, который, с его точки зрения, неизбежно ведет к релятивизму, то есть к допущению равноправия многих истин даже в пределах одной религиозной традиции. Следствием такой религиозной установки, как правило, является политическая позиция, которая характеризуется поддержкой крайне правых политических сил». (24, с. 167-169).

Что ж, предложение поделиться ценностями сделано, осуждены «теоретики, толкующие о грядущих столкновениях цивилизаций», муфтий отмежевался от фундаментализма и «крайне правых политических сил», то есть террористов и режимов, которые их поддерживают. То, что терроризм (если не считать терроризм по сценарию ЦРУ и «Моссада») по большей части есть ответ мусульманской Азии на экспансию Запада, проходящую на протяжении XIX-XXI веков, то есть по сути своей освободительное движение, муфтий так не считает. Рука протянута западным творцам «секуляризации, то есть эмансипации науки, культуры и общественной жизни от религии». Хотя бы потому, что и они, и Мухаммед считают плюрализм благом: «разность мнений верующих в моей общине есть благо» (24, с. 274).

Но что понимал под плюрализмом Мухаммед? Скорее всего, необходимость развития в человеке наряду с верой разума, делающего веру просветленной, потому как говорил «Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует), «Бог не создал ничего благороднее разума, и гнев Его падет на тех, кто им пренебрегает» (24, с. 201). На один и тот же предмет возможен взгляд с различных

сторон, и как гласит известная притча о людях, исследовавших слона в темноте, плюрализм дает спектр взглядов и возможность познания проявлений Бога – мира и человека («Пророк – мир ему! – сказал: «Кто познал себя, познал своего Господа». (36, с. 57), в то время как один взгляд дает усеченную картину мира и вводит в заблуждение. Глубина Корана, открывающегося разными гранями на разных уровнях восприятия, тому подтверждение.

Что же под плюрализмом понимают «культурные революционеры» Запада, сегодня определяющие его идеологию и, следовательно, политические действия? Их взгляды прекрасно отразил Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада»:

«Перелистаем «Гуманитарный манифест» 1973 года. Там содержатся все те положения, которые сегодня вдалбливают нашим детям в школах. «Вера во внимающего молитвами Бога... есть вера в недоказуемое, пережиток прошлого... Традиционная этика не смогла удовлетворить современные потребности... Обещания посмертного спасения и вечного проклятия равно иллюзорны и небезопасны для психики... Манифест провозглашает право каждого человека на «контроль рождаемости, аборт и развод» и добавляет: «Многие разновидности сексуального поведения не могут и не должны считаться дурными по определению» (19, с. 255) Катехизис революции учит, что гомосексуальность – достоинство, никак не грех, и что люди, относящиеся к гомосексуалистам и лесбиянкам неодобрительно, суть консерваторы, которых необходимо переучивать (19, с. 258) ... влечение к лицам своего пола не является противоестественным. Это всего лишь индивидуальная особенность – столь же нейтральная, как, скажем, леворукость (19, с. 269) ... Свобода включает в себя «признание права каждого человека на достойную смерть, эвтаназию и самоубийство» (19, с. 255). Дабы «обезглавить» патриархальную семью, то есть лишить отца семейства его главенствующей роли, Франкфуртская школа предложила ввести матриархат – когда главой семьи является женщина, а также выдвинула «андрогинную теорию», по которой положение мужчины и женщины в семье основывается на принципе взаимозаменяемости. Женский бокс, женщины-солдаты, женщины-раввины и женщины-епископы, Бог-женщина (19, с. 126) Миллионы западных женщин ныне разделяют враждебность феминисток по отношению к браку и материнству. Миллионы приняли феминистскую теорию и не собираются ни выходить замуж, ни рожать детей. Следование маркузианскому «принципу удовольствия» и прочим идеалам

сексуальной революции означает полное пренебрежение браком (19, с. 127). Секс, слава, деньги, власть – вот новые боги новой Америки (19, с. 18).

Итак, с одной стороны есть вера в Аллаха, с другой – Бог суть «недоказуемое, пережиток прошлого», равно как и вера в Бога. С одной стороны Священное Писание и Сунна являются Катехизисом верующего, его этическим руководством, с другой – отвержение «традиционной этики», которая «не смогла удовлетворить современные потребности». С одной стороны «язычников ждут вечные мучения в аду, если они не станут на истинный путь... язычники заслуживают не ненависти, а больше жалости... нет надобности завидовать их богатству в земной жизни, так как оно временно и Аллах создаст для них в аду мучительную жизнь; они слепы и глухи к проповедям истинного, чистого учения и им будет суждено отвечать за свои грехи» (64, с. 168), с другой – «обещания посмертного спасения и вечного проклятия равно иллюзорны и небезопасны для психики...». С одной стороны полагают, что «главой семьи должен быть муж, а семья должна быть» – в первую очередь, и – «должна быть сугубо, строго патриархальной» – во вторую (64, с. 148), с другой – «матриархат – когда главой семьи является женщина», вооруженная «андрогинной теорией» и полагающая, что если Бог все же есть (плюрализма ради), то непременно женского пола. И вообще семьи могут быть разные: из двух мужчин или из двух женщин, из двух мужчин и двух женщин одновременно, и взвод мужчин, по мнению голландской Ассоциации планирования семьи, тоже может объявить себя семьей, а кто считает иначе, тот «гомофоб» и «фашист» (очень модные и действенные ругательства на Западе) – чтобы ответить на это положение, первой стороне трудно будет даже собраться с мыслями. Если уже «прелюбодеяние – грех, и праведный человек должен испытывать к нему негативное чувство» (64, 140), иначе он просто «кафир», неверующий, то есть мусульманский чандала, то что говорить о гомосексуальных связях? Да и целью семьи на всем Востоке является никак не маркузианский «принцип удовольствия», но деторождение, отчего и семьи на Востоке многодетные.

Что касается стяжания материальных благ: «О, Аллах! – восклицает Мухаммед – Удержи меня в бедности при жизни моей и позволь мне умереть бедняком» (64, с. 136) – теперь Западу будет собраться с мыслями, чтобы хотя бы понять, о чем идет речь. Ведь притча Иисуса о богатом, которому труднее войти в Царствие

Небесное, чем верблюду в игольное ушко, давно уже забыта – вместе с Иисусом. Поклонение, конечно, осталось, ибо немислимо человеку не поклоняться, но объект поклонения – Мамона, олицетворенный «сексом, славой, деньгами и властью». Именно от него ждуть на Западе спасения, которое разумеется в независимой ни от кого жизни: счастье начинается за первым миллионом – общераспространенное среди евроамериканцев мнение.

Вообще, на Западе «спасение понимают как жизнь, свободную от ограничений, а в прежние времена оно означало свободу от внутренних ограничений (того, что ограничивает дух, но не тело! – С.О.) и пороков – мирских желаний» (104, с. 81). Означало когда-то на Западе, означает по сей день на Востоке. И вряд ли так просто удастся оживить в евроамериканцах это воспоминание.

Хотя это только фрагмент парадигмативного сравнения, в котором не затронута и сотая часть воззрений, но уже становится понятно, что рука муфтия явно протягивается в пустоту. Запад и Восток живут на разных частотах, они не могут услышать друг друга, и те, скажем, американцы, которые услышат, откажутся от того, что они услышали либо по партийной принадлежности, либо по идеологическим соображениям. Если Запад запутался в своих «глобальных проблемах», «гуманные ценности мусульманского универсализма» могут, безусловно, помочь ему найти выход, но не в результате мирного диалога, а вследствие столь же глобальных потрясений.

Там, на Западе, строго следуя Платону, у отцов-олигархов народились падкие на порок дети, и трутни, жалящие с телеэкранов и газетных полос, гонят их напрямик в ад грядущей тирании. Сегодня достучаться до их разума столь же сложно, как найти в пороке добродетель.

Путь западной цивилизации

Как же случились эти западные ценности, ныне активно наступающие на ценности традиционные? Как должно было измениться западное общественное сознание, чтобы принять их, сменив путь уподобления Христу, то есть духовные ориентиры, на путь уподобления той религиозной секте, против которой Христос боролся, то есть на ориентиры материального благополучия? Как идеал духовной работы сменился обманым фетишизмом?

К примеру, человек может приносить в жертву духовному продвижению свои страсти, и это титанический труд, доступный единицам. Большинству же предлагается принести в жертву богам (символ духовных идеалов) животное (символ животных страстей),

таким образом, символизировать свою готовность (но пока не способность) следовать духовным путем. Со временем символические обряды вовсе замещают духовный путь, и даже объявляют последний вне закона, как негодный богам, которым якобы требуется мясо, кровь и запах «всесожжения». Лучшее в мире мясо – следуя мысли жрецов, символических лицедеев – это мясо людей, и вот уже человеческие жертвы замещают животные, вселяя страх к богам. Из людей лучшие женщины и дети, они же самые беззащитные – и «боги» вновь алчут...

Так, по мнению великого пророка иудеев Иеремии, была решена участь древних евреев, и их держава пала под натиском Ассирии, Египта и Вавилона. Вскоре после вавилонского плена на землях Палестины возникла секта, поклоняющаяся не духовному идеалу, а виртуальному тирану, обещающему за поклонение себе земную власть и экономическое благополучие; в качестве духовного пути, угодного этому племенному богу, выставляется фетишизм, позднее оформившийся в путь 613 талмудических заповедей и обрядов, соблюдая которые иудеи надеялись получить обещанное на земле и некое «лоно Авраама» после смерти.

Спорно это или нет, но та секта, против которой боролся бог христиан, стала западообразующим народом. Она принесла религию фетишей и материальных идеалов. И это вполне доказуемо.

То, что церковное христианство (отличающееся от христианства Иисуса гораздо более, чем земля от неба), стержень Запада, вышло из недр иудаизма, использует иудейский канон, считая его Откровением, это знают все. Иудаизм совпадает с христианством в самых основных положениях, непосредственно влияющих на мировоззрение:

1) В иудаизме и христианстве нет Закона причин и следствий, нет предопределения (в исламской трактовке, но отнюдь не в кальвинистской), но есть Бог, награждающий и наказующий, в соответствии со своими меняющимися желаниями, недоступными анализу простых смертных.

2) В иудаизме и христианстве на Волю Бога возможно влиять через молитвы. Самые низшие по влиянию – молитвы мирян (или простых христиан и иудеев). Далее есть небольшое различие. Иудеи верят в силу ученых раввинов влиять на события, и еще более в силу святых раввинов, замеченных в умении провидеть (уже только это одно умение плюс образ жизни в соответствии с Преданием и, разумеется, талмудическая грамотность, создает таким раввинам ореол святости). Христиане верят в силу церкви и святых, причем

одни ставят превыше (по степени влияния на волю Бога) силу церкви, другие – силу святых, в числе которых могут быть как действительно святые люди (оптинские старцы, к примеру), так и набожные юродивые.

3) Прерогативы Бога базируются на возможности влиять на события и «прощать грехи» людей, то есть совершенно уничтожать последствия плохих поступков. Христиане верят, что такой властью обладают рукоположенные священники, с которыми этой прерогативой поделился Иисус Христос через апостолическую преемственность епископов. Иудеи верят, что один раз в году они снимают последствия ложных клятв и обязательств, данных не-евреям, через коллективное прочтение специально для такого повода существующей молитвы «коль нидрей».

Есть и другие совпадения иудаизма и христианства, но для нас будут не менее интересные параллели между иудаизмом и идеологическими основами западной цивилизации.

Возьмите столпы рыночной экономики – фактически все они заложены евреями. Банковское дело – едва ли не тоталитарная сфера еврейского капитала, возникшая из еврейских меняльных лавок (обмен валюты), финансирования влиятельных сюзеренов (ведение расчетных счетов) и ростовщических контор (кредит). История семьи Ротшильдов известна всем, механизм консолидации капиталов и распространения влияния также понятен.

Конкуренция – она вполне проистекает из единства еврейских купцов и банкиров, и хотя ныне антимонопольные комитеты преследуют сговор, обычно их кара касается противников еврейского конклава. Равно как и сама конкуренция поощряется ради ослабления производителей и их вражды.

Реклама – эта разжигающая аппетиты покупателей назойливость, красивая ложь была отработана в конкуренции еврейских лавочников с английскими. Последним претило рекламирование своего товара, покупатели же не разделяли их мнения. Сегодня рекламный бизнес один из самых доходных среди легальных. После продажи табачных и алкогольных изделий, опять же монополии еврейских ТНК, выросших из еврейских шинков в Польше и на Украине. Эти западные удовольствия, закабаляющие зависимостью людей, для многих юношей из мусульманских стран являются, наверно, символом «свободного общества»: дышать свободой, пить виски с содой... как в свое время были символами Запада для россиян. Мираж-то проходит, а зависимость и доходы ТНК только возрастают.

Газетное дело, новостные агентства, телевидение – рупор, из которого довольно трудно услышать слово добра и правды, лишь оболванивающая идеологическая ложь, постоянные телециклы о убийствах и ограблениях, ночная эротика. Бедные российские диссиденты, каково было их разочарования при более близком знакомстве с этим «голосом свободы»! Не буду утруждаться доказательствами, что подавляющее большинство СМИ принадлежит или контролируется евреями.

Читателю должны быть интересны и более широкие обобщения. Стремление к богатству, призрачной независимости – основная нота западной цивилизации. И она понятным образом вполне совпадает с установками иудаизма: материальная деятельность, нажива, победа над не-еврейскими конкурентами (да и над еврейскими тоже, если посудить, как обходятся правящие семьи в Израиле с евреями-олигархами из других стран, пытающимися основать в Израиле крупное дело).

Любая по нравственному (безнравственному) вектору деятельность, ведущая к получению власти – вот принцип деятельности западных политиков, и он вполне иудейский, сионистский. Их *modus operandi* направлен на обретение власти в странах, открытых еврейскому влиянию, и разрушение власти национальной элиты. Россия познала его через революции, особенно 1905 года, когда эсеры, сплошь из евреев, устроили массовое истребление губернаторов, министров, судей, высших военных чинов и других представителей правящего класса.

Преклонение перед сексом – и здесь мы с удивлением замечаем, как совпадает заматериализованный иудаизм с западными влечениями, активно культивируемыми пропагандистами «культурной революции», развращенными последователями организаций, подобных голландской Ассоциации планирования семьи, потерявшими всякий рассудок устроителями гей-парадов и радетелями секс-меньшинств.

Итак, идеология Западного общества, отвергающая восточные положения и тем схожая с иудаизмом, вполне солидарна с иудаизмом и в социальных вопросах. Если же мы добавим решающее влияние светских иудеев-сионистов, продуктов иудаизма и западной эмансипации, на мировые политику и финансы, торговлю и СМИ, то есть на основные аспекты в жизни современной западной цивилизации, то мы поймем, что скорее Израиль, протянувший толстые и мельчайшие щупальца еврейских диаспор и ТНК,

возглавляемых сионистами, находится в центре Западной цивилизации, нежели США. Последним все чаще достается роль послушных исполнителей воли своих владык с берегов Мертвого моря, и ко всему они платят дань по первому требованию, деньгами или оружием. Просто США находятся на первом плане мировой политики, и роль американского щита вполне устраивает сионистов.

Таким образом, невозможно не прийти к выводу, что иудаизм со своими секуляризованными положениями является атеистической религией Запада, и потому Запад обречен на войну с Востоком – до тех пор, пока не избавится от иудаизма во всех отношениях, либо пока национальные элиты, вдруг опомнившись, не поставят сионистов в своих странах под молот репрессий.

Христианство первых веков, насколько мы это уже знаем, отменило «дитя Агари», жестокий иудейский закон, а также отбросило фетиш официальной веры римской империи. У Запада был замечательный шанс пойти путем, близким к восточному, если бы...

Церковное христианство, отвергнув гностический духовный путь, в конце концов привело западные народы в колею, из которой пытались вырвать евреев реформаторы. Оно погрузилось само в материализм, заставляя верить в богов из глины, и затащило в него Запад.

Папский Рим стремился к земному могуществу, прикрываясь службой Христу, хотя волей неволей был вынужден поддерживать (больше на словах) духовный путь, указанный великими христианскими подвижниками. Они же и скинули, заметим, римскую власть над Европой, то есть Реформация совершилась людьми, несогласными с осквернением Римом духовного пути, а также политиками и помещиками, не согласившимися делить с Римом политическое и экономическое одеяло.

Реформация, столкнув южные и северные немецкие княжества в войне, к которой присоединились сторонники и противники Рима, переместилась в Англию. Великая Английская революция была вызвана реставрацией католицизма, и Кромвель был продолжателем дела Лютера. Но не прошло и поколения, как экзальтированные бритоголовые, сделав свое дело, сошли со смертью своего вождя с политической сцены. «Разумная» вера, без духовного горения, разумный образ жизни, благоразумие – вот знамя идеологов посткровелевской эпохи. Вера постепенно замещается благоразумной обрядностью, евангельские заповеди – внешней фарисейской благоразумной набожностью. Эти последние – век их был короток,

потому как разум, освобожденный от церковных оков, пробуждался и начинал искать истину. Если Рим не прав в одном, он не прав во всем? И не Бог правит миром, но некие законы, познав которые, можно подчинить силы природы?

Свершив революцию, оторвавшую разум от веры, рацию от церкви, Англия первой из стран осуществила промышленный переворот. Человеческая мысль оттолкнулась от технических приспособлений (Хайгревс), вывела первичные физические законы (Ньютон), овладела электричеством и магнетизмом (Максвелл, Эдисон). Наука Англии дала миру прялку Дженни, паровой двигатель и множество других промышленных новаций, позволивших поднять производство многократно, удешевить стоимость вещей – с одной стороны. Но вскоре наука превратилась в придаток промышленности, в источник гипердоходов, перестала быть простым поиском истины, благородным изучением Природа, такой, какой ее видел в свое время Бэкон, отец английской научной мысли. От интуитивного поиска она опустилась до «метода научного тыка»; потеряв философское основание, наука побрела вслепую, надеясь, по преимуществу, на случай. Техническая мысль в свое время давала надежду, что изобретениями будет покончено с тяжелым и монотонным трудом, людям удастся освободить время для семьи и культуры. Технократия удалась, но ритм деловой жизни стал возрастать год от года, и времени на семью и культурное развитие в городах становилось все меньше и меньше; безумная погоня за материальным благополучием закрутила маховик жизни. Технические совершенства побуждали тягу к накоплениям ради приобретения, но через самое малое время после обретения вещей жизнь вновь становилась пресной.

Ныне в дело вступила реклама, разжигающая воображение, порождающая материальный голод, заставляющая стремиться к все бОльшим доходам и к все более высокому социальному положению – замкнутый круг, даже множество кругов; в одних кружатся те, кто полагают сделать жизнь счастливой за счет экономической свободы и технических совершенств, но так и не достигают рекламного рая, в других – те, кто был выкинут круговоротом деловой активности на задворки и дно городов. Одни видят причину своей неудачи в политических махинациях, другие – в неравных возможностях экономической борьбы, но истинная причина увеличивающегося вектора страданий чаще всего ускользает от анализа: верен ли путь технического и научного прогресса, в жертву которому приносилось культурное и духовное развитие? И что есть духовное развитие,

позволяющее удовлетворить некие духовные чувства, обнаженные в эпоху материализма?

Франция, а за ней и Англия подвергли сомнению церковные устои, и хотя церковные штаты во многочисленных аббатствах не уменьшились, тем не менее роль церкви в европейских политических решениях в XIX веке становится номинальной.

Избавление Европы от Рима принесло духовную и экономическую свободу. Тем не менее, следуя мыслью Достоевского в «Великом инквизиторе», свобода подразумевала ответственность, от которой большинству людей свойственно бежать, то есть делегировать ее кому угодно, довольствуясь взамен чаще всего только обещаниями. Это делегирование в конце концов вновь подвело ту же Англию стараниями иезуитов под незримый посох Рима, от которого, в принципе, не спасла и Славная революция. Современное масонство, опутавшее экономическую и политическую элиту Нового и Новейшего времени крепкими нитями, зародилось именно в Англии.

Так, явная церковная организация сменилась тайной, для которой не суть важно, из какой точки мира она будет управляться: проследить ведь все равно невозможно. Так что можно сказать, что Рим безусловный заместился Римом условным. Под его эгидой, к примеру, Наполеон III едва ли не поколение морочил головы французам, используя армию Франции для защиты по всему миру католических интересов. И если по отношению к Китаю это трудно доказать, то по отношению к Италии и доказывать нечего, когда вся жизнь Мадзини и Гаррибальди была тому подтверждением.

Эта сокрытая организация отбросила евангельские «сказки», которыми в свое время восторгались римские папы. Смена духовных ценностей на материальные произошла не сразу; к примеру, в Англии в общей сложности три века понадобилось, чтобы из религиозной нации англичане стали нацией псевдорелигиозной и атеистической. Евангельский образ жизни и поведения не удовлетворял умы англичан, но и научно-технический подход – обнаружил ли он свою состоятельность?

Сухой расчет новых промышленников, пекущихся только о личной и корпоративной пользе в ущерб общественной, государственный утилитаризм образца Дизраэли, отбросивший сантименты вроде библейских заповедей перед перспективой мирового колониального владычества, вел передовые страны Европы на завоевание колоний. Многочисленные народы и страны Азии и

Африки были ввергнуты в беспроглядную нищету, выбраться из которой многим из них не удается и по сей день. Конечно, европейские колонизаторы внедряли в колониях передовые технологии, передовую административную систему, судопроизводство и много других достижений своей блестящей цивилизации. Индия и Палестина, Египет и Турция, Тунис и Алжир обязаны Англии и Франции своим стартовым техническим капиталом. Им же они обязаны громадными внешними долгами, так как играют на чужом поле и по чужим законам, и с точки зрения конкурентоспособности уступают Западу на много очков.

Избрав технократический путь, Европа сумела обольстить мир материальным благополучием, ей удалось заразить Америку, Африку, Индию, Австралию и европейские страны болезнью индустриализации. Многочисленные представители национальных интеллигенций с конца XIX века получают современное образование в Оксфорде и Кембридже, чтобы по возвращению домой становиться центрами смуты в своих странах, составлять пятые колонны, через которые Запад приводит там и тут к власти марионеточные правительства... тут же залезающие в долги, направляющие свои экономики на выплаты долговых процентов, разрушающие вековые связи в народной среде – религиозные, культурные, патронажно-клиентарные...

Блестящая викторианская эпоха продлила время английской гегемонии. Используя свое лучшее вооружение и превосходство на море, в средствах коммуникаций, Англия бросила все могущество на завоевание сырьевых рынков, явившихся одновременно и рынками сбыта для товаров английской промышленности. Удержав мировое господство ценой... дорогой ценой для покоренных стран, какую цену в свою очередь заплатила Англия? Многие русские в конце XIX века отмечали искренность религиозного чувства англичан, благочинность служб, но ведь можно быть благочинными в церкви и жестокими и порочными в жизни. Герберт Спенсер отмечает нарастающее совращение нации – где былые джентльмены, где кодекс чести и честности? Жажда наживы ослепляет глаза англичан... Да, они любят еще оказывать благотворительность, удивлять всех своей щедростью – не после того ли как награбили, отняли? Что человеку от того, что он весь мир завоеует? Вечный вопрос, на который уже давно дан ответ.

Первая Мировая отбросила Англию с позиций мирового лидера, и вперед вырвались Соединенные Штаты Америки, к тому времени

уладившие свои внутренние отношения между Севером и Югом. Там попеременно избирались то интроверты, сторонники «Америка для Америки», либо эстраверты. Великий Кризис тридцатых годов привел в Европе к власти целую плеяду фашистских и профашистских режимов и одновременно ослабил США. Для апологетов рыночной модели стало ясно, что США лишь тогда удержат мировую гегемонию, если будут контролировать американские и европейские рынки, сбрасывая пар инфляции в их открытые финансовые системы. По всей видимости, это было изобретением еврейских банкиров, набравших в то время, в том числе благодаря иммиграции евреев из Европы, гонимых фашистами, большую политическую силу.

После Второй Мировой США вышли в неоспоримые лидеры Запада. Все основные страны были в должниках, включая СССР, все, исключая СССР и страны под его протекторатом, поймались на план Маршалла и поверстались в союзники по НАТО.

Ранее, филигранно отыграв на долгах, США пробили в Палестине место под плацдарм для еврейского государства – отблагодарили отцов Запада, надо полагать. Смешнее всего то, что инициатором утверждения Израиля стал СССР. Хотя сталинские репрессии, дважды обновившие органы партии, административные власти и силовые структуры, были направлено порядочной частью против евреев – под разными левацко-правацкими прикрытиями, – тем не менее Сталин повелся на удочку, будто бы российские евреи станут его надежным союзником в самом центре Азии. Наверно, он обманулся фактом героического участия евреев в Великой Отечественной войне. Ну, так просто волна национал-фашистов была смертельным врагом для евреев, и выбирать им особо не приходилось. Зато как все наладилось, когда в Израиле объединились в один неразлейвода-альянс коренные молитвенники, опекавшиеся до времени Ротшильдами, европейские беженцы 30-х годов, послевоенные иммигранты и американские сионисты-банкиры и политики, сумевшие скоренько перенаправить вливания из бюджета США и репарации из Германии на становления Израиля. В общем, прощай тюрьма народов и обманутые надежды вождя этих народов.

Ныне США, вскрыв пол-мира долларом как консервную банку ножом, увлеченно высасывают из этого пол-мира соки. Однако, закручивая процессы глобализации, мировая закулиса и Штаты-то рассматривает не более как мощный инструментарий. Для нее что сионисты, что США – все едино на пути централизации мировой власти. Именно поэтому случилась «культурная революция»,

охватившая весь западный мир и разъярившая мир восточный. Основная ее цель во всех западных странах: уничтожение национализма и патриотизма у коренных народов Европы и Америки, дебилизация народного образования (минимум для будущих рабочих у конвейера), крушение остатков этической системы и замена социальных ограничителей страхом перед законом, разжигание жажды удовольствий и материальных потребностей при глушении духовных (тупые живопись и скульптура, искусственно поднимаемые в цене, жестокое и развратное кино), конечная универсализация граждан всех стран – ни своей культуры, ни самосознания, ни элиты, ни правительства кроме мирового.

Вот так и случились западные ценности. Сегодня спроси простого русского – что есть общечеловеческие ценности? И он начнет перечислять как учили: равенство перед законом, библейские заповеди... Ему и невдомек, что заповеди давно уже отвергнуты, а в общечеловеческие ценности записан гомосексуализм. Толи еще будет.

Сила и слабости современного мира ислама

После развала СССР и блока Варшавского договора, казалось, мир стал однополярным. Потуги социалистов и марксистов в Азии никто в расчет особо не принимал, тем более что нежизненными оказались их режимы в Афганистане и Пакистане. Исламский фактор еще был слаб, когда одна за другой создавались и громилась военные коалиции против Израиля. Правительствам стран-импортеров нефти оказался более выгоден торговый союз с Западом, нежели военный конфликт. Да и сам ислам в силу своей сектанской неоднородности, обладая мотивирующим фактором, не обладал фактором объединяющим. И по сей день взаимные разногласия между шиитами и суннитами значат больше, чем возможность совместного отпора Западу, планомерно с XIX века превращающего Азию в свою колонию. Прав был Хатами, говоря: «Когда мы говорим об исламе, какой ислам мы имеем в виду? Ислам Абузара? Ислам Авиценны? Ислам Газали? Ислам ибн Араби? Ислам поэтов или ислам суфиев?» (104, с. 96)

Однако, зверя пробудили те, кому держать бы его взаперти и держать. Стремясь выжать СССР из Афганистана, США разрешают проамериканскому правительству Пакистану начать военное обучение на своей территории наиболее радикально настроенных мусульман. Позволю себе длинную цитату, комментарии к которой будут излишними.

«Нынешний весьма опасный период активизации экстремизма с «мусульманским лицом» ведет отсчет, пожалуй, где-то с середины 80-х годов прошлого века. Тогда международные мусульманские организации (особенно на этом поприще отличилась Лига исламского мира) набирали по всему Ближнему Востоку добровольцев – молодых исламских радикалов – для последующей отправки их в Пешавар (Пакистан) на границу с Афганистаном. Там в специальных лагерях готовилось пополнение муджахедам, воевавшим с советскими войсками. Всей этой операцией с одобрения ЦРУ руководила пакистанская Межведомственная военная разведка (Inter-Service Intelligence, ISI) и Саудовское министерство разведки. Саудовцы, по версии французского исследователя Оливера Руа, сделали ставку на афганских муджахедов не только из желания продемонстрировать верность идее мусульманской солидарности, но и руководствуясь задачами реальной политики: подорвать в регионе влияние Ирана, насадить здесь собственную версию суннитского фундаментализма, близкую к ваххабитской школе - антишиитской и отличающейся консерватизмом. Пакистан использовал афганскую войну, чтобы установить союзнические отношения с США, а также и со сторонниками и пропагандистами «неоваххабизма». Как пишет Руа, пакистанские политики понимали, что советские войска рано или поздно уйдут из Афганистана; а поскольку над ними постоянно довлела индийская угроза, они надеялись расширить сферу своего влияния от Кабула до Ташкента, включив в нее, таким образом, и советских мусульман. Что касается США, то их мотивация в тот период была обусловлена стремлением установить контроль над движениями «политического ислама», попытками манипулировать исламом в выгодном для себя направлении.

Сотни тысяч молодых боевиков прошли через афганскую «сеть», став «бойцами джихада», ударной силой неоисламистов. После вывода из Афганистана советских войск они разбрелись по миру, основав – в основном в государствах Ближнего и Среднего Востока» (БСВ) – разрозненные радикальные группировки: их участников стали именовать «афганцами». С начала 1990-х годов радикальный исламизм принял по преимуществу антизападный характер, поскольку с распадом СССР антисоветская мотивация его деятельности сошла на нет. К тому же война в Персидском заливе 1990-1991 гг. дала нового врага – Запад, США и саудовский режим, который предоставил «армиям безбожников» территорию королевства. С 1994 г. те же внешние силы, которые в 1980-е годы спонсировали муджахедов,

сделали ставку на движение Талибан (происходит от арабского слова талиб – ищущий знаний): со своих баз в провинции Кандагар оно развернуло наступление и установило в 1996 г. контроль над 90% территории страны, включая Кабул. Провозглашение Исламского Эмирата Афганистан свидетельствовало о преимущественно религиозном, наднациональном характере талибского движения, не признающего границ современных государств.

Образованная в 1989 г. Усамой бен Ладеном организация Аль-Каида (Основа) создала разветвленную международную структуру, имеющую представительства во многих странах и регионах, включая США и Европу. В отличие от арабских организаций экстремистской направленности, осуществлявших акты террора против США, Запада и во имя палестинского дела, но почти всегда под светскими лозунгами (что не удивительно, поскольку христианами была значительная часть активистов и лидеров Организации освобождения Палестины), радикалы нового поколения развернули на мировой арене религиозно обусловленную – «в защиту ислама» – войну. В начале 1998 г. Усама бен Ладен подписал соглашение о сотрудничестве с лидерами египетской организации Джихад Мустафой Хамза и Ахмедом аль Завахири. Тогда же они объявили о создании Мирового фронта джихада, или Всемирного исламского фронта борьбы с иудеями и крестоносцами (World Islamic Front for the Struggle against Jews and Crusades).

Помимо саудовского новым, неправительственным центром религиозного радикализма в «мире ислама» стал Пакистан, куда стекались исламисты из многих «горячих точек» – Афганистана, Боснии, Кашмира и др. Поддержка международного радикализма обусловлена подспудным страхом, который испытывают мусульмане на Индийском субконтиненте, где они остаются религиозным меньшинством. С 1857 г., когда здесь было установлено британское колониальное правление, сохраняются напряженные отношения между мусульманами и индуистами. Второе соображение, которое объясняет поддержку Исламабадом международного экстремистского движения, – это антишиитская направленность политики этого государства: в 1980-е годы в Пакистане вспыхнула настоящая война между шиитами и суннитами, а в августе 1998 г. возвращенные пакистанцами талибы захватили Мазари-Шариф и совершили там массовые убийства шиитов. И третье – антихристианские и антиеврейские настроения, питаемые убеждением, что США и Израиль «разоряют истинный ислам». Такие распространенные во

всех странах «мусульманского мира» настроения не обошли стороной и Пакистан.

Выпущенный в Афганистане джинн исламского экстремизма (Талибан и Аль-Каида), которому Вашингтон отводил специфическую роль – держать в напряжении Россию и Китай, а значит, ограничивать свободу их маневра в регионе – «вышел из бутылки» и обратился против своего создателя. Но этого и следовало ждать, учитывая изначально присущий «политическому исламу» антиамериканизм. Нельзя признать удачными и более поздние американские инициативы в отношении других исламистских движений – в Боснии, Албании, Кашмире. Конфликты на этих территориях некоторым образом ослабили Европу – в первых двух случаях, а Индию – во втором. Но эти конфликты так и не удалось удержать под контролем, и их расползание и эскалация чреватые новыми угрозами и рисками безопасности.

Методы, которыми пользуются неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) внутри «исламского мира» и за его пределами, свидетельствуют о серьезной трансформации, которую претерпевает глобализирующаяся мировая политика. Впервые в глобальном масштабе предпринята попытка реализовать, опираясь на силу, особый исламский проект, выдержанный в духе тоталитарной идеологии. Он сочетает идеи вооруженного джихада против Запада с весьма консервативным прочтением ислама, близким к саудовскому ваххабизму, но не предлагает никакой внятной социальной или экономической программы. Другая характеристика этого проекта – его транснациональный характер. В существующие НРПО экстремистской направленности в «мире ислама» входят «дети разных народов» – суданцы, йеменцы, палестинцы, коморцы; в лагерях Пакистана и Афганистана прошли военную подготовку и подверглись идеологической обработке сотни выходцев из Центральной Азии и мусульмане-уйгуры из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая» (56, с. 210-212).

С 80-х годов сопротивление в Палестине все более начинает переходить от социалистических и национальных лозунгов к исламским. Мир буквально потрясла исламская революция в Иране. После развала СССР его азиатские окраины также пытаются подобрать под себя исламисты. В Турции обанкротившихся военных все более теснят мусульманские партии. Как снег на голову свалились талибы. Индонезия говорит о единой мере расчета мусульманских государств, золотом динаре. Недавний всеазиатский протест против

датских карикатур на Пророка, потрясший западный мир своей яростью (куда там деградировавшим европейцам до таких чувств! они-то запросто ко всяким хриstopротивным фильмам) – всё это и многое другое говорит о том, что исламский фактор включился. Причем еще немного, и недомусульманские правительства по всей Азии, находящиеся в гласном или негласном договоре с Западом, начнет срывать как осенние листья при хорошем порыве ветра.

На Востоке сикариев уже хватает! И абсурдно полагать, что всеми ими руководит Усама Бен Ладен, если он вообще кем-нибудь руководит. Просто читая Коран не между строк, а буквально, либо выслушав интерпретацию некоторых аятов от муллы, иной радикальный мусульманин видит свою собственную программу действий, и действует, обвязавшись взрывчаткой или паля из автомата из-за угла. «Стратегия подобного террора базировалась на акциях изолированных друг от друга групп, не имеющих общего централизованного командования. Общее между ними – это преданность идейным выводам небольшой группы мусульманских улемов радикальной ориентации, проживающих в различных арабских странах. Сегодня источником санкций на проведение акций джихада являются не конкретные приказы, а проповеди, прочитанные в независимых мечетях, или фетвы улемов, находящихся под арестом... Подобные группы ... просто состоят из одиночек или групп молодых людей, решивших любым способом отомстить США за ее политику на Ближнем Востоке... На самом деле с 1993 по 2000 гг. в различных частях мира было задержано более 50 человек, действовавших в группах, состоявших из 5 и больше человек и знавших о Бен Ладене и ему подобных только понаслышке. Они в одиночку планировали теракты у различных американских объектов... Таким образом, основное отличие нового радикального исламизма – это, во-первых, то, что он не замыкается рамками одного региона. Во-вторых, деятельность подобных групп предельно децентрализована, фракционная и не имеет одного организационного центра. В-третьих, подобные группы стали опираться в основном на акции смертников-камикадзе» (80, с. 279-281).

Итак, ислам на сегодняшний день переживает цикл растущей луны, и в этом его великая сила. «Речь не идет о роли ислама как религии в судьбах человечества вне рамок тех фундаментальных оценок, которые касаются и других мировых религий. Вопрос касается специфики ислама на современном этапе, выражающейся в его очевидном пассионаризме и ренессансе, что серьезно влияет на

общественно-политическую жизнь исламского мира» (58, с. 228). И , отнюдь, не только исламского.

В чем слабости мира ислама? Увы, их гораздо больше, чем сильных факторов. И только поэтому ислам пока остается в своих географических рамках.

Безусловно, первой слабостью является негласный союз улемов, держащихся таклида⁸. С их стороны это безуспешная попытка удержать выросшего дитя в пеленках. Что касается простого народа, то он может еще не одно столетие пролежать в них, но куда деться от собственной интеллигенции, назло улемам вступающей в ряды компрадоров, от молодежи, зачарованной западными достижениями в науке и технике? Если страна лишится своей интеллигенции и своей образованной молодежи, ей не выжить, особенно сейчас. Как, к примеру, расценить решение иранских властей отключить свою национальную сеть от глобальной сети? Понятно, что Интернет суть большая помойка, но ведь на любую порнографию есть фильтры, если речь идет о нравственности. Значит, речь не о ней.

Однако, ряды улемов сегодня гораздо менее сомкнуты, нежели век назад. Еще вчера улем-философ Хатами был у власти, и это казалось уже не столь удивительным. Сами же мусульманские ученые и расшатывали эти ряды. «В течение столетий подавляющее большинство населения слушало проповеди полуграмотных мулл, повторявших истины, замешанные на фатализме и суеверии. По пятницам все верующие мусульмане посещают мечети, чтобы послушать проповедь хатиба, человека, который по идее должен обладать особыми качествами и полномочиями. Но проповеди эти, как правило, произносятся на арабском, который за редчайшими исключениями не понимается ни грамотными, ни тем более безграмотными людьми⁹. Этот порядок пытались изменить такие талантливые люди, как философ и поэт М. Икбал, Сайид Ахмад-хан и

⁸ Хотя номинально в исламе церкви, то есть официального союза священников, нет, однако, все ее признаки налицо, и в первую очередь именно негласный союз улемов против знания, просвещения. О.В. Плешов пишет о улемах Индии и Пакистана, но нижеследующие слова вполне можно отнести к улемам любой страны: «В целом можно сказать, что улемы ... – это социально-правовая корпоративная группа, действующая как отдельный обособленный институт. Улемы сплошь и рядом претендуют на роль наставников в личной жизни мусульман, так и во всех вопросах общественной, пытаются формировать политическую ориентацию целых общин и традиционно вмешиваются в решение политических вопросов» (Плешов О.В. «Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане». – М.: Институт востоковедения РАН - Издательство «Крафт+», 2003 г., с. 21), как, впрочем, и священники Римской церкви. Так что гордиться мусульманам отсутствием церкви не стоит, дабы не прослыть лицемерами.

⁹ Идентичные обстоятельства отмечал перед Реформацией Лютер.

другие. Ссылаясь на Коран, они призывали мусульман понять смысл заложенных в нем мудростей... Поэтому главным направлением деятельности С. Ахмад-хана стали организация и распространение образования среди мусульман... улемы как носители идей «канонического ислама» направили всю свою энергию и средства на борьбу с крамолой С. Ахмад-хана. И здесь их ожидало ожесточенное сопротивление. С. Ахмад-хан был помимо прочего хорошо подготовлен в области теологии и поэтому мог дать и давал достойный отпор ортодоксам. Он посвятил немало своих статей и выступлений разоблачению несостоятельности проповедей улемов всех четырех школ (фикхов) суннизма, под видом традиций в течение веков пропагандирующих косность и невежество. Свободно оперируя положениями Кораны и Сунны, он каждый раз доказывал, что догмы улемов – не что иное как неправильная и неграмотная интерпретация Священного писания, усугублявшаяся на протяжении десяти веков. Огромная заслуга С. Ахмад-хана состоит в том, что он, пусть частично, но нейтрализовал негативное влияние улемов на умы мусульман, дал толчок распространению светского образования среди простых людей...

Альтернативная интерпретация исламской политической философии... была избрана средством для борьбы с улемами широко известным мусульманским философом и поэтом Мохаммадом Икбалем. Он посвятил годы своей жизни, чтобы показать лживость утверждений улемов о том, что божьи откровения в их интерпретации являются непреложными. Приверженность подавляющего большинства улемов принципу таклида, т.е. однозначного толкования положений писания муджтахидом, наиболее уважаемым знатоком какого-либо из мазхабов, он считал дорогой, ведущей в никуда. В этой связи Икбал призывал вернуться к практике применения иджтихада, т.е. творческого осмысления всяким мусульманином доктринальных положений Корана и Сунны как пути от избавления от умственной деградации» (73, с. 157, 160-161).

Призывы к исламской реформе раздавались не только со стороны мусульман Индии, но из царской России. Ш. Марджани, татарский обновитель ислама, «был одним из первых реформаторов, призывавших к возрождению философии, которая, по его выражению, и есть «сестра религии». Именно в этом направлении, думается, должна идти реформация ислама на современном этапе», – подытоживает муфтий Равиль Гайнутдин (24, с. 273). – «Ш. Марджани резко выступал против принятия каждой легенды за истину,

бесконечное доверие каждому книжному слову, возвышение сочинителей книг до небес – то есть против всего, характерного для ученых-таклидистов. Он призывал людей к самостоятельному поиску истины и писал: «Каждый человек, который хоть немножко может думать, должен стараться, по мере возможности, анализировать свои поступки, и от этого его никто не может остановить. Вдумчивость присуща каждому человеку, любой человек по интересующему его вопросу должен найти ответ сам и, по силе своего склада ума, должен доказать свою правоту убедительными доводами. Время активных действий не прошло и не пройдет никогда, оно существует вечно» (24, с. 276-277)

Таклид для улемов также удобен, как для ученых материализм: всё, что не попадает под выверенные схемы, суть не существует. Раз не существует, значит, нет нужды двигаться в данном направлении, а все происки оппонентов удобно называть ересью, научной или религиозной. Очень удобно опираться на вековые авторитеты, будь это Ибн Радж аль-Ханбали для последователей ханбалистской школы мусульманского права, или Дарвин для биологов и философов. То или иное громкое имя, подпирющее школу, кормит на самом деле десятки и сотни тысяч людей – какой им-то смысл лезть на рожон и доискиваться истины, когда все они сыты, пьяны и нос в табаке? Наконец, есть элементарный страх, и все мы его вполне понимаем: идти против большинства – удел единиц. Так что лучше во весь голос славить авторитеты аки богов: они умные, непогрешимые, с них и спрос. И даже тот факт, что ни один из мутакаллимов не был сподвижником Мухаммеда, и первая школа фикха появилась как минимум полтора столетия после его смерти, не колеблет логику улемов¹⁰.

Создается впечатление, будто невежество разумно! Оно методом перебора нащупывает нечто правдоподобное, с виду верное, как бы истинное – и давай всеми своими поклонниками славить находку. Их голоса создают гул, внушающий ужас и уважение одновременно. Правдоподобное всегда удобнее для власть имущих, нежели сама правда, и они поддерживают ее. Народ же как доверялся тысячелетия назад власти, авторитету и большинству, так и доверяется – отчего ж

¹⁰ Мухаммед умер в 632 году. Абу Ханифа, основатель ханафитского мазхаба, умер в 767 году; Малик ибн Анас, основатель маликитского мазхаба, умер в 795 году; смерть М. аш-Шафии, основателя шафиитского мазхаба, наступила в 820 году; Ханбал, свирепый противник мутазиликов, умер в 855 году. Один мазхаб отличается по взглядам от другого не более чем один палец от другого; пять мазхабов, включая джафаритский шиитов, держат умму жесткой хваткой.

не использовать его веру? С веками любая нелепость обретает место на иконостасе, с которого кормятся церкви, и вот уже попробуй возразить – святое! не трожь! И не трогают.

«Одна из трудностей сообщества верующих заключается в том, что, с одной стороны, они рассматривают некоторые реальности как абсолютные, сверхъестественные и Божественные, а с другой стороны, будучи и сами относительно, они рассматривают все через призму относительности своего ума и тела. Если они признают свои недостатки и причину данного противоречия, их внутренние проблемы не приведут к катаклизму. Более острая проблема для верующих возникает тогда, когда абсолютность и святость религии зависят от ее толкования человеком, которое может быть ошибочным, имеет временные и пространственные ограничения. И тогда предписания ряда лиц могут рассматриваться как истинная религиозность. Верующим считается только тот, кто согласен с их конкретным подходом». (104, с. 96-97) Вот: кто не с нами, тот против нас, против Мухаммеда и Аллаха! А если оправдывается, то уже виноват. И это еще одна удобная позиция.

Досадная особенность, возникающая при поклонении авторитетам – суживание их взглядов при расширении национальных знаний. Дабы этого не происходило, улемам нельзя допускать просвещение. «Когда будут устранены мудрствование и ученость, – полагает Лао Цзы, – тогда народ будет счастливее во сто крат», и это можно понимать двояко. С одной стороны, улемы называют себя учеными – в Коране и Сунне, в фикхе, шариате и адате (местное право). Их узкое знание и основанное на знании положение в социуме рождает в них иллюзию мудрости, мудрость – гордости, гордость – снобизма. Собственно, именно узкое знание, основанное на памяти, приносит несчастье – в науке, и тем более в религии, обедняя жизнь, сводя ее к критериям «от сих до сих».

С другой стороны, западная наука уже давно стоит в позе всемогущей всезнайки, хотя эта поза вызывает смех у самих ученых. Масса явлений, не укладывающихся в прокрустово ложе физических критериев, просто не изучается: по сознательному отсутствию финансирования и закрытости темы, или опасности быть обвиненными в авантюризме. Некогда шквал научных открытий позволял науке утверждать, что еще немного, и парадиз будет достигнут. Просто «многие знания есть причина несчастий», и шествия в неверном направлении. Лучше малые, но глубокие знания, чем многие, да поверхностные.

Поверхностные знания дали науке право усилить атеистическую составляющую века всеобщего материализма. Опираясь на знания о явлениях, не выходящих за диапазон регистрируемых колебаний, наука исключила из обращения душу, объяснила ум и чувства нервной рефлексией на раздражения. Понятие духа и вовсе перешло в сферу подсобных категорий – для пояснения движущего фактора. Беззубая религия, истребившая философию тысячелетия назад, была повержена всезнайкой с легкостью. Но и научная философия превратилась из поводыря исследователя в спекуляцию, схоластику, со своим собачьим языком, изучение которого по большей части и стало называться философией. Сегодня наука, обслуживая сугубо интересы войны и промышленности, находится в тупике беспросветнейшем; исследователей в классическом понимании, преследующих истину, в ней почти нигде не поддерживают. Наука не состоянии вывести мир из надвигающегося кошмара экологической и социальной катастрофы, равно как и забитая деградировавшая религия: их взгляд скользит по поверхности и не проникает вглубь. Воистину, такие знания способны только породить беды, и лучше от них вовсе отказаться – мир будет явно счастливее, без религиозных войн и гибнущей природы.

Знание должно добываться размышлением и интуицией, а не запоминанием и логикой; тогда оно становится гарантией движения и бегства от узости, тогда процесс обретения знания приближает его к собственному «Я». Чем больше человек узнает о себе и мире, тем больше у него впечатление, что он ничего не знает. Стремление же пояснить явления мира через суженное мировоззрение подобно попытке судить о большой картине по ее ничтожному фрагменту. В нашем случае дело усугубляет то, что картина многоплановая, и суждение по низшему уровню даже в случае его верности неверно с высшей точки зрения.

При таклиде, требующем безусловного верования в авторитет, собственное размышление, иджтихад, недопустимо, потому как ведет к усомнению в догматике и расшатывает фундамент любой церкви. Поэтому улемам так важно было доказать, что «ильм», искать который Мухаммед завещал хоть в Китае, есть знание, относящееся к их владениям, и «они свели идею «ильм», обозначающую «знание в целом», до значения «религиозное знание»; они изменили смысл понятия «иджма», которое стало означать не «всеобщее согласие», а «согласие сведущих», т.е. консенсус самих улемов; и они закрыли «врата иджтихада»: независимое суждение по религиозным вопросам

было, по существу, поставлено вне закона. Это оказало разрушительное воздействие на мусульманское общество... Толкование Корана застыло во времени. При отсутствии новых идей, осмысления и постижения меняющихся обстоятельств мусульманская мысль окостенела и стала полностью обскурантистской. Вследствие этого мусульманская культура утратила свой динамизм и выродилась, а мусульманское общество превратилось из открытого в закрытое. Религиозные мыслители отстаивали ту в высшей степени привилегированную сферу, которую они с таким усердием создали для себя... улемы успешно противодействовали введению книгопечатания в мусульманских странах почти в течение трех веков. Они доказывали, что массовое печатание книг не поможет понять и оценить священные и классические тексты, а будет способствовать их ложному прочтению и толкованию в неумелых руках. «Запретив» книгопечатание, улемы лишили мусульманское общество главного источника кислорода. Теперь мусульманские страны были готовы к поглощению их европейской мощью» (87, с. 129-130).

С другой стороны, разрешение на иджитihad смывает все авторитеты, а с ними и многие установления, державшие общество веками. Это будет тяжелым испытанием для общества, так как интеллигенция, опьяненная доступностью знания, уже на первых же этапах будет стараться делать выводы, влияющие на социум и государство. Выводы при малом знании, как известно, ошибочны – отсюда новые несчастья. Здесь более всего бы подошла китайская модель – определенная степень свободы при контроле. Тогда глупые студенты, очарованные иллюзией ущербного знания, не побегут на тяньаньмини мусульманских столиц. Ибо каким бы драгоценным не было знание, оно не стоит анархии, и уж тем более сдачи на милость Запада, знание которого ущербно с другой стороны – оно целиком материалистично. А значит тупиково.

Таклид тесно связан с салафизмом. Это направление присуще всем монотеистическим религиям, стремящимся в место и время своих первоучителей, попытка создать условия времен Мухаммеда и первой уммы, Христа и апостолов, Соломона и Давида: там был рай, там были открыты врата на небо, там было лучшее и справедливейшее устройство государства или общины.

Одна загвоздка: улемы зовут во времена Мухаммеда, обещая «чистый ислам», «истинный ислам», но истинный ислам не состоится без Мухаммеда, а Мухаммеда им взять негде (разве кто себя

пророком объявит...). Ведь государство «истинного ислама» есть, во-первых, реформа; отсюда, должен быть центр реформы, философ и вождь в одном лице, проводник и врата Высшего, без которого никакое действительно ценное и долговечное построение не будет реализовано. С другой стороны, явись Мухаммед, и не факт, что он стал бы вождем консервативных улемов, точнее не факт, чтобы они его приняли, как не приняли Христа «инквизиторы» Достоевского.

Салафиты полагают, что в Коране есть рецепты от всех социальных недугов и болезней. Поэтому, опираясь на Коран, они стремятся вывести и внедрить «мусульманскую экономику», «мусульманскую политику» и т.д. Но поскольку Коран давал рецептуру не для современного состояния мира (о нем мы имеем только пророчества в Коране и хадисах), не удивительно, что мусульманская экономика уступает экономике западной. Тора – это один рецепт, Евангелие – другой, и все рецепты для своего времени и для определенных народов. Нетрудно, опираясь на аналогию (кияс), столь любимую в некоторых мусульманских юридических школах (мазхабах), вывести следствие, что для выхода из современного тупика нужны оригинальные рецепты, которые мы вряд ли увидим в Коране в том виде, в каком хотели бы их увидеть: делайте так и так, и будет вам парадиз. Оригинальное же почти всегда противоречит консервативному.

Наконец, муллы ли, шейхи прежде всего люди, и потому суть неважно, знает ли правитель наизусть Коран или не знает, от ошибок он не освобожден ни в том, ни в другом случае. Отсюда, теократия улемов не есть спасение от бед, не есть залог «счастливых времен правления «праведных халифов» – уже хотя бы потому, что их не выбирал своими ансарами Мухаммед, и потому, что они не имели перед глазами свой идеал, а если бы и имели, это не гарантия, что они постигли некую сверхчеловеческую мудрость и стали свободными от ошибок и заблуждений.

Улемы зазывали в «умму» при создании Пакистана, и при талибской революции в Афганистане – и где же там идиллия? Христиане вечно желают очутиться в первохристианских временах, однако, как они себе их представляют – с сохой и крестным знаменем? Ментальность давно уже поменялась, под нее нужны новые формы. К примеру, «предложенная талибами в канун XXI века теократическая модель государственного устройства, к тому же базировавшаяся на средневековых нормах шариата, изрядно подзабытых даже в таком средневековом обществе как афганское,

игнорировала не только реальности окружающего мира, но и сдвиги в менталитете афганцев, которые произошли за последние несколько десятилетий. Более того, 6-летний опыт правления талибов лишь подтвердил, что они не разрешили ни одной из жизненно важных политико-экономических и этно-социальных проблем афганского общества и поэтому, как показали дальнейшие события, не получили поддержки большинства населения» (Сикоев Р.Р. Правление на основе шариата // Ислам на современном Востоке, с. 123). Если подытожить, то Салафизм – просто еще один вид таклида. Народного, так сказать.

Другая слабость мира ислама – раздробленность на секты. Основную массу мусульман составляют сунниты, но те разделены четырьмя мазхабами; суфии делятся на бесчисленное множество направлений и школ, хотя остаются номинально в рамках того или иного мазхаба. Шииты исторически отпочковывались за тем или иным имамом из рода Али, пока последний из них не исчез.

Возможно, в разделении есть и плюсы, толкающие стороны поддерживать то, что под запретом у противника. Например, шииты поддерживают идею иджтихада, правда, больше на словах чем на деле¹¹. Муса Багиев, известный татарский джадид¹², считал, что «дробление школ... позволяло учению ислама охватить больше проблем, создавало гибкое и живое право. Грех, подчеркивал он, не в существовании разных мнений и подходов к одному и тому же вопросу, а в культивировании взаимной вражды среди последователей разных мазхабов... «Ислам никогда не терпел от разногласий. Все беды, обрушившиеся на него, происходили от призывов к объединению в рамках одного мазхаба, к единомыслию» (24, с. 275). И с этим нельзя не согласиться; к примеру, школа талибов-террористов в Пакистане, а затем их переворот в Афганистане были финансируемы ярыми приверженцами ханбалитского мазхаба из Саудовской Аравии – и все ради того, чтобы подгрести мусульман под свою акиду.

Тем не менее раздробленность на руку не мусульманам, а Западу и Израилю. Вражда доходит до смертоубийств, в Пакистане, в Ираке.

¹¹ В Иране, если судить по сборнику речей и статей Хатами, бывшего президента Ирана, более чем достаточно явных и скрытых приверженцев таклида (кажется, правом суждения там обладают только аятоллы, что очень напоминает прерогативу римских пап). В свое время аятолла Хомейни давал им отпор, и не позволял заглушить то понимание ислама, с которым прошла Иранская революция. Но время и обстоятельства, как внутренние, так и внешние, явно работают не на свободу мышления. По идее, любые трудности должны только усиливать салафизм, как взгляд в прошлое.

¹² Обновленческое движение в татарском исламе.

Одна недавняя война между Ираном и Ираком чего только стоит. А есть ли в этом смысл? Кому выгодна ненависть, кроме Запада? Полагаю, что улемам, укрепляющим свою власть на вражде. Шииты и сунниты, к примеру, бьются за вопрос, смехотворность которого сравнима с причиной войны у крошечных хозяев Гулливера: с тупого или острого конца разбивать яйцо? Вопрос о наследии халифата был актуален в VII веке, при Омейядах. Но их развеяли Аббасиды, тех – монголы, тех – османы... актуален ли вопрос, терзавший мусульман 13 веков назад, сегодня, в XXI веке, когда халифата и в помине нет?

В конце концов, даже если бы Али с преемниками правили 1000 лет, они правили бы не ангелами, а смертными, слабыми к искушениям мира сего натурами, которые и после 1000 лет отказались бы от их принципов и развалили бы их дело не более чем за 50 лет. Так что по истечении почти полутора тысяч лет печалиться о шансе Али однозначно безумно.

Нагнетение безумия нужно шиитской церкви – ради самосохранения она вбивает клин в единое дело Али и Мухаммеда. Али пошел на перемирие ради сохранения единства уммы, а шииты же уже почти полторы тысячи лет ежедневно противоречат своему предводителю, следовательно, не являются его последователями. Отстаивать нужно не дело Али, а дело Расуллага. Если у шиитов и суннитов один Бог, то шиитам нельзя отрицать, что власть на земле принадлежит Аллаху, и не шиитов дело указывать, через кого и каким образом Ему управлять. В конце концов, Махди есть Луч от Солнца, а не само Солнце, у которого Лучей и лучиков может быть бесчисленное количество: наивно их все воплощать только в роде Али. Как и комментарии основателей мазхабов, все основные положения шиитов появились позже и не связаны с Мухаммедом; в силу этого можно заметить, что ислам, исповедуемый суннитами и шиитами, по большей части руководствуется преданием, а не Писанием. Была религия Моисея, а есть иудаизм; первая стояла на Откровении, второй – на предании. С исламом дело обстоит аналогично.

Нагнетание безумия нужно и суннитской церкви – всегда есть стрелочник, как же без него. Однако, последние события в Ираке, готовящаяся война в Иране, Сирии, Аравии должны убедить мусульман в обратном: Умме, если она не пустой звук, нужен единый фронт, иначе Запад пожрет мусульманские страны поодиночке. И блок Сирии-Ирана должен объединиться с блоком Египта-Аравии – ради дела Мухаммеда, отразившего происки Запада в свое время.

Разумеется, это звучит фантастически, но если бы после стольких веков вражды шииты перешли бы в суннизм (который перестал бы быть суннизмом) в рамках отдельного мазхаба... Принятие этого суннитами объединило бы ряды мусульман, и ни единое нападение Запада не осталось бы без коллективного ответа – Запад даже бы не рискнул на новую интервенцию! В Ираке шииты отказались от сопротивления, так как внешний враг свергал врага внутреннего, но может случиться дежавю, когда точно также посчитают сунниты во всех окружающих Иран странах. И долго Запад будет покорять мусульман порознь?

Активному всеобщему сопротивлению мешает также пресловутый кисмет, фатализм. Теория предопределения настолько глубоко вбита в сознание мусульман, настолько они верят, что абсолютно все на земле свершается волей Аллаха, что трудно их убедить в ошибочности этого взгляда, утвержденного древними мутакаллимами и усиленного улемами на протяжении десяти веков. Действительно,

И никогда Аллах не поменяет
Такого (положения) с людьми,
Пока они не переменят его сами. (13: 11-12)

Аллах не может двигать руками и ногами человеческими, Высший Принцип может лишь усиливать положительную мотивацию, или отступать, отдавая во власть беснующейся материи.

Те, кто уверовал в Аллаха и Последний День,
Тебя не станут позволения просить
Сражаться (с недругом) добром своим и сердцем, -
Аллах ведь знает исполняющих свой долг пред Ним. (9:44)

Фатализм есть также следствие таклида и запрета на собственное осмысление. Лозунг сторонников таклида – «Иджтихад монкарийз», в переводе – «время активных действий прошло». Ведь своя мысль толкает на свое действие, на активность; таклид с помощью фикха и богословия разрешает только то, что согласуется с тем или иным мазхабом, все остальное запрещая. Таклид отдал мусульман под власть жестоких правителей, их страдания поясняя предопределением. Отсюда и склонность мусульман к фатализму, поскольку активное сопротивление несправедливости, которое вовсе не обязательно должно выливаться в форму бунта, фикхом не предусмотрено.

Однако, страдания, угроза тотального порабощения, осуществлять которое будут американцы с израильтянами, а поддерживать свои же соотечественники, скоро побудят мусульман отбросить байки о кисмете, заставят их сделать все для изменения своего положения.

Возможные варианты завершения войны цивилизаций

«Теперь, всего лишь после десятилетнего перерыва, разгорается новый глобальный конфликт, и его с полным основанием можно квалифицировать как Четвертую Мировую войну. В эту войну вовлечены с одной стороны громадный Исламский мир, объединяющий более 40 стран с населением 700-800 млн. человек, а с другой – почти все индустриально «продвинутое» ядро христианского мира: по крайней мере 10-15 высоко развитых стран с населением 650-700 млн. человек. Конечно, трудно пока предсказать все перипетии этого только еще разворачивающегося конфликта, однако, если следовать формальной исторической логике, высвеченной предыдущими коллизиями такого рода, он должен привести к распаду евро-американской цивилизации – новой «империи зла» в глазах подавляющего большинства стран и народов». (94, с. 421). Мне остается только согласиться в этом взглядом, хотя автор его и обосновывает, по большей части, лишь тем, что Запад дорожит человеческой жизнью, а Восток – нет, и поэтому его не победить. Если честно, то Запад гораздо менее ценит жизнь людей, нежели Восток, просто пока он играет по правилам демократии (спасти рядового Райна во что бы то ни стало!), но легко может их изменить, сменив маску человеколюбца и гуманиста на тирана. Фашистам, насколько помнится, попить крови было что вина.

Превосходство Востока в населении незначительно при подавляющем превосходстве Запада в вооружении. Однако, есть нюанс, который обе стороны должны взять в расчет. При растущем потреблении нефтепродуктов и газа их запасы начнут истощаться уже через 15-20 лет – это крошечный срок. И если нефтепродукты стран ислама нужны Западу, то он не одинок в своем желании получать их по возможно более низкой цене. Есть и еще одна свердержава на востоке, интересы которой скоро неминуемо столкнутся с интересами Запада в восточном регионе. Это Китай, который к 2010 году сможет удовлетворять за счет своих запасов собственные потребности в газе только на четверть, а нефти – лишь седьмую часть. Миллиард населения сверху плюс армия и современное вооружение к ней на

весах будущей и неминуемой войны (если на Западе не произойдет революция, что ничтожно вероятно) – не такая уж малость¹³.

Только, если судить по китайским приамурским городам, что бурно разрослись за последние несколько лет, и уж точно не при одном участии бизнеса, то Китай явно собрался прибрать к рукам Дальний Восток... Вряд ли Кремль окажет хоть какое-то сопротивление. А на Дальнем Востоке противостоят нечем – все разорено, погромлено, расформировано. Заметим, что и США не будут возражать: сожрет, мол, Китай Дальний Восток – может, и хватит ему, а мы уж будем нефтяную Азию сосать.

Запад в следующие несколько лет приложит все усилия, чтобы установить контроль над ключевыми странами Азии, на что его будут толкать инвестиционные банки с Уолл-стрита, управляемые еврейскими банкирами. Богатство и власть последних основаны на эксплуатации финансовых систем других стран и завязаны на «сильном» долларе. Доллар же будет держаться, пока для него будут освобождаться новые рынки сырья и сбыта. Сегодня на американском фондовом рынке все быстрее выводятся активы из сферы новых технологий и стагнирующих традиционных производств и перекачиваются на рынок нефти. Сфера новых технологий составляет четверть актива США в акциях, и ее крушение из-за падения курса акций будет означать дефолт, предотвратить который можно лишь за счет резкого удешевления нефтепродуктов. Их же еще нужно завоевать. В общем, замкнутый круг, в который Запад загнал сам себя.

Куда ни кинь, война неизбежна. Для США – это способ удержания гегемонии, для Европы – это часть в общем деле, из которого наша добрая старушка извлекает свои дивиденды, для мировой закулисы – этап в достижении мировой централизованной авторитарной власти (просто спит и видит¹⁴), для Израиля – тысячелетняя жажда мести

¹³ В Китае мужчин, которым никогда не светит обрести вторую половину из-за демографического перекоса, порядка 100-150 миллионов человек – превосходная армия, однако, которой не надо платить денег, а только пообещать всех женщин Европы или России...

¹⁴ Это высказывание Дэвида Рокфеллера, председателя некогда существовавшей влиятельной Трехсторонней комиссии: “Мы очень признательны руководителям средств массовой информации за то, что они... соблюдали предельную осторожность относительно освещения нашей деятельности. В противном случае мы просто не могли бы... осуществлять наши проекты, если бы на нас было сосредоточено пристальное внимание общественного мнения. Но мир сегодня уже более совершенен и более предрасположен к созданию единого мирового правительства... Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банкиров более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение, которому мы следовали в течении веков”. Закулиса уже полагает, что говори-не говори, а делу никто и ничто не в силах помешать. Даже

своему кровному брату Исмаилу, для мусульман это долгожданный джихад с детьми Иакова и их учениками-христианами, а еще освященный грабеж: «талибская пропаганда подчеркивала, что если для «неверных» джихад – несчастье, то для мусульман джихад является благом, ибо при помощи джихада мусульмане не только создадут халифат (с муллой Омаром во главе? – С.О.), но и улучшат свое экономическое положение, захватив богатые трофеи у кафиров» (Сикоев Р.Р. Правление на основе шариата // Ислам на современном Востоке, с. 126).

Нас, по идее, должна интересовать не война (США с Ираном, или США с Сирией и т.д.), отвлечь которую не в наших силах, а послевоенное состояние. Победа любой из сторон будет означать следующее: кто на новенького? А на новенького будет Россия (или то, что от нее к тому времени останется). При любом раскладе (после которого от России уже ничего не останется). И при любой политике Кремля. Потому как слово «при любой» здесь мало подходит, ведь оригинальностью волна современной российской власти не отличается, когда дело касается реальной работы с причинами проблем России. То есть хотя изворотливости нашим господам не занимать, но нужных реформ от них Россия никогда не дожидется, как не дождался бы в свое время Иисус смокв с терновника.

По определению Хантингтона, Россия – самая большая внутренне расколота страна (наряду с Турцией, что снизу религиозно-восточная, сверху атеистически-западная, или Мексикой, полулатинской-полуамериканской). На чем России в XXI веке, веке религиозных, по-преимуществу, войн строить свою идентификацию? На православии? И с кем же в таком случае России союзничать? С православными в Сербии или на мысе Горн? Понятно, что с только Украиной и Белоруссией (политические разногласия долгий век не живут), но славянский союз – это союз одинаковых культур, внутрицивилизационный. Мы же говорим о устойчивости, фактически, о выживании славянской цивилизации, поскольку союз США, Европы, Израиля (иудео-католико-протестанской цивилизации) и отчасти Японии (с ее претензиями на наши дальневосточные территории) впятеро сильнее с военной точки зрения и вдесятеро с экономической.

Будем выстраивать идентификацию на мусульманстве? Но от русских арабы, и тем более турки мусульманских стран дальше, чем китайцы или индусы. При настоящем раскладе мусульманский

Восток ни за что не будет с Россией откровенен; у этого псевдосоюза возможны только тактические рукопожатия, пока это мусульманам будет нужно, и не более того.

На иудаизме? По маме не вышли. Разве что в качестве рабов...

На буддизме? Индуизме? Конфуцианстве? В чистом виде они не приживутся на полухристианской почве.

Здесь, пожалуй, нужно озвучить подсознательную цель этой книги: найти возможности соприкосновения живых религий, и прежде всего мусульманства и православия. Для получения такой возможности и исламу, и православию необходимы реформы, но вот проблема: извне сделать это практически невозможно.

Более всего реформы нужны именно православию. К чему? Да, действительно, нам тут тысяча лет, мы все в золоте и традициях, и вообще – с нами Бог и народ! Ой ли. Кто стоит за РПЦ, кроме правительства и старых бабушек, которым не до философии, успеть бы покаяться? Кто с гордостью поднимет руку и скажет: я – воцерковленный!? Да не более 1-3 процентов россиян. Таких исследований-то не проводилось, дабы страшную тайну не открывать. За РПЦ нет народа! За нее никто не пойдет умирать, если на то выйдет. РПЦ – символ золоченого помпезного фетишизма, достопримечательность для туристов. Потому что кроме веры в Бога религия должна и дорогу к Нему указывать, и сама по ней идти, и это дорога не должна быть тупиком, потемкинской деревней, в окошках которой красуются оптинские старцы. Так вот этого самого пути РПЦ никогда и не имела, и никогда, кроме пустых крещения, причастия да отпущения грехов, не могла ничего людям дать.

В одном из своих последних трудов Е.П. Блаватская предсказывала, что если православие не реформируется изнутри, Россию в ближайшие 20 лет ждут сильнейшие потрясения. Блаватская умерла в 1891 году, ее правоту может высчитать первоклассник. Сейчас ситуация сходная: если мы не найдем общего языка с китайцами и мусульманами, у нас нет шанса по истечении примерно такого же количества лет, или ранее. И речь уже не идет о потрясениях: победители будут вдохновлены успехами, а наша армия будет носить звание «почетной квантунской».

Бессмысленно читать Коран – он не для России писан, поздно учиться творить индуистскую пуджу или осваивать китайский этикет. Уже сказано выше, но повторюсь: нам нужно не искать мусульманство или конфуцианство в христианстве, но искать общее

для мусульманства, конфуцианства и христианства. Общими могут быть лишь восточные положения, либо следствия из них.

Проблем хватает не только у православной церкви, проблем хватает и у ислама, и ему также нужно избавляться от таклида. Но если там, перед угрозой тотального порабощения, под спудом страданий процесс изменения пойдет, не упрется ли он в стену со стороны России?

Православным философам нужно осознать всю тяжесть своей ответственности. У церкви есть еще время пересмотреть свое учение, а в нем основные догмы:

- иудейский Иегова против Единого Первопринципа;
- иринеевская Троица против Единства Бога;
- «Бог во плоти» против человека-Пророка;
- догмат искупления против предопределения по минувшим мыслям и делам;
- отпущение грехов против Спасения как следствия собственных усилий.

Это основное, что заставляет мусульман считать христиан еретиками. Остаются, конечно, и другие моменты, над которыми надо также работать. Нужно признать, что иудеи и христиане подвергли свои писания переделке и подделке, из этого последует необходимость искать настоящее Учение Христа – и ищущие обрящут.

Второй этап реформы будет вытекать из первого, т.е. статус Пророка повлечет за собой пересмотр отношения к другим религиям, а принятие закона кармы хотя бы и исламской трактовке подведет вплотную к пересмотру решения Вселенского Собора о перевоплощении. И если первый этап сблизит нас с миром ислама, то второй – со странами, исповедующими буддизм, даосизм, индуизм, и конфуцианство. А это – восточный блок, возможность присоединения к которому через десятилетие или около того будет определяться не политическими раскладами, а религиозным тождеством.

Вопрос о принятии той или иной стороны и сегодня должен лежать не в области политической конъюнктуры, исходящей из альянса Белых Домов, а в области религиозной парадигмы народов, единственно дающей долгосрочные следствия и определяющей устойчивое развитие государственно-национальных систем. Поддержка политиков лежит в диапазоне от 1-го до 99-ти процентного рейтинга, от революционной ситуации до безоговорочного патриотизма или шовинизма. Между этими цифрами

– до 70-80% политически апатичных по преимуществу граждан в статичные времена. Та же или иная форма религии свойственна 99% сознательных людей постоянно и независимо ни от каких внешних (для человека) событий, потому что является внутренней потребностью человека. Если судить с этой точки зрения, то православию вроде ближе до католицизма... будь последний жив как религия. Потому вопрос уже так и не стоит: на той стороне не с кем говорить. Равно как не обсуждаем вопрос о жизненности ислама: слепые да протрут глаза. Значит, выбор у нас небольшой. В чем есть свои плюсы: меньше придется сомневаться.

Да, с политической и военной точки зрения Запад сильнее, но духовно он труп. И уже не одно десятилетие. Тело без Духа долго не живет. Хотя бы потому, что Дух – это Разум, а без Разума до гибельного шага – рукой подать.

Если выбирать сильное, но временное и иллюзорное состояние, то нам к Вашингтону. Но если речь идет о устойчивом развитии, об этом смешно и думать. Реальное устойчивое развитие – это Египет с 6000-летней (а по другим мнениям, с 60000-летней) историей – с духовным религиозным основанием. А иллюзорное устойчивое развитие – это призрачная свобода (влезания в кандалы тотальной зависимости), рынок и демократия с бесконечными кризисами, сменами кабинетов и масонскими парадами.

При настоящем положении России ее курс на Запад чреват внутренней неустойчивостью. То, что там никто не ждет нас в качестве друзей, уже никто не сомневается. «Оранжевые революции» в Сербии, Грузии и на Украине, свергавшие и крайне лояльных к Западу президентов, должны были доказать, по идее, и российским политикам, что сегодня Западом востребованы не лояльные, а полностью послушные проводники воли мировой закулисы. Следовательно, завтра их, самостийщиков, заменят, и будут менять далее как перчатки, ради создания атмосферы всеобщего хаоса для конечного развала России. Следовательно, пути российских патриотов и правителей пока могут идти параллельно, если, конечно, правителям есть что предложить России кроме диктатуры, а патриотам – кроме митингов.

При поправке российского курса на мир ислама и Китай в мире восстановилась бы полярность и возможность выбора. Россия получила бы внутреннюю стабильность при внешней угрозе, сдерживаемой противостоянием Восток-Запад. В противном случае мы получим угрозу изнутри из-за конфликта идеологий, и снаружи,

закрывающуюся в непосредственной близости восточных государств, нами же и вооруженных.

Опять же, в случае образования даже номинального восточного блока процессы в мире ислама пошли бы мягче. Сегодня мы слышим три призыва: к объединению, к очищению, к борьбе с неверными. Каждый из призывов вполне является вилкой, то есть энергия может пойти по двум взаимоисключающим направлениям, но одно из них будет превалирующим. Вопрос – какое?

Призыв к объединению рождает как экстремистские движения, так и ойкуменические. Экстремистское движение более энергично на сегодняшний день, но оно угрожает стабильности исламских государств из-за возможности внутренней смуты, которая легко может перейти в цепную реакцию исламистских революций и к внутренней войне, которая будет означать конец Азии. Ойкуменическое движение к объединению может идти на уровне правительств и просвещенных улемов. Это куда более приемлемый вариант.

Призыв к очищению есть либо движение за таклид, либо за иджитihad. Стоящие за таклид ретрограды до предела ограничивают возможные варианты развития исламских государств. С ними союз не-мусульман возможен не в большей степени, чем союз огня с водой. Поддерживая нарождающихся философов, понимающих глубину истинного ислама, скрытую за шелухой обрядности и шариатом, правители исламских государств получили бы больше маневренности, обрели бы больше союзников.

Призыв к борьбе с неверными может быть направлен как внутрь ислама, к поиску куфра и ловле ведьм, так и вовне. Джихад с Западом неизбежен, но если бы от пресмыкательства перед ним и союзов исламские правители приняли бы доктрину о едином враге, время «разделять и властвовать» для Запада однозначно бы закончилось.

При этом Востоку ни в коем случае нельзя уходить от диалога. Мировой закулисе именно потому удается использовать вооруженные силы Запада, что ей легко, владея подавляющим сектором информационного пространства, внушить народам Запада какую угодно ересь. Когда нужна была последняя капля для открытия второй войны с Ираком, TV выдоило эту каплю из самолетика, собранного каким-то детским кружком иракских авиамоделистов: способен, мол, донести атомную бомбу (при ее полном отсутствии) и сбросить на бесценный Израиль. У Востока из рук вон плохой пиар, то есть своего пиара вообще нет, хотя возможности для поддержки своих изданий пока имеются. На Востоке, думаю, нет проблем с

мозгами, даже если таклид все забивает. В скандале с датским карикатуристом ведь почти никто не выступил со взвешенным пояснением позиции мира ислама, хотя возможность была уникальнейшая. Запад дает большие деньги на «плюрализм», то есть освещение его точки зрения на свободу мысли, и СМИ берут их и говорят то, что нужно Западу. При таких же возможностях грантовой политики Восток пассивен, хотя мог бы таким образом вести диалог в своем ключе.

Диалог для Востока возможен при условии религиозной стойкости, а не наоборот, для него «представление о религии и толкование ее не должно расходиться с духом веры,¹⁵ потому что такое несоответствие стало бы препятствием на пути диалога между религиями, который является первым шагом к установлению прочного мира» (104, с. 67). В противном случае диалог суть монолог, и вести его в духе «Коран не считает вас, христиане и иудеи, неверными, а каких-то других людей, каких уже и в помине нет» себе же обойдется дороже.

Итак, России, Китаю и миру ислама необходимо двигаться в сторону сближения – это веление времени. Для составления стратегического союза этого времени мало, но если он все-таки будет составлен, откроются и новые возможности для сближения стран, которые в него войдут.

Если со временем в результате реформирования христианских и исламских догматов откроется канал для более тесного диалога культур, это еще не означает, что вслед за этим народы сблизятся до уровня совместного проживания. Во-первых, в этом пока нет особой необходимости. Во-вторых, традиционный восточный деспотизм изменил мусульман, сделал их малопереносимыми в большинстве для тех же русских и других народов, продуктов более гуманных во взаимоотношениях людей византийской и римской культур. Хатами скорбит, что для мусульман деспотизм стал «второй натурой. Каждый из нас в отдельности подобен диктатору, каждый по-своему, и эта достойная сожаления черта характера проявляется во всех слоях и сферах нашего общества» (104, с.192). Контакты русских с «лицами кавказской национальности», а равно с представителями других народов Средней Азии, входивших в СССР, редко когда имели положительную дельту. Презрительное «чурки» и «черные» с одной стороны, и не менее обидные идентификаторы с другой более чем

---

¹⁵ Дух веры больше эзотерическое понятие, то есть наиболее тонкое, и для мусульман это скорее суфийская мудрость, пришедшая из Сирии, чем шариат; для последователей Вед и Будды скорее теософия, чем толкования брахманов.

характеризуют уровень симпатии в отношениях. Поэтому сближение народных тел будет нецелесообразным еще долгое время.

Сближение мусульманской и христианской культур возможно, но даже это долгий путь. Наилучшим вариантом, если придет время для сближения народов, по всей видимости станет временное совместное обучение и проживание философски предрасположенной интеллигенции обеих цивилизаций в рамках замкнутых полууниверситетских общин. По истечении срока обучения желательно назначение адаптированных к совместной культуре, общению и проживанию в своих странах на ключевые в местных сообществах посты, дабы они влияли на нравы и умозрение своих собратьев. Через ряд поколений, если судьба будет благоволить и посылать мусульманам правителей не хуже Хатами, бывшего президента Ирана (России же Хатами нужен еще в большей степени, чем Азии), людям разных культур будет проще сходиться, находить общий язык, уживаться. Впрочем, такой же рецепт для мусульман предлагает Коран:

Пусть лучше бы составилась отряд
От каждого колена иль общины,
Который выступал бы для того,
Чтобы делам благочестивым поучаться¹⁶
И наставлять по возвращению в общину свой народ,
Чтоб осмотрительными были (9:122).

Может показаться странным, что априори отвергнув возможность мирного сосуществования (даже Ленин, в свое время отвергавший любые сношения с буржуазными странами, после гражданской пришел к мысли о возможном сосуществовании стран с различным строем, а автору уж сам Бог велел...), я веду речь о поствоенном периоде. Наверно, потому что не могу найти логику, следуя которой цивилизации придут к примирению. Действительно, я считаю, что у вопроса противостояния Запад-Восток нет решения. Отравленный иудаизмом Запад никогда на решение не согласится.

Оно ведь может состояться только на уровне религии, но основные положения иудаизма и мусульманства разнятся значительно больше, чем положения ислама и, скажем, индуизма или даже православия; они просто диаметрально противоположны:

¹⁶ Поскольку Мухаммед учился в Сирии, возможно, в Сирии и должны были, по идее учиться представители родов и колен, дабы по возвращении учить свои народы. Полагаю, что ведущими мусульманскими богословами эти стихи уже давно истолкованы как призыв к представителям мусульманских народов обучаться в мусульманских центрах в Мекке, Медине или Каире.

национальный бог иудеев и их национальные притязания против вселенской роли уммы без различия наций, поклоняющейся Аллаху, объемлющему все традиционные религии (традиционные, как уже ясно – исходящие от Традиции, а не традиционно присутствующие среди народов мира).

Мы вполне можем представить переход православных и индусов в мусульманство, так как видим эти случаи по сей день, и даже можем допустить смену религиозных положений в сторону традиционных как в исламе (чаще наблюдаем обратный процесс искажения Традиции под влиянием интересов священнослужителей и развиваемого ими Предания), так и в любых других религиях – кроме иудаизма. Дело в том, что православие, отвергнув догмат о Троичности – как изобретение позднего Никейского собора – в пользу Единства Бога, останется христианством; иудаизм, отвергнув догмат о избранничестве и о сущности национального бога, пекущегося только о интересах евреев, перестанет быть иудаизмом. Иудаизму невозможно стать универсальной религией, как невозможно арабу стать законнорожденным евреем. Следовательно, пока иудаизм является основой как в политике Израиля, так и в мировой политике, реализуемой США под руководством банкиров с Уолл-стрита и сионистов из силовых структур, мир ждет непрерывная эскалация лжи, насилия, прямых и финансовых войн.

Чуть более возможной представляется реформа христианства в сторону отказа от иудейского наследия и реформы никейских догматов в сторону традиционализма. В таком случае, при должной степени христианского Ренессанса, Западный блок начал бы распадаться, пока Израиль не остался бы в одиночестве. Но представить католический и даже протестантский Ренессанс можно только во сне. Единственно православие, и то лишь в ходе новой революции в России, которая бы сменила настоящее прозападное правительство, способно на реформу (и не сверху, разумеется).

Следовательно, мы можем прогнозировать Третью Мировую войну, в которой на стороне Израиля вначале будет большинство западных стран, на стороне арабов – страны ислама и, вполне возможно, Китай. В дальнейшем под влиянием истины, которая упрямо будет лезть в умы западной цивилизации, под влиянием грядущих разоблачений Израиля, сионизма и иудаизма, а также явно антинациональной политики западных правительств, во все большем количестве стран будут происходить массовые протесты и даже революции (которые будут сопровождаться еврейскими погромами,

изгнанием и даже, как бы это страшно не звучало, истреблением евреев, так как наименее интеллектуальной революционной массе не присуще разбираться в отличии иудея от сиониста, и их обоих от еврея). Безусловно, война – лучшее средство для переоценки ценностей и смены убеждений. Таким образом, западный блок, возглавляемый Израилем, будет слабеть, восточный блок – укрепляться.

Между прочим, Россия в западном блоке – наиболее уязвимое звено, и чем сильнее будет стараться Запад ее расчленить и поглотить, тем быстрее будут идти внутренние оздоровительные процессы, которые рано или поздно приведут к смене курса и вхождению России в восточный блок. Вслед за ней (или даже вперед) в него войдут большинство азиатских бывших советских республик, плюс Белоруссия и, рано или поздно, Украина.

Таким образом, войны восточного и западного блоков не избежать, хотя, вероятно, возможно разделить ее на ряд конфликтов, более или менее локальных. Равно как и восточному блоку будет довольно трудно в условиях настоящей разобщенности и слабости вооружения взять верх над западным. Но в любые переломные события истории мы имели возможность наблюдать скрытое влияние тех Сил, что стоят за земной Традицией: в случае невероятной победы французов под предводительством Жанны д'Арк, ведомой Голосами; или в случае покорения Смуты под предводительством Козьмы Минина, вдохновленного видениями; или при избавлении Руси от татаро-монгольского ига при центральных фигурах Дмитрия Донского и Сергия Радонежского. Нечто подобному, думаю, мы будем свидетелями в скором будущем.

Мировая закулиса

И еще раз вернемся к изначальной проблеме иудаизма. Тем она и сложна, что изначальная (в нашем цикле), и на нее, как на ось, нанизано множество других проблем. Исходя из предыдущего неуспешного опыта реформ, от Исаяи, Иеремии и Иисуса Христа, боровшихся с извращениями иудаизма, до Спинозы и Израиля Бешта, определенно можно сказать, что дело это – реформа иудаизма хотя бы в сторону универсальности – бесполезное. Даже если ранее реформы и удавались, и привлекали к себе последователей, то рано или поздно иудаизм поглощал их, придавая им форму еще более худшую, еще более невежественную, чем ту, которую имел сам. Видимо, Провидением дано еврейскому народу достичь до крайних степеней

абсурда, которые по нему же и ударят со всей беспощадностью и неотвратимостью.

Именно народу, а не одной иудейской секте, так как деятельность этой секты не носила бы столь разрушительный характер, если бы не поддерживалась, сознательно или полусознательно, или бессознательно основной народной массой. Одиноким прозревшим евреям уже вряд ли что удастся изменить¹⁷. На любое их возражение иудеи поведут рукой: вон чего мы добились, значит – так того хочет Б-г. Видимость, она ведь наглядней реальности. Но Гитлер в свое время тоже много чего добился, однако же, словами Нострадамуса, «держава зверей долгий век не живет», что справедливо относилось как к Третьему Рейха, также справедливо и по отношению к ультра-расистскому Израилю.

Иудеи, при всем многообразии их толков, так или иначе исповедуют четыре основных догмата (см. статью «Догматика иудаизма»), и любой из них делает из них... хотел сказать, слуг тьмы, да уж больно на православный манер. Скажу проще и непонятнее одновременно: слуг мировой закулисы. Это понятие когда-нибудь обретет своих исследователей, и в большом множестве. Сегодня на существование некоей мировой иерархии (точнее, двух противоположных иерархий) выходят все, кто так или иначе рассматривает или сталкивается с деятельностью тайных обществ, различных мистических орденов, типа «Германенордена», приведшего к власти Гитлера, или Ордена тамплиеров, некогда уничтоженного католическим Римом в союзе с французским королем. Кто-то очень хорошо заметил, что история суть история тайных обществ.

---

¹⁷ Не без пророков все же и в том отечестве. Очень жестко и в цель пишет бесстрашный Израэль Шамир, просто гвозди забивает: «Что говорит злобный еврей? Он с восторгом упивается каждым словом в речах каббалистов, р. Кука и р. Шнеерзона. Скажем ему... если ты убедишь человечество в истинности своего учения о еврейском превосходстве, в том, что евреям суждено быть господами, а гоям – рабами, в том, что настоящее палестинцев – это будущее всех гоев, что судьба Газы постигнет Москву и Париж, ты получишь ответ Гитлера, а именно, «я сделаю все возможное, чтобы остановить эту чуму». Это единственно возможный ответ существам, которые отказывают другим даже в общем человеческом происхождении. Если крыса считает себя божественной и утверждает, что ей суждено наследовать землю, на это можно ответить только дихлофосом. Силы евреев – с миллиардами долларов Гусинского и Бронфмана, с министерскими постами в США и России, с третьим в мире ядерным потенциалом Израиля – не помогут, если человечество поверит твоим словам. Наше счастье, что тебя не слышно. Невинный лупает глазами и говорит: «А ну как и впрямь мы избранный народ?» Ответь ему – а Наполеоном ты себя не считаешь? ...» и т.д. на сайте <http://www.israelshamir.com/ru/politic.htm>.

Безусловно, мир имеет два вечных Полюса, хотя бы потому, что все двойственно в проявленном мире: тепло и холод, жизнь и смерть, белое и черное... Это не безличные силы, хотя и кажутся таковыми по недостатку знаний. Природа как созидает, ведомая Духом, так и разрушает, и любая форма, облекающая Дух, не в силах соответствовать постепенно выявляющемуся потенциалу, в нем заложенному. Поэтому форма временна. Однако, дух, ограниченный формой, склонен цепляться за нее как за единственную собственность и последнее пристанище, как дух каждого из нас (за редчайшим исключением) цепляется за тело. Потому Природа как дает тело (амебе, собаке или человеку, равно как вирусу или планете) в начале каждого жизненного цикла, так и отнимает его, руководствуясь в том числе и этим соображением. Ангел Смерти суть православный образ разрушающих Сил Природы, равно как Шива у индусов, Сатана у гностиков (см. статью «Сатурнин»).

В мире, доступном только умозрительному изучению, также существует два Полюса, и так на любом уровне, вплоть до гностического Ноуса. Полюса Духа и материи, они обуславливают движение, от меньшего к большему, как разность потенциалов вызывает электрический ток, и потому полюса необходимы – для создания движения, изменения. При этом движение к БезОбразию (к Бесформенности, чистому Духу) по силе не уступает (а в нашем цикле здорово проигрывает) движению к безобразию. То есть хорошо, если бы влечение было к тому, в чем мало материи (зла) и много Духа (добра), однако, большинство влечет с неудержимой силой в противоположном направлении. И это влечение к смерти, эта Сила, по своей не разбирающей сути похожая на бессознательную, тем не менее может быть инструментом у людей, знающих как ею управлять. И управляют они этой, скажем так, астральной силой, не хуже, чем электричеством, физической силой.

Суть управления проста, и заключается в зажигании обманных звезд, псевдо-идей. Последние отличаются от Идей тем, что принадлежат плотскому миру форм. К примеру, идеи комфорта, карьеры, секса без границ, физической и финансовой защищенности, политической власти... Однако, любые идеи обозначают Полюс, и вызывают влечение к нему. Эти идеи имеют своих продвинутых адептов и преданных сторонников, и повальная увлеченность ими, обусловленная тем, что в руках наших игроков, мировой закулисы, все мало-мальски известные и влиятельные СМИ, а также более века прямого влияния, обеспечила закулисе лобби западных народов. Ведь

в результате этого прямого влияния западный мир был перестроен так, что всякий образ жизни, не завязанный на псевдо-идеи, ныне входит в противоречие с общепринятым образом жизни. Если же тот или иной народ чего-то хочет, то это так и будет, пока псевдо-идеи не покажут во всей красе настоящие лики, лики смерти и разрушения. И тогда вспыхнут настоящие Звезды¹⁸.

Однако же, будем проще. Вот родился в Сибири мальчик, и некое внутреннее чувство с детства отличало его от сверстников, ставило над ними. Честолюбием он мог поделиться с десятком товарищей, и карьера и сопряженная с нею власть манила его едва ль не с первого класса. Командир звездочки, пионерского отряда, комсомольский вожак... Его голос, его манера поведения, его внешний вид уже в институте привлекли к нему внимание тех, кто о ком в свое время отлично выразился Иисус: «лицемеры... обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Матф. XXIII, 15). И началась карьера, удивительно быстрая! Он легко преодолел ступени комсомольского, профсоюзного вожака... партийный билет едва ли не на первом курсе... затем инструктор райкома, второй секретарь, перевод в обком... выше и выше. Перед каждой ступенью перед ним вставал выбор, заключавшейся в том, что через кого-то надо было переступить, кого-то потопить. И он с легкостью брал эти барьеры, и доказал, что «для партии» он готов не пожалеть ни товарищей (они ж не правы!), ни собственную семью, ни собственный народ. И вот он уже «в тележке», потому что его заметил Сам! Точнее, не совсем в ней, просто рядом бежит, и не Сам вроде... впрочем, черт их там разберет... но он готов! ГОТОВ!

Готовы и Лицемеры. Они приглашают его на некое тайное собрание... все в тени, и лишь он на свету. Он узнает, что его вели, его готовили, они знают все этапы его карьеры, они были за каждым его взлетом, и за каждым его выбором. Они легко это доказали. Еще не все «в тележке» разделяют их взгляды, но это дело времени, потому что есть некая могучая Ложа, и под ней все, только они пока, как и наш неофит, не в курсе. Готов ли он проникнуть в тайну Ложи –

¹⁸ Недавно вышедший на экраны фильм Павла Лунгина при всей скромности его создателей можно назвать эпохальным. Ведь ничего похожего ранее просто не было. Жития Святых, от апостолов до Иоанна Кронштадского, не вызывали у русских желания личного духовного подвига, во всяком случае, не в той степени, в какой проявится оно уже сегодня или завтра. И многие будут снова искать старцев, хоть и нет их у православной церкви... Однако, первая звезда зажглась!

ведь для него уже не будет возврата? Готов ли он вручить свою жизнь в руки тех, кто во тьме? Готов ли он стать Избранным?

Спрашиваете – конечно, Готов! И он проходит посвящение. Несколько дней он в депрессии, но чело его темнеет, печаль ложится на него, первые глубокие морщины... Он балансирует на грани, он должен выбрать... впрочем, выбор-то он давно уже сделал, и только теперь осознал, что же это был за выбор.

И он вверяет себя Ложе, он готов стать ее послушным инструментом. Со временем он узнает, что под Ложей уже давно все те, кто рулят Западом, и все, кто под теми, кто рулит Западом. И страна, распластавшаяся у ног их, уже готова войти в великое течение... Партия (была же возможность в феврале 17-го пойти под Ложей, так принесло эту партию...) или партии, советы или парламенты, диссиденты, декаденты – какая, собственно, разница перед вседвляющей мощью? Теперь он с нею. Теперь он может посмеиваться над этими поборниками свободы: им лишь дают открыть рот, а они уже и рады, и готовы все принести на ее алтарь.

Голубые, к примеру – хороши во рвении, и всех норовят опустить, себе уподобить, но ведь и знать не знают, что на самом деле создают все предпосылки для хаоса, вместе с политиками, актерами, журналистами, другими публичными звездами... и хаос ждет рано или поздно мир. Потрясенные великим Бардаком, народы сами призовут Ложу, и она выйдет из тени. И никто не узнает, как узнал недавно он, избранный и приближенный (знал бы он, к чему!), что на самом деле за всем стояла Ложа, и все публичные придурки были лишь куклами в умелых руках, актеришками...

Фантастикой ли это покажется вам, или моим полночным бредом – я и не настаиваю, чтобы эту версию читатель принял за истину. Как Стенли Кубрик не настаивал, чтобы его последний фильм смотрели «С широко закрытыми глазами» (мне только Круза с Кидман было искренне жаль, их депрессии не было предела), или Стивен Норрингтон не настаивал, чтобы «Блейда» переводили с аллегорического, понимая под вампирами слуг Ложы¹⁹ ... Наверно, только Платонов в «Терновом венце» на многом подобном настаивает, да кто ему, собственно, верит?

Действительно, можно закрыть на все глаза, можно пребывать в счастливом неведении и полагать, что оно никогда не закончится. Можно закинуть свой ум в дальний угол, как настаивают на этом

¹⁹ ... которые после первого «Блейда» сняли тупейший сиквел, дабы показать, что за первым «Блейдом» нет никакого смысла, а затем еще один, и наконец начинают съемки – а вдруг не поверили – сериала из 18 фильмов: ужю кровушки-то будет...

православные и мусульмане... но это не помогло последним, не поможет и первым.

Так никогда не поверят и иудеи, что они всего лишь инструмент в руках мировой закулисы, что они тупо пляшут под дудку неких хитрых гоев, которым плевать, собственно, на национальности, на способы обретения тотальной власти, на все плевать, кроме самой власти. Те, кто рулят иудеями, конечно, знают всю подоплеку, и находятся между двумя огнями: если узнают верные, они растерзают их, как сикарии растерзали когда-то саддукеев, если же отказаться от водительства Лужи, то тут и третий по величине ядерный потенциал их не спасет. Наверно, они называют, для успокоения совести, этих хитрых гоев слугами Иеговы, такими же «нелицеприятными» и внациональными, такими же мстительными и жестокими...

Псевдо-звезда уже третье тысячелетие ведет за собой «избранных», и копится карма, разряжаясь временами холокостами, но слепы «избранные». Их вожди пригнали их в палестинские земли, внушили дикую ненависть к арабам, построили их руками государство оголтелого расизма, в котором даже евреев из России не считают настоящими евреями, и хоронят их за кладбищенской стеной, а что уж там говорить о арабах! Многие надеются, в том числе и в среде евреев, что абсурд рано или поздно откроет глаза евреям, и сионизм в отдельно взятом государстве, распространившийся метастазами по всему Западу и России, потерпит сокрушительное поражение...

Следовательно, нет иного выбора, как определить иудаизм к тому, что «мертвое, но живет», и все внимание обратить на то, что еще доступно голосу разума, т.е. на православие и ислам, в нашем случае. Тем более, что иудаизм активно работает на их пробуждение.

Читателю

Эту работу многие оценят по достоинству, но защитников она если и обретет, то немых по преимуществу. Взгляд, ею отражаемый, конфликтует с устоявшимися мнениями, к примеру, на христианство как на добро в белых слегка запачканных одеждах, на ислам как на ящик с двойным дном: толи призыв к миру с «людьми писания», толи установка к действию для террористов-экстремистов-фанатиков, на иудаизм как на религию нормальных человеческих ценностей (ну, слегка вычурных, разве что)... Фактически, каждая статья слишком неполиткорректна, чтобы для нее нашелся адвокат от религиоведения или политологии.

Иногда мне не хватало достаточно ясных слов, чтобы обозначить традиционную (как, конечно, я ее понимаю) позицию, но в любом случае я выбирал взвешенные выражения. Однако, у читателя в результате может возникнуть иллюзия, что раз восточные положения есть необходимое условие для диалога цивилизаций, то земная резиденция истины находится в Индии, или в Китае, или хотя бы в Иволгинском дацане под Улан-Уде. Я назвал бы такое умозаключение опасной иллюзией. По двум признакам.

Во-первых, речь шла о традиционных положениях, отраженных в восточных религиозно-философских системах. Именно потому я и называл их восточными, что при слове «карма» или «перевоплощение» сразу возникает образ индуса, а не немца.

Во-вторых, Мистерий в открытом состоянии, как они существовали некогда в древней Греции или древнем Египте, нет, наверно, ни в одной стране мира. В любом случае исследователь будет иметь дело с экзотерическим культом и его служителями. В той же Индии к вашим услугам кроме храмовых экскурсий и бесед с пандитами (религиозными учеными, не обязательно блещущими ученостью) масса предприимчивых гуру открыли свои ашрамы. Без проблем: сари, блюда с кари, медитации на заре, пуджи и даже посвящения по дополнительным прайсам – было бы желание. Хорошо, если интуиция приведет вас к нужным вратам, за которыми вас ждет урок божественной любви, но за остальными под шелухой полутантрической обрядности и бесплодных разговоров можно потратить жизнь на поиски истинных знаний, и не найти их.

Лет пятнадцать назад я путешествовал по бурятским дацанам в поисках мудрых людей. Шаманские ритуалы изгнания злых духов и задабривания полезных, почему-то обязательно с водкой, молитвы на тибетском, женатые ламы, приходящие в дацан как на работу – о, какая грустная и знакомая картина. В православных монастырях только что водку не используют, ладаном обходятся, соблюдают целибат, а духов святыми называют или воинством сатаны. Мне искренне было жаль русских хуvaraков (учеников) со всех городов России, проходящих курс молодого бойца за зубриванием тибетских текстов – чего ради?

Здесь впору, как Генону, завывать с тоски... Действительно, сир и нищ наш мир, и похож на несчастного сироту. Такова реальность. Можно отмахнуться от всего, уйти с головой в иллюзию, как мы это умеем делать, но любой обман или самообман рано или поздно рассеивается. Настоящая религия всегда с нами, и когда иссякают

эмоции, мы в тишине приходим к верным решениям – была бы воля их реализовывать. Мы не можем изменить мир, пока он сам не пожелает измениться, но должен каждый, как знает и умеет – по малому шагу, делать то, что в его силах и возможностях. С надеждой на Провидение и его Иерархию, потому как если есть зло, то оно все лишь доказательство существования Добра²⁰.

Я полагал, что данная работа будет интересна не только специалистам – ориенталистам, исламоведам и другим, – но и любому интеллигентному человеку, ищущему ответы на вопросы философии, политики, религии. В этой книге совсем немного моих собственных выводов, скорее, я выступил в роли популяризатора Блаватской и Платона, Спинозы и Оригена. Я всего лишь расставил известные всем события, взгляды и мотивы с точки зрения логики, опираясь на восточные концепции.

Я уверен, что эта книга необходима сегодня. Особенно сегодня, когда противостояние Запад-Восток угрожает мировым пожаром, мировой катастрофой. И хотя для решения этой проблемы нет однозначного рецепта, знать хотя бы ее причины чрезвычайно важно. Предупрежден – значит вооружен.

---

²⁰ Рекомендую прочесть «Две Жизни» К. Антаровой.

Литература

1. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия "Райхан ал-хака'ик" (XI-XII вв.). - М.: Восточная литература, 2003 г.
2. Амусин И.Д. Находки у Мертвого моря. – По электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru>
3. Амусин И.Д. Кумранская община. - М.: "Наука", 1983 г.
4. Андре Боннар. Греческая цивилизация. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 1994 г.
5. Бабак В.А. Исламский фактор во внешней политике Казахстана // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
6. Безант Анни. Загадки жизни и как теософия отвечает на них. - М.: СП "Интерграф Сервис", 1994 г.
7. Бертран Рассел. История западной философии, в 2-х томах. - Новосибирск, НГУ, 1994 г.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, издание Московской епархии, М., 1992 г.
9. Блаватская Е.П. Евангельский эзотеризм. - Рига: "Виета", 1991
10. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. - М.: Российское Теософское Общество, 1992
11. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина, 3 том. - Новосибирск: ИЧП "Лазарев В.В. и "О", 1992
12. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина, в 2-х тт. - Новосибирск: ИЧП "Лазарев В.В. и "О", 1992
13. Блаватская Е.П. Теософский словарь. - М.: "Сфера", 1994
14. В.А. Бабак. Исламский фактор во внешней политике Казахстана // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г., с. 336-360.
15. Бозций. "Утешение философией" и другие трактаты. - М.: Наука, 1990.
16. Бахромхан Махдумзода. Генезис Несторианства. – По электронной версии на сайте <http://www.arba.ru>.
17. Бхагават-Гита, пер. С.М. Неаполитанского. - С-Пб: Общество ведической культуры, 1992 г.
18. Бхагават-Гита. Перевод Прабхупады. - М., Бхактиведанта Бук Траст, 1991 г.
19. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада: пер. с англ. А. Башкирова. - М.: издательство АСТ, 2004 г.

20. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). С-Пб.: "Андреев и сыновья", 1994 г.
21. Вашингтон Ирвинг. Жизнь Магомета - Ставрополь: "Кавказский край", 1992
22. Вейнберг И.П. Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н.э. // История древнего мира, под ред. И.С. Свенцицкой - М.: Наука, 1989 г.
23. Вивекананда, Свами. Философия йоги. - Магнитогорск, "Амрита", 1992 г.
24. Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004 г.
25. Генон Рене. Кризис современного мира. - по электронной версии на сайте <http://genonlib.narod.ru/>
26. Генон Рене. Символы священной науки - М.: «Беловодье», 2002 г.
27. Дао де Цзин, пер. Кувшинова. - Новосибирск: «ВИКО», 1992 г.
28. Диксон Олард. Каббала с точки зрения современности» // Папюс «Каббала», М., Рипол Классик, 2002 г.
29. Дхаммапада, введение и комментарии В.Н. Топорова - СПб.: изво Чернышева, 1993 г.
30. Евангелие от Фомы // Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. - М.: Мысль, 1989. - стр. 219 – 262. – По электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru>
31. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. - М.: Политиздат, 1990.
32. Жмуйда И.В. Итоги исламизации экономики Пакистана // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
33. Зарринкуб А.Х Исламская цивилизация. - М.: "Андлус", 2004 г.
34. Зинатулла от Терази. Исламский шариат. - Казань: Казанское высшее мусульманское медресе "Мухаммадия", 1995.
35. Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М.: Изд-во АН СССР, 1961.
36. Ибн ал-Араби. Мекканские откровения / Пер. с араб. А.Д. Кныша. - СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1995 г.
37. Игнатенко А. А. Деятельный человек versus Божественное всемогущество (Квиетизм и активизм в средневековых арабо-исламских «князьих зеркалах») // Этическая мысль. Научно-

- публицистические чтения под ред. А.А. Гусейнова. - М.: «Республика», 1992
38. Игнатенко А.А. Изучать верблюда, а не «корабль пустыни» // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
  39. Идрис Шах. Суфизм. - М.: «Клышников, Комаров и К», 1994 г.
  40. Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке, Петербург, издательство Чернышева, 1993 г.
  41. Иосиф Флавий. Иудейская война. - Минск, «Современный литератор», 1999 г.
  42. Иринеи, епископ Лионский. Против ересей. - По электронной версии на сайте <http://apologia.narod.ru>
  43. Ислам / Сост. В.В. Юрчук. - Минск: "Современное слово", 2004
  44. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 2. - М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1999 г.
  45. Исламский хиджаб. - Казань: "Иман", 1995.
  46. Карташов А.В. I-й Вселенский собор в Никее 325 г. – По электронной версии на сайте <http://apologia.narod.ru>
  47. Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. - М.: «Прогресс», 1994 г.
  48. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. - Спб.: "Издательство "ДИЛЯ", 2004 г.
  49. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой - По электронной версии на сайте <http://www.crimean.org>.
  50. Косач Г.Г. Саудовская Аравия после 11 сентября 2001 года: внешняя политика в условиях антитеррористической кампании» // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
  51. Косидовский Зенон. Когда солнце было богом. - М.: Наука. 1991
  52. Л.П. Карсавин «Святые отцы и учителя Церкви» - М.: МГУ, 1994 г.
  53. Лосев А.Ф. История античной эстетики, 6 том - М.: «Фолио», «АСТ». 2000.
  54. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – М.: «Восточная литература», 2002 г.
  55. Максютин А. Жизнь и творения Оригена Александрийского // Ориген. О Началах - Самара: «РА», 1993 г.

56. Малышева Д.Б. Религиозный экстремизм на постсоветском востоке // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г., с. 208-227
57. Махдумзода Бахромхан. Генезис Несторианства. – <http://www.arba.ru/history/2/articles/2001335-1.html>
58. Мгои Ш.Х. Исламский экстремизм в Курдистане // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
59. Мережковский Д. С. Атлантида - Европа. Тайна Запада, М.: "Русская книга", 1992 г.
60. Минин П. Значение Оригена в истории древнецерковной мистики // Ориген. О Началах - Самара: «РА», 1993 г.
61. Михаэль Лайтман. Каббала. Основные положения - М., 2001 г.
62. Морозова М.Ю. Некоторые основные черты аграрного капитализма в Пакистане // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г.
63. Мудрость суфиев / пер. с персидс. О.М. Ястребовой, Ю.А. Иоаннесяна, БМ. Бабаджанова. - СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001 г.
64. Мухаммед/Сост. В.В. Юрчук, Минск: "Современное слово", 2004 г.
65. Никольский Н.М. История русской Церкви. - М., ООО "Издательство АСТ", 2004 г.
66. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов, сб. ст. - М.: Политиздат, 1990 г.
67. Ориген. О Началах. - Самара, из-во «Ра», 1993 г.
68. Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда, М.: Политиздат, 1990 г.
69. Папюс. Каббала. - М., «Рипол Классик», 2002 г.
70. Пиотровский М.Б. Коранические сказания. - М.: "Наука", 1991.
71. Писания мужей апостольских, Рига, Латвийское Библейское Общество, 1994 г.
72. Платон, собр. соч. в 4-х тт, М., РАН, из-во «Мысль», 1993 г.
73. Плешов О.В. Традиционное общество и политическая культура в исламской республике Пакистан // Ислам на современном Востоке. Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г., с. 153-165)
74. Плотин. Сочинения. - СПб: "Алетейя", 1995 г.

75. Полканов Ю. Вероисповедание караимское // «Наука и религия», № 9, 1993 г.
76. Послания Любавичского ребе. Уроки Торы//Лехаим, 2001 г., №6
77. Православие: Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной, Русской и Западной Церквей / авт. Предисловия и комментарий А.В. Булгаков. - М.: Современник, 1994. - 575 с.
78. Протоиерей Александр Мень. Православное богослужение. Таинство и образ. - М.: СП "Слово", 1991
79. Пятикнижие и Гафтарот. С классическим комментарием «Сончино. Книга Брейшит». - М., «Гешарим», 1994 г.
80. Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте и новые формы деятельности экстремистских международных группировок суннитского толка // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г., с. 274-283
81. Рак И.В. Мифы Древнего Египта. - СПб: Петро-РИФ, 1993 г.
82. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. - М., Издательство политической литературы, 1990
83. Рахман Х.У. Краткая история ислама - М.: "Умма", 2003 г.
84. Рид Дуглас. Спор о Сионе. - Киев: Оріяни, 1999 г.
85. Рывкина Р. Евреи в постсоветской России – кто они. М.
86. Салин Ю.С. Религия для атеиста. - Комсомольск-на-Амуре: изво Комсом.н/А гос. пед. ун-та, 2004 г.
87. Сардар З., Малик З.А. Мухаммед. - Ростов-на-Дону: "Феникс", 1997. - 176 с.
88. Сусликовы М. и Ю. Самаритяне – потомки Моисея // Наука и религия, № 10, 2001 г.
89. Свенцицкая И. С. Апокрифические Евангелия, М., «Присцельс», 1996 г.
90. Свенцицкая И. С. Ранее христианство: страницы истории. – По электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru> (Свенцицкая И. С. От общины к церкви).
91. Сады праведных. Сборник хадисов. – По электронной версии на сайте <http://www.crimean.org>.
92. Соловьев В. Магомет. Его жизнь и религиозное учение // Библиотека Флорентия Павленкова. - Челябинск: "Урал", 1995 г.

93. Спиноза Б. Богословско-политический трактат, Минск, «Литература», 1998 г.
94. Столяров А. Сумерки богов // Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада: пер. с англ. А. Башкирова. - М.: издательство АСТ, 2004 г.
95. Таня ал-Харири-Вендель. Символы ислама. - М.-СПб: Диля, 2005 г.
96. Упанишады, в 3-х книгах, АН СССР, Институт Востоковедения, пер. А.Я. Сыркина, НИЦ «Ладомир», 1991 г.
97. Устав общины. – По электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru>
98. Филипп Ш. Берг. Введение в Каббалу, Ростов-на-Дону, «Феникс», 1995 г.
99. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века, М., ПАИМС, 1992
100. Фадеева И.Л. Ислам в экономике, общественной и политической жизни // Ислам на современном Востоке. -. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004 г., с. 375-394.
101. Филон Александрийский. О сотворении мира» // цит. Иван Лупандин. Лекции по истории натурфилософии. По электронной версии на сайте <http://www.krotov.org/index.htm>.
102. Халиков А.Х. Кто мы - болгары или татары? - Казань: "Казань", 1992 г.
103. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования., 1994. // № 1
104. Хатами Мохаммад. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001 г.
105. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. - Новосибирск: ВО "Наука", Сибирская издательская фирма, 1993 г.
106. Хосроев А. Л. Из истории раннего христианства в Египте. - М.: из-во «Присцельс», 1997.
107. Хрестоматия по исламу, переводы с арабского, сост. С.М. Прозоров. - М.: «Наука», 1994
108. Шри Шанкарачарья. Разъяснения изречения. Путь к совершенному самопознанию. Пятеричность. - С-Пб, Общество Рамакришны, 1994 г.
109. Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса // по электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru>
110. Эрнест Ренан. Антихрист. - Ярославль: «Терра», 1991 г.

111. Эрнест Ренан. Евангелия. Второе поколение христианства. – Ярославль: «Терра», 1991 г.
112. Эрнест Ренан. Марк Аврелий и конец античного мира. - Ярославль: «Терра», 1991 г.
113. Эрнест Ренан. Христианская церковь. - Ярославль: «Терра», 1991 г.
114. Юстин (Иустин) Мученик. Первая Апология – По электронной версии на сайте <http://barnascha.narod.ru>

Приложение

Примерная схема соотношения Примордиальной Традиции (Первоначальной религии Арийской расы), ее ответвлений (Восток) и искажений (Запад)

